

РАБУНДРАНА ТАГОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией Евг. Быковой,
А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

СТИХИ

ПЬЕСЫ

Перевод с бенгальского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Редакторы переводов:
Евг. Быкова и С. Шервинский

Комментарии
Евг. Быковой

Оформление художника
Н. Крылова

СТИХИ

1899—1914

Из книги
«КРУПИНКИ»
(«Коника»)

1899

КАЖДОМУ СВОЕ

Тыква собою гордится. Ей слава небесная снится.
Подпорка ее не воздушная ли колесница?
Солнцу тыква сродни. Ей земля сырая постыла.
То ли дело небесный простор, то ли дело светила!
На небо глянет она и вздыхает с тоскою.
Ей бы гулять в небесах с луной, как со старшей сестрою.
Стебель тыкву связал с этой грудю дольного праха.
Вот бы стебель отрезать! Не зная заботы и страха,
В межпланетные дали она бы, свободная, взмыла.
Тыкве земля не мила. Небо, вечное небо, ей мило.
Перерезали стебель, и правда неправду затмила.
Тыкве, рожденной землей, не нужны никакие светила.

СУЖДЕНИЕ ЧЕРВЯ

В «Махабхарату» как-то червю заползти довелось,
Книгу прогрыз он от корки до корки, насквозь.
Заприметил его многомудрый пандит,
Хлопнул он по лбу себя и в сердцах говорит:
«Чем ты брюхо свое наполняешь, презренный?
Или пищи другой не нашлось во вселенной?»
Червяк отвечал: «Мне волнение твое непонятно.
Книга как книга, бумага да черные пятна.
А перед непостижимым не стану я благоговеть.
В прах обращать его буду я нынче и впредь».

МУКИ ЗАВИСТИ

Собака на зеркало зла. В нем собака другая видна.
Так, значит, хвостом в этом доме виляет она не одна?
Хозяина в полдень слуга обмахивает опахалом.
Собака считает слугу неотесанным грязным нахалом.
Деревья качаются, плещет морская волна,
В ярости лает собака, не зная покоя и сна:
Сонмы светил неспроста по вселенной несутся во мраке,
Вдруг на колени к хозяину прыгнут они, как собаки.
Если б, ни с кем не делаясь, пировать под хозяйским столом!
Если б, весь мир затмевая, вилять беспрестанно хвостом!

СПОР О ВЛАСТИ

Деревья затеяли спор: кто в лесу властелин?
Дыханье полудня зеленых коснулось вершин.
Бокул гордо сказал: «Я царствую здесь, без сомненья.
Силою благоуханья свои покорил я владенья».
Полаш сказал: «Я над лесом от века царю.
Пламенем ярким цветов затмеваю зарю».
Роза, вспыхнув, сказала: «В красе моей — нежность и сила.
Своей красотой, ароматом своим я леса покорила».
Кочу сказал: «Сыт не будешь одной красотой.
Держава моя — там, где корни сплетаются в почве сырой».
В почве владения кочу. Он хвастать не станет напрасно.
Стало быть, он-то и правит лесами, как царь полновластный.

ЖЕЛАНИЕ ХУЛИТЕЛЯ

Гирлянду сплетая, людская рука
Дважды пронзает иглою стебель цветка.
«Высокочитимый жасмин, — восклицает игла, —
Сам ты видишь, как участь моя тяжела.
Мне миллионы цветов суждено проколоть.
День за днем я вонзаюсь в их благоуханную плоть.
Пусть полезен мой труд. Что за радость мне в том?
Только болит голова. О судьба! Стать я жажду цветком!»
Отвечает жасмин: «Ох! Давно бы пора!
Если ты станешь цветком, не придется страдать мне,
сестра».

ЦЕНИТЕЛЬ

«Я — мотылек. Мои крылышки словно цветы.
Я красив. А поэты не видят моей красоты.
Шмель! Ты мотыльков легкокрылых затмил.
О почему ты поэтам от века так мил?»
Шмель отвечает: «И впрямь, твои крылышки словно цветы.
Но ты не способен воспеть обаянье чужой красоты.
О цветах я пою, пью дыханье цветов, как вино.
Сердце поэта и душу цветка похищать мне дано».

ЩЕДРЫЙ ДАРИТЕЛЬ

Ливни прошли и поля напоили живою водой,
Опустошенная туча плывет в пустоте голубой.
Озеро влагой прохладною ливней полно.
Тучу приметив, кричит ей со смехом оно:
«Эй, бесприютная странница! Ясен и чист небосвод.
Богатство свое расточив, и сама ты растаешь вот-вот.
А я не расстанусь вовеки с моею водой,
И потому первозданно глубок мой покой».
Молвила туча в ответ: «Не гордись понапрасну собой,
Мне лишь одной подобает гордиться твоей глубиной».

П Р А В Д И В Ы Й

Цветы распустились. Весна поселилась в лесу.
Без умолку славит кукушка ее молодую красу.
Каркает ворон: «Вот тоже нашла себе дело!
День и ночь все бы льстивые гимны слагала да пела».
Смотрит кукушка насмешливо по сторонам:
«Кто ты, высокочтимый? Откуда явился ты к нам?»
Хриплый голос прокаркал: «Я ворон — правдивая птица».
Кукушка сказала: «Ты вправе собою гордиться.
Ворон достоин хвалы за свою прямоту,
А я воспеваю без устали истину и красоту».

ЗАРАБОТОК И ПОДАЧКА

«О земля! Почему ты такая скупая?
Ради засушного хлеба тружусь я, покоя не зная.
Сколько трудов! Сколько горестей! Сколько хлопот!
Понять не могу я, на что тебе горький мой пот?
Вот если бы даром кормила ты всех до отвала!»
Земля прошептала с улыбкою: «Толку в том было бы мало.
Вряд ли слава моя будет больше, чем есть,
А сам ты утратил тогда бы и славу и честь».

НЕЗЛОБИЕ ВЕЛИКОГО

Нарада как-то сказал: «О земля всеблагая!
Люди лишились рассудка, тебя непотребно ругая.
Грязной тебя называют, исполнены гордости ложной,
Тленною перстью зовут, перегноем и пылью ничтожной.
Ты ни питья, ни еды не давай болтунам сумасбродным.
Пусть познают величье твое, изнуренные годом голодным».
Отвечала земля: «Наносить им не стоит удара.
Несправедлива такая жестокая кара.
Нет от упреков урона. Мне ругань людская не внове.
А дети безумные гибнут, когда мои хмурятся брови».

СУЖДЕНИЕ НЕВЕЖДЫ

У водоема бродил длинноухий осел.

«Ох, и грязна ты, вода!» — он воскликнул в сердцах и ушел.

Прошептала вода: «Пусть я слишком грязна для осла.

Мудрец говорит, что вода и чиста и светла».

КОРЫСТНЫЙ РОДИЧ

Полной мошне говорила пустая сума:
«Я ведь сестра тебе. Знаешь ты это сама».
Отвечает мошна: «Коль моим завладеешь добром,
Вряд ли сestroю меня назовешь ты потом».

В Е Р О Л О М Н Ы Й

Землю ругает червяк: «Ты грязна, ты черна».
Поэт говорит ему в гневе: «Тебя же вскормила она!
Право, червяк, твой напрасен укор.
Землю чернишь ты себе на позор».

ПРЕДАННОСТЬ И ЛЕСТЬ

Преданность по миру ходит, ликуя, с пустыми руками.
Лесть вопрошает: «Какими ты можешь похвастать дарами?»
Воскликнула Преданность: «В сердце даров драгоценных
не счесть!»
«Я в руки дары получаю», — сказала с улыбкою Лесть.

ЖЕЛАНИЕ

«Чем стать ты хотело бы, манго? Поведай свои нам
желанья!»

«Сахарным стать тростником — вот предел сокровенный
мечтанья».

«Сахарный сладкий тростник! Чем ты стать бы хотел?»

«Стать манго душистым — заветных мечтаний предел».

СПЕСИВЫЙ ЛЕНТЯЙ

«Эх, неуклюжие ноги», — бормочет сердито
Пучок одинокий волос, примостившись на маковке бритой.
«О непогрешимый! — сказали насмешливо ноги.—
Тот, кто шагает вперед, спотыкнется не раз по дороге».

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

«До чего ж неловка ты, — сказала дубине стрела, —
Не летаешь, не гнешься — для этого ты тяжела.
Давай состязаться! На миг свою спесь позабуди!
Чем проламывать голову, лучше пронзи-ка ты грудь!»

ДОСТОЙНЫЙ ПОКЛОНЕНИЯ

Пред колесницей священной народу склоняется много.
Божествами считают себя колесница и даже дорога.
Идол думает: «Это почтили меня поклоненьем».
А всеведущий только смеется над их ослепленьем.

СПЕСЬ НИЧТОЖНОГО

Полноводному пруду сказала тростинка:
«Помни, что миру подарена мною росинка».

ЗНАКОМСТВО

Милосердие молвило: «Кто же ты, гостя немая?»
«Я — Благодарность», — ответили очи, в слезах утопая.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ

Эхо звук искажает, — в том ухо людское порука, —
Но только затем, чтоб в долгу не остаться у звука.

НАПРАСНЫЕ СТАРАНИЯ

Властен ли сделать ничтожным великое тот человек,
Что сам за величиюм тщетно гонялся весь век?

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВХОД

Мы заблуждений страшимся, мы заперли накрепко дверь.
А Истина молвила: «Как же войти мне теперь?»

РАЗЛИЧИЕ

Сказала Любезность: «Я всем помогаю, но где же награда?»
А Состраданье в ответ: «Мне награды не надо».

ОСТОРОЖНОСТЬ

Лучшие с худшими ходят нередко дорогой одной,
А кто не хорош и не плох, осторожно бредет стороной.

ВРАГ СОЛНЦА

Сова говорила: «Не стоит и хвастать впустую.
Всем ведь известно, что я с этим солнцем враждую».

ВЕЧНОЕ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

Царь говорит: «Справедливость создать мне дано».
А Справедливость в ответ: «Я вселенной открылась давно.
И потому остаюсь я сегодня такой же, как встарь.
Несправедливы законы твои, государь».

ЗЕМНОЙ РАЙ

Правый берег реки говорит, предаваясь мечтам:
«Счастье — на том берегу. Все надежды сбываются там».
Левый берег реки опускается, тяжело вздыхая:
«Счастье — на том берегу. Там блаженство и радости рая».

С В О Б О Д А

Стрела говорит: «Я лечу по вселенной.
Связан тугой тетивой лук, товарищ мой пленный».
Лук отвечает: «Когда бы не плен мой, стрела,
Ты была бы рабой и летать не могла».

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Цветок открывает глаза и видит всю землю в цвету.
Постигает он красок и звуков земных красоту,
И восклицает он, светлым восторгом томим:
«О земля! Да сравняется век твой с моим!»

ХВАЛА И ХУЛА

Хвала и хула у Таланта спросили смиренно:
«С которой из нас, господин, ты хотел
бы дружить неизменно?»
Талант отвечал: «Тут расспросы напрасны.
Вы обе нужны мне, и обе опасны».

СКРЫТАЯ ПРИЧИНА

Бутоны в лесу раскрывает кудесница-ночь
А после дорогой незримой уносится прочь.
Цветы говорят: «Мы рождаемся в утреннем свете».
Отвечает им утро болливое: «Правильно, дети».

ЛЮБОВЬ И АСКЕТИЗМ

Любовь говорит Аскетизму: «Людей ты смущаешь напрасно».

Аскетизм восклицает: «Любовь, ты — лишь призрак прекрасный!»

Путем отречения хочу я к свободе пойти!»

Улыбнулась Любовь: «Значит, наши сошлись бы пути?»

РАБОТА И ОТДЫХ

Отдых с работою слиты от века,
Неразделимы, как око и веко.

ЖИЗНЬ

Нога при ходьбе то поднимется вверх, то к земле припадет.
В смене смертей и рождений так жизнь по вселенной шагает
вперед.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Конец говорит: «Все кончается, это же ясно.
Значит, Начало гордится собою напрасно».
«Ошибаешься, братец, — Начало ему отвечало, —
Вслед за концом неизменно приходит начало».

ВЕЧНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

День уходящий целую, Ночь прошептала ему:
«Сын мой, не бойся, я смерть. Возвращайся во тьму.
Мной ты рожден. Отдыхай же во мраке беспечно.
Ты, снова и снова рождаясь на свет, обновляешься вечно».

Из книги
«ПРЕДАНИЯ»
(«Котха»).

1900

Д О В Е Р Е Н Н Ы Й

Однажды утром в крепости Сетара
Увидел Шиваджи, глазам не веря:
Бредет с сумою Рамдас-гуру старый,
Стоит, как нищий, перед каждой дверью!

Его духовный вождь, мудрец великий,
Чье всем известно благосостоянье,
Ниц пред которым падают владыки,
Стал побираться, просит подаянья!

В кувшин дырявый воду набирая,
Мы утоленья жажды тщетно ищем.
А сколько дать, чтобы полна до края
Была сума на этом странном нищем?..

Взял Шиваджи перо и быстро нечто
Черкнул, сказав слуге: «Смотри, он близко,—
Здесь Рамдаса обязан подстеречь ты
И положить к его стопам записку...»

Шел Рамдас-гуру, думал: «Пешеходы
Идут, спешат, людей проезжих много.
Судьба дала им радость, мне — невзгоды,
Им дом родной, мне — вечная дорога!

О Аннапурна, наша мать-богиня,
Ты бремя с плеч моих сняла мирское,
Мир осенила счастьем ты, и ныне
Я удостоен быть твоим слугою!»

Закончив гимн, свершил он омовенье,
И чуть вступил он в крепость, кто-то низко
Склонился перед ним в благоговенье
И положил к его стопам записку.

С земли записку Рамдас-гуру поднял,
Прочел — и растерялся: сон ли снится?!
Ему, лотосоликому, сегодня
Раджа вверяет царство и столицу!..

К радже пришел он: «Сын мой, благодарствуй!
Но любопытство мною овладело:
Ответь: свое мне отдавая царство,
Какое в жизни изберешь ты дело?»

Сказал с поклоном Шиваджи: «Отныне
Мне быть рабом твоим — нет высшей чести!»
И слышит он в ответ: «Смирив гордыню,
Со мною можешь нищенствовать вместе...»

Сбирая подаянья, по столице
Шли двое нищих. Дети их пугались:
«Царь нищим стал! О боже, что творится!»
И взрослые на крик детей сбегались.

Кто б мог подумать о такой причуде:
Сменить престол на нищенскую долю!
Дрожа, подносят милостыню люди —
И шепчут: «Прихоть от богатства, что ли?!»

Пробило полдень. Прерваны работы —
И отдыха вкушают люди сладость.
А Рамдас-гуру напевает что-то,
Глаза в слезах, но это плачет радость:

«О царь трех царств, непостижимый боже!
Нужды ни в чем не ведал никогда ты,
Но сам в душе о милостыне тоже
Мечтаешь ты, чтоб стали все богаты!..»

К исходу дня на бережок безлюдный
Они пришли, от города поодаль.
Из подаяний съев кусочек скудный,
Ученику остатки Рамдас отдал.

Раджа промолвил: «О мудрец-бродяга,
Владыки спесь побеждена тобою.
Твой раб созрел: познав смиренья благо,
С тобой не страшно горе мне любое!»

Ответил гуру: «Слушай, сын мой, слово:
Тягчайшее взял бремя ты, конечно,
Власть от меня принять ты должен снова,
Но царством будешь править подопечно.

Так, видимо, твоя судьба хотела,
Чтоб нищий руководствовал тобою:
Что ни свершишь — мое свершишь ты дело,
Ты царь без царства, взысканный судьбою.

Вот, милый сын мой, договор меж нами:
Отшельничества долю избираю.
Священный плащ дарю тебе как знамя
И царство справедливости вверяю...»

Поник главой царь-ученик, — и долго
Лоб тучи горьких мыслей омрачали.
Прошли стада, пастушья флейта смолкла.
Садилось солнце, обагрив дали.

А Рамдас-гуру, песню сочиняя,
В экстазе пел: «О ты, незримый миру,
Кто ты и где скрываешься, не знаю.
Кто ты, что облачил меня в порфиру?»

Сандалии принес я, о владыка,
К твоим стопам я припадаю: славься!
Стемнело. Встань, о брат прекрасноликый,
Не медля в город царствовать отправься!»

СВИДАНИЕ

Однажды, в час ночной,
Заснул монах и странник Упогупто
Под крепостной стеной.
Светильники погасли городские,
Везде жилища заперты людские,
Нависли тучи осени густые,
Звезды не видно ни одной.

Ножных запястий звон
Внезапно слуха чуткого коснулся.
Умчался краткий сон,
И, вздрогнув, странник молодой проснулся.
Но в чьих руках светильник покачнулся?
Но чьи глаза увидел он?

То, юностью пьяна,
Блудница на свиданье торопилась,
Нарядна и стройна.
Отшельника заметив, удивилась,
Браслетами звеня, остановилась
Там, где вздымается стена.

Был странник молодой,—
Увидела она,— красив безгрешной
И тихой красотой.
Явил светильник ей во тьме кромешной
Его глаза с их кротостью утешной,
Светящиеся добротой.

Охвачена стыдом,
Сказала нежным голосом: «Прохожий,
Прошу тебя, пойдем.
Земля тверда, здесь для тебя не ложе,
Прости меня, о юноша пригожий,
Вступи со мною вместе в дом».

Ответил: «Будь добра,
Иди своим путем, красой сверкая,
А для меня, сестра,
Еще не пробила пора такая.
Но я с тобою встречу, дорогая,
Когда придет моя пора».

Разверзла буря вдруг
Большую пасть, и молния высоко
Взметнула сотни рук,
Безумный гром захохотал жестоко,
Зарокотала раковина рока,
Внушая женщине испуг...

Так месяцы прошли
И дни весны, сияя, возвратились
В предел родной земли.
Благоухая, сумерки сгустились,
Цветы в садах душистых распустились,
Деревья в рощах расцвели.

Не флейта ли слышна?
Доносит ветер дальних струн дрожанье.
Весна, опять весна,
На празднике цветов — все горожане,
И в городе безлюдно, и заране
Ликует полная луна.

Облит луной, идет
Путем пустынным странник одинокий.
Настал ее черед, —
Кукушка вновь твердит свои уроки.
Ужель свиданья наступили сроки?
Куда спешит он, пешеход?

Он в город не вступил.
У края рва, за городской стеною,
Шаги поторопил.
Но что за женщина порой ночью
Под манговой листвою смоляною
У края рва лежит без сил?

Болезнь ее страшна,
В ужасных струпьях и нарывах тело.
Из дома изгнана
Согражданами, чтобы не посмела
Их заразить,— больная почернела,
У края рва лежит одна.

Но странник молодой
Присел к отверженной, что так страдала,
К недвижимой и худой.
Молитву прочитал над ней сначала,
И смазал тело мазью из сандала,
И напоил ее водой.

Блестит лунный круг,
И ночь пьяна, пьяна от ожидания...
Спросила: «Кто ты, друг?»
А он: «Теперь пришла пора свиданья,
К тебе явился я без опозданья,
Чтобы спасти тебя от мук».

ВОЗМЕЗДИЕ

«Похитили казну. Поймай, начальник, вора,
Не то сурового дождешься приговора:
Тебя казнят». Таков владыки был приказ.
Начальник стражи в путь отправился тотчас.
Весь край обыскивал его отряд упрямо,
А Боджошен лежал среди развалин храма:
Купец-таксилец, он пустился в Бенарес,
Чтобы продать коня. Ему наперерез —
Разбойники. Они забрали все пожитки.
И вот, в отчаянье, обобранный до нитки,
Он двинулся домой, был схвачен, и в пыли
Несчастливого в тюрьму, как вора, повели
В оковах и цепях.

Без цели и без дела

В то время у окна красавица сидела,
Смотрела на толпу, на уличный поток.
Вдруг Шама вздрогнула. «Чей жребий так жесток? —
Воскликнула она. — Создатель, что же это!
Исполнен взгляд его божественного света,
Так почему же он закован, как злодей,
И схвачен, точно вор? Служанка, поскорей
Беги к начальнику и от меня тотчас же
Ты слово передай главе суровой стражи:
Мол, Шама ждет тебя. Будь милостив, пойдем,
Совместно с узником в ее пожалуй дом».

А имя Шамы всех влекло с волшебной силой.
Начальник стражников, приказ услышав милый,
Затрепетал, вошел к прекрасной Шаме в дом,
С ним вместе — Боджрошен, охваченный стыдом,
С поникшей головой... Сказал начальник стражи:
«Не вовремя меня, что недостойн даже
Стоять перед тобой, к себе ты позвала:
Царем поручены мне важные дела».

Воскликнул Боджрошен, тоскуя и пылая:
«Что это у тебя — забава, блажь пустая, —
С дороги приводить плененных без вины
Несчастливых путников из дальней стороны
И оскорблять!» Она — в ответ: «Не блажь пустая —
Мое сочувствие, о сын чужого края!
Все украшения охотно я сниму,
В цепях, взамен тебя, отправлюсь я в тюрьму,
Твою обиду, боль я разделю с тобою:
Ведь сделалась беда твоя — моей бедою!»
Ее участливый и увлажненный взор
Смыл с тела узника обиду и позор.
Сказала стражнику: «Твою украшу долю.
Ты все мое добро возьми, но честь и волю
Невинному верни». А тот: «На этот раз
Услышишь от меня, красавица, отказ.
Ограблена казна, и убежал грабитель.
Пока мы не казним кого-нибудь, властитель
Не успокоится». — «Есть просьба у меня, —
Взмолилась к стражнику. — Прошу: лишь на два дня
Ты жизнь его продли, — ведь узник не опасен».
И стражник страждущей ответил: «Я согласен».

Пришла вторая ночь. Тюрьму объяла мгла.
В темницу женщина с светильником вошла.
Молился Боджрошен беззвучно. Чист и молод,
Уже он чувствовал последний смертный холод
Зари... Вдруг сделала она глазами знак.
В темницу к узнику вступил тюремщик-враг
И цепи снял с него. И узник потрясенный
Увидел доброе, как лотос благовоный,
Ее прекрасное лицо. Промолвил он:

«Минула эта ночь, как тяжкий, страшный сон.—
И вижу я тебя, отградную денницу.
О кто ты, что вошла к несчастному в темницу?
Возникла ты, как жизнь у смертного одра,
Среди жестокости,— как Лакшми, ты добра!»

«Так, значит, я добра?» Казалось, что темница
От хохота ее в руины превратится.
И этот смех пугал, и, как безумье, рос,
И на сто ручейков горячих, горьких слез
Рассыпался. Она с рыданием сказала:
«Все камни в городе ты сосчитай сначала,
Потом со мной сравни: я тверже всех камней!»
И за руку его взяла, и вместе с ней
Покинул Боджрошен тюрьму. А на востоке
Уже зажглась заря, и лес шумел высокий,
И лодка и причал виднелись впереди.
И в лодку прыгнула красавица: «Иди,
О чужеземец мой, иди, мой долгожданный,
Запомни, что теперь скажу тебе, желанный:
Я цепи сбросила, и мы с тобой вдвоем
В одной, в одной ладье отныне поплывем,
Владыка дней моих!» И лодку отвязала.
А утро празднично звенело и плясало,
И лес прибрежный пел. Стал Боджрошен смелей,
Погладил голову красавицы своей,
Спросил любимую: «Скажи мне, сколько денег
Ты отдала, чтоб я на волю вышел,— пленник?
Обрел я столько мук в скитальческой судьбе,
Что я обязан знать, каков мой долг тебе».
Но крепче обняла подруга Боджрошена.
«Об этом не сейчас»,— ответила смятенно.

А лодка по реке бежит вперед, вперед,
И солнце посреди небес плывет, плывет,
Неизмеримое. Уже в свое селенье
Вернулись женщины, закончив омовенье.
Кувшины их полны, и влажен их загар.
Уже и утренний закончился базар,
И оба берега замолкли, и дороги
Безлюдны, и в тени смоковниц — спуск отлогий.

Здесь лодочник решил поесть и отдохнуть
И лодку привязал. Боясь его спугнуть,
В листе смоковницы гнездо затихло птичье,
И лишь цикад звенит, звенит многоязычье.
Вот запахом хлебов повеял ветерок,
И покрывало он с ее лица совлек,
И Боджрошен взглянул горящими очами,
И мучась от любви, и задыхаясь, Шаме
Шепнул он на ухо: «Тоску мою развей!
Освободив меня от временных цепей,
Оковы вечные ты на меня надела!
Скажи, как трудное ты выполнила дело?
Хочу я должное воздать твоим трудам.
Я щедро расплачусь: я жизнь тебе отдам!»
Но снова на лицо надвинув покрывало,
«Об этом не сейчас», — красавица сказала.

Когда в безмолвии, среди листвы густой,
Свернула лодка дня свой парус золотой, —
К причалу вечера, к прохладе трав зеленых
Направил ветерок и лодку двух влюбленных.
Грустна, как сирота, чуть-чуть видна луна.
На воду тихую упала пелена
Сиянья слабого, и, как струна, от звона
Цикад, что никогда не знают угомона,
Трепещет темнота. Светильник погасив,
На лодке, на реке, чей берег так красив,
К плечу любимого красавица прижалась.
Волна ее волос душистых разбежалась,
Опутав милого той сетью колдовской,
Что тяжела, как сеть забвенья... «Дорогой, —
Чуть слышным голосом проговорила Шама, —
Ты хочешь, чтоб тебе ответила я прямо?
Как вырвала тебя на волю из цепей?
О, тяжек был мой труд, но мне еще трудней
Рассказывать о нем. Отвечу покороче,
Но сразу вычеркни, во имя этой ночи,
Из сердца мой рассказ... Забыв покой и сон,
Был юный Уттийо давно в меня влюблен,
Но без взаимности. И он явился к страже, —
Как попросила я, — признался ложно в краже

И умер за тебя. Я совершила грех,
Но я горжусь, а ты, который лучше всех,
Поймешь: я для тебя свершила грех ужасный!»

Погасла узкая луна. И лес безгласный,
Венчанный птичьих гвезд блаженной тишиной,
Застыл. И медленно, скользя во тьме ночной,
Упали две руки с пленительного стана,
Объятье разомкнув. Так пауза неожиданно
Ломает строй стиха. Казался Боджрошен
Бездушной статуей. И у его колен
Поникла девушка, что стала нежеланной,
Как бы отвергнутой, оборванной лианой.
Плыла над Шамой ночь. Окутанная мглой,
Чернильно-черная река слилась с землей.

Вдруг Шама обвила возлюбленного ноги,
Заплакала в тоске, в отчаянье, в тревоге,
Бесслезно: «Господин, прости меня, прости!
Я совершила грех, чтобы тебя спасти.
Пусть покарает бог меня за прегрешенье,
Но ты, владыка мой, мне подари прощенье!»
Он отодвинулся, как от истока зла,
От женщины. Вскричал: «Чтоб ты меня спасла,
Просил ли я тебя? Меня ты погубила,
Когда ценой греха ты жизнь мою купила.
Будь проклята навек, презренная жена!
Будь проклята и жизнь, что мне тобой дана!
Будь проклята и ты, моя дорога злая!»

Сказав, он быстро встал, куда идти не зная,
И с лодки на берег сошел. В лесу темно.
Под тяжестью шагов, засохшие давно,
Шуршат листья и страх внушают чуткой чаще.
Деревья и кусты, наполнив лес молчалий,
Простерли тысячи изогнутых ветвей,
Как бы невиданных чудовищ и зверей
Обличия приняв,— и душу их, и тело.
Недвижна тишина, и тьма оцепенела.
Благоухает лес, лианами одет,
Но руки поднял он,— суровый, как запрет.

На землю Боджрошен присел. Тяжка усталость!
Но что это за тень в испуге заметалась?
То Шама следует за ним путем лесным.
Пусть ноги у нее в крови, но вместе с ним
Ей нужно быть! А он сжал кулаки: «Докуда
Тащиться будешь ты за мной? Ступай отсюда!»
Тогда стремительно, как быстрая волна
Во время паводка, любимого она
Объяла косами, одеждami своими,
И поцелуями, и ласками живыми;
Твердила, чуть дыша, твердила, как в бреду:
«Отсюда не уйду! Отсюда не уйду!
Из-за тебя — мой грех. Убей меня: обрадуй
Меня ты карою, как высшею наградой,
Меня, виновную, втопчи в безмолвный прах!»
Ночной, беззвездный лес какой-то странный страх
Вдруг ощутил. В земле, заранее покорны
Возмездию, дерев затрепетали корни.
И чей-то жалобный все повторялся крик
И замер, сдавленный, и в следующий миг
Здесь кто-то, сделавшись бесплотным сновиденьем,
Упал безжизненным, бесчувственным паденьем.

Как только Боджрошен покинул темный лес,
Внезапно озарил свет утренних небес
На берегу реки трезубцы храмов чудных.
Провел он целый день у Ганги, среди безлюдных
Полей. Он долго шел, блуждая, как больной,
Как обезумевший. Полудня жаркий зной
Горячей плеткою хлестал его жестоко.
Крестьянок, по воду пришедших издалека,
Бедняк разжалобил: «Ты должен отдохнуть,
Зайди к нам в дом». Но он молчал. Пылала грудь
От жажды, и хотя он рядом шел с рекою,
Ни капельки воды не зачерпнул рукою.

Кончался день. Взошла вечерняя заря.
Он лодку увидал, волнуясь и горя.
Как бабочка к огню, сдержатъ не в силах дрожи,
Он устремился к ней. Вот перед ним на ложе
Лежит ножной браслет. Он к сердцу сотни раз
Стал прижимать браслет, чей звон его потряс.

Казалось, что браслет, как сотни стрел сверкая,
Вонзался в грудь... А вот одежда голубая.
Он смял ее в комок, он к ней лицом прильнул
И, очарованный, закрыв глаза, вдохнул,
Вобрал в себя ее дыханье, запах тела
Прекрасного. В душе желанье пламенело.
За семилистником, за трепетной листвою,
Сокрылся лик луны — молоденькой, живой,
Печальной... Боджрошен простер в унынье руки,
Стал звать ее: «Приди! Я не хочу разлуки!
Приди, любимая!» И там, где лес погас,
На берегу крутом явилось в поздний час
Виденье легкое, какой-то призрак странный.
«Любимая, приди!» — «Пришла, пришла, желанный!»
И Шама падает к его ногам: «Прости!
Жестокосердая, чтобы тебя спасти,
Я душу отдала!» Но лишь одно мгновенье
Он на нее смотрел, смотрел в самозабвенье,
К любимой лишь на миг он руки протянул,
Но вздрогнул Боджрошен, и Шаму оттолкнул,
И закричал: «Зачем пришла? Зачем пришла ты?»
Браслет отбросил он, смятением объятый,
Он платье стал топтать,— был голубым наряд,
Как угли, что в печи и тлеют и горят.
Под ним — как бы костер, и жжет подошвы пламя!
Тогда, закрыв глаза, дрожащими устами
Сказал он: «Уходи. Оставь, оставь меня!»
Она потупилась, молчание храня,
Помедлила, затем к ногам его склонилась,
Затем почтительно с возлюбленным простилась,
И на берег сошла, и, тихо по земле
Ступая, в лес пошла, растаяла во мгле.
Так исчезает вдруг, при нашем пробужденье,
В глубокой тьме ночной волшебное виденье.

НЕБОЛЬШАЯ ПОТЕРЯ

Холодный ветер, зимняя пора.
Прозрачная река струится.
Приют безлюдный, с тишиною слитый,
Где спуск к реке, деревьями сокрытый.
Сюда пришла в сопровожденье свиты
Коруна, славная царица.

Царь повелел закрыть пути к реке,—
Вот почему кругом безлюдно.
Ушли крестьяне из окрестных хижин,
Задумчив берег, тих и неподвижен,
И только лес, приказом не обижен,
Поет произительно и чудно.

Холодный ветер на берег спешит:
Сегодня, видно, он в ударе.
Вся в золоте вода,— и в самом деле,
Сверкают сотни тысяч ожерелий,
Обрадовавшись, волны зашумели —
Танцовщицы в нарядных сари.

Но шум воды сегодня посрамлен
Девическими голосами.
Как лотосы, нежны красавиц руки,
От них истома у речной излучки,
А шуточки, речи, смех и песен звуки
Как бы владеют небесами.

Купальщицы на берег поднялись.

«Ох, мерзну! — вскрикнула царица, —
Я умираю! — обратилась к свите, —
Мне с холодом бороться помогите,
Скорей костер, служанки, разожгите,
Пусть ярко пламя разгорится!»

За хворостом пошли служанки в лес.

То спорят из-за ветки гибкой,
А то, в усердьё, словно спозаранок
Они сошли с ума, — из-за вязанок.
Окликнула владычица служанок
И слово молвила с улыбкой:

«Вам хижины видны ли вдалеке?
Красавицы, поджечь их надо!
Вы не мечтали о таком поджоге?
Но руки надо нам согреть и ноги!»
И звонко рассмеялась, без тревоги,
Своей веселой шутке рада.

«Царица! Что за шутка — жечь дома? —
Малоти добрая сказала. —
Известно ли тебе, кто их владелец?
Отшельник или бедный земледелец?
Монах, рожденный здесь, или пришелец?
Об этом ты узнай сначала!»

Царица — в гневе: «Уберите прочь
Прекраснодушную простушку!»
Служанки, безрассудны и беспечны,
Как в юности бывает, — бессердечны,
Исполнили приказ бесчеловечный
И подожгли всю деревушку.

Поднялся плотный, черный, жуткий дым.
Клубясь, он взвился над полями.
И вот, сверкая бешено и дико,
Как яростный, разгневанный владыка,
Свиреполик и многоязык,
Окрестность охватило пламя.

Казалось, хлынули из недр земных
Тысячепламенные змеи.
Они вздымались в красных капюшонах,
Для женщин, разрушеньем опьяненных,
Как бы звенела песнь в их диких столах, —
Всех песен громче и звучнее.

Замолкли птицы утренние вдруг,
Пугаясь огненного жала.
Закаркала в полях воронья стая,
Холодный вихрь взметнулся, вырастая,
И к хижине от хижины, блистая,
Мгновенно пламя побежало.

Слизнул селенье огненный язык.
Домов крестьянских не осталось.
Тогда царица, в одеянье красном
И с лотосом в руке — с цветком прекрасным,
Тропой безлюдной, зимним утром ясным
Ушла, почувствовав усталость.

А царь, осуществляя строгий суд,
В то время восседал в чертоге.
Явились бедняки в тоске и в горе
И, заикаясь, с трепетом во взоре,
Поведали о гибельном разоре,
Владыке поклонившись в ноги.

И царь, с багровым от стыда лицом,
В час непредвиденный, сурово
Направился к жене своей в покои.
Сказал: «Царица, что это такое?
Дотла селенье ты сожгла людское,
Ты бедняков лишила крова!»

Воскликнула царица, рассердясь:
«Тебя не понимаю, право!
Пять-шесть лачуг убогих подожгла я, —
Подумаешь, добро! Ужель такая
Тебя гневит потеря небольшая?
Ничтожен вред, — а мне забава!»

Ответил царь, стараясь гнев сдержать:

«Пока ты — госпожа, царица,
Ты не поймешь, как страждут наши слуги,
Как дороги крестьянам их лачуги.
Но я-то, я-то, зная их недуги,
Тебя заставлю расплатиться!»

Царь приказал, — прислужница вошла,

Сняла с царицы украшения —
Все, что на ней сверкало и блестело,
Стянула сари пурпурное с тела,
В лохмотья нищенки ее одела,
Познавшей горе и лишения.

Супругу вывел царь и молвил ей:

«Теперь ступай от двери к двери!
Ты забавлялась в царском одеянье,
Сожгла дома, свершила злодеянье, —
До той поры проси ты подаянья,
Пока не возместишь потери.

Ты через год вернешься во дворец,

Где соберутся знать и слуги.
Ты скажешь всем, царица молодая,
Что мы заслужим гнев родного края,
Что миру причиним ущерб, сжигая
Крестьян убогие лачуги!»

С У Д

Так начал брахман: «В дом ко мне,
В покой уединенный,
Ворвался вор к моей жене,
Нарушил он законы.
Его связал я. Как мне быть?
Как наказать его сурово?»
Подумал царь, сказал: «Убить!» —
Всего одно лишь слово.

Гонец примчался: «Тот злодей,
Из ревности убитый, —
Принадлежит к семье твоей,
Твой отпрыск родовитый.
Велел я брахмана схватить.
Как наказать его сурово?»
И царь сказал: «Освободить!» —
Всего одно лишь слово.

СУДЬЯ

Рагхунатх Рао, из рода пешв,
Окинул собравшихся взором,
И каждое слово его отозвалось вдали:
«Я овладею землею алчного Хайдар Али,
Слава владыки Майсора сникнет в пыли,
Имя его я покрою позором».

Возликовал священный город в ответ ему,
И двинулась рать большая,
Со всех городов далеких, со всех четырех сторон
Щедрой земли маратхской, упершейся в небосклон,
Войско неслось, как ливень в месяц дождей — срабон,
Подвиги предвкушая.

Знамена победы взметнулись в синие небеса,
И раковины зазвучали,
И женщины закричали, приветствуя смелых солдат.
А барабаны били дробно, тревожно набат,
Точно суля погибель, сея зловеший град,
Гибель врагам предвещали.

В чаще знамен дымилась скрытая пылью даль,
Солнце не видно глазу.
Глохнет небо от криков, и, навстречу войне,
Рагхунатх Рао несется на рыжем коне,
Словно от мантр неведомых, словно во сне —
Все затихает сразу.

Но отчего как вкопанный стал Рагхунатха конь?
Чье это появление смутило Рагхунатха?
И по какому знаку рвущийся в бой народ
Замер ошеломленный у славных львиных ворот?
Слушает напряженно, настороженно ждет
Вся столица маратхов.

Это брахман Рам Шастри, непогрешимый судья,
Остановил колонны.

«Разве тебе так дорог твой боевой успех, —
Руки к небу воздев, заговорил при всех, —
Что ты бросаешь город, не искупив свой грех,
Рао, не чтишь законы?»

Смолкли грозные крики воинов, рвущихся в бой,
Молча слушают Рама,
Но Рагхунатх ответил: «Ты на пути моем
Встал почему, учитель? Видишь, мы смерть несем,
Варваров уничтожим, точно небесный гром,
Бога Яму насытим».

Не уступил Рам Шастри: «Ты, Рагхунатх, убил
Сына родного брата!

Должен ты ждать, покуда не совершится суд,
Пленником правосудья должен остаться тут,
И по законам шастр грешнику воздадут —
Наши законы святы».

Отозвался насмешкой яростной Рагхунатх:

«Эй, уноси-ка ноги!
Мне ты мешать не смеешь, нет для владык преград!
Видишь, сверкают стрелы, грозно клинки горят?
Ты поучать затеял воина невпопад
Здесь, посреди дороги!»

Скорбно сказал Рам Шастри: «Что ж, поезжай, воюй,
Нет для тебя запрета.

Только и я уеду, больше я не судья,
В дальней моей деревне жизнь потечет моя,
Здесь, где нет правосудья, больше не нужен я!
Вот мой ответ на это!»

Раковины запели, вновь барабаны бьют,
Празднуя наступленье.
Жезл судейский оставил наш неподкупный Рам,
Бросил свое богатство, точно ненужный хлам.
В хижину возвратился брахман-бедняк к беднякам,
Жил он в уединенье.

Из книги
«БАЛЛАДЫ»
(«Кашини»),

1900

ГИБЕЛЬ ПЕСНИ

Встал и запел молодой Кашинатх,
вкрадчивым голосом зал наполняя.
Семь безупречных мелодий-тонов —
семиголосная певчая стая.
Звук — то, как острый, пронзающий меч,
в танце кружась, оглушит на мгновенье,
То, услаждая напевностью слух,
мягко меняет свое направленье;
Вот паутинку из трелей плетет,
рвет ее легким движеньем гортани...
С благоговеньем внимая певцу,
слушатели затаили дыханье.

Лишь Протап Рай, престарелый раджа,
внемлет певцу равнодушно и вяло.
Можно ль мелодии эти сравнить
с песнями друга его — Борджолала!

Много их с детства запомнил раджа
и привязался к певцу поневоле:
Песни о тучах в дождливые дни,
песни весеннего праздника Холи...
Песню «Агомони» пел Борджолал
осенью, в праздник веселый Биджойа.
Песни... От них трепетала душа,
Было волнение в них, счастье покоя.
Знал он напевы прошедших времен,
помнил немало пастушеских песен.

Слушать его приходили друзья,
вечно был зал переполнен и тесен.
Своды его оглашало не раз
свадебных пиршеств ночное веселье.
Слуг многочисленных красный наряд...
Сотни светильников ярко горели.
Вот он — жених со смущенным лицом,
весь в украшениях, в камнях драгоценных,
Тут же друзья награждают его
градом насмешек и шуток отменных.
Сев перед ним, Борджолал запевал
песню приличного случаю лада...
Все это вспомнилось ныне радже,
душу наполнили грусть и отрада.
Песнь Кашинатха не греет раджу,
отклика в сердце его не находит.
Как ни старайся певец молодой —
старое с нынешним дружбы не водит.

Песня пропета. Молчит Кашинатх,
зал благодарный застыл, ожидая.
Смотрит с надеждой на друга раджа,
взором, улыбкой его ободряя.
На ухо шепчет ему: «Борджолал,
это ль искусство великое пенья?
Спой, оstad-джи, настоящую песнь,
спой, покажи нам былое умение.
Трель Кашинатха — пустая игра,
будто охотится кошка за птицей.
Прежние песни забыты, увы,
спой же, не дай им навеки забыться!»

Старец поднялся, по залу прошел,
всем поклонился и сел посредине.
Яркий тюрбан на седой голове,
руки на старом лежат тамбурине.
Вот голова опустилась на грудь,
медленно-медленно веки смежились,
Звуки мелодии «имонколяя»
над головами людей заструились.
Птичкой, попавшею в бурю, дрожит
старческий голос певца Борджолала:
Сил не хватает, чтоб вырваться ввысь,
глохнет в просторах огромного зала.
«Громче! — раджа склонился к певцу, —
слава почтенному мастеру, слава!...»

В зале не слушают, нет тишины,
слышатся возгласы слева и справа.
Этот — зевает, тот — к двери идет,
третий — слугу посылает за паном.
«Жарко сегодня!» — «Эй, где мой табак?»
«Очень уж душно!» — «Домой не пора нам?»
Шумно... Теряется голос певца
утлой лодчонкою в бурной стремнине.
Видно, как пальцы дрожат старика
на стародавнем его тамбурине.
Сердце — мелодии светлый родник —
сдавлено камнем людского презренья,
Чечь господина певцу дорога,
дорого только радже его пенье.
Вот потерялась из песни строка,
Старец в волнение строфу повторяет,
Краска стыда заливает лицо,
снова поет он и вновь забывает...
Вот уж мелодия только звучит,
ритм поломался, слова позабыты.
Голос, дрожащий огнем на ветру,
вдруг оборвался... Заплакал навзрыд он,
Голову на тамбуриин опустил,
телом бессильный, лишившийся речи.
Катятся жемчугом слезы из глаз,
мелко дрожат стариковские плечи.

Песню забыл он и, словно дитя,
вдруг зарыдал от обиды и горя...
Гладит рукою певца Протап Рай
и утешает с любовью во взоре.
«Встань, поскорее отсюда уйдем!..»
За руки взявшись, шагнули из круга
И на глазах многоглазой толпы
вышли из зала два преданных друга.

Борджо с поклоном сказал: «Господин,
трудно найти нам теперь пониманье,
Новые песни у новых людей,
немногочисленно наше собранье.
Ты в нем остался да я, а другим
мир наш совсем уже не интересен.
Новых в наш круг ты теперь не зови...
Нет у певца одинокого песен.
Где, господин, единение двух —
там же и песня всегда возникает.
Кто-то один — поет ее вслух,
кто-то другой — в душе напевает.
Только на берег волна набегит —
Слышим прибоя мы рокот и ропот,
Вздрыгнет от ветра таинственный лес —
листьев послышится шорох и шепот.
Прежде, чем в мире рождается звук,
объединятся две разных стихии,
Песнь не возникнет нигде без любви,
места ей нет, где собрались глухие».

ПРОПАВШИЙ ДАР

Ревет и пенится Джамуна в ущелье тесном,
Вода несется вниз по скалам крутым, отвесным,
То забурлит, то захлебнется безумным бредом,
И ни на миг ее теченью покой неведом!

Кривые пряди водопада блестят, искрятся.
В них отразившиеся горы — с водою мчатся
Все вдаль и вдаль, не замирая ни на мгновенье.
Недвижные, они как будто всегда в движенье.

По берегам густые пальмы, громады-шалы,
И знаками зывают к тучам немые скалы.
Травы здесь нет,— лишь сотни трещин на голых кручах,
Да островки цветов пахучих, кустов колючих.

Заходит солнце, как обычно... Устав от зноя,
Земля покорно возвращает тепло дневное.
Окутали друг друга горы прохладной тенью,
Стоят безлюдны и беззвучны, как привиденья.

Здесь, у воды, склонился гуру над «Бхагавадгитой».
К его ногам припал несчастный с душой открытой:
«К тебе я с верой шел глубокой и бестревожной,
Прими, мудрец, от Рагхунатха сей дар ничтожный».

Вот, руку протянув, наставник слегка нагнулся,
Ладонью головы пришельца едва коснулся,
И, отразившие камнями кинжалы света,
Два золотых в ногах у гуру лежат браслета.

Пред сикхом Рагхунатх смиренно застыл в поклоне,
И руки на груди прижаты — ладонь к ладони.
А гуру оглядел браслеты бесстрастным взглядом
И положил на скользкий камень, с собою рядом.

Потом, совсем уже забывший о подношение,
Чему-то улыбаясь, гуру вернулся к чтению,
Но неожиданно раздался всплеск одинокий:
Один браслет сорвался с камня, исчез в потоке.

«Ах!» — вырвалось у Рагхунатха. В мгновение ока
Он прыгнул в воду, долго шарил на дне потока.
Лицо несчастного являло смятение, муку,
И весь он обратился в руку, в одну лишь руку.

Но головы не поднял гуру, со светлым ликом
Читал свою «Бхагавадгиту» — он весь в великом!
А темная вода Джамуны косится даже:
Коварная, она как будто виновна в краже.

За днем и свет дневной уходит. Конец надежде!..
Не отдает браслет Джамуна, течет, как прежде.
Искавший вышел из потока и, глядя хмуро,
Усталый, в мокром одеянье, вернулся к гуру.

«Я и во тьме его достану — я в это верю,
Но подскажи, в каком мне месте искать потерю?»
«Вон там он!» — удостоил гуру его ответом
И бросил в черную Джамуну вторым браслетом.

ЖАЛКИЙ ДАР

Слуга сказал: «О махарадж, мудрец не внял мольбам,
Он не желает посетить твой златоверхий храм.
Сегодня у дороги он нашел себе приют,
И толпы верующих с ним молитвы богу шлют.
Волненьем, трепетом полны и радости святой,
Они земную славят пыль, а храм — почти пустой!
Как, жаждою опалена, летит к цветку пчела,
Покинув улей золотой, расправив два крыла,—
Так женщин и мужчин толпа, богатый храм забыв,
Стремится к лотосу-душе. Он, лепестки раскрыв
В пыли дорожной, аромат несет людским сердцам —
И одиноко божество, и пуст твой царский храм».

Обеспокоенный раджа покинул царский трон.
Он видит садху на траве, в тени зеленых крон.
«Почтенный, почему отверг ты пышный храм раджи?
А славить господа в пыли достойно ли, скажи?»
«В том пышном храме бога нет», — последовал ответ.
«Безбожник, что ты говоришь! Нет бога? Бога нет?
На драгоценном алтаре не бог изображен?
Иль в храме этом пуст алтарь и пуст священный трон?»
«Не пусто в храме, махарадж. Гордыня там и спесь.
Безмерной гордостью царя твой храм пропитан весь.
Не всеблагое божество вселилось в этот храм —
Себя ты в храме утвердил, в нем царствуешь ты сам!»

«Я двадцать лакхов рупий дал, я этот храм воздвиг,
Он устремился к небесам, он облаков достиг.
Бог принял дар мой!..» Тут раджа нахмурил грозно лик:
«Так отчего ж там бога нет? Ответствуй, еретик!»

Святой спокойно отвечал: «А помнишь ли ты год,
Когда пожаром разорен был бедный твой народ?
Двадцатитысячной толпой стоял он у дворца,
Он тщетно помощи просил у своего отца.
И, не добившись ничего, бездомные ушли;
Они в пещерах и лесах жилища обрели,
И запустелые дворы разрушенных домов,
Кусты, проросшие из стен, страдальцам дали кров.
Деревьев купы — их приют, обочины дорог...
За двадцать лакхов рупий ты вознес тогда чертог.
Твою кичливость, спесь твою тот храм собой являл.
Ты богу отдал этот храм, но бог тогда сказал:
«Обитель вечная моя и выше и прочней, —
Небес бескрайних синева, где тысячи огней.
Основа дома моего — Мир, Истина, Любовь,
Куда ж переселить меня тот скряга хочет вновь?
Ничтожный, слабенький гордец в бессилии своем
Не может подданным помочь, а мне он дарит дом?!»
И бог ушел под сень ветвей, отверг он пышный храм, —
Он к людям навсегда ушел, к бездомным беднякам.
Хоть пена в море и пышна, но пустота внутри.
Так полон гордостью твой храм, и пуст он, — посмотри!»

«Негодный шут, — вскричал раджа и головой затряс, —
Мерзавец, убирайся вон, изыди сей же час!»
«Куда ты преданность изгнал, — ответ был мудреца, —
Туда и преданных гони от своего дворца».

ЖЕРТВА

Двух мальчиков сразу постигла беда:
Не прожили года — ушли навсегда.
И снова родился у Моллики сын;
Муж умер, остался ей мальчик один.
Искали друзья утешенья слова:
Мол, в прошлом рожденье грешила вдова,
Поэтому в нынешней жизни ее
И выпало Моллике вдовье житье.
Палимая тяжкого горя огнем,
При тусклом светильнике ночью и днем,
В дыму благовоний, пред ликом богов
Молила она отпущенья грехов
Былого рожденья... Покорна, смирна
И в мысли тревожные погружена,
Бродила, голодная, по деревням,
Без жертв не входила несчастная в храм;
Носила с землей амулет в волосах,
Собрав под ногами брахманскими прах;
Из древней «Рамаяны» слушала сказ,
Саньяси домой приводила не раз,
Чтоб дом благочестием он освятил,
Чтоб сына — дитя ее — благословил.
Она унижалась пред всеми подряд,
Молила у каждого ласковый взгляд;

У птиц, у зверей, у небесных светил
Просила, чтоб сын ее маленький жил;
Волненьем и вечной тревогой полна,
Любого обидеть боялась она,
Навлечь на себя неожиданный гнев,
Невольным поступком кого-то задев.

Ребенок дорос до полутора лет
И вдруг заболел. Лихорадка и бред,
На горе вдове, охватили его,
Худеет малыш и не ест ничего.
Несчастливая мать позабыла покой,
Поила ребенка священной водой,
Молилась и ночи и дни напролет, —
Недуг не проходит... Рыдая, идет
Несчастливая к брахману: «Слушай, отец,
Смогу ль замолить я свой грех наконец?
Носила дары, исполняла обет,
А где же защита мне с сыном от бед!
Я все украшенья мои продала,
Великие жертвы богам принесла,
Чтоб алчность безмерную их утолить.
Возможно ль им столь ненасытными быть!
Ужель и ребенка должна я отдать?»
И брахман сказал: «О дитя, ты как мать
Усердно пеклась о ребенке своем,
Но в веке железном, увы, мы живем.
Нет ныне закона, нет веры такой,
Которыми славился век золотой.
Теперь не способен уже человек
На истинный подвиг — забыт он навек!
Когда добродетельный Карна узнал,
Что жертвы господь от него пожелал, —
Он сына зарезал. Но волей небес
В мгновение ока ребенок воскрес.
И Шибхи-раджа добродетельным был:
Ведь собственной плотью он Индру кормил.
Остался живым и целехоньким он.
Вот вера и стойкость ушедших времен!
Но твердость такая уже не для вас...
От матери слышал я в детстве рассказ:

Бесплодная женщина рядом жила,
Хотела ребенка — и клятву дала,
Что если когда-нибудь сына родит,
То первенца Матери-Ганге вручит.
И мальчик родился... Но вскоре, увы,
Ей выпала горькая доля вдовы.
Исполнена верой и духом тверда,
С младенцем пошла она к Ганге тогда:
«О Мать, не забыла я клятву свою,
Дитя мое в руки твои отдаю.
Он первый, о Мать, и последний мой сын!..»
И — бросила в воду. Чудесный дельфин
С самой Бхагиратхи на черной спине,
Как жемчуг искрясь, показался в волне.
Был Гангой ребенок вдове возвращен.
Вот вера и стойкость ушедших времен!»
Потупила бедная Моллика взгляд.
Себя укоряя, вернулась назад:
«Напрасно молюсь, исполняю обет,
Нет истинной веры в душе моей, нет!»

А в доме царила зловещая тишь.
В жару, в лихорадке метался малыш.
Лекарство схватила в отчаянье мать,
Пытается зубки ребенку разжать.
Но тщетно... Глазами сказавший «увы»,
Врач медленно вышел из дома вдовы.
Стемнело. Бессонный светильник дрожит,
Дыхание мальчика мать сторожит.
Но вот приоткрылись глаза его вдруг
И будто бы ищут кого-то вокруг.
«О радость моя, драгоценный ты мой!
Вот мамины руки, не бойся, родной!»
И Моллика крепко его обняла,
Чтоб хворь его тяжкая к ней перешла.
Вдруг дверь распахнулась, и ветра порыв
Ворвался, светильник ночной загасив.
И вздрогнула Моллика: там, вдалеке,
Свирепствуют волны на Ганге-реке.
«О сын мой бесценный, ты будешь здоров,
Я Матери-Ганги услышала зов.

Есть руки прохладней, дитя, и нежней,
И мягче, чем руки у мамы твоей.
Ты будешь спасен!»

Начинался прилив...

Вот Моллика, на руки сына схватив,
Бежит, освещенная полной луной,
К безлюдному гхату дорогой прямой.
«О Мать! — простонал ее голос в ночи, —
Бессильны пред болью земные врачи, —
Яви состраданье и жар охлади
Больному ребенку — на нежной груди».
Горячее тельце она подняла
И — с верой — прохладной воде отдала.
Надолго застыв в ожиданье немом,
Закрыла глаза она. Тихо кругом.
И вот на дельфине, почудилось ей,
Плывет светлоликая Мать матерей.
И, лотосом мокрой ладони прикрыт,
Красивый ребенок смеется, шалит.
Сын к матери тянет ручонку свою...
И Моллика слышит: «Бери, отдаю!..»
И, шаря глазами по черной воде,
Несчастливая шепчет: «Мать, где же он?.. Где?!»
А Ганга молчит... Отступает мираж,
И слышится хрипкое: «Ты не отдашь?!»
Луна полноликая смотрит с небес.
От южного ветра колышется лес...

Из книги
«ФАНТАЗИИ»
(«Коллока»)

1900

ТЯЖКИЙ ЧАС

Пусть медленно-медленно сходит сумрак на дольний прах,
И, словно по знаку, песнь онемела.
Пусть не встречу я друга в пустых и чужих небесах,
Пусть истомленно коснеет тело.
Мантры беззвучно бормочет великий страх,
Мгла — от востока и до заката...
Птичка, ослепшая птичка, душа,
Помни, что ты — крылата!

Это не шепот леса, не ропот его вершин,
Это взревело бессонное море;
Это не роша лепечет, где сладко расцвел жасмин, —
То пенятся волны в ночном просторе.
Где же цветущий берег, о, где зеленый притин,
Гнездо, приют твоего возврата?
Птичка, ослепшая птичка, душа,
Помни, что ты — крылата!

Долго продлится ночь. Аруна вкушает сон,
Заалееет не скоро на горном лоне.
В счет бегущих часов одинокий мир углублен
На неподвижном своем ашоне.
Над горизонтом, отсюда безбрежной тьмой окружен,
Всходит уродливо месяц рогатый.
Птичка, ослепшая птичка, душа,
Помни, что ты — крылата!

Звезды, собравшись и очи к тебе обратив,
Уж подают тебе тайные знаки.
Бездна смерти внизу; нетерпеливый порыв
Тысячи волн на тебя устремляет во мраке.
Кто-то на том берегу зовет, ладони сложив.
Лети на молящий голос куда-то!
Птичка, ослепшая птичка, душа,
Помни, что ты — крылата!

Страх отреши, о душа, оков любви не жалея,
Надежду отринь, — она ль на обман не похожа?
Сомкни уста и молчи, и слез напрасных не лей:
Крова здесь нет и нет цветочного ложа.
Лишь крылья одни да небо во всей широте своей,
И пусть оно тьмою сегодня объято!
Птичка, ослепшая птичка, душа,
Помни, что ты — крылата!

С О Н

Путь свой направил я в город Уджаипи вновь.
Там в прошлом рожденье впервые познал я любовь.
С моею возлюбленной жаждал я встретиться там;
Лотос мил ее тонким и нежным перстам.
На лице ее — пыль ароматная лодхру, а в мочках — жасмин.
Амарант пламенеет в ее волосах, как рубин,
Стянуто в талии красное платье узлом,
Браслеты звенят на ногах и блещут в сиянье дневном.

Город Уджаипи вновь посетил я весной,
Знакомой дорогой пришел за своею мечтой.
В храме великого Шивы гудел барабан,
К вечернему богослуженью он звал горожан;
Базар обезлюдел. Оделись дома темнотой.
Лишь на кровлях дворцов догорал еще день золотой.

Улочкой узкою, темной, кривой
Мне к дому любимой идти не впервой.
Вот он, дом. На дверях — диск и раковина. У дверей
Деревица молодые кадамба. Лелеют их здесь, как детей.
Позднего гостя, как прежде, встречают без слов
У белых ворот изваяния гордые львов;
Голуби милой вернулись домой,
Дремлет павлин, взгромоздившись на шест золотой.
Вечерняя тишь воцарилась вокруг,
И мальвианка моя появилась на лестнице вдруг.

Вышла на лестницу, держит светильник дрожащей рукой,—
Так взорам является Лакшми с вечерней звездой.

Запах тела шафранный и мягких волос аромат
Снова знакомою негой мне сердце томят.
След оставил на девственных персях сандал,
Ветер, откинув одежду, перси ее целовал.
Словно богиня, предстала она предо мной,
Осененная благословенной ночной тишиной.

На ступени поставила робко светильник она
И, увидев меня, состраданья немого полна,
Подошла, протянула мне руки с тоской
И прошептала беззвучно: «Как поживаешь, возлюбленный
мой?»

Я хотел ей ответить, но, видно, тогда
Речь людская на время нам стала чужда:
Имя любимое не воскресало у нас на устах,
Молча мы друг против друга стояли впотьмах.
В безмолвии ночи ни слова я не произнес.
Сколько мы дум передумали! Сколько мы пролили слез
Под молодыми кадамбами, у приоткрытых дверей.

Сам не знаю, как милой рука очутилась в ладони моей,
Притаилась в ладони моей, задрожала слегка...
Так птица в гнездо возвращается издалека.
Нежная шея, как стебель, нагнулась чуть-чуть,
И голова, словно лотос, ко мне опустилась на грудь.
В мире слышалось только биение наших сердец,
И воедино дыхание наше слилось наконец.

Ветер беспутный подул, и светильник погас,
Темнота покрывалом укутала нас,
Молодые деревья толпились кругом,
Город Уджайни сгинул во мраке ночном.
В небесах ни одна не мерцала звезда,
Богослуженье вечернее кончилось в храме тогда.

БОГ ЛЮБВИ

ДО СОЖЖЕНИЯ

Однажды сошел ты на землю, о воплотившийся бог!
Весь в цветах ты проезжал по дороге.
Знамя твое колыхал ветра медлительный вздох,
Встречные девушки кланялись в ноги.
Цветами осыпали юноши путь пред тобой,
Жены цветы приносили в подолах,
Из бокуловых чаш плыл аромат хмельной,
Солнце сияло в сердцах веселых.
Девушки собирались в храме твоём по ночам,
И священных светильников пламя горело.
Клади тайком бутоны в твой опустевший колчан,
Когда ты расходовал стрелы.
Задумчивый юный поэт у храма слагал свой напев,
На вине бряцал вдохновенно,
К нему приближались олени, прислушивались, осмелев,
Тигры внимали смиренно.
Когда ты с улыбкой брал свой гибкий разящий лук,
Пошады просила невинная дева,
Но любопытство ее превозмогало испуг,
И трогала стрелы твои, о бог Камадева!
Когда ты, благоухая в объятьях блаженного сна,
Лежал на ложе зеленом,
Хитростью разбудить тебя старалась она, —
Ножные браслеты звенели призывным звоном.

Когда красавицу в чаще ты видел, незримый стрелок,
Вонзалось ей в сердце цветочное жало,
Она кувшин роняла в Джамуну, в быстрый поток,
И странная боль ее поражала.
С улыбкой ты к ней подплывал в быстром своем челноке
Смушалась она и, покорно
В поток погружаясь, забавлялась, плескалась в реке,
Бровь изгибая, смеялась задорно.
Снова пьянящая ночь, снова восходит луна.
Мадхоби нежный цветок закрывает вежды.
Красавица косы плетет, под деревом села она,
Легки, как ветер, ее одежды.
Кулик печальный супругу зовет на побережье глухом,
Их разделяет речное течение.
Влюбленная девушка милой подруге тайком
Свои поверяет мученья.
Мадана, бог наш, явись, заново плоть обрети,
В гирлянде явись благовонной,
Не задувая светильник, к брачным чертогам приди,
Дай радость чете влюбленной.
Молнией появись, приди, о улыбчивый бог,
Девушкам счастье даруя,
Наши дома озари и касаньем божественных ног
Оживи нашу землю святую.

п о с л е с о ж ж е н и я

Испепелив Камадеву, что ты содеял, о Шива?
Прах бога рассеял над ширью земли!
Слышится в столах ветра Маданы голос тоскливый,
Слезы его с небес потекли.
Рыдания богини Рати небеса оглашают и землю,
Все рыдает, о милости Шиву моля.
Месяц фалгун приходит, и, чьему-то веленью внемля,
Вздвогнув, сознание теряет земля.
Кто скажет, чья боль звучит, чей трепет прошел по струнам,
Чья отзывается в сердце беда?
Нет, ни за что не понять сегодня девушкам юным,
Куда их влекут стихии, куда!
О чем бормочет листва в кронах лесных исполинов?
О чем жужжит, пролетая, пчела?

О ком тоскует подсолнух, лик золотой запрокинув?
Куда речная вода потекла?
Что там луна серебрит? Чье там сброшенное одеянье?
Чьи глаза отражает небес синева?
Чей ослепительный лик в солнечном тонет сиянье?
Под чьими шагами шуршит трава?
В тревожном дыханье цветов чьи запахи ныне живы?
Они, как лианы, душу мою оплели.
Испепелив Камадеву, что ты содеял, о Шива!
Прах бога рассеял над ширью земли!

П Р О С Т И

О любимый, нашей встречи я давно уже ждала,
И влюбленную прости меня, прости...
Как испуганная птичка, в эту клетку я вошла,
И меня теперь не мучай взаперти.
Тайну девичьего сердца я, увы, не сберегла
И души нетерпеливой скрыть волнения не смогла,
Будь же добр и милосерден, пощади меня, любимый,
Беззащитную прости меня, прости...

О любимый, от волнения замираю я в слезах,
И безумную прости меня, прости...
Пусть насмешливые искры не блеснут в твоих очах,
Если ты меня не любишь — отпусти.
Приподняв края одежды, я уйду поспешно прочь,
От жестокого позора брошусь в горестную ночь
Боль израненного сердца я ладонями закрою,
И несчастную прости меня, прости...

О любимый, если скажешь, что и я тебе мила,
И счастливую прости меня, прости...
Глядя, как в потоке счастья я безвольно поплыла,
Надо мною ты не смейся, не шути.
А когда, твоя богиня и послушная жена,
Буду я твоей рукою на престол возведена
И любви приказом крепким захочу тебя связать я,
Повелитель мой, прости меня, прости...

УПУЩЕННЫЙ МИГ

Лишь светильник на заре погас,
Встала я, гирляндой обвилась,
Крик кукушки услышав со сна,
И в раздумье стала у окна.
По дороге алой, вижу, мчится
Мимо нас на царской колеснице
Юноша в короне золотой,
Отблеском рассвета залитой.
Повторяет: «Где же, где она?»

Вышла я, мгновения бегут, —
Все же не решилась, смущена,
Крикнуть: «Оглянись, я тут, я тут!»

Не зажгли еще в домах огня.
Подойдя к окну на склоне дня,
Собрала я волосы в пучок,
Золотой на лбу горит значок.
Вижу я, по сумрачной дороге
Юноша в печали и тревоге
Близится на взмыленных конях,
На его одежде пыль и прах.
Говорит он: «Где же, где она?»

Я спустилась, грудь сомненья жгут...
Так и не сказала, смущена:
«Утомленный путник, тут я, тут!»

Ночь. Горит светильник. Не уснуть.
Южный ветер бьет с размаха в грудь.
Дремлет птица в клетке золотой,
Сторож спит, застигнут темнотой.
В комнате невесты дым курений,
Плоть томится, дух мой в озаренье.
Подтянув, плотней к груди прижав
Покрывало цвета свежих трав,
Я сижу за дверью на земле.

Путь безлюдный вдаль уходит крут,
Повторяю в беспросветной мгле:
«Несчастливый путник, тут я, тут!»

НОЧЬ В МЕСЯЦЕ ЧОЙТРО

Ночь и сладка и хмельна. О луна,
В месяце чойтро, ночью глубокой,
В сторону нашей огромной земли
Смотришь ты, сидя вверху одиноко,
В месяце чойтро, ночью глубокой.

В стольких светильнях, домах и дворах,
На берегах стольких рек и заливов
Шепот и смех, столько слез и утех,
Столько молений и вздохов счастливых.
Из-за ветвей, сквозь пролеты дверей,
Смотрит украдкой пресветлое око.
Столько чудес из-за дымных завес
Видишь ты, сидя вверху одиноко,
В месяце чойтро, ночью глубокой.

Взглядом меня одари. До зари
Мне посвети. Кровлю дома пустого
Стоп сотрясает ветра ночного.
Нет существа живого вокруг.
Вдаль я смотрю, как и ты, одиноко
В месяце чойтро, ночью глубокой.

ГОРДОСТЬ

Войдя, попросил он: «Взгляни на меня!»

Сказала: «Уйди!» — вид суровый храня.

Подруга, подруга, так было, поверь.

И все же за ним не захлопнулась дверь.

Поближе шагнул. Говорю: «Отойди!»

Взял за руки. «Брось,— говорю,— не серди!»

Подруга, подруга, верь, это не ложь.

В покое меня не оставил он все ж.

Приблизил лицо он вплотную ко мне,

«Фу», — сморщившись, я отвернулась к стене.

Подруга, подруга, клянусь, было так.

Он все ж не отстал, этот дерзкий чудак.

Губами щеки он коснулся моей.

Сказала я, вздрогнув: «Ну что ты? Не смей!»

Подруга, подруга, то сон или явь?

Он все ж отступить не подумал, представь.

Гирлянду надел на меня. «Ни к чему!

Возьми ее прочь!» — я сказала ему.

Подруга, подруга, как быть мне? Беда!

Ни страха у дерзкого нет, ни стыда.

Гирлянду мою захватив не спросясь,

Ушел он. С тех пор не смыкала я глаз.

Подруга, подруга, ах, слезы слепят,

Скажи, почему не пришел он назад?

ЭТО ПРАВДА?..

Ты веришь, что все это правда,
Мой преданный друг?
От молний очей моих в сердце твоём
Свинцовые тучи охватит огнём,—
Скажи, это правда?
Красней мои губы, чем щеки невесты,
Которые красит и стыд и испуг,—
Мой преданный друг,
Скажи, это правда?

Во мне распустился небесный мандар,
И каждый мой шаг, как по струнам удар,—
Скажи, это правда?
Роса выпадает при виде меня,
И свет загорается нового дня,—
Скажи, это правда?
И пьяным становится ветер-бродяга,
Когда прикоснется к щеке моей вдруг,—
Мой преданный друг,
Скажи, это правда?

Скрывается день в черной туче волос.
Мне самую смерть обуздать удалось,—
Скажи, это правда?
Вселенная в складках одежды моей,
И слаще моих не услышать речей,—
Скажи, это правда?

Я в мире одна, и вокруг раздаётся
Плененных сердец несмолкающий стук,—
Мой преданный друг,
Скажи, это правда?

Любви твоей крепче нет в мире оков,
Ничто не порвет их во веки веков,—
Скажи, это правда?

Лицо и весь облик приветливый мой
Даруют тебе неизбывный покой,—
Скажи, это правда?

Мой лоб осенила сама бесконечность,
И светлая радость трепещет вокруг,—
Мой преданный друг,
Скажи, это правда?

БЕНГАЛИЯ - ЛАКШМИ

На твоих берегах, на полях, в твоих хижинах,
И в домах, тенью манговых рош не обиженных.
И на пастбищах, Лакшми-Бенгалия — мать,
Всех забот, всех трудов твоих не сосчитать.
Улыбаясь, работаешь тяжело одна,
Но бездействует сын твой, в объятиях сна.
Ты его не коришь. Со слепую любовью,
Ты ночамиходишь к его изголовью,
Освежаешь чело южным ветром любовно...
Долг сыновний забыл он: сорвал хладнокровно
Украшенья твои, приносящие счастье,
Золотые браслеты с диадемой блестящей,
Гордость матери, отдал в заклад, дорогая,
Чужеземцу-купцу из далекого края.
Все простые дела ждут твоих повелений,
Ты цветам распускаться велишь для молений,
В полдень листьями ты защищаешь от зноя,
А когда опускается время ночное,
Мать-Бенгалия! Реки твои и ручьи
Колыбельную песнь запевают в ночи,
Обнимая усталые села вокруг
Серебристыми сотнями ласковых рук.
Оторвавшись на миг от работы домашней,
Средь осенних цветов, над осеннею пашней
Ты прислушаешься к воркотне голубиной,

Ты оглянешься, Лакшми, с улыбкой невинной
И увидишь зеленые горы и склоны...
Доброту излучает твой взор благосклонный,
И сулит он прощенье, благословенье,
Все проникнуто нежностью в это мгновенье.
И картина прелестная счастьем согрета —
Слезы счастья дрожат на ресницах поэта.

ЧТО ТОЛКУ ПРОСИТЬ ПОДАЯНИЕ?

Пришельцы тебя презирают, хоть мы им зла не желасм,
Родная земля.

Мы почитаем их, в одежде чужой щеголяем,
О снисхожденье моля.

Что знают они о тебе? Как смеют они сторониться
Страны моей!

А мы еще им подражаем, премудростям их традиций
Учим детей.

Ведь бедность твоя — украшенья мое. Как об этом не
помнить?

К чему же, к чему
Чужое богатство кланчить? Как будто можно наполнить
Нищенскую суму.

Рис и плоды ты кладешь на листок святыми руками, —
И сладостна снедь.

Не надо стыдиться тобою сотканной ткани, —
Ее не зазорно надеть.

Ты сядешь на землю — земля тебе трон заменяет, —
Грешно ее не почитать.

Какой мне окажет почет тот, кто тебя презирает,
Любимая мать?

ИНДИЯ-ЛАКШМИ

О ты, чарующая людей,
Ты, о земля, сияющая в блеске солнца лучей,
великая Мать матерей,
Долы, омытые Индом шумящим, ветром —
лесные, дрожащие чащи,
С Гималайскою в небо летящей снежной короной своей;
В небе твоём солнце взошло впервые, впервые леса
услышали веды святые,
Впервые звучали легенды, песни живые, в домах твоих
и в лесах, в просторах полей;
Ты — вечно богатство цветущее наше, народам
дающая полную чашу,
Ты — Джамна и Ганга, нет краше, привольней, ты —
жизни нектар, молоко матерей!

Б Е З К О Н Ц А

Опять твой зов?..

Я за день сделал все, что мог, и разве не закончил в срок
Своих дневных трудов?

Рассвет, прохладен и румян, сквозь сеть запутанных лиан
Давно блеснул в лесу.

Палимый жаждой огневой, давно по капле выпил зной
Цветочную росу.

Уж грустно на краю земли нам улыбается вдали
Закат среди холмов,

Уж я в ладью ступил ногой, собравшись на берег другой,—
И вот опять твой зов?

Там, на прибрежии крутом, проходит в сари золотом
Вечерняя заря,

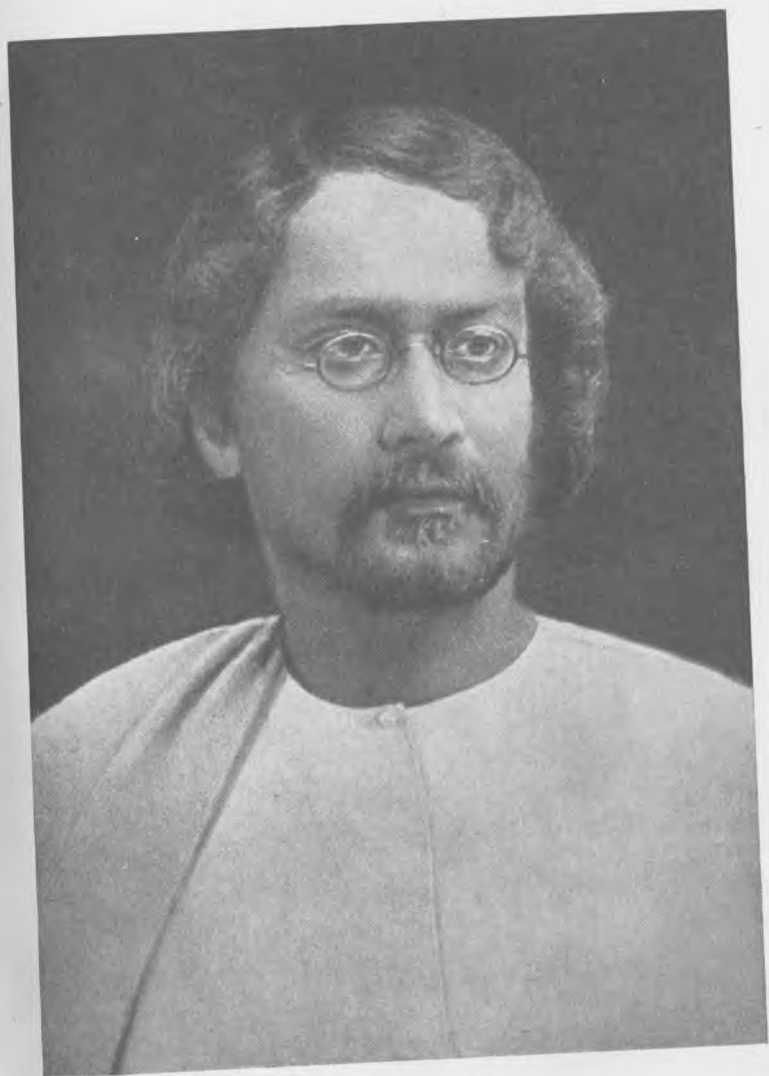
Дрожит светильник вдалеке, в ее протянутой руке
Задумчиво горя.

Над миром горестных забот густой завесой плывет
Дремотный звон цикад,

А за рекою все темней: сгустилась мгла, и тонет в ней
Мой истомленный взгляд.

Кругом — ни звука, ни огня... И все настойчивей меня
Под одинокий кров

Устадость ласково влечет, как будто милая зовет...
И вот опять твой зов?

Tarop (1906?)

Как ты прекрасна и грозна, неумолимая жена,
Владычица моя!
Все дни тебе я отдаю, — теперь отдать и ночь мою
Тебе обязан я?
Всему на свете есть предел: весь мир затих и опустел,
Пришел забвенья час...
Зачем же снова в тишине жжет, разрывает сердце мне
Жестокий твой приказ?
Все потонуло в тьме ночной, повсюду разлился покой,
Не слышно голосов...
Зачем же вдруг меня пронзил и словно громом поразил
Твой беспощадный зов?

Давно перед твоим дворцом на дальнем берегу морском
Умолк в вечерней мгле
Протяжный гимн, святой призыв, желанный отдых воз-
вестив
Живущим на земле.
И все кругом объято сном: и зверь в убежище лесном,
И птицы на ветвях,
И над дворцом в ночную высь бесшумно звезды поднялись
На медленных крылах.
Для всех людей приют готов: под сенью хижия и шатров,
На ложе из цветов...
О неустанная! Смотри: все спит до утренней зари, —
Зачем же этот зов?

Останутся в ночной тиши лишь спутники моей души:
Бессонный огонек,
Гирлянды легкий аромат да молча устремленный взгляд
Во мглу пустых дорог.
Уже к селенью за рекой отплыл паром во тьме густой,
Неся домой людей,
И смотрит месяц с вышины, всплывая с левой стороны
От хижины моей.
Но душу ласково пьяня, напрасно ночь зовет меня
В нирвану тихих снов, —
Устало голову склонив, иду, упрям и молчалив,
На твой далекий зов.

Что должен сделать я, ответ! Что обличить и что воспеть?

Что нового познать?

Какую жертву принести? Что из цветов тебе сплести?

Что кровью написать?

А если петь устанет грудь, и захочу глаза сомкнуть,

И спутаю слова,

И вина выпадет из рук, и под конец не хватит вдруг

Былого мастерства,—

С пренебреженьем не гляди и с осужденьем не тверди

Неблагодарных слов,

Ты видишь: не смыкая глаз, я даже в неурочный час

Откликнулся на зов.

Подобных мне, усердных слуг ты видишь тысячи вокруг —

Сынов и дочерей.

Взгляни, владычица, взгляни, как безмятежно спят они,—

Спят у твоих дверей.

Лишь мне прервать свои дела ты, о богиня, не дала,—

Зовешь меня опять.

Из всех, что дань тебе несут, меня на самый тяжкий труд

Решила ты избрать.

Твоим доверием гордясь, всю ночь, безропотно трудясь,

Я бодрствовать готов.

Как юный, радостный жених гирлянду из цветов живых,

Так я несу твой зов.

Добьюсь победы я, добьюсь, жестоких мук не побоюсь,

Я знаю: ты права,

И твой величественный зов я воплещу в звучанье строф,

В чеканные слова.

Мой голос будет свеж и юн, не оборвется звонких струн

Певучая игра,

В боренье с непроглядной тьмой светильник не померкнет

мой

До самого утра.

День разольется по садам, и новому слуге отдам

Плоды своих трудов.

Пусть он продолжит этот труд! Настанет час — и все

поймут,

Что означал твой зов.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Знаю, скоро ладьею твоей доброты
Буду в край унесен неземной.
Не боюсь, буду плыть я и славить тебя,
Распахнутся врата предо мной.
Знаю, тысячи лет ты в объятьях меня
Сквозь миры беспредельные нес,
Через многие жизни меня ты провел,
Дал отведать и счастья и слез.
Знаю, весь я, как свиток добра и греха,
Распростерт перед взором твоим,
Шел ли истинным я или ложным путем,
Был тобой я ведом и храним.
Знаю, ты не оставишь бесплодным меня,
В беспощадный не бросишь поток.
День придет: милосердной рукой мою жизнь
Ты сорвешь, как срывают цветок.

Из книги
«МГНОВЕНИЕ»
(«Кхоника»)

1900

ПРОБУЖДЕНИЕ

Песню мгновения пой,
О душа, преисполненная ликованья!
Твой день мимолетный — с тобой.
Пой о тех, кто во власти желаний придет и уйдет,
О тех, кто смеется и плачет, о тех, кто не знает забот,
И о цветке, что вот-вот отцветет.
Песню мгновения пой,
О душа, преисполненная ликованья!
Твой день мимолетный — с тобой.

Не сетуй о жизни былой!
Не стоит удерживать воспоминанья,
Пускай они льются рекой.
Все придет и уйдет в свой черед.
Будем смотреть не назад, а вперед.

Пусть вселенная песню мгновений поет,
И, не зная скорбей,
Пускай за мгновеньем проходит мгновенье
Вместе с повестью краткой своей.

Заклучи перемирие с судьбой.
Пусть вслед за началом приходит скончанье.
Пропасти ты не засыплешь, прельщенный мечтою пу-
стой.

Пусть с гирлянды разорванной наземь цветок упадет.
То, что не понято прежде, сегодня мой ум не займет.
То, что не найдено прежде, сегодня никто не найдет.
Хватит отчаянья! Хватит скорбей!
Все в мире проходит. Оставь сожаленья
И на миг удовольствуйся долей своей.

Простись на мгновенье с тоской!
Пусть умолкнут рыданья!
Пути порви, что своею же сплел ты рукой.
Сбрось вожделений бессмысленных гнет!
Пусть каждый с любовью берет
Все, что случай слепой от своих нам подарит щедрот.
Хватит отчаянья! Хватит скорбей!
Пусть мгновенное счастье разгонит сомненья,
Слез понапрасну не лей.

С проточною схожа водой,
Жизнь бежит, нарушая покой мирозданья.
Нисходит к нам радость, как на воду луч золотой.
Росинка на ветке жасмина блеснет
И снова погаснет вот-вот...
Жизнь росинкой сверкнет, и никто ее нам не вернет.
Песню мгновения пой,
О душа, преисполненная ликования!
Твой день мимолетный — с тобой.

П Ы А Н Ы Й

О пьяные, в беспамятстве хмельном
Идете, двери распахнув рывком,
Вы все спускаете за ночь одну,
С пустым домой идете кошельком.
Пророчества презрев, идете в путь
Наперекор календарям, приметам,
Плутаете по свету без дорог,
Пустых деяний груз таща при этом;
Вы парус подставляете под шквал,
Канат перерубая рулевой.
Готов я, братья, ваш обет принять
Пьянеть и — в пекло головой!

Копил я мудрость столько долгих лет,
Упорно постигал добро и зло,
Я в сердце столько рухляди скопил,
Что стало сердцу слишком тяжело.
О, сколько я убил ночей и дней
В трезвейшей из всех людских компаний!
Я видел много — стал глазами слаб,
Я стал седым и дряхлым от познаний.
Мой груз пустой, весь нищий мой багаж
Пускай развеет ветер штормовой.
Я понял, братья, счастье лишь в одном:
Пьянеть и — в пекло головой!

О, распрямись, сомнений кривизна!

О буйный хмель, сбивай меня с пути!

Вы, демоны, должны меня схватить

И от защиты Лакшми унести!

Есть семьянины, тружеников тьма,

Их мирный век достойно будет прожит,

На свете есть большие богачи,

Встречаются — помельче. Кто как может!

Пусть они как жили — впредь живут.

Неси меня, гони, о шквал шальной!

Я все постиг — занятие лучше всех:

Пьянеть и — в пекло головой!

Отныне я, клянусь, заброшу все,—

Досужий, трезвый разум в том числе,

Теории, премудрости наук

И все понятия о добре и зле.

Я памяти сосуд опустошу,

Навек забуду и печаль и горе,

Стремлюсь я к морю пенного вина,

Я смех омою в этом зыбком море.

Пусть, достоинство с меня сорвав.

Меня уносит ураган хмельной!

Клянусь идти по ложному пути:

Пьянеть и — в пекло головой!

ШАСТРЫ

В лес уходить предписывают
Шастры старцам седым.
А мы говорим: не лучше ли
В лес уходить молодым?

Бокул в лесу расцветает,
Кукует кукушка весь день.
Отшельникам дарят лианы
Благоуханную тень.
Чампак цветет по ночам
В сиянии лунного света.
Никогда не состарится тот, кто поймет:
Существует недаром это.

В лес уходить предписывают
Шастры старцам седым.
А мы говорим: не лучше ли
В лес уходить молодым?

Дома весь день приходится
Слушать пустые слова.
От суеты беспрестанной
Кругом идет голова.
Солидные скучные люди
По многу часов подряд
О честности и добродетели
Без усталости говорят.

Не потому ли юноша,
Родной покидая дом,
Свободы и одиночества
Ищет в лесу глухом?

В лес уходить предписывают
Шастры старцам седым.
А мы говорим: не лучше ли
В лес уходить молодым?

Мы, молодежь, отныне
Жить будем своим умом.
Шастры мы перепишем,
Отчий покинем дом.
Пускай старики седые
Сидят по своим углам,
Скряжничая, сутяжничая,
Пусть копят ветошь и хлам.
Мы, молодые, встретим
В лесу весенний рассвет.
Пусть ночь проведут в молитве
Давшие тяжкий обет.

В лес уходить предписывают
Шастры старцам седым.
А мы говорим: не лучше ли
В лес уходить молодым?

ВРЕМЕНИ, ВРЕМЕНИ НЕТ

Ушла от меня ты, богиня-подруга,
Покинула облик земной,
Отныне хочу безутешным остаться,
Чтоб жить лишь тобою одной
Да бережно память хранить золотую
На дне одинокой души,
Гирляндами слез украшая твой образ,
Тоскуя в полночной тиши.
Но скорбные дни безвозвратно уходят,
Другие теснятся вослед...
Грустить без конца о тебе я хотел бы,
Да времени, времени нет.

Уносятся жизни поспешные годы:
Прошла неприметно весна,
Глядишь, и цветы уже с веток опали,
И роща пуста и темна,
И с каждою ночью луна убывает,
Печально блестя вдалеке, —
Ведь сказано в шастрах, что жизнь — лишь росинка
На лотосовом лепестке!
Лишь имя твое бесконечно твердить бы,
Уйдя от житейских сует...
О злая насмешка! Хотел бы страдать я,
Да времени, времени нет.

Придите, отрадные летние ночи,
Придите, осенние дни,
И ты, о держащая веер цветочный,
Весною в мой сад загляни,
Придите и вы, мои братья и сестры,
И ты, да и ты приходи,—
К чему говорить вам, как жизнь наша бrenна
У бrenной земли на груди!
На мир преходящий взирать равнодушно
Хотелось бы дать мне обет,
Одной лишь тебе посвятить мои думы,
Да времени, времени нет.

Стихи, запершись, о тебе я слагаю,
А сердце упрямо молчит.
«Одна только ты существуешь на свете!..» —
Но как это лживо звучит!
Хочу в одиночестве грусти предаться,
Но тут, как нарочно, стучат,
И, слезы стирая, я дверь отпираю
И вижу сияющий взгляд.
Да разве остаться теперь равнодушным?
И я улыбаюсь в ответ...
Грустить без конца о тебе я хотел бы,
Да времени, времени нет.

ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ

Этой весной на страницах вселенной
Не сосчитать цветов и листья,

Словно весь мир, с хмельной головы,

Меру утратил, расщедрился он:

Правду смешал с обманом манящим,

Вечное путает с преходящим,

Всех одаряет безудержным счастьем,

Точно ему не писан закон!

Дверь распахнуло благоразумье,

Мы с ним расстались — и в добрый час!

Я все равно ни словечком правды

Не обмолвлюсь на этот раз.

Благодаря целомудрию милой,

Целою ночью владею один,

Клада бесценного я властелин.

Сколько сокровищ! Дары велики.

Не к чему и на слова мне скупиться,

Взвешивать каждое не годится.

Пусть вылетают они, как птицы,

Трезвой реальности вопреки.

Дверь распахнуло благоразумье,

Мы с ним расстались — и в добрый час!

Я все равно ни словечком правды

Не обмолвлюсь на этот раз.

О дорогая, посланница рая,
Сколько ни есть у меня стихов,
Каждым тебя прославлять я готов,
 Верный поклонник твой — каждый мой стих.
В лотосе сердца, в самой святыне,
Ты остаешься единой богиней,
Лишь одного не скажу тебе ныне,
 Есть еще триста миллионов других.
 Дверь распахнуло благоразумье,
 Мы с ним расстались — и в добрый час!
Я все равно ни словечком правды
 Не обмолвлюсь на этот раз.

Знай! В трех мирах вселенной нетленной
Ты лишь одна — живая вода,
В свете зари, ты, денница-звезда,
 Света источник на темных путях.
Хоть и другие денницами были,
О них умолчу я, о них позабыли,
Скрыло забвенье их облаком пыли, —
 Стоит ли помнить о всех пустяках!
 Дверь распахнуло благоразумье,
 Мы с ним расстались — и в добрый час!
Я все равно ни словечком правды
 Не обмолвлюсь на этот раз.

Правда живет на земле вседержашей,
Ею питается мудрый аскет,
И в математике истины свет,
 С этим у нас согласится любой.
Правда чужда возлюбленной деве
И пятистрелому Камадеве,
Так не ищи ее в этом напеве —
 Сладкий обман украшает любовь!
 Дверь распахнуло благоразумье,
 Мы с ним расстались — и в добрый час!
Я все равно ни словечком правды
 Не обмолвлюсь на этот раз.

С жалкою карлицей схожая правда,
Ты струны вин напрасно не рви,

Петь не мешай мне, грудь не дави.

Я все равно сотни раз повторю:

Взор моей милой, прекрасноокой

Мир обновляет, путает сроки,

Точно струит нектара потоки,

Точно дарит он миру зарю.

Дверь распахнуло благоразумье,

Мы с ним расстались — и в добрый час!

Я все равно ни словечком правды

Не обмолвлюсь на этот раз.

Если напомним: «Все это было,

Ты говорил уже эти слова,

Ах ты, беспамятная голова!

Прошлой весной повторял их другой!»

Я возражу: «Человек несмышленный,

Правду твердил я весной зеленой,

Правду твержу и теперь я влюбленной,

Только не той, а другой дорогой!»

Дверь распахнуло благоразумье,

Мы с ним расстались — и в добрый час!

Я все равно ни словечком правды

Не обмолвлюсь на этот раз.

Ветер ласкает бокула ветки,

Песня несется во мраке ночном,

Завтра забудет она обо всем —

Где те цветы и тот ветер зари?

О красота ненаглядная, если

Ты позабудешь слова этой песни,

Помни одно: ты была всех прелестней,

И, если можешь, меня не кори!

Дверь распахнуло благоразумье,

Мы с ним расстались — и в добрый час!

Я все равно ни словечком правды

Не обмолвлюсь на этот раз.

ВОЗРАСТ ПОЭТА

О поэт, твой вечер наступает,
 Стали волосы совсем седыми,
Глядя ввысь, давно уже, наверно,
 Мыслями ты занят неземными?
Говорит поэт: «Настал мой вечер,
 Плоть изнемогла от утомленья,
Но, как прежде, жду, не позовет ли
 Кто-нибудь из ближнего селенья?
Там, под сенью бокулов тенистых,
 Юноша встречается с любимой,
И текут, сливаются их взоры,
 Песней становясь неудержимой.
 Кто ж на их надежды и мечты
 Отзовется звоном струн чудесных,
 Если здесь, на берегу земном,
 Думать буду о делах небесных?

Угасает свет звезды вечерней,
 И костер тускнеет погребальный,
Выплывает из-за темной роши
 Желтый серп, ущербный и печальный.
Во дворе покинутого дома
 По ночам шакалы с воем бродят,
Видно, стал отшельником хозяин
 И в лесу остаток дней проводит.

Он во тьме сидит, сложив ладони,
А над ним — Семь Мудрецов блистают,
И, о берег жизни ударяя,
Волны дней беззвучно нарастают...
Кто поможет путь ему найти
К трем мирам, к святому пробуждению,
Если жизнь отныне посвящу
Лишь твоей души освобождению?

Пусть густые волосы седеют,
Над поэтами не властно время:
Мальчика ли встречу или старца —
Я, как равный, говорю со всеми.
Кто всю жизнь в кругу семьи проводит,
Кто по свету гонит колесницу,
Кто один в лесу людей блуждает
И тоской по родине томится;
Этот улыбается открыто,
А другой в глазах улыбку прячет,
У одних текут ручьями слезы,
У других лишь сердце тайно плачет, —
В этом хоре голосов земных
Как услышу зов иного света?..
Да, поэт — ровесник всех людей,
Не измерить возраста поэта».

ЖДУ НАГРАДЫ

Мне бросать обвинения из-за тебя

Стали даже друзья,

О подруга моя!

Говорят: «Наш поэт, позабыв целый свет,

Лишь о милой поет,

Шлет ей клятвы свои в беспредельной любви

День и ночь напролет.

Ослеплен, опьянен, пишет песенки он

Об одном пустяках,

Позабыл, как велик наш бенгальский язык,

Освященный в веках!..»

Мне бросать обвинения из-за тебя

Стали даже друзья,

О подруга моя!

Взял я грязь их насмешек, их злобной хулы,

Знак на лбу начертил

И к тебе поспешил.

Пусть твоя красота, ясных глаз чистота

И сверкающий смех

Душу мне просветлят, от обид исцелят

И от горестей всех.

А хулителей злых и глумления их

От меня отведи,

Знак позорящий смой, защити и укрой

На прохладной груди!

Взял я грязь их насмешек, их злобной хулы,
Знак на лбу начертил
И к тебе поспешил.

А давно ли навабом классических строф,
Возгордась от похвал,
Я себя называл?..

Но донесся и стих звон браслетов твоих,
И тогда в тишине

Сотни песен иных, словно струн золотых,
Зазвучали во мне,

И рассыпалось в прах все, что в строгих стихах
Пел я долгие дни,

От эпических строк увидал я у ног
Лишь осколки одни.

А давно ли навабом классических строф,
Возгордась от похвал,
Я себя называл?..

Но виденья походов, боев и побед —
Тени древних времен —
Растворились, как сон...

Ни возвышенных тем, ни хвалебных поэм,
Ни старинных пуран —

Все дробят на куски эти взоры-клинки,
Застилает туман.

Славу, мнение людей, пересуды друзей —
Все отбросил я прочь,

Лишь бы имя твое, погружаясь в забытье,
Повторять день и ночь.

А виденья походов, боев и побед —
Тени древних времен —
Растворились, как сон!..

Всем пожертвовав в жизни, награды я жду
Из оленьих очей
Нежной рани моей!

Не сердца покорить, чтоб над всеми царить,
Я желаю теперь —

Приоткрыть разреши неприступной души
Потаенную дверь.

Не в небесном раю жизнь продолжить мою
Я мечтаю сейчас,
А в нектаре земном — в тихом взоре твоём,
В роднике этих глаз.
Не из рук всемогущих награды я жду —
Из оленьих очей
Нежной рани моей!

ТОЛЬКО ОДНА

Речка горная льется, вьется
По гальке с песней негромкой,
К берегу льнет, пересохшая,
Узенькою каемкой.
По той опаленной солнцем стране
Случилось однажды странствовать мне.
Бродил я, бродил — и чую:
Кожа ступней сожжена.
Вдруг на безлистной ветке —
Виноградника, только одна...

Опалает голову полдень,
Темя лучами колет.
Земля потрескалась, мучится,
О капельке влаги молит.
Жаждал и я, изнывал в поту,
Ягоду все ж не поднес ко рту,
Поскупился, — а как манила,
Как была свежа и сочна!
Зажата в горсти драгоценность:
Виноградника, только одна...

А потом, как время настало
Солнцу зардеться ало,
Хоть пустыни усталое тело
Еще зноем дневным дышало,

Чтоб меня не застигло тьмой,
Я вернуться решил домой.
Тут я пальцы разжал — и в слезы!
На ладони — моя вина! —
 Лежала сухая, ненужная
 Виноградника, только одна...

КОГДА-ТО

1

В расцвете славы Калидасы
Хотел бы жить и я.
Была б десятой в ожерелье
Жемчужина моя.

Воспел бы я раджу в двустишье,
И на окраине, в затишье,
Владел бы домом я в Уджаини,
Подаренным раджой.

По вечерам в приюте этом
Поэт встречался бы с поэтом.
С горы «Забавы» вдохновенно
Звучал бы голос мой,

Качалась бы на тихих водах
Судьбы моей ладья...

В расцвете славы Калидасы
Хотел бы жить и я.

2

Забот, тревог и даже мыслей
Я стер бы самый след,
Я зачеркнул бы смерть и старость,
Как будто бы их нет.

Как шесть сезонов год встречает,
Так разговор их повторяет
В шести частях одной поэмы
 За строчкою строка.

Печальный ритм стихотворенья
Напоминал бы слез течение,
Так в месяце ашарх по небу
 Проходят облака,

 Так точит медленно разлука
 На протяженье лет...

 Забот, тревог и даже мыслей
 Я стер бы самый след.

3

Там, где прошла она, цветами
 Покрылся бы ашок.

Вдохнули б жизнь уста любимой
 И в бокула цветок.

 Как лебедей шумливых стая,
 Что в волнах плещется, играя,
 Так имена подруг веселых
 Звенели бы в стихах.

 И Монджорини, и Мондалика,
 И Читроликха, и Монджулика —
 О, сочетанье нежных звуков
 В чарующих строках!

 Подруги ночью в месяц чойтро
 Сошлись бы на лужок...

 Там, где прошла она, цветами
 Покрылся бы ашок.

4

В венке пурпурных амарантов
 На черных волосах,
Любимая держала б лотос
 Игрушечный в руках.

 Жасмины были б ей послушны,
 Цветы бы продевала в уши

И плетеницу из кадамбы
Плела своей рукой.
Живым омытая фонтаном,
Окуренная дымом пряным,
Срывала бы тычинки лодхру,
Чтоб пудриться пыльюю.

И терпкий запах калагуру
Таился бы в шелках...
Венок пурпурных амарантов
На черных волосах.

5

На грудь ее шафранной краской
Рисунок нанесен.

Два белых лебедя на сари

Приплыли, как в затон.

Без милого в часы досуга,
Считала б день за днем подруга,
Священные цветы срывала б

Она по одному...

Не льются слезы без причины:

Хотела петь — упала вина,

Все перепутались напевы,

Не вспомнит, что к чему...

А в ночь свиданья слух ласкает
Ножных браслетов звон...

На грудь ее шафранной краской
Рисунок нанесен.

6

Шалике-птичке имя друга

Велела б щебетать,

Павлин под звон ее браслетов

Учился б танцевать.

Из рук ее брал пищу аист.

Губами к клюву прикасаясь,

Она голубку целовала,

Ту, что других милей.

И возле дома, в мирной сени,
С подругой на шаурасени,
Тряхнув косою шаловливо,
Шепталась у дверей.

Она не забывала б манго
Водою освежать...
Шалике-птичке имя друга
Велела б щебетать.

7

В собранье девяти жемчужин
Я сел бы в уголок,
Откуда Диннагу ачарьго
Приветствовать бы мог.

Должно быть, данное мне имя
Созвучно было бы с другими:
«Дебдотто» или «Бошубхути»...

Губ алых благодать
Я, в принятой тогда манере,
В старинном бы воспел размере,
Нетолстых три-четыре книжки
Сумел бы срифмовать...

И, быстро кончив с писаниной,
Спешил бы за порог.
В собранье девяти жемчужин
Я сел бы в уголок.

8

В расцвете славы Калидасы
И мне бы жить, друзья.
Тогда, должно быть, мальвианку
Любил бы нежно я.

Восторгом юным опьяненный
И музыкой замороженный,
В весенней роще отыскал бы
Укромный уголок.

В фальгуне буйном, светлой ночью,
Кого бы видел я воочью?
И чье бы сари зацепилось
За манговый сучок?
В картинной царской галерее
Кого бы встретил я?..
В расцвете славы Калидасы
И мне бы жить, друзья.

9

Увы, прошли дни Калидасы,
Исчезли без следа.
Ученых все попытки тщетны —
Не уточнить года.
Теперь шуметь уже напрасно,
Все затерялось, все неясно...
Где Нипуника, Чотурика —
Красавицы тех лет?
Кто нам ответит на вопросы,
Где полные цветов подносы,
Дары для юношей влюбленных?
Давным-давно их нет.
Нет больше стройных мальвианок,
Померкла их звезда...
Увы, прошли дни Калидасы,
Исчезли без следа.

10

Хоть я исчезнувших красавиц
Не встречу на пути,
Но сердцу все же утешенье
Сумею обрести.
Дуг и без них покрыт цветами,
Ашок чуть шелестит ветвями,
Расцвел, не зная их дыханья,
И бокула цветок.

Прохладой так же дышат тени,
 Зовут предаться сладкой лени,
 И так же с юга прилетает
 Душистый ветерок.

В фальгуне светлом в сердце
 радость

Не может не войти,
 Хоть я исчезнувших красавиц
 Не встречу на пути.

11

Теперь красавицы другие
 Улыбкой нас дарят.
 В них не нашел бы недостатка
 Поэта строгий взгляд.

Они теперь в другой одежде,
 Их разговор не тот, что прежде,
 Походка их теперь другая,
 Обуты ноги их.

Но в уголке их глаз лукавых
 Все та же сладкая отрава,
 Что опьяняла Калидасу,
 Рождая звонкий стих.

Но если нет уж Чотурики,
 Не помирать же, брат —
 Хоть имена красавиц наших
 По-новому звучат.

12

Нет Калидасы! Только имя
 С почтеньем назовут.
 А я пляшу, я горд, я счастлив —
 Ведь я еще живу!

Я драгоценнейшие крохи
 Сумел собрать от той эпохи,
 А что мог знать поэт великий
 О ненаставших днях?

В подругах наших сочетанье
Учености и обаянья —
Подобных женщин Калидаса
Мог видеть лишь в мечтах.

А я с любимой подругой
Встречаюсь наяву...
Давным-давно жил Калидаса,
А я теперь живу!

РАСПЛАТА

Коль вновь рождаться суждено,
Я все предвижу наперед:
Бенгальская столица вновь
Меня в свой омут завлечет.
Я прозу и стихи слагал,
В Калькутту из-за них попал.
Не стану я стихов писать,
Огрехов столько было в них.
Я, может статья, буду сам
Критиковать свой каждый стих.

А вдруг поклонники мои
Не выведутся до тех пор,—
Побагровеют уши их,
Когда скажу, что плох Тагор.
Свои я книги брошу в печь,
Стихи и прозу буду жечь,
Так Лхумралочан погубил
Бесчисленных врагов своих.
Я, может статья, буду сам
Критиковать свой каждый стих.

Скажу: «Все это так старо,
Он где-то все это украл.
Я сам бы, если бы хотел,
Бумаги столько б намарал».

Подумаю о тех словах,
И душу вмиг объемлет страх.
Мне жалко самого себя,
Я будущее зло постиг.
Подумать только! — буду сам
Критиковать свой каждый стих.

О милый критик, чьи слова
Сегодня мне не по нутру,
Коль вместе возродимся мы,
Коль снова ввяжешься в игру,
Я буду сам себя ругать,
Чтоб начал ты мне возражать.
Захочешь ты, скрипя пером,
Оспорить суть статей моих.
Да, я, пожалуй, буду сам
Критиковать свой каждый стих.

Я напишу: «Среди певцов
Он — цапля между лебедей!»
Ответишь ты: «Какая ложь!
Не критик ты, а лиходей!»
Я напишу, что ты — глупец.
Ответишь ты: «Какой наглец!»
Последует горячий спор,
Совсем не вежливый, отнюдь.
Меня ты будешь поносить,
А я тебя, не обессудь.

МЫ ЖИВЕМ В ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

В той же я живу деревне, что она.

Только в этом повезло нам — мне и ей.

Лишь зальется свистом дрозд у их жилья —

Сердце в пляс пойдет тотчас в груди моей.

Пара выращенных милою ягнят

Под ветлой у нас пасется поутру;

Если, изгородь сломав, заходят в сад,

Я, лаская, на колени их беру.

Называется деревня наша Кхонджона,

Называется речушка наша Онджона,

Как зовусь я — это здесь известно всем,

А она зовется просто — наша Ронджона.

Мы живем почти что рядом: я вон там,

Тут она, — нас разделяет только луг.

Их лесок покинув, может в рошу к нам

Рой пчелиный залететь с гуденьем вдруг.

Розы те, что в час молитв очередной

В воду с гхата их бросают богу в дар,

Прибывает к гхату нашему волной;

Зачастую из квартала их весной

Продавать несут цветы на наш базар.

Называется деревня наша Кхонджона,

Называется речушка наша Онджона,

Как зовусь я — это здесь известно всем,

А она зовется просто — наша Ронджона.

К той деревне подошли со всех сторон

Роши манго и зеленые поля.

По весне у них на поле всходит лен,

Подымается на нашем — конопля.

Если звезды над жилищем их взошли,

То над нашим дует южный ветерок,

Если ливни гнут их пальмы до земли,

То у нас в лесу цветет кодом — цветок.

Называется деревня наша Кхонджона,

Называется речушка наша Онджона,

Как зовусь я — это здесь известно всем,

А она зовется просто — наша Ронджона.

НА ДВУХ БЕРЕГАХ

Люблю я песчаную отмель
И берег, размытый рекой.
Здесь чета куликов обитает
Осенней порой.

Разросся тростник молодой
Над речною водой.
Перелетные птицы
Сюда прилетают зимой.

В солнечных жарких лучах
Дремлет семья черепах.
Сюда рыбаки приплывают
Вечером на челноках.

Люблю я песчаную отмель
И берег, размытый рекой.
Здесь чета куликов обитает
Осенней порой.

Свой любишь ты берег,
Одетый густою листвою,
Под покрывалом зеленым
Землю не мучает зной.
Прямо к воде голубой
Переулок сбегает кривой,
Длинные стебли бамбука
Переплелись меж собой.

Женщины шумной толпой
Приходят сюда за водой,
Мальчишки пускают плоты
И плещутся день-деньской.

Свой любишь ты берег,
Одетый густою листвою,
Под покрывалом зеленым
Землю не мучает зной.

Между тобою и мною
Течет среди тростника

С одною и той же песней

Одна и та же река.

Солнце печет и печет

Целые дни напролет.

Здесь шорох песка, там звучанье кув-
шинов,

А вода все течет и течет.

Мы слышим на каждом шагу,

Как река неумолчно поет на бегу,

Но песня ее по-другому

Звучит на другом берегу.

Между тобою и мною

Течет среди тростника

С одною и той же песней

Одна и та же река.

С Н О В А Д О Ж Д И . . .

Опять мое сердце павлином танцует,
Павлином танцует, от счастья поет,
От счастья поет!
Забывшие чувства в груди пробудились —
Цветистым, павлиньим хвостом распустились,
И жадно душа устремляется в небо,
Кого-то восторженно молит и ждет...
Опять мое сердце павлином танцует,
От счастья поет!

Рокочут, грохочут тяжелые тучи,
Грозу предвещая, кипят в небесах,
Кипят в небесах!
А в рисовом поле волнуются всходы
В предчувствии бурной, дождливой погоды,
В гнезде боязливо трепещет голубка,
Веселое кваканье слышно в прудах...
Рокочут, грохочут тяжелые тучи,
Кипят в небесах!

Как будто густая сурьма на ресницы,
Легла наплывающих туч синева,
Легла синева...
По шумным, от счастья трепещущим чашам
Веселье рассыпалось ливнем звенящим,

Проснулись могучие души деревьев —
Раскрылись цветы, освежилась листва...
И, словно густая сурьма на ресницы,
Легла синева.

Кто там, распустив свои длинные косы,
На кровле богатого дома стоит,
На кровле стоит?
Испуганно кутаясь в синее сари,
Дрожит и смеется при каждом ударе,
От молний забавно лицо закрывает,
На тучи с восторгом и страхом глядит?
Кто там, распустив свои длинные косы,
На кровле стоит?

Кто там по отлогому склону спустился
В зеленой одежде на каменный гхат,
На каменный гхат?
О чем, молодая, грустишь ты, вздыхая,
Зубами с цветка лепестки обрывая?
Куда уплывает кувшин по теченью?
Что на небе ищет задумчивый взгляд?
Кто там по отлогому склону спустился
На каменный гхат?

Кто там, на качелях, под сенью укромной,
Меж бокулов старых, качаясь, поет,
Качаясь, поет?
Трепещут от ветра игривые складки,
И пряди скользят по лицу в беспорядке,
А с веток, шурша, лепестки облетают,
И тени колышутся взад и вперед...
Кто там, на качелях, под сенью укромной,
Качаясь, поет?

А кто под навесом цветущих кетоки
Ладью привязал и на берег сошел,
На берег сошел?
Сквозь слезы на тучи восторженно глядя,
Выходит красавица в ярком наряде,

Счастливая, песню дождя запекает,
Цветы собирает в узорный подол...
Кто там, под навесом цветущих кетоки,
На берег сошел?

Опять мое сердце павлином танцует,
Павлином танцует, от счастья дрожит,
От счастья дрожит!

А ливень шумит по раскидистым кронам,
И рошу цикады наполнили звоном,
И вздулась река, берега затопляя,
И мимо селенья бурливо бежит...
А сердце, а сердце павлином танцует,
От счастья дрожит!

КРИШНОКОЛИ

Я зову ее Черным цветком — Кришноколи,
Но чернавкой ее называют сельчане.
Днем ненастным и ветреным в рисовом поле
Повстречал я глаза перепуганной лани.
Шла она, не покрыв головы второпях,
Ветер бился в свободных ее волосах.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень —
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Небо облаком заволось, помрачнело,
Заревели протяжно две темных коровы.
Темноликая девушка к ним побежала,
На свинцовое облако глядя сурово.
Вдруг ударил раскатистый гром — и она
Бровью в сторону грома стрельнула, гневна.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень —
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Набежал неожиданно ветер восточный,
Заходило волнами высокими поле.
Опустела округа. Один я остался.
Поспешала домой до грозы Кришноколи.
И не знает на свете никто, кроме нас,
На меня Кришноколи взглянула ль хоть раз?
Темнокожа ль она? Может статься, и очень —
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Так весенней порой налетают внезапно
Черные, словно сажа, восточные тучи.
Так позднее деревья тамаловой роши
Облекаются легкой тенью летучей.
Так, когда воцаряется влажный муссон,
Дух нежданною радостью заворужен...
Темнокожа ль она? Может статься, и очень —
Я увидел лишь лани встревоженной очи.

Я прозвал ее Черным цветком — Кришноколи,
Пусть ее как хотят называют сельчане.
Днем ненастным увидел я в рисовом поле
Эти черные очи испуганной лани.
Не успела лица Кришноколи закрыть —
Было некогда ей за приличием следить.
Темнокожа ль она? Может статься, и очень —
Я увидел лишь лани встревоженной очи...

БЛАГОСЛОВЕННАЯ

Стоит среди сада твой дом одинокий,
Весна за порогом цветет.
Здесь вся твоя жизнь неизменно проходит
В кругу ежедневных забот.
На манговом дереве, в зелени пышной
Кукушки беспечное пение слышно,
Из дома журчание детского смеха
Струится, подобно ручью...
Последнюю, самую лучшую песню
Тебе отдаю.

С корзиной цветов появляется утро,
Тебя на молитву зовет,
И вечер приносит светильник священный,
Вечерние гимны поет.
И раковин зов не смолкает певучий,
Твой дом наполняя волнами созвучий,
А ласковый звон твоих тонких браслетов
Я даже вдали узнаю...
Последнюю, самую лучшую песню
Тебе отдаю.

Седые брахманки, входя, надевают
Гирлянды на шею тебе,
Невесты приносят подносы с дарами,
Склоняясь в смиренной мольбе.

Любовь и признание тебя окружают,
Высокую святость чело отражает,
В глазах улыбается тихая радость
И славу поет бытию...
Последнюю, самую лучшую песню
Тебе отдаю.

Тебе не знакомы ни юность, ни старость:
В сиянье своей чистоты
Над сменой цветения и увяданья
Царишь, неизменная, ты.
Твой солнечный сад никогда не увянет,
Светильник светить никогда не устанет,
Ничто не смутит красоты и покоя
В твоём безмятежном раю...
Последнюю, самую лучшую песню
Тебе отдаю.

Подобно реке, ледниками рожденной,
В горах ты начало берешь,
Подобно реке, величаво и вольно
К далекому морю течешь.
Как будто со светлой вершины стекая,
Струится незримо прохлада благая,
Чтоб здесь, в этом доме, в тебя воплотиться —
В походку, в улыбку твою...
Последнюю, самую лучшую песню
Тебе отдаю.

Твой облик спокойный скитальцев усталых
Домой возвратиться зовет,
Твой облик прекрасный сердцам разлученным
Надежду на встречу дает.
В моей поэтической роще играя,
Проносится ветер, цветы обрывая,
И с каждым из этих цветов облетевших
Я новую песню пою,
Но лучшую песню, заветную песню
Тебе отдаю.

И з к н и г и
«Д А Р Ы»
(«Нойбеддо»),

1901

* * *

О жизни владыка, о царь вселенной!
Руки к тебе простирая с мольбой,
Я неотступно и неизменно
Буду стоять перед тобой.

В уединении сокровенном,
Объятый вечностью голубой,
С очами влажными, с сердцем смиренным —
Буду стоять перед тобой.

В мире твоём, сложном и странном,
Где труд бесконечен, как волн прибой,
И там, окружен бытия океаном —
Буду стоять перед тобой.

Когда же исполню предначертанье,
Дойду до края своей тропой —
Тогда, владыка, один в молчанье
Буду стоять перед тобой.

* * *

Лампады под кровлей свою
Зажигаю вечерней порой.
Теперь погаси их, о сердце, скорее
И настезь все двери раскрой.

Утром и так светло, —
Солнце в мой дом вошло.
Светильников больше не надо,
Их место — во тьме ночной...
Задуй же, сердце, лампы
И настезь все двери раскрой.

Погоди, — не нужно пенья
И аккордов вины твоей.
В молчанье помедли мгновенье
У распахнутых в мир дверей.

Небо, воздух и все в природе —
Только потоки твоих мелодий.
Гремит в созвучьях широких, сильных,
В пении мира — голос твой.
Погаси же ночной светильник
И настезь все двери раскрой.

* * *

В жизни нужно мне очень мало:

 Что имею, тому и рад.

Но душу мою не раз пронзала

 Неутолимая боль утрат.

Как берег волну, так и я бесплодно

Стремлюсь удержать поток многоводный.

Волны бьются, словно о скалы,

 О сердце мое и вдаль спешат.

В жизни нужно мне очень мало:

 Что имею, тому и рад.

Но если в жертву, благоговей,

Все принесу тебе, что имею —

Станут дары мои славой твоею,

 В вечном величье твоём заблестят.

Солнца свои и звезд вереницы

Ты сохранил до мельчайшей частицы.

Тебе отдаю, что сердце вмещало,

 Но ты сохранишь ли убогий клад?

В жизни нужно мне очень мало:

 Что имею, тому и рад.

* * *

Если даешь нести свое знамя —
 Дай же и силы быть впереди.
Смело пойду твоими путями —
 Но в сердце моем любовь утверди.
О, ниспошли душе моей
И скорбь, и спасенье от всех скорбей.
Скорби, как самый бесценный камень,
 Чело мне украсят, а боль в груди
Я пронесу через жизнь, как знамя —
 Но в сердце моем любовь утверди.

Буду работать, трудолюбивый,
 Лишь не давай о тебе забывать,
Чтоб паутиною нечестивой
 Не облепило душу опять.
Мне путы и цепи любые готовь,
Оставь лишь свободной — к тебе любовь.
И в прахе оставь, — от пыли брэнной
 Меня очистит твоя благодать.
О, зачаруй посреди вселенной
 И не давай о тебе забывать.

Путь, который пройти осталось,
 Пусть приведет к ногам твоим.
Труд вдохновенный мою усталость
 Развеет внезапно, как легкий дым.

Мир — это дебрей замкнутый круг.
Сколько печалей, жертв и разлук...
Смерть пребывает в жизни безмерной,
Но, умирая, мы смерть победим.
Миров повелитель, — в час мой вечерний
Дай мне припасть к ногам твоим!

* * *

Природой завладевает сегодня покой осенний.
Небо, поля и полдень словно в оцепененье.
И тишина над миром в усталости и бессилье
Простерла до горизонта зеленоватые крылья.
Река не поет сегодня, окутанная туманом,
Не чертит своих узоров на берегу песчаном.
Словно глаза зажмурив, греются в отдаленье
Под золотистым солнцем дремлющие селенья.
Но слышу в молчанье этом, но слышу в природе всей,
В травах густых, в просторах, в путанице ветвей,
Слышу в крови горячей, питающей плоть мою,
В солнце, планетах, звездах, в потустороннем
Атомов слышу танец! О всеблагой, предвечный —
Ты окружен отовсюду радостью бесконечной.

краю, —

* * *

В плоти моей, в невидимых венах
Жизни струятся многих вселенных.
Здесь и к победе властный зов,
И танец ритмичный иных миров.
А бытия стихия слепая,
Сквозь землю весеннюю проступая,
Цветами становится и травой
В неизмеримости мировой.
Мир и сегодня вечен, един
В круговороте зачатий, кончин.
Жизнь, пребывая в прошлом, в грядущем,
Каждого делает вездесущим.

Все мирозданье с первых дней —
Сегодня клокочет в крови моей.

* * *

О всеединство разума, духа и брешной плоти!
Тайна жизни, которая в вечном круговороте.

От века не прерывается, исполненная огня,
В небе игра волшебная звездных ночей и дня.
Вселенная воплощает тревоги свои в океанах,
В скалах крутых — суровость, нежность — в зорях
багряных.

Сплетенье существований, движущихся повсюду,
Каждый в себе ощущает, как волшебство и чудо.
Сквозь душу порой проносятся неведомых волн
колебания,
Каждый в себе вмещает вечное мироздание.

Ложе соединенья с владыкою и творцом,
Престол божества бессмертный ношу я в сердце моем.
О красота беспредельная! О царь земли и небес!
Я создан тобой, как самое чудесное из чудес.

* * *

Свобода — в отречение, но это не для меня.

Я обрету свободу и кандалами звеня.
Вселенная — словно чаша, ее же из рода в род
Ты наполняешь нектаром бессмертных твоих щедрот.
Я мир мой приподнимаю в твою нетленную высь,
Чтобы лампад миллионы от огня твоего зажглись,
Чтобы затрепетали, разбуженные огнем,
Горящим неугасимо в вечном храме твоём.
Закрыв ощущений двери, радости отстраня,
Я мог бы раздумьям отдаться, но это — не для меня.
Когда я радуюсь ветру, звездам, цветам, луне —
Радость твоя святая пусть пребывает во мне.

Дай моему восторгу свободы твоей печать,
Дай любви благодатной вечною пребывать.

* * *

Не отвергай пришедших. Сердце тебе отдаю
И чувствую — заполняет вселенная грудь мою.
Жестокосердые люди пред кем-то закрыли дверь,
Но ты одинокого странника не покидай теперь.
Гордо отвергший слабого, гнушаясь его мольбой,
Да будет и сам отвергнут и позабыт тобой.
Всякая зависть в сердце — корень горчайших зол,
Она копьём раскаленным вонзается в твой престол.
Лишь кров, под которым каждый может приют найти,
Да будет твоей обителью, ее же и посети.

Когда властитель ничтожный идет дорогой своей,
Челядь его беснуется, гонит, бранясь, людей.
Когда же ты, владыка, проходишь своей тропой,
Вселенная в благоговении следует за тобой.

* * *

Того, кто не чтит твоих святынь,
Ты покарай и навек отринь.
И пусть поглотит крошечный ад
Того, чьи речи тебя хулят.

О повелитель, во всей вселенной
Ты пребываешь сокровенно.
Но каждая капля, ручей любой
Тебя отражают, полны тобой.
Зори, ветры, на травах роса —
Вечно славят твои чудеса.

Твоей преисполненный красоты,
Мир отрицает, что это — ты.
Но есть ли улики? Где, у кого?

И ты не спеши обличать его.

* * *

Алчущих слыша каждый призыв,
Землю щедротами одарив,
Ты не иссяк, не оскудел
Для новых задач и грядущих дел.

Реки, прервав повседневный труд,
Жадно к стопам твоим припадут,
Словно свершая скорбный обряд.
В мире царит цветов аромат,
Но бытие дано цветам,
Чтобы тебе вознесли фимиам.
В вечном служении мир земной.

Песня поэта, лишь стороной
Задев человеческие сердца,
Тебе раскрывается до конца.

* * *

Бьют, угрожают, копьё нацеля.
Я сбросил браслеты и ожерелья.
Дай мне, наставник, меткие стрелы,
Да будет рука моя твердой и смелой.
Любовь твоя в этот суровый час
Пусть превратится в грозный приказ.
Силы мои обновив, утроив,
Даруй мне славу и честь героев.
Даруй страданий плащ и покров
И ожерелья ран и рубцов!
Раба недостойного благослови
В битвах, в дерзанных, в вере, в любви.
Какой бы очам ни открылся край —
В свободе и мужестве укрепляй.

* * *

Родину бедную, всеблагой,
От вечного страха избавь, укрой.
Страхи терзают ее, нахлынув.
Слабый страшится всех властелинов.
Слезы стыда сердце прожгли,
Честь распостерта в прахе, в пыли.
Согнуты спины, плети суровы,
Души покорны, тяжки оковы.
Грязь, поруганье, обиды, срам,
Клонится гордость к чьим-то ногам.

О ниспровергни нагроможденья
Рабства, позора и оскверненья.
Дай наконец-то расправить грудь —
Утро, свободу, небо вдохнуть.

* * *

Живет созданье слепое в ущелье, в холодной мгле,
Не ведая, что лампада горит на его челе.
Не так ли свет излучает, ничего не зная о нем,
Наша страна ослепшая во мраке холодном своем?
О вседержитель мира, владыка сил и начал, —
Сколько сокровищ светлых ты нашей стране даровал.
Но слепая не видит, не ценит твоих щедрот,
Скорбь бытия бесконечная сердце ее гнетет.
Она твой образ единый на части делит, дробя,
В цельности и величии не может вместить тебя.
Осколки твои повсюду во прахе лежат, в пыли,
Чтобы, не поднимаясь, все видеть тебя могли.

Как переплыть пучину темных, коварных волн,
Если безумцы на щепки свой раздробили челн?

* * *

Тебя раздробившие пали в грязь,
В негу блаженную погружась, —
А мир необъятный, вечно живой,
Их попирает своей стопой.

Все презрев, ничего не любя,
Играют они в почитанье тебя.
Но дряхлым младенцам во вселенной
Самим суждено быть игрушкой мгновенной.
И все же убогой мерой своей
Тебя измеряет жалкий пигмей.
Кто душу им даст, чтобы в самом деле
Тебя почитать они захотели?
Кто даст им единство, если, дробя,
Они, обезумев, делят тебя?

* * *

С дороги трудной, где рвы и обвалы,
Они свернули на двор постоялый,
И там обезумели, опьянели
В беспмятстве темном, в бреду и хмеле.
Не знают, что путников жизнь ведет,
Под пенье раковин, дальше, вперед.
Словно игрушкой, о всеблагой,
Безумцы играют теперь тобой.

На чувствах, желаньях, на каждой мысли
Цепи законов, запретов повисли.
Мир необъятный заглох, зачах
В тесном углу, в четырех стенах.
Плачут теперь... Но во тьме слепой —
Кого же, куда поведут за собой?

* * *

Кто до конца запуган, забит
И клонит чело от тяжких обид,
В том твоя истина пресвятая
Сразу же гибнет, не расцветая.
Слабый в тебя не имеет веры:
В душе отражаясь убогой, серой,
Жалким, бесцветным кажешься ты.
В жизни, исполненной суеты,
Ложь воцаряется, все калеча.
На чувства, поступки, мысли, речи
Ложь роковую кладет печать, —
Ее не изгладить, не смыть, не снять.

Сердце, в котором страх и раскол,
Лжи воздвигает вечный престол.

* * *

Мы на задворках далеких где-то
В разрушенном доме, лишенном света.
Под взорами мрачных, враждебных глаз
Мы трепетали, всего страшась.
По мановенью властелина
Идем за толпой, сгибая спину.
Слышим приказы, пугаясь тени,
Созданной в собственном воображенье.
В доме угрюмом томит впотьмах
Наши сердца бесконечный страх.
Сами себя, отдавшись бессилью,
Делаем прахом, ничтожной пылью.
Словно сироты, мы бредем
Без правды, без бога в мире чужом.

* * *

Внезапно отбросить и смерть и страх,
Как мусора груды, как мертвый прах,
Сразу очнуться и вдохновенно
Светом упиться, солнцем, вселенной.
В царстве, где трудятся и творят,
Освободиться от всех преград.
Сбросив оковы оцепененья,
Птицы услышать вольное пенье,
Словно горячий, радостный зов.
Вечного мрака сорвать покров,
Вселенной увидеть святые чертоги
И возвестить: «О предвечные боги!
Мы тоже в бессмертье вознесены —
Ваши наследники и сыны».

* * *

Солнце горит в облаках кровавых,
Праздник сегодня злых и лукавых.
Оружье о смерти поет, звеня...
Цивилизация! О змея!
Черная ненависть напитала
Ядом смертельным скрытое жало.
Зависть в сердцах породила гнев,
И люди сражаются, озверев.

Но варварство прячет грехи и грязь,
В одежды обманчивые рядясь,
Национальной ради гордыни
Хотят обесчестить свои святыни.
Поэты беснуются, — их голосов
Не отличишь от рычанья псов.

* * *

Власть себялюбия оборвалась,
Пробил безумья последний час.
Владыка низложен, смят и сражен
Во мраке кромешном под гул времен.
Предвечный и мудрый закон вселенной
Не даст никому вознестись надменно.
Жадность, не зная конца и края,
Только растет, все пожирая.
Миры и планеты и все светила
Она мгновенно бы проглотила,
От хищной ярости охмелев,
Но громом ударил твой правый гнев.

Ладью себялюбья водоворот
О скалы гранитные разобьет.

* * *

На небе багровый кровоподтек,
Который не утро, не свет предрек:
Пылают израненные вечера,
Горит погребальный огонь костра
На побережье западных вод.
Факел корысти чадит и жжет, —
Последние искры летят во мглу...
Там силам земным возносят хвалу,
Но ты не прославлен и не воспет.
Твоей бесконечной радости свет
Над берегом Инда, в восточной стране,
В терпенье, в покорности, в тишине,
В этом уменье ждать без конца
Того, что навек утолит сердца.

* * *

Ради грядущего утра, что счастья зажжет огни,
Отчизна моя, мужайся и чистоту храни.
Будь и в цепях свободной, свой храм, устремленный
ввысь,

Праздничными цветами украсить поторопись.
И пусть благоухания воздух твой напоют,
И пусть вознесется к небу растений твоих аромат.
В безмолвии ожидания, пред вечностью преклонясь,
Со светом незаходимым живую почувствуй связь.
Что же еще утешит, возрадует, укрепит
Среди тяжелых напастей, утрат, испытаний, обид?
И славы сверканье чистое твое озарит чело,
И станет внезапно всюду торжественно и светло.
Престолы свои в подножье Грядущего преврати,
Для которого все планеты — лишь пыль на его пути.

* * *

Лишь вольного утра взор светло-синий
Внезапно сверкнет на белой вершине,
Пронзающей неба свод голубой —
Пусть, родина, голос раздастся твой,
Утра победного повторив
Первую песню, первый призыв.
В светлых одеждах, свершив омовенье,
Жарко молись, преклонив колени:
«Благость, приди же, о неба дочь,
Демонов злых изгоняя прочь!»
Тогда вознесется твой свет великий,
Как перл драгоценный, в чертог владыки.
Кроткая, чистая до конца —
Стань украшеньем его венца!

* * *

Жезл правосудья смертным вручен, —
Ты всем доверяешь хранить закон.
Ты каждому дал управлять судьбой,
Но мы склоняемся пред тобой:
Власти могущество, царь царей,
Пусть остается в руке твоей.

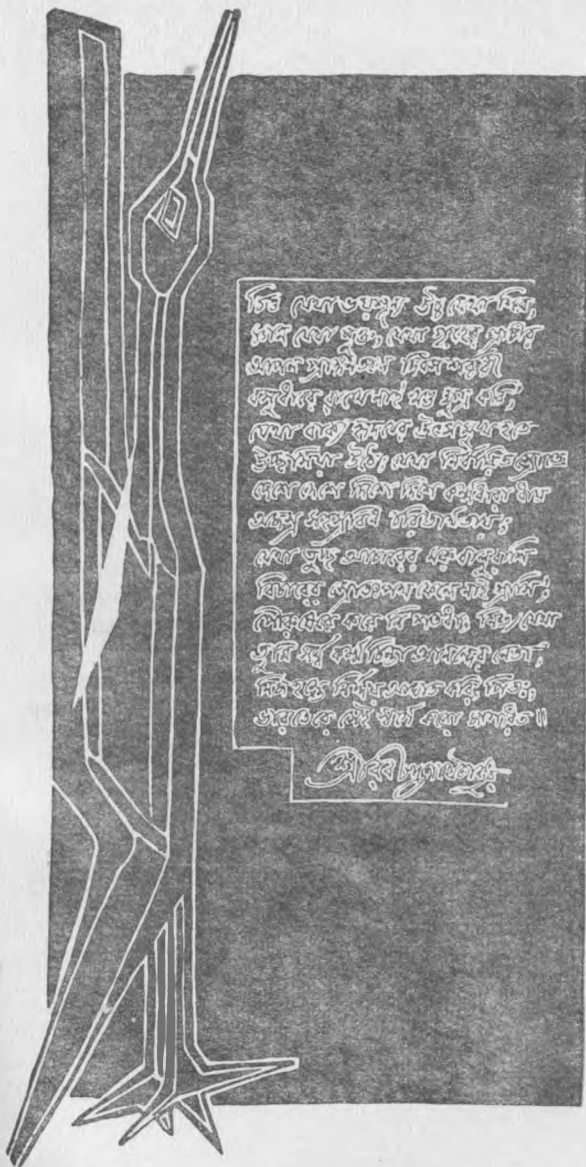
Жалости пути я превозмог,
Если прикажешь — буду жесток.
Правдивое слово, как острый меч,
Всегда из сердца готов извлечь.
Волю твою исполню везде,
Чтоб устоять на твоём суде.
Кто правду твою осквернил, презрев,
Того, как солому, спалит твой гнев.

* * *

Где души бестрепетны, где чело
Всегда приподнято и светло;
Где всю вселенную стены оград
На узкие улицы не дробят,
На комнаты, лестницы и дворы;
Где речи свободны, сердца щедры;
Где вдохновеньям дано цвести,
Где раскрываются все пути;

Где предрассудков мертвая мгла
Порывы и чувства не оплела;
Где правду не делят, где ты один
И мыслей и радостей властелин, —
От долгого, тяжкого сна наконец
Ты Индию там разбуди, отец!

किं नमोऽस्तु त्वेतिहासि,
सदं नमोऽस्तु, नमोऽस्तु त्वेतिहासि
एतत् प्रथमतः किञ्चित्
कुर्यात् प्रथमतः त्वेतिहासि
नमोऽस्तु त्वेतिहासि
इतिहासि त्वेतिहासि
नमोऽस्तु त्वेतिहासि
एतत् प्रथमतः किञ्चित्
कुर्यात् प्रथमतः किञ्चित्
नमोऽस्तु त्वेतिहासि
इतिहासि त्वेतिहासि
नमोऽस्तु त्वेतिहासि
एतत् प्रथमतः किञ्चित्
कुर्यात् प्रथमतः किञ्चित्
नमोऽस्तु त्वेतिहासि ॥

श्रीरामकृष्ण

Рисунок Р. Тагора с текстом стихотворения «Где души бестрепетны...» (сб. «Дары»)

* * *

Люблю, о всевышний, синие дали,
Небо безоблачное Бенгалии,
Эти просторы и свет без тени,
Струящийся, словно тихое пенье;
Девичий стан, над рекой склоненный,
Браслетов ритмичные перезвоны.
Эту любовь, тенистым шатром
Укрывшую нежно мой мирный дом,
Приют, утонувший в счастье, в любви,
В небе, в закате, — благослови!

Но только услышу твой призыв, —
Всех покидая и все забыв,
Ради тебя — на скорбь и беду,
На подвиг, на битву, на смерть пойду.

* * *

Там не звенит этих вод течение,
Как материнское нежное пенье,
И земли сочные не хотят
Праздничный свой обновить наряд.
Там, словно черной тканью завес,
Скрыта навеки лазурь небес.
Там речи родной не найти путей
К чертогам заветным души твоей,
Куда лишь любимой входить дано...
Там в помышленьях всегда одно —
Как бы уйти из постылых стен?

Если в такой попаду я плен —
Будь в моем сердце, в мечтах, в крови,
Радостью вечной дух оживи!

* * *

Скорби не делают нас бедней.
Будь благодатью души моей!
От звездного неба до темных недр —
Мир бесконечно богат и щедр.
Пусть же в душе сохранию навек
Ветра упругость и вольность рек,
Запах тумана, песни, весну.

Пусть провиденье не попрекну
За испытанья, горечь утрат,
И пусть меня беды не сокрушат,
Чтобы и помысел не возник —
Место занять за столом владык.
Лишь во всемирной сверкать любви —
О всемогущий, благослови!

* * *

Индиец, ты гордость свою не продашь,
Пусть нагло глядит на тебя торгаш!
Он прибыл с Запада в этот край, —
Но шарфа ты светлого не снимай.
Твердо иди дорогой своей,
Не слушая лживых, пустых речей.

Сокровища, скрытые в сердце твоём,
Достойно украсят смиренный дом,
Венцом незримым оденут чело.
Владычество золота сеет зло,
Разнузданной роскоши нет границ,
Но ты не смущайся, не падай ниц!
Своей нищетою будешь богат, —
Покой и свобода дух окрылят.

* * *

Учила ты, Индия, властелинов
В лохмотьях скитаться, престол покинув.
Герои, во имя твоих желаний,
Врагов прощают на поле брани.
Ты помогаешь забыть о войнах
В раздумьях и светлых и спокойных,
Жизнь отдавая в дар всеблаговому.
Ты научила двери дома
Настежь раскрыть и друзьям и вселенной.
Ты радость делаешь совершенной.
Ты бедность украсила светлой силой,
Богатство в щедрости растворила.
Ты учишь не думать о бренном, лишнем,
Всегда пребывая перед всевышним.

* * *

Твои сокровища и дары
Смиренны, о Индия, не пестры,
Тебе и не надо иной казаться...
Среди вероломства цивилизаций,
Ради которого пролилось
Столько невинной крови и слез,
Среди гордецов, бесстыдства, богатства,
Где ложь и бесовское святотатство,
Где в диком, варварском реве металла
Сила нечистая загрохотала, —
Ужель одеяний в этом аду
Чистых, смиренных, святых не найду?

Ужели никто сохранить не смог
Свободным и светлым сердца чертог?

* * *

Мы драгоценности растеряли, —
Вот и поникли в стыде, в печали.
Нужда беспощадна к нашей плоти.
Обитель брахмана не в почете.
Самопознания гаснет свеча.
Молитвы заученные шепча,
Уныло свершаем мертвый обряд.
Сердца равнодушные не горят.

Нет, не подвинусь, не шевельнусь, —
Давит безжизненной веры груз.
Но Западом брошенные лоскуты
Нашей не могут скрыть нищеты.
Где только обман, лицемерье, ложь —
Там правды и совести не найдешь.

* * *

О щедрый, моих не осталось сил,
Но ты упованьем меня укрепил.
В мире твоём, огромном, цветущем,
Сердце стремится стать вездесущим.
В списке твоих благодатных дел
Я эту вселенную запечатлел.

Когда же, измученный, скину, сброшу
Тяжесть свою, как постылую ношу?
Лишь в царстве твоём стоять посреди,
Лишь силу твою ощущать в груди.
Услады мои и горечь мою,
Словно тяжёлый кувшин, разобью
И с бездной сольюсь, — океан мировой
Легко поднимая над головой.

* * *

Просьбе последней внимли моей:
Бессилье мое истреби, убей,
Вырви тоску из моей груди,
В смелости, в радости утверди.
Смелость и мужество дай везде —
Во всех испытаньях, в любой беде.
Смелость умножь и обнови,
Чтоб расцветало древо любви.
Смелость подай, чтобы вовек
Не был унижен мной человек,
Чтобы к ногам сильных владык
Сам в унижение я не приник.
Смелость вдохни в душу мою,
Чтобы и там, в светлом краю,
Перед престолом твоим простерт,
Я оставался и смел и тверд.

Из книги
«ЕЕ ПАМЯТИ»
(«Шорон»)

1903

* * *

Утро сегодня глядит устало,
Страданье в глазах, испуг.
Ночь обратилась в утро печали,
Очнувшись на ложе мук.
Рощи расцветшие с тенью отрадной,
Передрассветный ветер прохладный,
Не с вами я ныне, душою и телом
Сегодня я вам не друг.

Скрой от меня лучезарное утро!
Скрой от меня, о скрой
Песни, лучи, толчею базара,
Мир с его пестрой игрой!
Из гомона утренней суеты
О дай мне кануть в глубь темноты,
Заглохшее сердце свяжи, опутай
Лианами любящих рук!

* * *

Пришла — и ушла... Приоткрыта дверь...
Никогда не вернется домой...
Один лишь гость войдет в эту дверь, —
Последний знакомый мой.
Придет, погасит лампаду мою,
Подъедет его колесница.
Из дома он выведет душу мою,
С ней в путь бездомный помчится.

Один я буду и ночь и день
Свой здешний оканчивать труд.
Последнему гостю в последний день
Другие мешать не придут.
Цветы и куренья будут готовы
Для моления в тихом дому.
Протянутся руки, к объятью готовы, —
Я радостно гостя приму.

Та, приоткрывшая нынче дверь,
Уходя, сказала тайком:
«Не плачь и открой перед гостем дверь,
Перед тем, с кем ты незнаком».
Сказала: «Плети до конца плетеницу,
От терний очисти и потом
Внеси совершеннейшую плетеницу,
Бездомный, в свой новый дом!»

Жена Р. Тагора — Мриналини Деби

* * *

Почью глубокой ушла ты из дома...
Дорога твоя никому не знакома.
Без слов ты ушла во тьму,
Не сказала «прости» никому.
Ушла одиноко в дремотный мир.
Искал я во мраке, потерял и сир,
Но образ счастья меж звезд исчез
В бездне извечно родных небес.

Но как ты из дома ушла своего,
Ушла и с собой не взяла ничего?
Нести одному мне те двадцать лет
Радостей общих и общих бед.
С какую любовью, каким трудом
Ты создала любимый дом!
Любовью дышали досуг и дела...
Ушла, и с собой ни крохи не взяла!

Дом покинут, и мы — одни,
И добрые будут, и злые дни, —
Но где в непривычной мне тишине
Твой след искать, в какой стороне?
Душа лишь одной надеждой полна:
Счастливица, если ушла ты одна, —
Мне, может быть, там, где пристань и цель,
Для вечного вечера стелешь постель?

* * *

О как ты столько дней, для всех неуловимо,
Существовала здесь, неслышна и незрима?
В заботы прятала сияние лица,
Открыта одному всеведенью творца.
Покорно-тихая, сквозь каждое мгновенье
Легко скользила ты, полна благоговенья;
Семью лелеяла любовью и трудом...
Но где таилась ты, и здесь ли был твой дом?
Когда ты в ночь ушла и дверь еще зияла,
Вся красота твоя так дивно просияла!..
Вдруг все обрушилось, пред сердцем пало ниц, —
Ни плодотворных дум, ни начатых страниц...
Но ты передо мной, и ты не наважденье, —
Недвижным оком зришь всевечное рожденье,

* * *

Подруга, нет тебя ни дома, ни на гхате...
Плывешь ты в облике прекрасной Сарасвати
В столистном лотосе, и музыка звучит;
Желаний озеро у ног твоих молчит.
Ты отражением озарена вселенной.
Нет более преград красе всесовершенной,
Весь мир вокруг нее. Восторженно слиясь
Со светом истинным, теперь вкушаешь связь
С весельем всех миров. Звенят твои запястья,
Сверкают женственно и излучают счастье.
Твоя любовь жива в сердцах у смертных жен,
Твой благородный дух в их душах отражен.
Вселенский образ твой, источник благодати,
Обрел внутри меня лик Лакшми-Сарасвати.

* * *

Недосказала ты — и было ли возможно?
Ты в скромности своей судила, что ничтожна
Твоя благая жизнь. То стыд ли был иль страх, —
Желанья высказав, бывала ты в слезах.
Грозила им перстом, ты их предупреждала,
Как будто без вины обиды ожидала...
Пренебрегала ты своим высоким «я»,
Шла впереди тебя любимая семья.
Смерть возвеличила творимое смиренно.
Здесь, в сердце-лотосе, от мира сокровенна,
Ресницы опустив, безмолвно, в тишине,
О жизни прерванной рассказ продолжи мне,
И, сердце мне обвив бесплотными руками,
Пребудь во мне навек — владычицею в храме.

* * *

Сегодня увидал я пачку писем старых, —
О, весть о нежности, о миновавших чарах!
Игрушки памяти... Вдали от глаз чужих
С какой заботою ты сохраняла их!
Течет река времен в беспмятстве жестоком,
И столько солнц и лун уносится потоком.
Страх обуял тебя — от дней и от ночей
Украдкой несколько любимых мелочей
Ты спрятала, сказав: «Они — моя отрада,
И у меня никто отнять не вправе клада!»
А нынче у кого найдется им приют?
Они уже ничьи, но дышат и живут.
С какой ты нежностью их берегла когда-то...
Тебя же кто-нибудь сберег ли так же свято?

* * *

Когда-то, свадебным смущенная нарядом,
Здесь, в мире суеты, со мной ты стала рядом,
И было трепетно соприкосанье рук.
По прихоти ль судьбы все совершилось вдруг?
То был не произвол, не беглое мгновенье,
Но тайный промысел и свыше повеленье.
И прожил я свой век с любимую мечтой, —
Что будем, ты и я, единством и четой.
Как из души моей ты черпала богато!
Как много свежих струй влила в нее когда-то!
Что создавали мы в волнении, в стыде,
В трудах и бдениях, в победах и беде,
Меж взлетов и потерь, — то, навсегда живое,
Кто в силах довершить? — Лишь мы с тобою, двое.

* * *

Безумный день весны, — он гостем долгожданным
К нам с виной приходил; в веселье несказанном
Весь мир приготавлиал ему для колдовства
Дурманы и цветы, напевы и слова.
Кукушкой он кричал: «Открой, открой же двери!
Забудь себя и мир, заботы и потери!»
И шли за днями дни, и каждый в дверь стучал.
Работал я один, — но голос твой молчал.
Ушла, ушла навек... И снова — ветер южный...
О, как он овладел моей душой недужной!
Он нес любимый взгляд и будто шепот слов,
Порыв души твоей провеял меж деревьев,
Души, которую смущал я зачастую.
О, как я звал ее в хоромину пустую!

* * *

Весна, весна! Распахнуты двери,
В мой дом войди, о весна!
Хоть нет цветов, обряд не свершен,
Светильник угас, пустует ашон.
Увидя, рассмейся: пустынная комната,
Как нищая, обнажена.
Но и сегодня распахнуты двери, —
Входи же, входи, о весна!

С утра все окна мои пораскрыты,
Нем опустевший дом.
В странной свободе я встретил зарю,
И не надеюсь, и не творю,
Мысль на качелях южного ветра
Реет в движенье пустом.
Сегодня с утра мои окна раскрыты,
Гулок пустынный дом.

Где весен столько улыбки и слезы?
Исчезли в какой дали?
Пусть в вольном небе дыханье твое
Овеет их бытие,
Пусть возродятся в жасминах и розах,
В благовонных дарах земли.
Минувших лет улыбки и слезы
Исчезли в немой дали.

В груди у меня из муки, из боли
 Праздник устрой — и пой!
Смейся и пой под рокоты вины,
Цветов и листвы принеси мне первины,
Слетайтесь, птицы всех поднебесий,
 Крылатой, певчей толпой!
Из скорби моей, из муки и боли
 Песню создай — и пой!

В гомоне вешнем сирое сердце
 Уловит ответ и зов.
Когда, небеса с землей единя,
 Зашумит ликование весеннего дня,
Когда, сотрясая ворота смерти,
 Вы сломите их засов,
В гомоне вешнем сирое сердце
 Уловит ответ и зов.

* * *

Как полноту своей бессмертной красоты
В обличье женщины, творец, уносишь ты;
Как светлая живет, слиянна со вселенной;
Как радость зыблется в ее любви нетленной;
Как пышен цвет лиан и сладок плеск волны;
Как Лакшми царствует, богиня тишины;
Как льется вешний дождь с усердием ревнивым,
И молоком благим река струится к нивам;
В стремленье к высшему, к весельям неземным,
Как счастье обрели вы двое, став одним;
Как слитность вас двоих из многоликой муки
Рождает запах, цвет и нежных песен звуки... —
О женщина, ко мне пришедшая на миг,
Я отблески всех тайн через тебя постиг!

* * *

Нисходит полумрак и синим краем сари
Окутывает мир в его грязи и гари, —
Дом развалившийся, одежды рваной срам.
О, пусть, подобная спокойным вечерам,
Скорбь о тебе сойдет в мой бедный дух и мглою
Всю жизнь окутает с ее тоской былою,
Когда влачился я, изношен, хил и хром.
О, пусть она в душе, сливая зло с добром,
Мне начертает круг для золотой печали.
Желаний в сердце нет, волненья замолчали...
Да не предамся вновь глухому мятежу, —
Все бывшее ушло... Туда я отхожу,
Где пламя ровное в светильнике свиданья,
Где вечно радостен владыка мирозданья.

* * *

Очнись, о сердце, очнись от сна!
В океане слез — поднялась волна.
И нет для зыбей плотин,
Неведом зыбям притин.
Грохот и хоры.. Очнись от сна!
Ладью твою, сердце, треплет волна.

Зарей священной горит окоем,
Нездешнее солнце на небе моем.
Стихий смятение... Но, светла,
Гремит неведомому хвала,
Влечет и зовет за земной окоем,
Предчувствие странствий в сердце моем.

О, что пробудило привольную высь?
Чьи светлы, чьи блески зарей зажглись?
Кто сон согнал? Почему
Бездна, отринув тьму,
Руки простерла в ясную высь?
Какие безумства в бездне зажглись?

На Инде, на мертвом его берегу,
Волны бегут и режут на бегу,
Молчаньем лесная сень
Встречает возникший день,
На этом песке, на пустом берегу
Пенятся волны, режут на бегу.

Бушуй, бушуй же, буйство зыбей,
Слезами в грудь мне бей, эй-эй!

Мир без границ впереди,

И нет путей, — но иди!

Бушуй, о скорбь! Ладья, смелей

К блаженному берегу правь, эй-эй!

* * *

Ты мир любила зеленой земли,
Улыбкой счастья уста цвели,
 Блаженная в жизни бренной,
 Сливалась с рекой вселенной,
Твои совершенства сердца влекли,
Ты мир любила зеленой земли.

Рея над этой юдолью печальной,
Ныне глядишь ты из пристани дальней,
 Тает в высях улыбка твоя,
 И радость зримого бытия
Скользит, улетая с песней прощальной,
Над селами, пальмами к пристани дальней.

Живу, твой образ в душе храня,
Твой взор во взоре живет у меня.
 Увы, без очей твоих,
 Гляжу один за двоих.
Вкушай спокойствие, скорбь отжия, —
Я здесь помедлю, твой образ храня.

В лесу холодный трепещет свет,
Срывает ветер жасминный цвет,
 Забавы так хороши
 Твоей и моей души!
Полдень холодный ничем не согрет,
В лесу тревожный трепещет свет.

**О, будь в моем сердце вовек живой,
Через душу мою свои тайны раскрой,
Да постигнет, тобою полна,
Моя сокровенная глубина,
Что стала во мне ты душою второй.
О, будь в моей жизни вовек живой!**

ИЗ КНИГИ

«ДЕТИ»

(«Шিশу»)

1903

НА БЕРЕГУ

(Посвящение)

На берегу океана вселенной
Играют дети.
Небо над ними недвижно всегда,
А пенистая, голубая вода
Целыми днями пляшет, когда
Сюда прилетает ветер.
О, сколько шума на берегу, —
Играют дети.

Строят домики из песка,
Ракушки пестрые ищут,
И по простору синей воды
Пускают кораблики или плоты,
Опадающие листы
Превращая в борта и днища.
На берегу океана вселенной
Ракушки пестрые ищут.

Дети не могут водить корабли,
Не умеют забрасывать в море сети.
Ныряльщики шарят на дне жемчуга,
Купцы приплывают издалека,
Но строят крепости из песка
И собирают камушки дети.
Сокровищ земли не ищут они,
Не умеют забрасывать в море сети.

Смеется бескрайний простор океана,
И берег тоже смеется.
Волны режут, берега круша,
Но раздается в детских ушах
Напев, что над люлькой малыша
Из материнского сердца льется.
Смеется бескрайний простор океана
И берег тоже смеется.

На берегу океана вселенной
Играют дети.
С черного неба бури сошли,
Волны захлестывают корабли,
Посланцы смерти витают вдали,
Но, забыв обо всем на свете,
На берегу океана вселенной
Играют дети.

РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ

Как-то мальчик спросил:
«Откуда пришел я? Где раньше был?
Где ты, мама, меня отыскала?»
Мать, сквозь слезы смеясь, малышу своему
Говорит, наклонившись к нему:
«Ты желаньем был в сердце сначала.

Я девочкой в куклы играла тобой.
На празднике Шивы из глины тугой
Лепила тебя. И потом разбивала.
На украшенном троне своем
Ты был божеством —
Я в нем, поклоняясь, тебя узнавала.

Я во всем, что дорого мне,
Находила тебя наяву и во сне, —
Ты в моей был извечной надежде.
В старом доме, где ночь так долга,
У богини — хранительницы очага,
На груди укрывался ты прежде.

А когда расцвело мое сердце, ты был
Ароматом, что в утреннем воздухе плыл
И таинственно соединялся
С каждой клеточкой плоти моей,
Негой сладостной в ней
Без конца разливался.

Ты любимец богинь, чадо их доброты.
Старше вечности ты,
Всех рассветов румяных ровесник.
Ты из грезы вселенной возник —
Током радости в грудь мне проник,
Новой жизни сверкающий вестник.

Не спуская глаз, на тебя гляжу,
Но разгадки не нахожу:
Был во всем, и вдруг — только мой. Что за чудо?
Был ты мной, а теперь ты — сам по себе.
Как, любимый, смогу объяснить я тебе —
Кто ты, что и откуда!..

Вновь боясь потерять,
Я хочу тебя к сердцу крепче прижать.
Я минуты в разлуке прожить не смогла бы!
Ведь безжалостна мая, живущих губя.
Сберегу я сокровище мира — тебя,
Хоть пред ней мои руки так слабы!..»

И Г Р А

По чьей охоте твой новый дхоти
Выкрашен в красный цвет?
Чьею рукой мальчонка в такой
Яркий наряд одет?

Ты рано встал и в трудах с утра,
Облазил ты все закоулки двора,
В пыли дорожки пухлые ножки
Оставили ковыляющий след.

По чьей охоте твой новый дхоти
Выкрашен в красный цвет?

Сияя глазами, ты можешь часами
Плясать, и пляшешь, малыш.

Мать полюбила в дверях стоять

И смотреть, как танцуешь ты и шалишь.

Та-тхей-тхей, ударяет в ладоши мать,
Браслеты ее звенят, помогая тебе плясать.
Как пастушок, ты взял посошок,
Минуты на месте не постоишь.

Сияя глазами, ты можешь часами
Плясать, и пляшешь, малыш.

Видно, стыда ты не знал никогда,

Попрошайничать ты привык.

Просишь ты мать тебя на руки взять,

Тельцем крошечным к ней приник.

Ах, какой жадный, — я лепету внемлю,
Ты хочешь небо, воду и землю.

Все до крошки в твои ладошки
Должна сложить я в единый миг?
Верно, стыда ты не знал никогда,
Попрошайничать ты привык.

Мир слышит большой тревожной душой,
Как на ножках бубенчики говорят;

Звонит тишина, солнце, луна
И звезды смотрят на твой наряд.

Когда на руках материнских епешь,
Небо в лицо твое смотрит, малыш,
А чуть откроешь глаза, небеса
Зарею улыбки твоей горят.

Мир слышит большой тревожной душой,
Как на ножках бубенчики говорят.

Привычке верна, волшебница сна

Смежает глазки твои, любя,

Сладок покой, нежной рукой

Она в тишине приласкает тебя.

А в сердце матери неизменно
Есть место для всей бессонной вселенной.
В тесном мирке, от всего вдалеке,
Мать забывает покой и себя...

Привычке верна, волшебница сна
Смежает глазки твои, любя.

М А Л Ы Ш

Тот сон, что сошел на глаза малыша,
Печаль уносящий сон,
Кто может сказать, уходит куда,
Откуда приходит он?

Я слышал, в волшебном саду у реки,
Где в чаше горят светляков огоньки,
Покачивает ночной ветерок
На гибкой лиане бутон.

Должно быть, с него на глаза малыша
Нисходит блаженный сон.

Улыбка, что на губах малыша
Вспыхивает во сне,

В какой стороне она родилась,
Кто может поведать мне?

Я слышал, что луч молодой луны
Тучки коснулся, упав с вышины,
И в это мгновенье она родилась
На ясной заре в тишине,

Улыбка, что на губах малыша
Вспыхивает во сне.

Та нежность, что с первых младенческих дней
Была малышу придана,

Кто знает, откуда она взялась,
Где раньше таилась она?

Когда была девушкой юною мать,
Едва начинающей робко мечтать.

Ее нераскрывшаяся душа

Таила нежности семена,

Той нежности, что была малышу

С рождения придана.

Та благодать — что спасает от бурь,

Ограждает от бед и зла,

Кто знает, на голову малыша

Снизойти откуда могла?

В фалгуне — из веянья ветерка,

В срабоне — из аромата цветка,

В ашшине — из риса, что в поле взращен,

В ашархе — из паводка снизошла

На голову мальчика благодать,

Ограждающая от зла.

Проснулся малыш и глаза открыл,

Освеженные мирным сном.

Кому же поручена, как узнать,

Забота о слабом, о нем?

Тому, кто качает миром колыбель

Под флейты волшебной немолчную трель,

Взрастит он дитя на груди у светил

И век будет печься о нем,

О мальчишке, что, пробудившись, открыл

Глаза, освеженные сном.

О Б И Д Ы

Почему ты плачешь, малыш?

Кто тебя разобидел?

Отчего ты печально глядишь?

Может, за то, что чернила

Расплылись по ладошке пятном —

Обозвали тебя пачкуном?

Ну стоит ли так! Ведь в пятнах луна,—

А попробуй скажи,

Что неряха она!..

Да, малыш, все тебя и винят и корят...

Но я знаю: они

Понапрасну ворчат.

Ты во время игры

Свое платье порвал —

И негодником кто-то тебя обозвал.

Ну стоит ли так! Велика ли беда?

Улыбается в порванных тучках заря,—

И, выходит, она уж негодница? Да?

Что ж, пускай говорят, не слушай ты их,

К сердцу не принимай

Обвинений пустых!

Ты сладкое любишь —

И тебя без вины

Все за жадность бранить непременно должны?

Но уж если за это хотят укорять,—

Всех, кто любит тебя,

Надо жадными звать?

ОТ ЧЕГО ТАК РАДОСТНО...

Когда игрушку яркую в ручонках держишь ты,
Я понимаю, почему радостно-чисты
Первые краски зари в облаках, и в светлых волнах,
И в росистых лугах, где проснулись цветы,—
Когда игрушку яркую в ручонках держишь ты.

Когда я для тебя пою —
В листве я слышу песнь мою,
Всею сердцем понимаю я рожденье звуков бытия,
Речную звенящую слышу струю,
Когда для тебя пою.

Когда в ладошку жадную сладости я кладу
И с личиком довольным сосешь ты их на ходу,—
Понимаю тогда, почему так вкусна в речке вода
И откуда тяжесть плода в нашем саду,—
Когда в ладошку жадную сладости я кладу.

Когда целую тебя, малыш,
И ты на меня с улыбкой глядишь —
Льется в душу свет небесный, льется в грудь нектар
чудесный.

В сердце моем — заря и тишь,
Когда целую тебя, малыш!..

СКАЗКА И ЯВЬ

Ребенок живет в покоях,
Где земля для него — мать.
Привык он звукам песен
Бесчисленных внимать.
Окрасив свод небесный,
Раскинув луга-ковры,
Мать-Земля устроила
Комнату для игры.
Она улыбается ласково
Ребенку своему,
Когда, склонившись, листья
Что-то шепчут ему.
Луна и солнце весело,
Законам всем вопреки,
Бегут, как будто сверстники,
С ним наперегонки.
Часто истина старая
В пестрой маске своей
С ним подолгу беседует
На языке детей.
Мать все время около
Ребенка своего.
Она дела житейские
Бросает ради него.
Для сына все, что задумала,
Сумеет сделать мать,

И никакие преграды
Не могут ей помешать.
Она заставляет безмолвное
Рассказ нашептывать свой,
Весь мир одухотворяет
В душе ребенка живой.
Тешат ребенка сказками
Осень, зима, весна, —
Ведь мир — огромная комната,
Что ему для игры дана.
Может он в этой комнате
Бегать, шуметь, плясать...
Ребенок живет в покоях,
Где земля для него — мать.

* * *

Мы живем в обители знаний
Мира-отца.
Стены кругом возвышаются,
Тянутся без конца.
Луна и солнце правят
Свой равномерный бег,
Законами вселенной
Опутаны навек.
Растут на земле деревья,
Кусты, трава, —
А песни им недоступны
И непонятны слова.
Чампа цветы так заняты
Цветеньем своим;
А сказка о семи братьях
Совсем неизвестна им.
Тучи так неосмысленно
Смотрят с вышины;
А сами того не ведают,
Куда они плыть должны.
Сломанная кукла
Лежит без рук, без ног
Среди двора пустынного —
Словно земли комок.

Молчит и днем и ночью
Озера волна, —
Словно былъ о девушке-нага
Выдумка одна...
Радости да горести
Так измучили нас,
Что совсем не сказкою
Кажутся подчас.
Видно, непреложного
Здесь не изменить.
Ничего случайного
И не может быть.
Мир — суровый наставник,
Он испытует сердца.
Все мы учимся в школе
Мира-отца.

В О П Р О С

Мама, дай мне теперь отдохнуть,
Мне уже надоела зубрежка,
Дай картинки мне поглядеть,
Поиграй со мною немножко.
«Рано, полдень еще», — говоришь,
Как так рано, мамочка, полно,
Неужели нельзя хоть раз,
Чтобы вечером сделался полдень?
Неужели не видишь сама,
Как спускается солнце в долину,
Как старушка несет к пруду
С овощами большую корзину.
Тень под мадарами все длинней,
Пруд темнеет в вечернем тумане,
И с базара люди идут,
Возвращаются с поля крестьяне.
Ты не видишь, как звезды зажглись,
Как в домах загораются свечи?
Если день за ночью идет,
Почему за полднем — не вечер?

СОЧУВСТВУЮЩИЙ

Если б я был
Не ребенком — щенком,
Сунул бы нос
В твой горшок с молоком,
Ты бы вскричала: «Откуда у нас
Вдруг собачонка такая взялась?»
Ты бы сказала мне:
«Прочь убирайся!»
Ты прогнала б меня, не отпирайся!
Лучше с колен меня, мама, спусти
И разреши мне, позволь мне уйти.
Есть я твою не стану еду,
Я не останусь с тобою, уйду!

Если б я был
Не ребенком, а птицей,
Ты б меня заперла
В клетку-темницу.
Разве неправда? Держала бы там,
Чтобы не мог я взлететь к небесам.
Ты говорила б мне: «Вот озорница,
Рвется из клетки, ей все не сидится!»
Так отпусти же скорее меня,
Я не останусь с тобою ни дня.
Сына совсем ты не любишь, ну что ж?
В лес я уйду, там меня не найдешь!

МУДРОСТЬ

О мать! Твой несмышлениш-сын — совсем еще дитя.

Ведь до чего додумался ребяческим умом:

Мол, звезды светят на небе ночами потому,

Что шарики блестящие мы с ним пускали днем.

Бывает, я устраиваю кукольный обед:

Насыплю мелких камешков на блюдечки — и вот

Дитя не сомневается, что камни нужно съесть,

С игрушечного блюдечка несет их горстью в рот.

А как, — ты посмотрела бы! — мы учимся читать:

Открыв букварь, с картинками, «читай-ка» — говорю.

Обеими ручонками малыш твой рвет листы —

Вот так проходит чтение у нас по букварю.

Лицо себе и голову закутаю платком,

На четвереньках ползаю по комнате пустой;

Сынишка твой пугается, вообразив, что вот

Пришла колдунья старая, возьмет его с собой.

Случится рассердиться мне — я головой трясую

И делаю сердитые и строгие глаза,

А твой проказник думает, что я играю с ним,

Какие уж там строгости — смеется егоза!

Отец уехал надолго, про то известно всем.

Но если скажешь мальчику: «Вон папа твой идет»,

Тотчас ребенок примется смотреть по сторонам...

Ну до чего наивное создание растет!

Когда же прачка с осликом приходит за бельем,

Во двор осленка глупого втащу я иногда,

Поставлю рядом с мальчиком и строго говорю:

«Я ваш учитель, слушайте!» Дитя кричит: «Дада!»

То он луну потребует, а то Ганеша вдруг

С Ганушем перепутает — всерьез и не шутя.

Представь, мальчонка глупенький не знает ничего,

О мать! Твой несмышлениш-сын — совсем еще дитя.

ВОЛНЕНИЕ

Мама, что с тобою, отчего ты такая?
Не берешь малыша на колени, лаская,
В уголок забила и — ни слова,
Тяжело задумалась ты снова.
Дождь идет, а ты забыла затворить окно
И не расчесала волосы густые;
Падают на голову капли дождевые,
Этак сари выпачкать не мудрено...
Пробило четыре, разве не слыхала?
Времени осталось очень мало,
Должен брат вернуться; знаешь ты сама,
Кончились занятия в школе. — Что с тобою?
Ты молчишь с закушенной губою,
Верно, и сегодня нет письма?
Сумка почтальона письмами полна,
Раздает он их соседям дотемна,
Лишь письма от папы не приносит он,
Верно, дома сам его читает,
Оттого и прячет, всякий знает...
Очень хитрый этот почтальон!
Только ты напрасно не горюй, родная,
Как тебе помочь, отлично знаю:
Завтра на базар пойдет народ
И служанка на базар пойдет.
Ты ей прикажи купить перо.

Буквы напишу я на листочке
И поставлю правильно все точки.
 Написать за папу не хитро!
Отчего смеешься, мама, или
Думаешь, меня не научили,
 Не сумею написать тебе письма?
Буквы будут ровные, гордые,
Вот увидишь, выведу их твердо я,
 Лучше папы, увидишь сама!
И с письмом поступлю я иначе,
Не как папа — ты не заплачешь;
 В ящик не брошу письма, как он.
Ни за что! Побегу к тебе прямо,
Сам прочту письмо тебе, мама,
 Не получит его почтальон!

МАЛЕНЬКИЙ И БОЛЬШОЙ

Сейчас еще я не совсем подрос,
Но если стану взрослым, как отец,
То буду старше, чем мой старший брат,—
Его перерасту я наконец.
Пусть на себя тогда пеняет сам:
Уж я ему как следует задам!
Опять, скажу, ты возишься с птенцом,
Опять сюда ты клетку приволок!
Теперь я с птичкой поиграю сам,
Покуда ты не выучишь урок!
...Когда я стану взрослым, как отец,
Я вдоволь наиграюсь наконец!

Не надо будет мне спешить к реке,
Когда настанет омовенья час...
В домашних туфлях, зонт большой раскрыв,
Пойду себе гулять, не торопясь...
Ну, а наставник дом мой посетит,
Смогу его принять, как надлежит;
Почтительно отвечу на вопрос:
«Куда ты спрятал азбуку, хитрец?»
Что, мол, она мне больше не нужна,
Поскольку взрослый я, как мой отец...
И тут, отвесив низкий мне поклон,
Уйдет и больше не вернется он.

Вот прибежит с лужайки старший брат
(Я буду взрослый, он — совсем малыш),
Скажу ему с упрёком: «Занят я,
А ты мне все мешаешь и шумишь...»
Затем, как будто важный господин,
На площадь я отправлюсь сам, один.
А если дядя бросится ко мне
И на руки меня захочет взять,
Чтобы не заблудился я в толпе,
То за себя сумею постоять.
Уж я не растеряюсь, как глупец,
Раз стал я взрослым, будто мой отец!

В тот день, когда я вырасту большой,
Мать, искупавшись в Ганге, в дом войдет,
Подумает: «А где же мой сынок?»
Но маленького больше не найдет...
Ключом открыв шкатулку, я стою
И сам служанкам деньги раздаю!
Испуганно тогда воскликнет мать:
«Малыш, зачем ты трогаешь ларец?»
Скажу: «Я за работу им плачу,
Я взрослым стал теперь, как мой отец!
А если деньги выйдут, не беда:
Еще я принесу тебе тогда...»

Когда же ярмарка свои шатры
На площади раскинет городской,
На пристань Бабугонджа побегу
Встречать отца — приедет он домой.
И скажет, улыбаясь, мне отец:
«Вот, что мне продал для тебя купец!»
Но я отвечу, свертки развернув:
«Мне пестренькая куртка ни к чему,
И туфельки мне детские малы,—
Вот старший брат — отдай ты их ему!
Я взрослый и хожу во всем большом,
А старший брат остался малышом!»

ХРАБРЕЦ

Представь себе, мама, день зноен и тих,
Тебя на носилках несут дорогих
В какой-то чужой, неизвестной стране;
Стараясь держаться с тобой наравне,
Я еду на стройном коне.
Представь себе, будто бы все это — былъ.
Столбом по пути из-под звонких копыт
Вздывается красная пыль.

Вот солнце заходит, вот ночь настает,
Мы едем неспешно вдоль сумрачных вод.
Ни звука, — безмолвье, безлюдье вокруг,
Во мгле простирается высохший луг;
В глазах твоих виден испуг:
«Куда это мы?» Говорю: «Не робей!»
Тут мертвое русло я вижу вдали
Среди неоглядных степей.

Пристали к ногам скакуна репей,
Извивы дороги как петли змеи.
Не видно нигде ни прохожих, ни стад,
Одни лишь колючки сухие торчат.
Мы едем вперед наугад.
Куда? Нас преследует мрак по пятам.
Дороги не видно. Ты вдруг говоришь:

«Смотри, что-то светится там!»
Быть может, уж время заняться заре?
Но тут раздалось — «Хе-ре-ре-ре-ре!»
Носильщики бросились в степь наутек,
Ты сжалась в углу паланкина в комок,
Шепча: «Да поможет нам бог!»
Принять одному мне приходится бой,
К тебе, наклонившись с коня, говорю:
«Не бойся, сынок твой с тобой!»

Косматые, злые, в ушах по цветку,
Они уже близко, но я начеку:
«Мне ваши дубинки, кричу, нипочем!
Ни шагу! Иль вас зарублю я мечом
И кровь ваша хлынет ручьем.
Вы лучше сидели бы в вашей норе!»
Подпрыгнули в бешенстве те и на нас
Помчались, вопя — «Хе-ре-ре!»

Ты ахнула, плачешь от страха, дрожишь,
«Не бойся; кричу, им задаст твой малыш!»
Вперед вырываюсь, пришпорив коня,
В руках моих меч заметался, звеня,
Страшна была эта резня!
Немало голов было тут снесено,
Бежали злодеи в смятении прочь,
Так было им, знать, суждено.

Сражаясь с толпой озверелой один,
Погиб, ты решила, твой маленький сын.
Но, битву закончив жестокою ту,
Я вдруг возвращаюсь в крови и поту.
Меня, подхватив на лету,
Снимаешь с коня, обнимаешь, горда.
«Вот счастье, что я был с тобой, говорю,
Могла бы случиться беда!»

Не раз о таком я слышал стороной,—
Ну что бы случилось такое со мной!
Чтоб старший мой брат, тот услышав рассказ,
Сказал в удивлении: «Вот тебе раз!»

На что наш малютка горазд!»
И чтоб говорило все наше село:
«Вот счастье, что с матерью ехал сынок!
Ей, правду сказать, повезло!»

УВАЖАЕМЫЕ

Ваше почтение,
Мне хотелось бы сообщить,
что я получил от вас письмо,
в котором вы сообщили,
что вы хотите выехать
из страны в ближайшее время.
Я очень рад, что вы
принимаете решение
покинуть нашу страну,
и желаю вам успехов
в вашей новой жизни.
Если вы захотите,
я могу помочь вам
с оформлением документов.
С уважением,
[Имя]

Они в ответ: «Ни часу не теряй,
На берег выходи, на самый край.
Закрой глаза, и мы тебя возьмем
В раздолье волн». — «Но как я брошу дом?
Там будет мама ждать меня всю ночь!»
Тогда они, смеясь, уходят прочь.
Давай-ка лучше стану я волной,
А ты далекой, сказочной страной,
В твои объятия брошусь я, о мать,
И нас никто не сможет отыскать.

ИГРА В ПРЯТКИ

Если я, расшалившись, о ма,
Стану цветком чампака,—
Поищи-ка меня в листе сама.
Не сыщешь, однако!..
Неприменно ты проиграешь,—
Не заметишь, в лицо не узнаешь,
И не зная, что на меня глядишь,
Будешь кричать: «Отзовись, малыш!»

Лепестки, словно веки, раздвину
И увижу, что делаешь ты, как живешь.
Искупавшись и косы закинув за спину,
Ты в молельню пойдешь.
Вдруг чампаком повеет где-то...
А тебе невдомек, что это —
Дыханье сына твоего,
Хоть проходишь мимо него!..

В зной, с «Махабхаратой» древней в руке
У окошка присядешь ты
Отдохнуть, почитать в уголке...
И тогда, упав с высоты,
Тень моя заскользит по книге твоей
Вместе с тенью ветвей...
А тебе не понять, что она —
Тень твоего шалуна!

Вечер настанет, прольется тьма,

С лампой в коровник отправишься ты...

А я на землю осыплюсь, ма,

И тогда перестану играть в цветы.

Стану вновь малышом и просить начну:

«Мама, сказочку!.. Ну, хоть одну!»

«Где ты был, шалунишка?!» — «Подумай, ма!..

Не скажу. Догадайся сама!»

я уйду...

Тогда я уйду, о, тогда я уйду,
Когда на рассвете, пустые объятья раскрыв,
Ты покличешь меня... Но напрасен будет призыв.
Крикну издали: «Нет его, нет ни в доме, ни в саду!..»
О ма, я уйду!

Ветерком по груди твоей мягко скользну
И к распахнутому окну
Полечу — меня не поймать.
В быстрой речке я стану волной,—
Ты будешь со мной
Во время купанья играть.

Ты, ко сну отходя,
Вдруг услышишь в шуме дождя,
Как тебе я пою, там, в лесу, не боясь темноты.
А когда в черных тучах сверкну
И в окно загляну —
Смех мой вспомнишь ли ты?

Если много ночей,
Вспоминая меня, не сомкнешь очей —
Стану звездочкой в небе, блесну, как слеза,
И шепну тебе: «Спи!..» А потом
Лунным светом проникну в дом,
Поцелую тебя в глаза.

Сновидением стану, тьму ночную гоня.
Повидаться вернусь,— ты сквозь веки увидишь меня...
Но едва пробудишься — исчезну я вновь без следа,—
Ты в надежде слепой
Станешь рядом шарить рукой...
Но уйду я... Кто знает — куда?..

А на праздник Дурги детвора
Зашумит посреди большого двора,
И ты скажешь: «Малыш убежал гулять!»
Пеньем флейты окликну тебя с голубой
Вышины,— тогда мы с тобой
Будем вместе опять!..

Если кто-нибудь спросит вдруг:
«А где твой малыш?» — отгони испуг.
Скажи: «Вот он, здесь, как всегда.
Он в зрачках моих — погляди,
Он в руках моих и в груди.
Не пропасть ему никуда!»

БУМАЖНЫЙ КОРАБЛИК

Я пускаю бумажный кораблик
В праздники по реке.
Вывожу свое имя на нем,
И в какой деревушке наш дом,
Все усердно пишу пребольшими
Буквами на листке.
Если кораблик мой на излучке
Попадет кому-нибудь в руки,—
Прочитавший надпись поймет:
Кто писал ее, где живет
И откуда приплыл мой кораблик
По течению вод.

Нагружаю кораблик цветами
Бокул и шиули.
Под деревьями в нашем саду
Вся земля на рассвете в цвету,
Отливают на солнце росинки,
Серебрятся вдали.
Крохотный груз цветочный, куда-то
Будет он плыть с зари до заката.
Если волны с пути свернут
И найдет он где-то приют,
То и эти цветы заревые
Ночью берег найдут.

Я пускаю бумажный кораблик
И гляжу ему вслед.
Волн безмолвных колышется ряд,
И под солнцем они горят,
В небе с криком проносится птица.
Дуновения нет.

Словно кораблики, над водою
Облака проплывают грядюю.
Кто пустил их по синей волне
И причалят в какой стране
Облака иль кораблик скорее,
Знать хотелось бы мне.

Но домой меня мама отводит,
Потемнел небосвод.
Дома прячусь в своем уголке,
А кораблик плывет по реке,
Дни и ночи плывет мой кораблик,
А куда он плывет?
Никому не известно это,
Он плывет, не зная запрета,
Не позвать, не вернуть его нам,
Он плывет к иным берегам.
Вместе с ним и душа уплывает
По холодным волнам.

Ночью тихо лежу я в постели,
А в реке темнеет вода,
Чернеют пастбища и луга,
Затопило тьмой берега.
Уплывает в ночь мой кораблик,
Неизвестно куда.

Небо звездами замерцало,
Слышен лай далекий шакала.
А кораблик плывет по воде
И не знает, дом его где?
И поет колыбельную тетя
На бумажной ладье.

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Юноша Васант, улыбка во все лицо,
Смеха мешок, по ветру буйные кудри,
Сноп за снопом в зиму швыряет цветы,
В пестрое луг щедро в ту пору убран.
Полный подол клади душистой набрал,
Розы там, лилии, мак полыхает, ал,
«Шутку плохую со мною ты, брат, сыграл! —
Хнычет зима, — ухожу, раз тебе — помеха».
Дерзкий хохочет, вокруг него — кутерьма,
Криком кукушки он зиму сводит с ума,
Бьет ее запахом лилий, — бежит зима,
Вслед ей бросает он звонкие взрывы смеха.
Вихрь лепестков, взлетает в воздух пыльца,
Вихрь ароматов волнует, пьянит сердца,
Слоем ложатся цветы без конца,
Тропы лесные сплошь пеленой устилая.
Взмыл южный ветер, срывает с зимы покров,
Космы седые, бушуя, ей вырвать готов,
Стонет зима: заблудившись среди цветов,
Сбилась с пути, досталась ей доля злая.
Юноша Васант трясется от смеха. «Гони!» —
Ветру кричит, преследуя хмурые дни.
Мчится он, красные только мелькают ступни,
В радости вдруг кувырком пройдет по лугу.
Сотнями волн рукоплещет пришьельцу река,
Шепчутся ветки, приветствуя весельчака,
Пальцы расставив, лианы глядят свысока,
Пасть готовы от смеха в объятья друг другу.

Сотни душистых жасминов разных сортов —
Джати и джутхи — все пестрое племя цветов,
Все лесные невесты, чей рот медов,

Тихо смеются, лицо прикрывая стыдливо.

Сколько поющих, сколько щебечущих птах,
Гомона, писка на ветках деревьев, в кустах!
Круглыми крутят головками и, впопыхах

Кверху задравши хвосты, пляшут певуны на диво.

Шепчет зима: «Разве так провожают, брат!»

И убегает, оглядываясь назад,

Все ж цветы победили, — их аромат,

Пламень их смеха — неисчислимы раны.

Северный ветер бьет, присмирев, отбой,

Листья сухие, вздыхая, уносит с собой;

В безвестную даль неизведанною тропой

Уходит зима, укутанная в туманы.

Из книги
«ПОСВЯЩЕНИЯ»
(«Утшорго»)

1903

* * *

Твой лик, что во мраке мне просиял,
Я видел воочью.
Я встал и лодку свою отвязал
Глубокой ночью.
Заря засверкала вдали.
Ашока цветы расцвели...
Но если б алый ашок не расцвел,
Но если б солнечный круг не взошел,—
Я все же ладью бы во мраке повел
К твоему средоточью.

Без слов ты влечешь движением глаз,
Могучий.
И гордость моя высоко вознеслась
За тучи.
Твой рог зазвучал, и увидел я:
Плывет твоя золотая ладья...

Но если б, гордый, я духом упал,
И рог отзвучал, и челн отблистал,
К тебе я править бы не перестал
Сквозь пенные кручи.

Плыву и не жду призывов твоих —
В напрасной тревоге.
В смущенье, не задержусь ни на миг
В дверях, на пороге.
От ветра парус раздулся мой,
Мой флаг волнуется за кормой...
Но если б флаг мой поник опять
И я не сумел бы к причалу пристать,
Полет мой не в силах я задержать
На полдороге.

* * *

Во тьме крошечной плачет аромат,
Слепой, плененный в тесноте бутона.
К вам долетает отголосок стопа:
«Как я томлюсь в глухом кольце оград!
Несутся дни весенние. Они
Невозвратимы.
Фалгуна полные блаженства дни
Проходят мимо.
Но лепестков тюрьма — нерасторжима». —
Не бойся! Дождешься освобожденья!
Тугих лепестков раздвинутся звенья!
Стремлений венец найдешь наконец!
Фалгуна ветер — и влажен и нежен...
И твой весенний полет неизбежен.

Внутри бутона бьется аромат.
Он мечется, как пойманная птица.
«О, как печальна душная темница!
Как тесен мой затвор... а я — крылат!
Стена упругих лепестков... ужель
Неодолима?
Зачем живу? зачем дышу я? — цель
Непостижима.
Исхода нет. Душа тоской томима». —
Не бойся! Дождешься освобожденья!
Тугих лепестков раздвинутся звенья!

Дыханьем весны разгаданы сны.

Весенний ветер стучится в двери.

Свершатся желанья, минуют потери...

Тревожно шепчет аромат во мгле:

«По чьей вине моя бесцельна участь?

Ах, в заточенье должен жить я, мучась,

Когда весна проходит по земле.

Моя судьба темна

И одинока.

Моя душа погребена

Глубоко.

Надежды нет. Увяну я до срока...»

Не бойся! Дождешься освобожденья!

Тугих лепестков раздвинутся звенья!

Напрасных усилий забудется дрожь!

Ты выйдешь на волю в простор много-
цветный,

Сольешься с другими — в мечте заветной...

И цель расцветанья найдешь и поймешь!

* * *

Я, как безумный, по лесам кружу.
Как мускусный олень, не нахожу
Покоя, запахом своим гонимый.
О, ночь фалгуна! — все несется мимо:
И южный ветер, и весны дурман.
Какая цель меня во мгле манила?..
К чему стремлюсь — безумье и обман,
А что само дается, мне не мило.

И вырвалось желанье из груди.
То мечется далеко впереди,
То вырастает неотвязным стражем,
То кружит вокруг меня ночным миражем.
Теперь весь мир моим желаньем пьян,
А я не помню, что меня пьянило..
К чему стремлюсь — безумье и обман,
А что само дается, мне не мило.

Увы, моя свирель сошла с ума:
Сама рыдает, буйствует сама,
Сошли с ума неистовые звуки.
Я их ловлю, протягиваю руки..
Но мерный строй безумному не дан.
По морю звуков мчусь я без кормила..
К чему стремлюсь — безумье и обман,
А что само дается, мне не мило.

* * *

Тяжесть вязкой смолы в аромате мечтает излиться,
Аромат навсегда в смоле затвориться готов.
И мелодия просит движенья и к ритму стремится,
И торопится ритм к переключке певучих ладов.
Ищет смутное чувство и форму, и четкие грани.
Форма меркнет в тумане и тает в бесформенном сне.
Безграничное просит границ и тугих очертаний,
И предел растворяется вновь — в беспредельной волне.
Кто в веках утвердил законы старинного спора:
Созидание — в смерти, в покое — огонь мятежа?
Все стесненное молит свободы и жаждет простора,
А свобода — ищет жилища и ждет рубежа.

* * *

Сегодня мне чудится снова: тебя лишь люблю я
Во мгле бытия.

Друг друга нашли, по морю людскому кочуя,
Мы двое — ты, древний, и я.

Сегодня один

Стою средь осенних долин,

И я вспоминаю: с тобою всегда мы встречались,
Судьбы властелин!

А сколько веков провел я в небе далеком?

Забыл я свой медленный рост...

Не ты ль воздвигал мерцающий мост

И мы качались вдвоем между звезд?

Гляжу я вокруг. Земля опять пробудилась,

Травую шурша.

Сияет ашшин, — и сердце в восторге раскрылось,

Ликует душа.

И кажется, слышу я снова

Непрозвучавшее слово,

Твое изначальное слово, немая земля,

Живая — под мраком покрова!

О, сколько ашшинов вместе мы провожали

На лоне земли,

На скольких травинках под ветром вместе дрожали

И вместе цвели!

Когда я читаю о прошлом... веселье и горе
Маячат издалика.
И в памяти темной бушует знакомое море —
Века и века!
Кружат в хороводе
Оживших мелодий
Старинные облики, скрытые в недрах души:
Они опять на свободе.
То канут во мрак, то мчатся наперебой
Сверкающим роем...
О, сколько древних сокровищ, играя, с тобой
Вдвоем мы откроем!

Не ты ли мне в сердце вложил, в предутренний час,
Отблеск сиянья
Той первой зари, что в довременном сне занялась
На дне мирозданья?
Кто помнит, где и когда
Времен началась череда
И, в сердце мое проскользнув, ты принудил возникнуть
Меня — и повел сквозь года?
О, друг вечно юный, друг вечно старый! — в волне
Миров и веков быстротечной
Всегда по-иному меня создаешь — и во мне
Останешься вечно!

* * *

«Кто может вместить тебя? — небо одно!

А мне лишь мечтать о тебе суждено.

Увы, обнять тебя не могу я,

О солнце! — шепнула росинка, тоскуя, —

Напрасно томлюсь, в разлуке с тобой,

В печали бесплодной изнемогу я...

Слеза, над своей я плачу судьбой».

«Весь мир озаряю я с высоты, —

Ответило солнце, полно участия, —

Росинка, я знаю, печалишься ты,

К тебе на грудь готово упасть я.

На робкий зов твой с любовью склонюсь,

Кристалл твой наполню улыбкою счастья —

И в маленьком сердце твоём поселюсь».

* * *

О мудрец Джогодиш! Юный образ былых мудрецов!
О владыка мирсв! Ты проник сквозь природы покров
К той цветущей долине, что здесь, среди каменных зданий,
Создал ты, одинокий, для дум и живых созерцаний.
О мудрец, ты вознесся туда, где Единый царит
Над луною и солнцем, с цветком и листом говорит,
В звере, в птице живет, и в скале, и в пылинке мгновенной,
Где великая Мать баюкает сердце вселенной...
И пока мы, с раздувшимся горлом, орава невежд,
В пестроте заемных замашек, заморских одежд,
Опьянялись чванством былым и новой гордыней,
Ты вдали пребывал, в размышленьи, в прекрасной пустыне.
Свой ковер для молитв расстелив средь священных долин,
В созерцание звезд ты душой погружался один.
Ты, аскет и подвижник, в полете мыслей упорных
Возносился душой к постижению лучей чудотворных.
В тех глубинах, где древний святитель, где прежний мудрец
В беспредельных мирах начало искал и конец,
Ты стоял, изумленный, в молитвенном преклоненье,
Созерца Единогo сквозь бесконечные звенья.
Самаведы призывом — проснись и восстань! — пробуди
Лжеученых невежд, надменных — к добру приведи,
Дай разумным сподвижникам знак, чтоб от грязи и гнили
Неразумных речей — твой священный огонь охранили.
Пусть страна моя, Индия, снова свой путь обретет,
Укрепит свое верное сердце и твердо взойдет
На подножие славы, что здесь, в суете ненавистной,
Ты — сквозь годы — воздвиг для нее, о мудрец
бескорыстный!

* * *

Сегодня черный туман укрыл окоем,
Сегодня во мраке мы тонем.

Мы — птицы в клетке. Сегодня мы не поем,
Мы только стонем.

Мой друг, друг сердца! — ответь: зачем эта мгла?

Быть может, всемирной гибели ночь подошла?

Быть может, старинный светоч в небе погас?

Быть может, вечная вера покинула нас?

Так, пленные птицы, в слезах над утерянным раем,
О друг, тебя мы зовем, тебя вопрошаем.

Ты помнишь, как светлый фалгун был отрадой богат?

Как ночь освежала нам вежды?

От роши далекой к нам долетал аромат

Дыханьем надежды.

Мой друг, друг сердца! Ты помнишь, рождалась заря,

Лучом надежды наши сердца одаря?

Рассвет, читая заклетья, прорезывал мглу,

И отблеск солнца смеялся в каждом углу.

Мы, пленные птицы, следили, как утра светило

Железные, черные прутья оград золотило.

Взгляни на восток: не видно сверкающих гор,

Лишь тьма грозит, нарастая.

Царит непроглядная мгла. Не понижет простор

Черта золотая.

Мой друг, друг сердца! В лязге цепей — приговор,
Увы, безысходный... Сегодня стонет наш хор.

Что может утешить, ах, что нам может помочь
Забуть нашу клетку? Сегодня — вечная ночь.

Ни искорки света в теснинах мрака унылых,
И даже мечтою себя обмануть мы не в силах...

И пусть не коснется тебя наш горестный плен
И сумрак беззвездный,

Чтоб ты не томился в кольце безжалостных стен,
За дверь железной!

Тебе незнакома цепей холодная дрожь.

О друг! ты летаешь, где хочешь, что хочешь, поешь,
Над тучами гордо паришь, купаясь в огне,

Твой голос летит сквозь простор, поет в вышине:

«Я вижу бессмертное солнце, — и день нескончаем!»

Мы, пленные птицы, во тьме твой зов различаем.

* * *

Та женщина, что мне была мила,
Жила когда-то в этой деревеньке.
Тропа к озерной пристани вела,
К гнилым мосткам на шаткие ступеньки,

Название этой дальней деревушки,
Быть может, знали жители одни.
Холодный ветер приносил с опушки
Землистый запах в пасмурные дни.

Такой порой росли его порывы,
Деревья в роще наклонялись вниз.
В грязи разжиженной дождями нивы
Захлебывался зеленевший рис.

Без близкого участия подруги,
Которая в те годы там жила,
Наверное, не знал бы я в округе
Ни озера, ни рощи, ни села.

Она меня водила к храму Шивы,
Тонувшему в густой лесной тени.
Благодаря знакомству с ней, я живо
Запомнил деревенские плетни.

Я б озера не знал, но эту заводь
Она переплывала поперек.
Она любила в этом месте плавать,
В песке следы ее проворных ног.

Поддерживая на плечах кувшины,
Плелись крестьянки с озера с водой.
С ней у дверей здоровались мужчины,
Когда шли мимо с поля слободой.

Она жила в окраинной слободке.
Как мало изменилось все вокруг!
Под свежим ветром парусные лодки,
Как встарь, скользят по озеру на юг.

Крестьяне ждут на берегу парома
И обсуждают сельские дела.
Мне переправа не была б знакома,
Когда б она здесь рядом не жила.

* * *

Сегодня, в Новый год,
несу к твоим ногам,
О родина! — мой дар
в благоговейном гимне.
Все, что в душе храню,
тебе я передам.
Сомнение и страх
отбросить помоги мне!
Я силу мышц принес,
и преданность сердец,
И благочестие,
старинных дум венец,
Стремленья наших душ,
всю силу наших жизней,
Всех радостей земных
начало и конец —
Все я принес тебе,
возлюбленной отчизне.

Хоть не богат мой дар,
молю тебя, ответь
На песенный призыв!
Дарю тебе с поклоном
Все, чем владею я.
Принес простую спедь
Я не на золоте,
а на листе зеленом.

Дети Р. Тагора

Поднос из золота
 где я возьму теперь?
Молитве бедняка,
 о родина, поверь:
«Избавь от нищеты
 нас — в этой жизни бременной,
Дай нам остатки жертв,
 открой к спасенью дверь
И пылью одари
 стопы твоей блаженной!»

О Бхарат,— край родной!
 Ты не скупой раджа.
Мудрец, ты дорог мне:
 отец так дорог сыну.
К чему чужой наряд?
 Наследьем дорожа,
Твой плащ молитвенный
 на плечи я накинута.
Богатство — в бедности,
 в пустыне — голос вед,
В безмолвии — слова,
 в глубоком мраке — свет,
В безверии — мечту,
 в ночи — огонь молений,
Все — силой дум твоих
 нам подари, аскет!
Так я молюсь тебе,
 склонив свои колени.

Бесстрашия залог,
 залог блаженства дай,
Волной бессмертья нас,
 могучий, одари ты,
Дай нам иную жизнь,
 открой дорогу в рай
Святым дыханием
 таинственной амриты.
Ту жизнь нам подари,
 которую — вдали

От грешной суеты —
отшельники вели,
Когда лампадой дум
чертог твой озарили,
И смертные сердца
возвысить повели
Бессмертной мантрою
божественных усилий.

* * *

На Новый год клянемся: мы отныне
Тебе сердца и жизни посвятим,
О Бхарат! Индия! И, как святые,
Готовы мы внимать словам твоим.

Чужой наряд, позор чужих обличий,
Чужую снедь и взятый в долг обычай,
Все чуждое — чужим мы отдадим.

Мы — бедняки, но нищими не будем,
Вернем приманку чужеземным людям,
Тебе сердца и жизни посвятим.

Пусть нет дворца, есть хижина: приветный,
Счастливый кров. Кругом — родной простор.

Нет города, есть лес — и многоцветный
Ковер цветов, плодов живой узор.

Прочь от тебя уходят поколенья,
И ты почти незрим из отдаленья.

Но мы к тебе пришли с недавних пор,
Учитель, друг сердец! — мы вновь с тобою..

О, хижина, укрытая листвою,
Священный кров!.. Кругом — родной простор.

Мы потеряли все: лицо и имя.

Увяли мы, свой корень истребя.

С чужим наречьем — стали мы чужими.

Мы опозорили, мудрец, тебя.

В безмолвии, не споря с иноверцем,
Из глубины ты правишь нашим сердцем,
Ты терпеливо нас ведешь, любя,
И разум наш — твоих раздумий поле.
Да, кто отверг тебя — навек в неволе...
Увяли мы, свой корень истребя.

Но в этот день все чуждое откинем
И снова примем твой былой завет.
Вникая в мантры, мы к твоим святыням
Подыдем взор, к предначертаньям вед.
У ног твоих, в живом уединенье
Мы погрузимся в древнее ученье,
В законы кармы, в заповедный свет,
Гордясь величием твоих речений...
Отвергнув морок чуждых оболщений,
Мы снова примем твой былой завет.

Из книги
«П А Р О М»
(«Кхей»)

1906

С Ч А С Т Л И В Ы Й М И Г

О мать,
Сегодня царский сын
Проедет мимо нас.
Тебе в хозяйстве помогать,
Скажи, могу ль сейчас?
Что мне надеть сегодня, мать,
Как лучше волосы убрать?
К лицу мне алый цвет иль нет?
Не лучше ли зеленый?

Мать, что с тобою? Почему
Так смотришь удивленно?
Я стану с края у окна,
С дороги буду я видна,—
Все ж знаю, путник на меня
Взгляд бросит и умчится,

ОТРЕЧЕНЬЕ

О мать,
Сегодня царский сын
Проехал мимо нас.
От колесницы шли лучи.
Взглянула я лишь раз,
Лишь на мгновение одно,
И жемчуг бросила в окно
На путь царевича, с груди
Сорвав без сожаленья.

Мать, что с тобою? Почему
В таком ты удивленье?
Царевич жемчуг мой с земли
Не поднял. Он лежит в пыли,
Раздавлен тяжким колесом
Нарядной колесницы,
И тайне дара моего
Вовеки не раскрыться...
И все ж сегодня царский сын
Проехал мимо нас.
Скажи, его не одарив,
Могла б я жить сейчас?

У Т Р О М

Короткий дождь прошел сегодня в ночь.
Но что за чудо!
За окнами водою до краев
Полна запруда.
Я удивленно гляжу из окна:
Синей-пресиней водой полна
Запруда. И даже не видно дна.
Столько воды! Откуда?
Ночью промчался дождь — и, гляди,
Полна запруда.

Скажи: в ту ночь, кто мог предполагать,
Что так случится?
Я слышала: во мраке за окном
Вода струится.
Влагой обилен месяц срабон,
Лежа во тьме, я слышала стон
Пустынного ветра, я слышала: он
В окно стучится.
Прошлою ночью кто мог полагать,
Что так случится?

Взгляни, вот слез безбрежный океан —
В моем он взгляде.
Какой чудесный лотос вдруг возник
На чистой глади.

Столепестковый белый цветок,
Когда же он распуститься мог?
В лучах он трепещет, он одинок
В белом своем наряде.
Среди безбрежного моря слез
В моем он взгляде.

Я с восхищеньем теперь гляжу
На лотос белый.

Какое ж виденье в ночь тоски
Душой владело?

Сердце мое страдало в огне,
Слезы лила я в ночной тишине,
Буря тот образ прекрасный во мне
Напечатлела.

Какое виденье ночами тоски
Душой владело?

ДЕВОЧКА - СУПРУГА

Пылкий, снисходительный супруг!
Девочку — создание молодое —
Называешь ты своей женою.
Во дворце твоём она охотно
Целый день резвится беззаботно.
Ты придешь к ней — девочка считает:
Создан ты для игр, как все вокруг,
Пылкий, снисходительный супруг!

Нет, ей долг хозяйки незнаком;
Волосы, одежды — в небреженье,
Непонятны стыд ей и смущенье.
Не себя, а куклу наряжает,
Дом песочный строит, разрушает
И в душе уверена, должно быть,
Что полезным занята трудом...
Нет, ей долг хозяйки незнаком.

Старшие ей часто говорят:
«Это — муж твой, это — божество.
Почитай и слушайся его».
Девочка испуганно внимает,
Как ей почитать тебя — не знает.
Думает порой, игру оставив:

«Непременно выполню подряд
Все, о чем мне взрослые твердят».

Вот на брачном ложе, средь цветов,
Обнимаешь ты ее влюбленно,
Но лежит она в забвенье сонном.
Ожерелье с ложа соскользнуло,
Множество мгновений зря минуло.
К твоему восторгу безучастна,
Спит она, не слышно нежных слов
Ей на брачном ложе средь цветов.

Только в дни, когда сгустится мрак,
В дни, когда всеильная природа
Вдруг пошлет ненастье, неполаду,—
Игры и забавы позабыты,
Сон нейдет, глаза ее открыты.
Девочка к тебе прижмется крепко,
Сердце задрожит тревожно так
В дни, когда сгустится грозный мрак.

Мы в душе тревожимся порой,
Как бы эта юная голубка
Не свершила пред тобой проступка.
Но смеешься ты великодушно,
Видимо, тебе совсем не скучно
Наблюдать, как этот несмышлениш
Увлечен веселою игрой...
Нет, мы зря тревожимся порой!

Ты уверен: день такой придет,
День, когда у стоп священных мужа
Домик игр ей станет вдруг ненужен.
Для тебя нарядится со тшаньем,
Будет ждать, терзаться опозданьем.
Твоего отсутствия минута
В вечность для нее перерастет...
Ты уверен: день такой придет!

Пылкий, снисходительный супруг!
Девочку, что занята игрою,
Ты уже назвал своей женою;

В комнате безлюдной для нее же
Пышное ты приготовил ложе,
И сосуды с медом золотые
Для нее расставил ты вокруг,
Пылкий, снисходительный супруг!

П А Р О М

Кто ты такой? Нас перевозишь ты,
О человек с парома.
Ежевечерне вижу я тебя,
Став на пороге дома,
О человек с парома.
Когда кончается базар,
Бредут на берег млад и стар,
Туда, к реке, людской волной
Моя душа влекома,
О человек с парома.

К закату, к берегу другому ты
Направил бег парома,
И песня зарождается во мне,
Неясная, как дрема,
О человек с парома.
На гладь воды гляжу в упор,
И влагой слез подернут взор.
Закатный свет ложится мне
На душу невесомо,
О человек с парома.

Твои уста сковала немота,
О человек с парома.
То, что написано в глазах твоих,
Понятно и знакомо,
О человек с парома.

Едва в глаза твои взгляну,
Я постигаю глубину.
Туда, к реке, людской волной
Моя душа влекома,
О человек с парома.

СВЕТИЛЬНИК ГОРИТ НАПРАСНО

Заросли скрыли берег отлогий,
В сумерках слабо мерцает залив.
«Кто ты, идущая вдаль по дороге,
Краешком сари светильник прикрыв?
Девушка, нет в моем доме огня,
Свой огонек ты оставь у меня!»

Взгляд на меня обратила газелий,
Тихо сказала: «Пусть примет вода
В дар мой светильник,— я с этой целью
В час предвечерний спустилась сюда». —
Вижу, минуя мой темный порог,
Зря уплывает ее огонек.

Сумрак, сгустившись, повис над полями,
Снова ее окликаю сквозь тьму:
«Дом твой затеплился всеми огнями,
Этот светильник несешь ты кому?
Девушка, нет в моем доме огня,
Свой огонек ты оставь у меня!»

Вновь меня взглядом она одарила,
Будто во власти блаженного сна.
«Этот светильник,— проговорила,—
В небо как факел поднять я должна!»
Вижу у края небес, одиноч,
Блещет бесцельно ее огонек.

Полночь спустилась завесою черной.

«Стой, — я идущей сказал, — подожди!

Кто ты, куда ты стремишься упорно,

Малый светильник неся у груди?

Девушка, нет в моем доме огня,

Свой огонек ты оставь у меня!»

Шепчет, во тьме озарив меня взглядом

Черных, как полночь, задумчивых глаз:

«Праздник приходит, — светильник свой рядом

С сотней других я поставлю сейчас».

Вижу, в гирлянде огней, невысок,

Теплится зря золотой огонек.

НЕПОТРЕВОЖЕННАЯ

Ты, как невеста, томленья полна,
В раскрытом окне ты
Застыла. Когда же
Старый торговец пройдет у окна,
Ножные браслеты
Неся для продажи?
Видишь — повозку тянут быки,
Измучены полднем,
Окутаны пылью;
Лодки плывут по глади реки,
И ветер наполнил
Их легкие крылья.

Смотришь в окно ты. Безлюден дом.
В тени покрывала
Ты спрятала взоры.
Как преломились в сознание твоём
Красой небывалой
Вселенной просторы?
Сказочный мир твой создан мечтой,
Туманною тканью
Все сущее стало.
Был он рассказан бабкой седой —
Нет в этом преданье
Конца и начала.

Что — если месяц весенний бойшакх
 Ненастьем повест,
 Примчит ураганы,
 Что — если волны вскипят в камышах,
 Река озверев,
 Затопит поляны?
 Что — если в запертом доме твоём
 Вдруг станут качаться
 Все двери и стены,
 С глаз покрывало спадет и вдвоём
 Придется остаться
 С огромной вселенной?

 Смехом вселенной прокатится гром,
 Она над простором
 Литаврами грянет,
 В образе Шакти ворвется в дом
 И дрогнувшим взорам
 Внезапно предстанет.
 Где же окажется дрема твоя
 И призрачность тени,
 Что в окнах мелькает?
 Мир неживой твоего бытия,
 Игра сновидений? —
 Все мигом растает.

 И глубину твоих черных очей
 Вдруг пламя, такое
 Горячее, тронет —
 В буре души опьяненной твоей
 Все доброе, злое
 Мгновенно утонет.
 Кровь твоя пляской жаркой струи
 В жилах забьется
 И в сердце бессонном.
 Как затрепещут браслеты твои —
 И каждый зальется
 Серебряным звоном.

 Молча сегодня стоишь у окна,
 Из комнаты темной
 На волю не выйдешь.

এখন বিজিবিলি খাওঁ মাছাত হতে

এমন মাছনে -

খুলেছে মাগি বজনিগা

হুনি হুনি!

মাঝখানিদিওঁ দিয়া মাছনে

খালিয়া খুলিছে হে মাছনে, -

খুলিছে আমি উঠনমা

কহি হুনি! -

মাছাত হতে বিজিবিলি

এমন মাছনে!

প্রাণে এমনি মাছ বিজিবে

চলে গেছে তারা সর -

মাছনে মাছ হে মাছনে,

না কহি বিনু হে!

এই মাছ দিলে প্রাণে খুলে

মাছ এম মাছ মাছ নেম হুনি,

কে ওহে কহিত, আমার বিজিবে

মাছনে উঠে!

কেনাওহে মাছ কহে নেম মাছ

চলে গেছে তারা সর!

Думаю: грезой какой ты полна?
Вот мир наш огромный —
Каким его видишь?
Время текло, но приход и уход
Всегда возникали
Без смысла, без цели.
Жизнь твоя — цепь не приметных забот,
Ничтожных печалей,
Никчемных веселий.

П Р И Х О Д

С работой покончено. Черная ночь.
Мы ждали весь день, нетерпением горя,
Когда же стемнело, подумали мы:
«Сегодня уже не дождемся царя».
Захлопнулись двери одна за другой,
В селе наконец наступает покой.
Но все ж кое-кто не сдавался, твердил:
«Приедет он, спать вы расходитесь зря!»
Промолвили мы, усмехнувшись: «Нет, нет,
Сегодня уже не дождемся царя!»

Нежданно послышался явственный стук.
Что это? И стар его слышит и мал.
Друг другу мы тихо сказали тогда:
«Наверное, ветер к нам в дверь постучал».
Погасли светильники в каждом окне,
Усталые, мы улеглись в тишине.
И все ж кое-кто не ложился, твердил:
«Как видно, гонец махараджи примчал!»
С усмешкою мы повторяли свое:
«Наверное, ветер к нам в дверь постучал».

Притихло селенье, нигде ни души,
И только на ложе забылись мы сном,
Как загрохотало вдали, и тогда
Сквозь дрему подумали мы — это гром.

Земля сотрясалась, дрожала вокруг,
Так тяжек был тот нарастающий звук.
И кто-то, в своей правоте убежден,
Сказал: «Это грохот колес за окном».
Но мы, пребывая еще в забытьи,
Сказали: «Нет, нет, это гром, это гром!»

И вдруг зазвучали литавры вдали,
Запели, безмолвию ночи грозя.
И кто-то вскричал: «Спать не время сейчас,
Вставайте, уж долее медлить нельзя!»
Вскочили мы. Сердце забило в набат,
И каждый был страхом внезапным объят.
Тогда кое-кто, торжествуя, сказал:
«Уж царское знамя мы видим, друзья».
Очнувшись от сна, мы воскликнули тут:
«И вправду нам долее медлить нельзя!»

Где все украшенья? Гирлянды? Огни?
Какое, скажите, без них торжество?
Приехал владыка в наши края,
Возможно ль не встретить достойно его?
О стыд! Нанесен нашей чести урон!
Где место для праздничных сборищ? Где трон?
Друг другу шептал кое-кто на ушко:
«Теперь причитанья уже ни к чему:
Придется с пустыми руками встречать
И гостя приветствовать в темном дому».

Трубите же в раковины, эгей!
Раскройте все двери навстречу ветрам!
Сегодня в ненастную черную ночь
Царь темного дома пожаловал к нам!
Гремит в небесах, надрывается гром,
И молнии быстрым сверкают огнем.
Постели убрав, украсьте дворы
И праздничный вид придайте домам!
Сегодня, сопутствуемый грозой,
Царь бедствий и мрака пожаловал к нам!

ДАР

Просить мне тебя хотелось...
Но я не решалась, робея,
Цветов попросить гирлянду,
Ту, что носил ты на шее.

Просить не решаясь, не смея,
Я думала: утром все же,
Когда ты оставишь ложе,
Один лепесток, быть может,
В постели найти сумею.
Пришла я, просить не смея,
Как нищая, утром ранним
Пришла я за подаяньем.

Но что же нашла я, что же?
Ведь это твой меч ужасный,
Сверкающий, словно пламя,
Как грома удар, опасный.

Сомнения были б напрасны:
Не гирлянда передо мною,
Не кувшин с ароматной водою.
На ложе твое рекою
Свет утренний хлынул... Ясно,
Ведь это твой меч ужасный.

И ранняя птица спросила:
«Что, женщина, ты получила?»

Что делать мне с этим даром?
Сижу я и размышляю.
Что делать мне с этим даром,
Где спрячу его — не знаю.

О, я со стыда сгораю
При мысли о том невольно.
Носить его — слишком вольно,
Прижать на груди — так больно!
И все же я дар принимаю
И в сердце носить обещаю,
Как бремя страданий — повсюду.
Я вечно гордиться им буду!

Ничто мне не страшно в мире,
И страх мне теперь неведом,
Ведь в каждом моем сраженье
Отныне — твоя победа!

Да, я не подвластна бедам.
Все страхи навек отметаю,
Я в спутники смерть выбираю.
Смерть жизнью моей увенчаю.
Пойду я за нею следом,
Отныне мне страх неведом.

Разрубит твой меч суровый
Все узы мои и оковы.

Я ради тебя не стану
Себя украшать отныне,
И если сюда не вернешься,
Не буду скорбеть в унынье
О близком душе властелине.
Не буду я ждать, томиться,
Стыдливо от всех таиться.
Не может ни с чем сравниться
Твой дар, что украсил ныне
Меня наподобье богини.

Твой меч — вот моя награда,
Других украшений не надо!

СКУПЕЦ

Сбирал я в селах подаяние,

И в лучах денницы

Ехал ты навстречу мне

В пышной колеснице.

Это сон? Такого чуда не встречал я до сих пор,

Небывалое виденье ослепило блеском взор.

Какой прекрасный шелк одежд!

Замер я, дрожа,

И думал: кто же он такой?

Видно, сам раджа!

Я думал: утро долгожданное

На моей дороге.

Больше не придется мне

Обивать пороги.

Мне по этому проселку счастье выпало пройти.

Миг — и чудо совершится. Тот, кто встречен мной в пути,

Рассыплет предо мной дары

Щедрую рукой,

И потечет к моим ногам

Золото рекой.

Упряжка вдруг ко мне подъехала,

И, в лицо мне глядя,

Улыбнулся господин

В дорогом наряде.

Я на лице благосклонном увидал улыбки свет,
И души моей печали в тот же миг сошли на пет,
И вдруг промолвил господин:
 «Друг, не обессудь...»
Гляжу: он руку протянул:
 «Дай мне что-нибудь».

Дай что-нибудь!.. О боже праведный!
 Что же это? Шутка?

Опустил я голову,
 Сердцу стало жутко.
Что могу подать вельможе я — беднейший из людей?
Неужели властелин нищих странников бедней?
Да, видно, шутит господин,
 Мне же не смешно,
И вынимаю из сумы
 Малое зерно.

Я дома всю добычу вытряхнул
 Из сумки. Что такое?!
Видю я: одно зерно
 Блещет, золотое.
То, что дал я на дороге господину, — видит бог! —
Золотом того же веса возвратилось в мой мешок.
Я зарыдал и до сих пор
 Плачу. Почему
Не отдал я тому радже
 Всю мою суму?

У КОЛОДЦА

Я, расставаясь с тобой,
Имя свое не открыла,
Я ничего не ждала,
Много ли нужно мне было?
Воду в кувшины набрав,
Все разбрелись по селенью.
Я у колодца одна
В странном осталась томленье.
Женщины звали меня:
«Эй, возвращайся, уж время!»
С места я встать не могла,
Чтобы вернуться со всеми.
Ты подошел. Я шагов
Легких твоих не слыхала.
Был твой безрадостен взгляд,
Проговорил ты устало:
«Жажда сжигает мне грудь!»
Я, свой кувшин наклоняя,
Свежей воды налила
В чашу ладоней до края.
Чуть трепетала листва,
Птица кричала в тревоге,
Шел аромат от кустов
У поворота дороги.

Имя мое ты спросил.
Что я свершила такого,
Чтобы мой образ тебе
Память вернула бы снова?
Жажду твою утолить
Мне удалось хоть немного.
Стала богаче душа,
Сердце не просит залога.
Так же трепещут листья,
Птичий призыв раздаётся,
Так же сижу я одна
В светлой тени у колодца.

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

Всю ночь гляжу я на дорогу,
Со страхом в ночь гляжу.
Не выдержать мне до рассвета,—
Глаза смежу.

Что, если он придет ко мне
В тот миг? А я в глубоком сне.
Мой дом, затененный листвою,
Ему хорошо знаком.
Уйдите, чтобы не спугнуть
Пришедшего тайком.

И если, шаг его заслышав,
Я не открою глаз,
Мною дремоту не нарушит
Никто из вас.

О, многоцветный праздник дня,
О, птиц щебечущих возня,
Цветов аромат хмельной,
Ветра тревожный зов,
Не вы мой нарушите сон,—
Лишь звук его шагов.

Глубокий сон мой так отраден —
Пучина забытья.
От сладкого прикосновенья
Воспряну я.

Меня покинет сон тотчас,
Увижу я сиянье глаз,
Коснется чела моего
 Отсвет улыбки живой,
Греза моя наяву
 Предстанет предо мной.

В глазах возникнет ясный образ,
 Опередив лучи.
Он первым проблеском рассвета
 Сверкнет в ночи.
И сердце затрепещет вмиг,
Едва увижу светлый лик.
Душу восторг оживит,
 Радостно счастье приму.
Ему лишь меня разбудить,
 А больше никому.

НИКТО ИЗ ВАС НЕ ЗАСТАВИТ...

Никто из вас не заставит
 Нерасцветший цветок раскрыться.
Сколько б ни говорили,
Сколько б ни прилагали усилий,
Ни били по гибкому стеблю —
 Вам своего не добиться.
Никто из вас не заставит
 Нерасцветший цветок раскрыться.

Можно глаз не сводить с него,
Он лишь поникнет головкой мертво.
Можно все лепестки оборвать,
 Можно раздавить колесницей,—
Идите, галдите со всех сторон,
Если лицо и откроет он,
Он будет бесцветен, безжизнен будет,
 Безуханный и тусклолицый...
Никто, никто не заставит
 Нерасцветший цветок раскрыться.

Но тот, кому суждено судьбой,
 Заставит раскрыться цветок любой,
Лишь бросит он сквозь ресницы
Пристальных глаз лучи —
И светлое заклинанье глаз
 Сердца цветка коснется тотчас.
Лишь тот, кому суждено судьбой,
 Заставит цветок распусться.

Он только посмотрит, только вздохнет —
И цветок бессилье стяхнет,
Крылья листьев раскинув,
К небесам устремится
И радостно обретет свой цвет,
Волненьем любви согрет.
Словно страстно зовя кого-то,
Сладостным запахом заструится...
Тот, кому суждено судьбой,
Заставит цветок распуститься.

P. Tarop
1907

П Р О Щ А Н И Е

Прощай, мой брат, прости меня, прости!
Отныне с вами мне не по пути.

Вам всем идти дорогою своею,
Гирлянды из цветов надев на шею.
Я в тень уйду, в чашобу потемнее,
Затем, чтоб незаметно вспять уйти.
О брат, не окликай меня, прости!

Мы долго шли бок о бок, и, возможно,
Не бросил бы я путь ваш непреложный,
Когда бы здесь, на этом скрестке двух
Больших дорог, во мне не дрогнул дух.
Какой-то странный чувствую недуг,
Пьянят цветы, их запахи тревожны.
Нет, мне остаться с вами невозможно!

Стремитесь к цели вы своей земной,
А для меня теперь все — звук пустой:
Сокровища и тронов низвержение;
Борьба идей, кровавые сраженья
В стране и вне ее; и орошенья
Корней ветвистых чампы золотой.
Мне не идти дорогою земной.

Небесных сфер улыбка колдовская
Свирелью льется, в душу проникая.
На полпути я встал, я в полусне,
Я не у дел, я грежу в стороне,
И слово лишь одно звучит во мне —
«Люблю. Люблю». Во весь простор сверкая,
Слепит улыбка неба колдовская.

Поэтому прощайте. Ухожу.
Труду бесцельному теперь служу.
Пути заоблачные мне любезны,
По воле ветра мчусь — пловец небесный,
Паромщик, уходящий в эти бездны,
В хаосе беспричинном я кружу.
Прощайте же, прощайте! Ухожу.

К О Н Е Ц П У Т И

Мания путешествий обуяла меня,
Манила меня дорога в небывалые дали.
Солнце границу востока в небе лишь намечало,
Лодка ждала меня на реке у причала,
Утренняя роса на сонных цветах мерцала.
В храме Шивы, играя, раковины зазвучали...
Мания путешествий обуяла меня,
Манила меня дорога в небывалые дали.

Многоликой земли таинственные письма —
Эти витые дороги, ведущие прочь от дома.
Утром смотрят они в дали чуждого края...
Что они говорят? Что поют, обещая,
Вольным и необъятным голосом обнимая
Горы, леса и доли стороны незнакомой?
Исхожены разными странниками в разные времена
Эти витые дороги, ведущие прочь от дома.

Не размышлял я о том, зачем отправляюсь в путь,
Меня увлекла в дорогу неизъяснимая сила...
Вечно лишь это счастье — идти вперед непрерывно,
Желание бесконечное видеть иные страны...
Душа была переполнена жаждою постоянной,
Душа моя новизны на каждом шагу просила.
Я на рассвете вышел.
Дорога меня манила.

Много, много ушло времени с той поры.

И я далеко ушел, томим своею заботой.

Мнилось: па каждом извиве дороги моей суровой

Встречусь я неожиданно с моею участью новой,

Услышу чьи-то влекущие, неслыханные зовы,

За поворотом ближайшим вдруг увижу кого-то...

Но много, много ушло времени с той поры,

И сам я ушел далеко, томим своею заботой...

В постоянных скитаньях так устала душа!

Я не жду неожиданного и душу грезой не грею.

Теперь живет в моем сердце единственное желанье.

Поэтому вновь к реке пришел я с зарею райней,

Лишь об одном я мечтаю все горячей, неустанной:

Пусть к берегу твоему пристанет паром скорее...

Сегодня я знаю, знаю, куда и к кому иду.

Я не жду неожиданного и душу грезой не грею.

Р А Б

О раб, кто заковал тебя
В тяжкие оковы?
Цепи на меня надел
Мой властелин суровый.
Казалось: стану всех сильней,
Будут все в плену.
Скопил я в тайниках моих
Царскую казну.
На ложе властелина спал
Я в глубине подвала.
Очнулся — вижу, цепь меня
К богатству приковала.

Раб, а кто сковал тебе
Эти кандалы?
Я их со страстью сам ковал,
Не знал, что тяжелы.
Казалось: мир я покорю
Силою великой,
Всех прочих превращу в рабов.
Буду сам владыкой.
Я день и ночь ковал, ковал, —
И цепь моя росла.
Мой молот бил. Удар. Еще.
Ударам нет числа.
Когда закончил я ковать
Нервущиеся звенья,
Гляжу: опутан цепью сам,
И нет мне избавленья.

В МЕСЯЦЕ БОЙШАКХ

Жаркий ветер сегодня тронул
Листья амлы новорожденные.
Жаркий ветер принес сегодня
Дуновенье цветов благовонное.
Никого нет в доме моем.
Никого нет в поле пустом.
Под бездонным небом бубенчики
На ногах танцоров трезвонят.
Под жужжанье пчел хлопотливых —
Бег бубенчиков торопливых.
Этот легкий, летучий танец
Кровь по жилам поющим гонит...
Словно ласковый шелест ливня,
Колокольцы звонят-трезвонят.

Будто ветви дерева мохул,
Вновь душа моя дышит радостно.
Нежно кожи моей коснулся
Кос распущенных запахов сладостный.
Над плотиною плещет зной,
Изливаясь в реку волной.
Ветер бродит в пальмовой роще,
Где рядами деревья стали.
На крутом берегу небес
Начертался грез моих лес.

И, в себя углубясь без цели,
Я смотрю в незримые дали...
Тихо бродят коровы в роще,
Где рядами деревья встали.

В неподвижном, знойном покое
Незаметно растаял день.
На дороге, ведущей к пристани,
Разлеглась широкая тень.
Вечер сходит с неба усталого,
Платьем лес укрывая саловый.
Все кувшины водой наполнены.
Мгла окутала гхат пустынный.
Собираю дум своих стаю,
И мечтаю, и размышляю.
Целый день я провел без дела,
Обуянный ленью бесчинной.
Неужели пуста душа моя,
Коль наполнены все кувшины?

ПУТНИК

О скиталец, скиталец, неужели в дорогу пора?
Посмотри, посмотри — непроглядная мгла кругом!
Небо тускло и немо, уснули, устав, ветра,
И деревья тамала утонули во мраке густом.
Яркий свет зажигается в нашем доме опять,
Звуки льющейся флейты прямо к сердцу идут,
И гирлянды цветов еще не успели увянуть,
И глаза молодые еще неусыпно ждут.
Неужели разлуки нам сейчас не минуть?
О скиталец, скиталец, неужели отправишься в путь?

Мы не держим тебя, чинить не хотим препон,
Уезжай, коли хочешь, немедля в любые края,
Конь накормлен и взнуздан, седока поджидает он,
Возле дома давно стоит колесница твоя.
Лишь одним, лишь одним мы дорогу твою преградим:
Пусть печальная песнь задержит тебя близ нас.
Мы пытались на миг привязать тебя к душам родным
Заклинающим взглядом заботливых, дружеских глаз.
Путник, бессильны мы остановить тебя.
Лишь глаза наши плачут, безмолвно прося и скорбя.

Отчего так устало, так мятежно сейчас глядишь?
Почему ты уходишь, в глухую темень спеша?
О, какою тревогой наполнена черная тишь?
Чьим посланьем настигнута мятущаяся душа?

Семь сияющих звезд — семь небесных святых —
Заклинанье неведомое прочли во мраке слепом —
И безмолвная тьма душой овладела вмиг,
И уходишь ты в ночь, покидая наш светлый дом.
Бессловесное что-то, не известное никому,
Подослало гонца и позвало в безбрежную тьму...

Если эти края и люди тебе не сродни
И не по сердцу этот невозмутимый покой —
Погашу я тогда бессонные эти огни
И мелодию флейты прерву послушной рукой.
И останемся мы... Будет ночь тишиной полна,
Лишь дикады в лесу томительно заверещат.
И засмотрится в окна состаревшая луна
И на тебе остановит свой неподвижный взгляд...
О плененный дорогой! Поразмысли, постой!
Какой одержим ты тревогой? Какою томим тоской?

В М О Р Е

В то утро, когда отплывал я,
Оставив дом и причал,
Не знал я, куда направлюсь,
Цели своей не знал.
Лишь вымпел я водрузил
И лодку с цепи спустил.
Я руль не держал, не греб,
А просто скользил по теченью.
Я слушал пение птах,
Звонящих утром в кустах.
Пастух на веселой флейте
Играл, укрываясь тенью...

В то утро не помышлял я,
Что солнце зайдет за горой,
Что я, плывя по теченью,
С волною встречу морской,
И лодка, минуя гхаты,
Сама причалит когда-то,
И должен гребец одинокий
Направить ее к океану...
Звезды, покрыв небеса,
Глядели в мои глаза;
Орлан к своему гнезду
Летел в вышине туманной...

Качайся, лодка! Волнуйся,
Разбуженная душа,
Песнь переправы безбрежной
Пой, свободой дыша!
Пусть линия берега стерта
И мгла над челном простерта,
Пусть бездна не внемлет ветру,
Рвущемуся из тенет,—
На миг в стране одиноких
Забыв о близких далеких,
Обними беспредельность,
Увлекающую вперед...

К О Н Е Ц

Остановился поток, неподвижна вода.

Лодка твоя завязла в непролазной трясины.

Выпусти руль из рук — не приплывешь никуда.

Парус твой ни к чему — ветра нет и в помине.

На берег выходи и вдоль реки бреди.

Закатные облака алым огнем струятся.

На небесном холсте холмы растут впереди,

Пламенем нарисована роща сквозных акаций.

Дальше некуда плыть, нет челноку пути...

Ныне надо тебе в дальние страны идти.

Ты должен долго идти, ты будешь брести один

Безлюдным полем ночным в слабом звездном свеченье.

Увидишь ли ты леса, грани горных вершин?

Встретится ли тебе хотя бы одно селенье?

Южный ветер тебя нагонит, внезапно примчась,

И дыханье цветов, в сумраке проплывая,

Обнимет тебя и взволнует в ненастный и темный час,

И всколыхнется в душе страсть и радость живая.

Иди, иди, не опаздывай — дорога так далека;

Тень скользнула по небу намеком на облака.

Кончен долгий твой день с базарною суетой,

Ничто сейчас не напомнит тебе о рыночном шуме.

Привяжи свою лодку и поспеши домой,

Тихо сядь во дворе и погрузись в раздумье.

Забудь о теченье времени, о смене дней и ночей,
Всю ночь поддерживай пламя, борясь до рассвета с мглою.
О усталый — оставь плетенье сети своей,
Собери воедино все доброе и все злое,
Вновь обрети единство своей разобщенной души,
Начало каждого дела успешным концом заверши.

Из книги
«ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ»
(«Гитанджали»)

1910

* * *

Заставь меня головой коснуться
Стоп твоих запыленных.
Тщеславье мое, гордыни безумство,
В слезах утопи соленых.
Стремясь возвыситься, я не вижу,
Что только позорю себя, опускаюсь ниже,
Отгораживаю себя, мечусь ежечасно
Среди сует обыденных.
Тщеславье мое, гордыни безумство,
В слезах утопи соленых.

Не помогай мне в моих деяниях,—
Я человек, не боле.
Через мое бытие земное
Выполни свою волю.

Молю тебя о покое конечном,
Раствори меня в блеске своем, в сиянии вечном,
Встань на лотос души моей
 Стопами ног запыленных,
Тщеславье мое, гордыни безумство,
 В слезах утопи соленых.

* * *

Не молю, чтобы ты
Выручал меня из беды,
Только пусть я при встрече с бедой не сробею,
Если горем сожженной душе
И не дашь избавления ты,
Пусть я сам совладать с этой болью сумею.
Ничего, если с горем останусь я наедине,
Только б силы душевные не иссякли во мне.
Если ждет меня в жизни ущерб и обман,
Если не избежать мне людской клеветы,
Пусть душа это зло победит прямою своею.

Не молю, чтобы ты
Облегчал мне земные труды,
Пусть я сам окажусь всех препятствий сильнее,
Если бремя мое
Не разделишь со мною в пути,
Пусть я сам этот путь с тяжелой ношею преодолею.
В день счастливый узнаю я облик сияющий твой
И склонюсь с благодарностью перед тобой.
Если даже обманет весь мир,
Пусть твои не забуду черты,
Ни на миг усомниться в тебе не посмею.

* * *

О, помоги расцвести душе моей,
Сокрытый в глубине души,
В нее слепящий свет пролей,
Бесстрашие внуши,
Сомнения развей,
Тревогу утиши,
Ей красоту и чистоту и счастье дать спеши.
О, помоги расцвести душе моей,
Сокрытый в глубине души.

О, если бы она
Свободу обрела!
Внеси спокойный лад
Во все мои дела.
У стоп твоих душа моя пусть отдохнет в тиши,
Дай радость ей, дай радость ей,
Дай радость ей.
О, помоги расцвести душе моей,
Сокрытый в глубине души.

* * *

Все в новых образах ты в душу мне входи,
Входи, мой взор и слух блаженством награди.
Входи и в тело вдохни экстаз,
Входи, когда не поднять мне глаз,
Входи, рождая восторг в груди...
Все в новых образах ты в душу мне входи.

Входи с красотой и чистотой,
Входи и подари покой,
Входи и многие пути ко мне найди.
Входи печалью, избытjem зла,
Входи успехом во все дела,
Входи, когда дела остались позади...
Все в новых образах ты в душу мне гряди.

* * *

Солнце в прятки стало с тенью играть
На полях, где зреет рис;
Кто-то выпустил плоты облаков —
В небеса они взнеслись.
Нынче шмель не собирает мед:
Он летает, кружит, солнце пьет;
Пара куропаток на реке
Все порхает вверх и вниз.

Не хочу идти домой, милый брат,
Не хочу идти домой!
Я сегодня расколю небосвод,
Мир сегодня будет мой!
Словно пена на речной воде,
Смех сегодня заплясал везде;
Нынче я забуду о труде —
Звуки флейты полились.

* * *

К нам море жизни принесло
Ликующий прибой.

Друзья! За весла поскорей,
Гребите все со мной!

Ладье ли скорби не поднять
Любую тягостную кладь?

Пускай придется жизнь отдать —
Не страшен вал морской!

К нам море жизни принесло
Ликующий прибой.

Кто там вдогонку нам кричит
Отплытия запрет?

Кто поминает нам про страх?
Иль мы не знаем бед?

Меня ль светил извечный ход
На безмятежный брег прибьет?

Нет! Парус подвиму — и в путь,
Напев не смолкнет мой!

К нам море жизни принесло
Ликующий прибой.

* * *

Собираются тучи, темнеет день,
Еле видна дорога,
Зачем ты заставил меня сидеть
В одиночестве у порога?
В дни рабочие столько разных забот,
С утра и до ночи — дела, народ,
А сегодня жду по воле твоей,
Тебе подчиняясь строго.

Зачем ты заставил меня сидеть
В одиночестве у порога?

Если ты не покажешься, не придешь,
Если не дашь мне знака,
Как же тогда пройдет для меня
Время дождей и мрака?
Целый день в ожидании я сижу,
В потемневшие дали гляжу, гляжу,
Душа моя мечется на ветру,
В душе — печаль и тревога.

Зачем ты заставил меня сидеть
В одиночестве у порога?

* * *

О, где же свет, где свет? Не видно мне ни зги.
Разлуки пламенем зажги его, зажги.

Лишен фитиль огня...

Судьба казнит меня!

Уж лучше умереть! Надежда, мне не лги!
Разлуки пламенем светильник свой зажги.

Напев посланницы скорбей в ушах звенит:
«Пойми, душа, что бог из-за тебя не спит.

Тебя ждет ночью он,

Давно в тебя влюблен,

Крепит он честь твою скоплением обид.
Пойми, душа, что бог из-за тебя не спит».

Нагроможденья туч закрыли небосвод,
Неумолимый дождь, не прекращая, льет.

Душа, ты чем полна,

Что вспрянула от сна?

Что в эту ночь тебя терзает и гнетет?
Неумолимый дождь, не прекращая, льет.

Сверкнул на краткий миг сноп молниенных огней,
И вновь сгустился мрак, в глазах еще темней.

Мне песнь вдали слышна,

Протяжна и звучна...

О, если бы уйти от тягостных теней!
И вновь сгустился мрак, в глазах еще темней.

О, где же свет, где свет? Не видно мне ни зги.
Огнем разлуки вновь зажги его, зажги.

Гром... Ветер зарыдал...

Ужель я опоздал?

Мрак плотен, как плотны точильные круги.

Душою свет любви зажги, зажги, зажги.

* * *

Так вот прятаться где-то вдали, в стороне,
Не надо.

Спрячься в сердце моем
От любопытного взгляда.

В мире вечно ты странствуешь, в прятки играя,
По дорогам родного и чужеземного края.

Обещай в этот раз, что зайдешь,
Не лукавь, сердце будет так радо.

Так вот прятаться где-то вдали, в стороне,
Не надо.

Знаю — сердце мое слишком грубое, обыкновенное,
Сохранять недостойно следы твои благословенные.

Друг, но разве не станет душа моя нежной и мягкой,
Если к ней прикоснется твоего дыханья услада?

Даже пусть не придется моему желанию сбыться,
Но если прольется твоей благодати частица,

Не появятся в сердце цветы
И завязей плотных прохлада?

Так вот прятаться где-то вдали, в стороне,
Не надо.

* * *

Нет больше дня, спускается на мир
Покров теней.

Настало время, к берегу иди,

Кувшин налей.

Вода в реке течет, течет,

Журчаньем зыбля небосвод,

И шум воды меня идти зовет:

Скорей, скорей!

Настало время, к берегу иди,

Кувшин налей.

Сегодня на дороге я одна

Под сенью мглы.

А на реке любви бурлит волна,

Бегут валы.

Когда я возвращусь назад?

Ужель со мной заговорят?

Из лодки чьей-то вины звонкий лад

Звучит слышней...

Настало время, к берегу иди,

Кувшин налей.

* * *

Я в мир явился песни петь,
Что от тебя пришли.

О, хоть клочок пространства мне,
Владыка, удели.

Я в мире, созданном тобой,
Всегда один, всему чужой,
И силы, скоплены душой,
Лишь звук родить смог ли.

Я в храме по ночам таюсь,
Тебе хвалу творя,

И жду я повеленья петь
От моего царя.

Когда рассветный небосклон
Вдруг задрожит под вины звон,
Тобой да буду одарен,
А не забыт вдали.

* * *

Молю, мой страх гони, гони,
Ко мне свой лик ты поверни.
 Не видно мне со стороны,
 Где то, что очи зреть должны.
 Все помыслы тобой полны,
 С улыбкой в сердце загляни.

О, молви, молви слово мне,
 Ко мне приникни, обейми.
Свою десницу простерев,
 Меня из праха подними.
 Не мог понять я, что узнал,
 Не мог найти я, что искал;
 Улыбки лгут и слезы лгут,—
 Все заблужденья проясни.

* * *

Давно ль идешь, стремясь достичь
Слияния со мной?
Ты солнцем будешь ли затмен
Или твоей луной?

Днем и во тьме ночных часов
Я слышу звук твоих шагов,
И в сердце заронил мне зов
Посланец тайный твой.

О путник, чувствует душа,
Что скоро ты придешь;
Волной восторга на меня
Накатывает дрожь.

И мнится, ныне час приспел
Отречься от ничтожных дел:
Ведь дух твой с ветром прилетел,
О повелитель мой.

* * *

Был зван на радостный обряд в мир беспредельный я...
Благословен извечный ход земного бытия!

Мой взор по граду красоты
Блуждает, обретя мечты,
И звуки, низки и густы,
Звенят, напев струя.

На том обряде, подчинясь велению твоему,
Поет моя свирель,
Я плач души и смех души, как ты того желал,
В ее вливаю трель.

Позволь теперь к тебе прийти,
Хвалу тебе произнести,
Скажи, что срок тому пришел —
Вот вся мольба моя.

* * *

Свет света пришел, и сразу
 Все вокруг засияло.
Из глаз моих тьма ночная
 Пропала, пропала.
 Повсюду сиянье льется,
 От радости мир смеется,
 Куда ни взгляну — мне ясно,
 Как все прекрасно стало.

Свет твой в листве древесной
 Душу плясать заставит.
Свет твой блеснет и песней
 Птицы приход твой славят.
 Свет твой тронул меня любовно,
 И ожило тело, словно
 И сердце мне теплая, чистая
 Рука твоя обласкала.

* * *

Уединенья бог не спит,
Безмолвием объят;
Жрец, я узреть его хочу,
Отверзни створы врат.
Мечусь я по земным путям,
Стремлюсь — к чему? Не знаю сам,
И не научен я творить
Вечеровой обряд.

Коль пламенем твоим зажгу
Светильник бытия,
В уединении смогу
Готовить жертву я,
И пусть, неяркий свет струя,
Мерцает искорка моя,
Где скопища вселенских сил
Молитвы свет творят.

* * *

Коль жизнь иссохшая пуста,
Ручьем добра гряди!
Коль исчезает красота,
Мелодией гряди!

Коль низкий скоп мирских забот,
Все заглушив окрест, ревет,
То в сердце тихою стопой,
Безмолвный царь, гряди!

Коль, обокрав сама себя,
Душа дрожит, скорбя,
О повелитель, дверь открой,
В парче царей гряди!

Коль вожделений низких прах
Садится на слепых глазах,
О вечно бдящий, о святой,
Как буйный свет, гряди!

* * *

Ты струны старые сними
С ситара по одной —
Теперь на новый лад его настрой.
 Окончился дневной базар,
 Дневную песнь допел ситар;
 Неси вечеровую песнь
 К творцу в покой —
Теперь на новый лад ситар настрой.

Скорее двери отомкни,—
 Как темен небосвод!
Пусть немота семи миров
 Под кров к тебе войдет.
 Былую песнь допеть пора,
 Иная, лучшая игра
 Теперь нужна! Пойми, пойми:
 Ситар не твой!
Теперь на новый лад его настрой.

* * *

По свету песню я несу, что ты в меня вложил, —

Не первый день, не первый день.

Давно ли я тебя ищу? Я сам про то забыл, —

Не первый день, не первый день.

Как вышедший из недр поток

Не знает сам, куда потек,

Так я по волнам бытия

Плыву, как долго плыл, —

Не первый день, не первый день.

Тебе имен я много дал,

Твой образ часто рисовал,

И радость высшая со мной,

Постичь ее нет сил, —

Не первый день, не первый день.

И, как цветок во мгле ночей

Ждет первых солнечных лучей,

Так я узреть тебя, мой царь,

Надежду затаил —

Не первый день, не первый день.

* * *

Любовь к тебе душой поднять
Не хватит мне сил.
Ты много на пути к себе
Препон учредил —
Препон гордыни, суеты,
Богатства и слуг,
Препон отрады и скорбей...
Но все же ты вдруг
 Нам на земном пути сверкнешь —
 Стремительный блик,
 Луч солнца, из-за мрачных туч
 Возникший на миг.
 Того же, кто сумел нести
 Любви этой кладь,
 Ты с трудного пути ничем
 Не станешь сбивать.
Ни дома ты ему не дашь,
 Ни звонких монет;
Идет он в мир — и ничего
 У странника нет.
Ему равны бездомность, кров,
 Почет и позор:
Ты для него в себе вместил
 Вселенной простор.
 Лицом к лицу с тобою стать
 На веки веков,

Наполнить душу лишь тобой
До самых краев,—
Кто эту милость получил,
Навеки тому
Все вожеления смешны:
Ты нужен ему.

* * *

Сегодня душу у меня
Закрыла туч гряда,
Летит, летит моя душа
Неведомо куда,
И на струнах души моей
Удары молний все сильней,
И грома песнь гремит в груди,
Могуча и горда.

Сгущается, синяя, мгла;
Она мой стан обволокла
И в душу взмывшую ко мне
Проникла навсегда.

Мне пьяный ветер — друг сейчас,
Он бешено пустился в пляс
И с хохотом летит вперед,
Не ведая стыда.

* * *

Что делать, вечно безгласный,
Если безгласен ты?
Я буду нести душою
Бремя твоей немоты.
Пребуду покорен тебе я —
Так ночь замирает, робея,
Когда не мигают звезды
Пугливо средь темноты.

Наступит, наступит утро,
Недвижная мгла уйдет,
Глагол твой златым потоком
Прольется на небосвод.
В гнезде моем утро встречая,
Сложу ли песню тогда я?
Моя лесная лиана
Родит ли тогда цветы?

* * *

Хотел светильник я зажечь —
Увы, он каждый раз,
Тьму не прогнав, где ты сокрыт,
Неумолимо гас.

Лиана завилась, но корень сух;
Цветам не цвесть, хотя бутон набух;
Для жертвоприношения тебе
Лишь муки я припас.

Мне велелепия не знать:
К тебе я на поклон
Иду, во вретисе свое
Смиренно облачен.

Никто ко мне на праздник не пришел,
Нет звука флейты, дом, как прежде, гол,
К руинам храма я привел тебя,
И слезы льют из глаз,

* * *

Мне в дух и плоть войдя, о бог всевластный мой,
Упиться хочешь ты амритою какой?

Открыться ты велишь, поэт, моим глазам,
Чтоб в них увидеть мир, который создал сам;
Безмолвно упоив мой изумленный слух,

Внимать в нем хочешь песнь, что создана тобой.
Мне в дух и плоть войдя, о бог всевластный мой,
Упиться хочешь ты амритою какой?

Твоим творением душа моя жива,
И в ней родит оно чудесные слова.

Я с ними сочетал к тебе любовь мою,
Которой рождены все песни, что пою.
О повелитель мой, в меня влагая дар,

Извечный облик свой в словах моих открой!
Мне в дух и плоть войдя, о бог всевластный мой,
Упиться хочешь ты амритою какой?

* * *

О душа, не стынь, у благих святынь
Долгий сон развей,
Здесь, где льнет волной океан людской
К Индии моей.

Руки простерев, мы начнем напев,
Пусть летит звончей:
Славен будь вовек, богочеловек,
До скончанья дней!
В думы погружен кряж высоких гор,
Доли переплел щедрых рек узор...
О, священный край! Никогда с него
Не своди очей!
Вечно льнет волной океан людской
К Индии моей!

Изо всех краев чей могучий зов
К нам народы слал?
Не один поток в океан притек,
Мча за валом вал.

Здесь ариец был, неариец был,
Гунн, дравид, патан,
Лютый сак, могол и китаец шел —
Слил их океан;
В наши времена из отверстых врат
Нам дары свои принесет Закат,

Даст он и возьмет, к нам навек придет —
Нет назад путей!
Вечно льнет волной океан людской
К Индии моей!

В тех, что шли ордой с песней боевой,
Битв катя волну,
Чей безумный клик, исступлен и дик,
Оглушал страну, —
Я ни в ком из них не признал чужих,
Все во мне царят!
Жар вражды забыт, кровь мою живит
Их напевов лад.
Рудра, вину строй и звени, звени!
Тот, кто злобы к нам полн и в наши дни,
К нам придет, как друг, с нами в тесный круг
Станет без цепей,
Здесь, где льнет волной океан людской
К Индии моей.

Некогда в былом звук священный «ом»
Здесь услышан был;
В мантре воспарив, души окрылив,
В небеса он взмыл,
И народов хор на один костер
Душ дары принес,
Общее тогда, чуть ушла вражда,
Сердце родилось.
Не закрыл врата тот священный храм,
И святыню ту можно зреть и нам;
Мы дождемся дня, и, главу клоня,
Все сберутся к ней
Здесь, где льнет волной океан людской
К Индии моей!

Пышет до сих пор жертвенный костер
Пламенем невзгод;
Пусть и боль и стыд, как судьба велит,
Сердце пережжет.
Хоть горька беда — будь, душа, тверда,
Вечный зов внеми,

Победи свой страх, и падут во прах
Тяготы земли.
Мука тяжела, но пройдет она —
И какая жизнь будет рождена!
Ночь уходит вспять, и проснется мать
Средь гнезда детей,
Здесь, где льнет волной океан людской
К Индии моей.

Неариец к нам и ариец к нам
Путь да устремит,
Пусть приходит к нам тот, кто чтит ислам,
И индус и бритт;
Брахман, из души скверну гнать спеши.
Руку людям дай;
Низший меж людьми, спину распрями
И с колен вставай!
Братья пусть быстрее на обряд идут:
Ведь еще не полн жертвенный сосуд —
Пусть ему скорей святость придадут
Длани всех людей
Здесь, где льнет волной океан людской
К Индии моей!

* * *

О царь, стопы твои стоят внизу, на самом дне,
Где не смолкает непрерывный стон,
Меж тех, кто мал, кто низко пал
И кто всего лишен.

И если я тебе поклоны бью,
То не склоняю голову мою
На дно позора, где давно мои стопы стоят,
И тех не достигает мой поклон,
Кто слаб и мал, кто низко пал
И кто всего лишен.

Вовек надменности людской туда неведом путь,
Где бродишь ты, в лохмотья облачен,
Меж тех, кто мал, кто низко пал
И кто всего лишен.

А я желаю рядом быть с тобой
Средь гордости и роскоши земной,
И в сумрак нищенских лачуг, куда, как свой, ты вхож,
Мой дух, увы, не будет погружен —
Меж тех, кто мал, кто низко пал
И кто всего лишен.

* * *

Страна несчастная моя! К тем, что тобой оскорблены,
Сойди смиренно — пусть они тебе окажутся равны.

Кого, стопой своей поправ,

Лишила ты священных прав,

Те, что стоят перед тобой, твоих объятий лишены,

Пусть в унижении своем тебе окажутся равны.

О, как же их к тебе влекло! А ты отталкивала их,

И злобой воспылала ты к творцу, владыке душ людских.

Разгневан бог — тебе приспел

Тяжелый нищенский удел.

Объедки с нищими делить — вот жребий попоранной страны.

О, стань смиренно равной тем, что в унижении равны.

Ты гордо оттолкнула тех, кто к твоему престолу шел,

И собственную мощь твою, увы, низверг твой произвол,

И, попираемая, дна

Достигла в наши дни она.

Чтобы спастись, за ней сойди, достигни крайней глубины,

И стань смиренно равной тем, что в унижении равны.

Тебе подняться не дадут все те, кого столкнешь ты вниз;

Оставленные позади тебя тянуть назад взялись.

Кого завесой темноты

От знания заслонила ты,

Тебя от блага заслонят угрюмой толщею стены...

В позоре, в униженье все теперь окажутся равны.

Груз нечестивости тебя гнетет уже сто сотен лет,
И все же человекобог еще не слышал твой привет,
Ты долу опустила взор,
Но не постигла до сих пор,

Что падших бог сошел во прах, к тем, что забиты и бедны...
О, стань смиренно равной тем, что в унижении равны.

Ужель не видишь ты? У врат посланец смерти ныне стал,
На чванстве кастовом твоём он знак проклятья начертал.

Когда ты всех не призовешь,
Когда гордыни давней ложь

Ты не отринешь от себя — дни жизни будут сочтены,
В костре ты станешь равной всем, и станут все тебе равны.

* * *

Поклоны, службы, чтение молитв —
Немного блага в том.

В приделе дальнем, двери заперев,
Зачем сидишь тайком?

Укрывшись в темноту души своей,
Кому творишь молитвы без людей?

Отверзни очи — и узришь тогда,
Что бог покинул дом.

Он там, где пахарь, зноем изнурен,
Свой плуг в полях ведет,

Там, где дорогу строя, толщу скал
Ломают круглый год;

В жару и дождь со всеми он в трудах,
Его персты покрыл тяжелый прах;

Сойди ж во прах, откинув ризы с плеч,
Вслед за своим царем.

Где ты освобожденье обретешь?

Наш бог и властелин,

Надев творенья узы на себя,
Теперь с людьми един.

Никто пусть жертвы богу не несет,

Но восклубится прах, прольется пот,—

И с богом души все соединят,
Едины с ним трудом.

* * *

Пускай беда и клевета
Вовсю меня разят —
Не может хуже быть, чем есть,
Я не ропщу, я рад.
Когда во прах повергнут я,
Ввысь не ведет стезя моя,
И, не смущаясь, у тебя,
Мой царь, молю *прошад*.

Когда ж довольны все кругом,
И я доволен сам,
В душе я знаю, что обман
Со счастьем явлен нам.
Чело мне сдавит тот обман,
Как туго скрученный тюрбан,
И некогда к тебе пойти —
Я суетой объят.

* * *

Тебя ищу я на земле всегда,
Пока не доживу свои года —
И новой жизнью снова жить начну,
И взором новым я на мир взгляну,
И обрету иную новизну,
И вновь с тобой соединюсь тогда.
Тебя ищу я на земле всегда.

О, бесконечен, бесконечен ты,
Всегда иные у тебя черты!
Не знаю, в одеянии каком
Ты мне предстанешь на пути моем,
Дашь руку, улыбнешься, как в былом,—
И новых чувств родится череда.
Тебя ищу я на земле всегда.

* * *

Пускай заглушал молитвы
Нередко гомон сует,
Я знаю, о да, я знаю:
Ничто не сойдет на нет.
Пускай завянет до лета
Цветок, не знавший расцвета,
И рек полноводных где-то
В песках исчезает след,—
Я знаю, о да, я знаю:
Ничто не сойдет на нет.

Пускай еще не свершилось,
Чему настанет черед,
Я знаю, о да, я знаю:
Ничто без следа не пройдет.
Что в жизни моей не настало,
Что в песнях не прозвучало,—
На вине твоей чудесной
Звонит спасеньем от бед.
Я знаю, о да, я знаю:
Ничто не сойдет на нет.

* * *

Когда я думаю: «Конец!» —
Догадка неверна,
Ты вновь приказываешь мне:
«Пусть прозвенит струна!»
Иная песнь, иной порыв!
Трепещет сердце, вновь ожив,
Стезею песни я бреду,
Но цель мне не видна.

Когда закатом позлащен,
Печально допою
Мою вечеровую песнь,
Мелодию мою,
Ночная песнь вачнет опять,
Мне наполняя жизнь, звучать,
И вновь на веждах у меня
Нет ни крупинцы сна.

Из книги
«Гирлянда песен»
(«Гитималло»)

1914

* * *

Хорошо, что я потерял дорогу
На пути повседневных дел.
Ни за что я не встретился бы иначе
С тем, чего и представить себе не умел.
Знал я место, где было мое жилище,
Здесь я жил, ночевал и готовил пищу;
Солнце вставало за тем отрогом,
На этом — закат вечерами рдел.
Ношу привычную нес я долго
На пути повседневных дел.

В том, что все мне известно,
Я был уверен вполне.
Знал, как нужно искать мне то или это,
Когда и в какой стороне.
Я снимал урожай, на базар его нес.

В поле шел за волон — сколько мне прошагать пришлось...
А в пору дождей гонял я с рассвета
 Паром по речной волне.
Уходили дни мои незаметно
 По дорогам, известным мне.

Проснувшись в тот день, кого я увидел?
 Чей облик предстал душе?
Наполнив корзинку свою плодами,
 Отправился я к радже.
Уже наступала уборки пора,
В тот день все трудились на пастбище, в поле с утра.
Земля тяжелела людскими трудами,
 Рисом зрелым уже.
Пробудясь на заре, я кого-то увидел,
 Кто-то предстал душе.

В то утро шагал я лесной дорогой
 И удивлялся всему.
Мерещилось мне, что лес утопает
 В благоуханном дыму.
Заметил я: быстрой походкою кто-то
Пршел под смоковницей у поворота,
В сиянье багровом явился внезапно
 И скрылся в зеленую тьму.
Все странным в тот день представлялось
 Уму моему.

Дорогу давнишнюю и знакомую
 Потерял я в единый миг.
Только чуть-чуть повернул я в сторону
 И не вижу следов моих.
День за днем бесконечной шли чередой
По дороге пропавшей той.
Не знаю, как отошел от дома я,
 Как в этот край проник.
Извечно известное и знакомое
 Исчезло в единый миг.

Упала корзинка у края дороги,
Все рассыпалось из нее.
Улыбается нынче небо улыбкой,
Погружающей в забытье.

Перед вечно-известным, державшем во власти меня,
Неизвестное встало, весь облик земли изменяя.

Время текло, день приближался к закату,
Я жадно смотрел, и наполнилось зреньем мое.
Корзинка моя осталась лежать у дороги.
Я забыл про нее.

* * *

Над рекой, потерявшей имя свое,
Лес охранял твоё бытие.
Никто не сказал, где ты.
Мир молчал, затаив дыханье,
И только сладостным благоуханьем
Удивляли сердце цветы.
Но когда опьяняющий ветер южный
Несет безумье душе разбуженной,
Запевающей песню разлук,
Когда пробегает по листьям дрожь,
А шум деревьев на стон похож
И тесен ему горизонта круг,
Я ощущаю, что рядом ты,
Еле укрытый в листы и цветы.
Я знаю, я верую непреложно,—
Перстами вытянутой руки,
Раздвинув лианы и лепестки,
Твоей одежды коснуться можно.

О друг, всеобъемлющ ты!
Сколько в улыбке твоей доброты,
Как много молчаньем глаза говорят,
Как плотно окутало лес волшебство,
Как ласково тени обняли его,—
В сумраке тонет взгляд.

В звучном безмолвии растворена
Вина вселенной, в молчанье она

Извечный ловит напев.

Семи безграничных миров огни

Гаснут в окутавшей лес тени,

Прохлада приходит, зной одолев.

Перед одеждой твоей смиренной

Драгоценности всех раджей во вселенной

Тускнеют, посрамлены.

О ты, который мудр и велик,

Возьми за один насыщенный миг

Этой жизни долгие сны.

* * *

Кто ты, далекий? Запела вдали
Флейта... Качнулась, танцует змея,
Слыша напев незнакомой земли.
Чья это песня? В какие края
Флейта сзывает нас... флейта твоя?
Кружишься ты. Разметались, взвились
Волосы, кольца. Как ветер легка,
Рвется накидка твоя в облака,
Дугами радуги брошена ввысь.
Блеск, пробужденье, смятение, взлет!
В водах волнение, чаша поет,
Крылья шумят. От глубин до высот
Все раскрывается — души и двери,—
Флейта твоя в потаенной пещере,
Флейта к тебе меня властно зовет!

Низкие ноты, высокие ноты,—
Звуков смешение, волны без счета!
Волны на волны и снова волна!
Звуки врываются в край тишины,—
В щели сознания, в смутные сны,—
Солнце пьянеет, тонет луна!
Танец восторженный ближе и ближе!
Вижу потайное, скрытое вижу,
Вихрем охваченный, в радости жгучей:
Там в подземелье, в пещере, в ущелье,
Флейта в руках твоих! Флейты веселье,
Пьяную молнию вырвав из тучи,

В землю врывается из темноты
Соками — в чампу, в листы и цветы!
Словно валы, напролом, сквозь запруды,
Внутрь сквозь стены, сквозь толщу, сквозь груды
Камня — в глубины! Повсюду! Повсюду
Зов и заклятье, звенящее чудо!
Мрак оставляя,
Ползет вековая
Скрытая в сердце-пещере змея.
Свитая мгла
Тихо легла,—
Флейта ей слышится, флейта твоя!

О зачаруй, заколлуй, и со дна
К солнцу, к ногам твоим выйдет она.
Вызови, вызволи, вырви из теми!
В ярком луче отовсюду видна,
Будет, как пена, как вихрь и волна,
Слитая в танце со всем и со всеми,
Виться под звон,
Распустив капюшон.
Как подойдет она к роше в цвету,
К небу и блеску,
К ветру и всплеску! —
Пьяная светом! Вся на свету!

* * *

О путник, уж ночь близка,
Куда ты издалека
Идешь, не страшись преград?
«Кто знает, кто знает, брат.
Я слышал, есть роща одна,
Вокруг нее света стена
Из солнца, звезд и планет.
К ней путь потайной ведет,
Близ сердца вселенной — вход.
Туда я иду, на свет».

О путник, уж ночь близка,
Кто ждет тебя издалека?
К чему тебе этот наряд?
«Кто знает, кто знает, брат.
О том, кто исполнен чар,
Во сне мне души ситар
В сиянье луны поет.
Волшебен очей его взгляд,
Одежд его аромат,
Приход его и уход».

О путник, уж ночь близка;
Походка твоя легка.
Каких же ты ждешь отрад?
«Кто знает, кто знает, брат.

Как мир, тот обширен дом —
Двоим лишь есть место в нем,
А больше, знай, никому.
Там молний веселый пляс
Средь туч будет радовать глаз,
Рассеивать ночи тьму».

О путник, уж ночь близка,
Ведет тебя чья рука?
Иль, может, идешь наугад?
«Кто знает, кто знает, брат.
Я слышал, есть мантра одна,
На всех небесах она
Начертана в вышине,
У берегов души
На вине звучит в тиши.
Путь ею указан мне».

* * *

Дверь открыта моя.
Для игры со мной иногда
Ты сам приходишь сюда,
 О позабывший себя.
На шее цветочная плетеница,
Под легкие ноги твои ложится,
 Полная трепета, молодая
Трава. Ты близишься, о входи же
В мой тихий дом и садись поближе, —
 Я томлюсь, ожидаю,
Коврик для нас двоих разостлав.
Но когда, разряженный для забав,
 Ты приходишь, теряюсь я.
И плачет душа моя и смеется,
Ей разглядеть тебя не удастся,
 О позабывший себя.

Сколько раз убегала ночь от рассвета,
Сколько раз дождями сменялось лето,
 Сколько было весен чудесных, —
И счастье и горе несло нам время,
Но даже в страданье таилось семя
 Каких-то радостей неизвестных.
Дабы я мог коснуться тебя,
Ты меня на руки брал любя, —
 Но знаем об этом лишь я да ты,

Небо замерло, онемев,
И только шептались о нас в полутьме
Ветви, лианы, кусты.
Какой мелодией стать готов,
Наполнившись запахами цветов,
Их шепот в лесах окрестных?
Кружась, южный ветер поет ожиданье,
И жажду, и совершенье свиданья
Многих весен чудесных.

Но время от времени кажется мне,
Что я тебя разгадал вполне
И сущность постиг твою.
Сердце спрашивает: «Кто ты?
Зачем скрываешь свои черты?
Почему я знакомого не узнаю?»
Каждый день меж забот и дел
Я видел тебя,— ты стоял, сидел,
Входил в дома, уходил опять...
Почему же слов я не мог найти,
Когда случилось нам на пути
Друг против друга встать?
Тогда над нами запела птица,
Кто знает, что в песне ее говорится,
Чем награждаешь ты тех, что поют?
Ты в покрывале, все по-другому,
Лицо знакомое незнакомо,
Но я сущность постиг твою.

* * *

Сколько дней я скитаюсь...

Покинув свой кров,
Я отправился в дали на первом луче,
Чуть слышав неясно донесшийся зов,
От страны до страны, от звезды до звезды,
Оставляя на стольких дорогах следы,
По лесам и горам
Бесконечных миров.

Путь до самого близкого
Очень далек.

Ничего нет сложней
Безыскусственных строк.

Путник ищет весь век по порогам чужим
Запах дома родной — ускользящий дым.
Все пройдя, я узнал:
Ты был в сердце, мой бог.

Чтоб промолвить: «Ты здесь!» —
Взгляд кидал я к звезде,

В высоту, в глубину,
К дальней горной гряде.

«Это ты! Это ты!» — заструился, потек
В сто ручьев звонких слов безудержный поток
С ледников долгих криков:
«О, где же ты? Где?»

* * *

На воду надо спустить ладью,
Времени не теряя,
Что ж я в безделье сижу у реки?
Пробил мой час — умираю.
Устав заставлять жасмины цвести,
Весна поспешила отсюда уйти.
С охапкой увядших цветов у груди
Как быть мне, не знаю, не знаю.

Качается с плеском поверхность вод,
Вздымаются волны высоко,
Дождем опадает листва, шелестя,
К подножью ветлы одинокой.
Куда же ты смотришь, опустошен?
Звук флейты протяжный потряс небосклон,
Тот берег призывом ее оглашен.
Спешу, ей себя вверяя.

* * *

Все спишь, лежишь в оцепененье,
Все глаз не размыкаешь...
Цветы в колючках расцвели,
Цветы средь зарослей колючек!
Ты этого не постигаешь?
Ленивец, ты не постигаешь!
Проснись, очнись, вставай, спеши,
Минуты не теряй, спеши!

Путь завершив далекий, трудный,
В стране безрадостной, безлюдной
Мой друг в беде. С ним ни души!
Проснись, вставай, ступай, спеши,—
Минуты не теряй, спеши!

Пусть обжигает солнце злое,
Пусть небо зыблется от зноя,
Пусть раскаленные пески
Всю землю выжгут беспредельно,
Пусть жажда мучает смертельно,—
Но загляни в свою ты душу:
Не радость ли поет в ней? Слушай!
Тебе играть в дороге будет
Печали флейта так призывно,
Так улаждающе призывно!
Проснись, очнись, вставай, спеши,
Минуты не теряй, спеши!

* * *

Об уходе моем возвестите
Ликованьем победного клича.
Все румяней рассветное небо,
Все прекрасней дороги величье.
С чем пойду, что туда
Принесу?.. Не беда,
Что приду я с пустыми руками,—
Принесу я души своей пламя!

В одеянье, достойном свиданья,
Выйду в путь я, гирляндой украшен.
Пусть опасные ждуг испытанья,
Я решился — и страх мне не страшен!
А приду я туда,
Вспыхнет в небе звезда,
Флейта грусти, чудес всех чудесней,
Зачарует вечернею песней.

* * *

Подошел отдачи первый срок,
Жизнь была похожа на цветок,
Лепестков не счесть в его короне.
Щедрый, он нисколько не в уроне,
Отдавая ветру лепесток.

А сегодня, на исходе лет,
Лишнего в руках у жизни нет.
Клонится она покорно долу,
Словно в пору жатвы плод тяжелый,
Сердце чье переполняет сок.

* * *

О, я знаю, пройдут
Мои дни, пройдут,
И в каком-то году, предвечерней порою,
Потускневшее солнце, прощаясь со мною,
Улыбнется мне грустно

В одну из последних минут.
Будет флейта протяжно звучать при дороге,
Будет мирно пастись возле заводи вол круторогий,
Будет бегать ребенок у дома,
Птицы песни свои заведут.
А дни пройдут, мои дни пройдут.

Прошу об одном,
Об одном умоляю я:
Пусть узнаю перед уходом,
Зачем был я создан,
Для чего позвала меня
Зеленеющая земля?
Зачем меня заставляло ночей молчание
Слушать звездных речей звучание,
Зачем, зачем волновало
Душу сиянье дня?
Вот о чем умоляю я.

Когда мои дни пройдут,
Земной окончится срок,
Хочу, чтобы песня моя до конца дозвучала,
Чтобы ясная, звучная пота ее увенчала.

Чтобы жизнь приносила плоды,
 Как цветок,
Хочу, чтоб в сиянии жизни этой
Увидал я твой облик светлый,
Чтоб венок свой
 Надеть на тебя я мог,
Когда окончится срок.

* * *

Если ты любви меня лишил,
Почему ж звенит рассветной песней
 Небосвод, что за ночь не остыл,
Звезд рой с гирляндой яркой схожи,
Устлано цветочным платом ложе,
Южный ветер, лепестки тревожа,
 На ухо мне шепчет, легкокрыл?

Если ты любви меня лишил,
Почему ж тогда в лицо мне смотрит
 Небо взглядом золотым светил?
Почему же с самого начала
Сердце колотилось, не молчало,
Почему туда, где нет причала,
 Я ладью направить поспешил?

* * *

Когда страданье приведет
 Меня к порогу твоему,
Ты позови его и сам
 Дверь отвори ему.
Оно все бросит, чтоб взамен
Изведать рук счастливый плен;
Тропою поспешит крутой
 На свет в твоём дому...
Ты позови его и сам
 Дверь отвори ему.

От боли песней исхожу;
 Заслушавшись ее,
Хоть на минуту выйди в ночь,
 Покинь свое жильё.
Как стриж, что бурей сбит во мгле,
Та песня бьётся по земле.
Навстречу горю моему
 Ты поспеши во тьму,
Ах, позови его и сам
 Дверь отвори ему.

* * *

У тебя я не прошу покоя,
Пусть печаль останется со мною.
На качелях вихревых с разлета
Раскачать тебя — моя забота,
И конца игре той буйной нет.

Пусть погасит мой светильник бурей,
Знамя гроз пусть реет в выси хмурой.
Легких стоп твоих прикосновенье
Сердцем ощущать, что ни мгновенье,—
В том мое служенье, мой обет.

* * *

Кто он, тот мудрый, что полон щедрот,
Тот, что горстями любовь раздает?
Тот, кем раскрашено птичье крыло?
Груз чей земля приняла на чело?
Им напоили побег корешки,
Им умастили цветы лепестки,
Матери в детях его обрели,
Дети в сердцах материнских нашли.
Вот он явился в пылании гроз,
Вот он разлился потоками слез,
Вот он из раны героя возник —
Жизнь уносящий багряный родник.
Вот создающий и рушащий, он
Пляшет во мраке пространств и времен.

* * *

В одеянье красивом пришел ты в мой час предзакатный,—

Привет мой тебе!

Озарил мою душу улыбкой своей благодатной,—

Привет мой тебе!

В этих кротко-безмолвных глубинах небес безмятежных

Привет мой тебе!

В этом дремлющем ветре, в его дуновениях нежных

Привет мой тебе!

На зеленом подоле усталой земли — в этот вечер

Привет мой тебе!

Под замершими звездами, под их беззвучные речи —

Привет мой тебе!

В этой тихой гостинице, труд завершив свой желанный,

Привет мой тебе!

Этой пышной вечерней гирляндой благоуханной

Привет мой тебе!

Из книги
«ПЕСНИ»
(«Гитали»),

1914

* * *

В обличье срабона вернулся ты к нам, как бывало.
Набросил ты на небо туч покрывало,
И солнце и звезды померкли тотчас,
Пропала дорога из глаз,
И река разъяренная забушевала.

Сгинула тишина.
Музыкой ливней природа полна.
Ночь налетела хмельная.
Ливням внимая,
В жилах играет она.

* * *

Камнем волшебным,
Камнем огня,
Душу мою тронь.

Жизнь мою
Светлым горением
Пусть очистит огонь.

Тело мое, как светильник,
Ввысь подними,
К небесам.

Пусть ночью порою
Осветит оно
Твой храм.

Пушкай пылает
В песнях моих
Твой вечный огонь.

Камнем волшебным,
Камнем огня,
Душу мою тронь.

Ночь наступила.
Снова и снова
Светом коснись темноты.

Пусть распускаются
Новые звезды,
Словно цветы.

Преображенные

Очи прозреют.

Рассеется мрак ночной.

Куда ни посмотришь,

Всюду, всюду

Свет воцарится твой.

Боль моя вспыхнет.

Ринется ввысь

Жаркий огонь.

Камнем волшебным,

Камнем огня,

Душу мою тронь!

* * *

В одной руке держит он меч,
Ожерелье в другой.
Дверь взломав, он пришел за тобой.
Не за подаяньем пришел он к тебе,
Он душу твою завоюет в борьбе.
За жизнь твою вступит он в бой.
Дверь взломав, он пришел за тобой.

Он дорогою смерти вторгается в жизнь.
Он воин, с мечом он идет
По вселенной вперед.
Всем ему суждено завладеть
Ныне и впредь.
Он идет по вселенной дорогой прямой,
Дверь взломав, он пришел за тобой.

* * *

Облако молвило: «В путь мне пора».
Ночь говорит: «Уходить я должна».
Море вздохнуло: «Вот берег.
Дальше не плещет волна».
Печаль прошептала: «Я след Его ног.
Пребуду безмолвною в мире тревог».
«Я» говорит: «Исчезаю.
Здравствуй, вечная тишина».

Вселенная шепчет: «Гирлянду почета
Сплела я тебе, не забудь!»
Небо сказало: «Сто тысяч светильников
Твой осветили путь».
Любовь сказала: «Из века в век
Я бодрствую ради тебя, человек».
Смерть говорит: «Ладьей твоей жизни
Правлю я лишь одна».

* * *

О ты, живущий в сердце моем!
Где улыбка твоя? Тишина кругом.
Пасмурен вечер. Тучи темны.
Застланы мглою очи луны.
И флейта души не поет во мраке ночном.

Светильник начищен. Рассеет он тьму,
Стоит огонь поднести к нему.
Пожелай,— и хоть ночь темна,
Будет гирлянда тебе сплетена.
Цветов немало нарвал я днем.

* * *

Ладыя моей песни
В простор уплывает морской.
Парус, наполненный ветром,
Скользит надо мной.
Кукует кукушка в листве молодой,
Ладыя не к ней поплывет.
Крестьянка с кувшином идет за водой.
Ладыя не к ней поплывет.
Синяя смерть забавляется вечной игрой.
К ней ладыя моей песни летит над морскою волной.

Вина, с тобою отныне
Мы заодно.
Долго мы никого не видали.
Было слишком темно.
Цветок, что раскрылся в чаше лесной,
Не для меня цветет.
Цветок за окном, окропленный росой,
Не для меня цветет.
Мелодия небу на диво цветет в пустоте голубой.
К ней ладыя моей песни летит над морскою волной.

* * *

Зажжен мой светильник,
Покинут мой дом.
Вечером детям сказал я:
«Давайте пойдем
Дорогой своей, собирая цветы,
Не боясь темноты.
Путь нам осветит светильник
Во мраке ночном».

Но мне с полдороги
Пришлось возвратиться домой.
Погас мой светильник,
Ночную окутанный тьмой.
Я теперь говорю: «Свет! Зажги ты меня самого!
Преобрази меня силой огня своего,
Ибо разбит мой светильник,
И ночь торжествует кругом».

Handwritten text in an ancient script, likely Sanskrit or a related language. The text is arranged in approximately 15 horizontal lines. The script is highly stylized and difficult to decipher. There are some larger, more prominent characters and some lines that appear to be decorative or contain specific markers. The overall appearance is that of a manuscript page with dense, cursive writing.

202
1872
1872

Страница из рукописи сборника «Жертвенные песни»

* * *

Дорога — подруга моя. Никогда не расстаться мне с ней.
Солнечным утром и ночью туманной
Дорога считает людские шаги неустанно
И поет, не смолкая, в сиянии звездных лучей.
Наверное, все времена
У нее на груди начертали свои письма.
Спят усталые чайня все поколений
На дороге в истлевшей одежде своей.

Не помню, когда я отправился в путь.
Мне новый мир открывается, что ни мгновенье.
Каждый шаг мне сулит откровенье,
Ветром страстивий овейна грудь.
Я не ведал в пути сожалений,
Упованья сильнее сомнений;
Брожение вечное жизни постиг я,
Проходя по дороге в потоке стремительных дней.

* * *

Играл ты на вине своей и не спрашивал.
Слушаю я или нет.
Вина заветная снова
Запела сегодня чуть свет.
Сопутствует всюду мне струн ее звук.
Сколько мелодий играет вокруг!
Жизнь мою ты сплетаешь из песен,
И не петь не могу я в ответ.

Зеленеет листва молодая.
Небо синее над порослью белой жасмина.
Не умолкая,
Поет одинокая вина.
Ветер вздыхает в сиянии дня голубого.
И я вижу, как слово,
Как песня моя на твоей колыхнулась груди,
Словно гирлянда, сплетенная в беге бесчисленных лет.

* * *

Дорога лежит предо мной
Без конца и без края.
Блуждать по вселенной —
Извечная участь людская.
Страннику путь не укажут стихии природы.
Безмолвны твои небеса и спокойные воды.
Веги нет никакой.
Нам неведома наша дорога земная.

Направление верное скрыла природа слепая
В крыльях у птицы.
Направление верное
В звездном сиянье таится.
Шесть времен года идут по земле вереницей,
Каждое правит своею цветной колесницей,
И каждое путь свой находит земной
Вслепую, сомнений не зная.

П Ъ Е С Ы

1908 — 1911

ОСЕННИЙ ПРАЗДНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Саньяси
Старик
Локхешшор
Упонондо
Раджа
Гонец раджи
Придворные
Мальчики

Светлую грудь обнажая,
Ныне встает заря.
В небе ее глаголы
Сверкают, златом горя.

О, не скрывай отныне
Тайны души твоей,
К свету взнеси, расцветая,
Все, что таишь от людей.

Скорее сбрось покрывало,
Чтоб взор твой не застилало,
Рви, ликуя, оковы,
К свету душой воспаря!¹

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДОРОГА.

М а л ь ч и к и
(поют)

Улыбается луч на груди облаков,
Непогода прочь унеслась.
О братья, сегодня праздник у нас,
Сегодня праздник у нас!
Не знаем, что делать сегодня нам —
Плутать ли бесцельно гурьбой по лесам,

¹ Здесь и далее песни в переводе В. Рогова.

Бегать ли вместе всем по лугам,
Резвясь, играя, смеясь!
Из листьев кея ладью смастерим
И плавать опустим в пруд,
Украшим цветами нашу ладью,
Пусть волны ее несут!
Играй, пастушок, и весело пой,
Мы будем пасти корову с тобой,
Обсыплем тела душистой пылью,
Где чампа в цвету разрослась...
О братья, сегодня праздник у нас,
Сегодня праздник у нас!

Локхешшор (*выбегая из дома*). Ах, эти мальчишки, мучители! Эй, Чобе! Эй, Гиридхарилал! Держите их, ловите негодников!

Мальчики (*отбегая назад и хлопая в ладоши*).
А вот и Локхи-сова появился! Локхи-сова! Локхи-сова!

Локхешшор. Хонумонто Шингхо, ну-ка хватай их за уши и веди сюда! Да смотри, чтоб ни один не убежал!

Один мальчик (*подкравшись к Локхешшору сзади, вытаскивает у него из-за уха перо*).

К Локхи-сове ворона пристала,
Клюнула в хвост, и сова заорала!

Локхешшор. Ах вы, негодяи, безобразники! Вот я вам покажу!

Входит старик.

Старик. Что случилось, Локха? Почему ты такой мрачный?

Локхешшор. Да разве ты не видишь? С утра орут над самым ухом.

Старик. Так ведь сегодня у них осенние каникулы. Пусть немного повеселятся! Неужели даже песня раздражает тебя? Вот наказал господь!

Локхешшор. Нашли время распевать песни! Я все время сбиваюсь со счета. Весь день мне испортили.

Старик. Что и говорить. Путать счета и расчеты они мастера! Стоит их услышать, и я тоже сбиваюсь со счета — становлюсь моложе лет на пятьдесят! Эй, про-

казники, идемте! Я поведу вас в поле Пончанонтола. А ты, братец, можешь спокойно сидеть в своей конторе. Теперь уж не ошибешься!

Дети танцуют вокруг старика.

Первый. Идем, дедушка, идем.

Второй. Сегодня ты должен рассказать нам что-нибудь интересное.

Третий. Нет, сядем лучше под баньяном и будем петь песни.

Четвертый. Зачем под баньяном? Пойдем вон туда, под ветвистый парул.

Старик. Тише, тише. Ишь расшумелись. Смотрите, Локха опять прибежит сюда.

Появляется Локхешшор.

Локхешшор. Кто из вас, сорванцы, стащил у меня перо?

Перо возвращают, все уходят.

Входит Упонондо.

А-а, это ты? Наверное, пришел вернуть долг своего хозяина? За ним еще много оставалось.

Упонондо. Вчера вечером мой господин умер.

Локхешшор. Умер! Как умер? Что же будет с моими деньгами?

Упонондо. Мой хозяин был очень беден. Кроме вины, которой он зарабатывал на хлеб и выплачивал долги, у него ничего не было.

Локхешшор. Ничего, кроме вины? Какое приятное известие!

Упонондо. Я пришел не радовать тебя. Когда-то я был нищим бродягой. Он приютил меня, разделил со мной горе и хлеб и сделал меня человеком. Теперь я буду служить тебе, чтобы своим трудом вознаградить его за великодушие.

Локхешшор. Ах, вот как! Понимаю: его не стало, и ты надумал жить на моих лепешках? А мне они, потвоему, легко достаются? Нет, я не так глуп! Впрочем, скажи, что ты умеешь делать?

Упонондо. Я могу красиво переписывать книги. А твой хлеб мне не нужен. Я сам буду зарабатывать где придется, но долг выплачу.

Локхешшор. Музыкант был глуп и мальчишку таким же вырастил. Бедняга погибнет, если взвалит его долг на свои плечи. Мало ли дураков!.. Что поделаешь?.. Но помни, парень, тебе придется выплачивать деньги аккуртно третьего числа каждого месяца. А не то...

Упонондо. Напрасно пугаешь. Что со мной сделают, когда у меня ничего нет? Ведь это я сам, и только из благодарности к моему господину, готов работать на тебя. Зачем же меня пугать?

Локхешшор. Ладно, ладно, не буду больше! Ты хороший, золото, а не мальчик! Постарайся в срок выплачивать деньги, дорогой. А то, посуди сам, божеству, живущему в моем доме, придется уменьшить подношения — и грех этот падет на тебя...

Упонондо уходит.

Что такое?! Этот негодник уже здесь! Ну, конечно, он разыскивает место, где я закопал деньги. Из-за этих мальчишек мне без конца приходится перетаскивать деньги с места на место... Дхонопоти! Что тебе здесь понадобилось?

Дхонопоти. Все ребята ушли сегодня на берег Бетошины — и я бы пошел, если бы ты отпустил.

Локхешшор. На берег Бетошины? *(В сторону.)* Ох, пронюхали, видно! Ведь там я закопал свою шкатулку с жемчугом! *(К Дхонопоти.)* Нет, нет, ни в коем случае! Иди сейчас же домой и учи таблицу умножения!

Дхонопоти *(вздыхнув)*. Сегодня такой хороший день!

Локхешшор. Гм, хороший день! Господи помилуй! Если в голову парню лезет такое, пропадет малый!.. Что я тебе сказал? Ступай сейчас же домой!

Дхонопоти уходит.

Ужасный день! От этого бешеного солнца у меня голова кругом идет, душа ни к чему не лежит... Хорошо бы отправиться на остров Молой запасти сандала... Впрочем, это после... сначала нужно заглянуть на берег Бетошины. Не натворили ли там чего эти сорванцы-мальчишки? Они ведь как мыши! Все откопают — не дорожат ничем, знают только кромсать да ломать.

СЦЕНА ВТОРАЯ

БЕРЕГ БЕТОШИНИ. ЛЕС.

Старик и мальчики.

Песня

Солнце в прятки стало с тенью играть
На полях, где зреет рис;
Кто-то выпустил плоты облаков —
В небеса они взнеслись.

Первый мальчик. Дедушка, иди к нам.

Второй мальчик. Нет, дедушка, иди лучше к нам!

Старик. Подождите, друзья, не надо тащить меня в разные стороны. Ничего хорошего из этого не выйдет. Я буду со всеми вместе, и никто не обидится. Давайте-ка споем!

Поют

Нынче шмель не собирает мед:
Он летает, кружит, солнце пьет;
Пара куропаток на реке
Все порхает вверх и вниз.

Входит другая группа мальчиков.

Мальчики. Вот ты где, дедушка! Что же ты не позвал нас? Смотри, мы с тобой поссоримся — на всю жизнь поссоримся!

Старик. О, какое страшное наказание! Сами виноваты, а на меня сваливаете. Если я не зову вас, вы должны позвать меня. Нет, дети, не нужно сегодня ссориться, будем лучше петь песни.

Поют

Не хочу идти домой, милый брат,
Не хочу идти домой!
Я сегодня расколю небосвод,
Мир сегодня будет мой!
Словно пена на речной воде,
Смех сегодня заплясал везде;
Нынче я забуду о труде —
Звуки флейты полились.

Первый мальчик. Дедушка, смотри, смотри! Саньяси идет!

Второй мальчик. Вот здорово! Мы поиграем с саньяси — прикинемся его учениками!

Третий мальчик. Мы уйдем с ним! Уйдем туда, где нас никто не отыщет.

Старик. Тише, тише, дети!

Все. Саньяси, саньяси, святой отец!

Старик. Перестаньте же вы! Святой отец рассердится.

Входит саньяси.

Мальчики. Ты не рассердишься на нас, святой отец? Сегодня мы все будем твоими учениками.

Саньяси. Ха-ха-ха! Прекрасно! А потом вы будете юными саньяси, а я — вашим старым учеником. Хорошая игра, чудесная игра!

Старик. Примите мой поклон, добрый человек. Скажите, кто вы?

Саньяси. Я — ученик.

Старик. Ученик?!

Саньяси. Да, я пришел сюда, чтобы сжечь все книги.

Старик. О святой отец, понимаю! Освободившись от бремени знаний, вы налегке отправитесь в плавание по морю жизни.

Саньяси. Страницы книг мешают мне видеть мир. Они стоят перед моими глазами как стена. Я должен разрушить эту стену.

Старик. Вот и отлично!.. Разрешите взять горсть праха от ваших ног — дайте же и мне благословение, святой отец. Мне кажется, я где-то слышал о вас. Вы не Свами Апурвананда?

Дети. Вот завели разговоры! Так и весь праздник пройдет.

Саньяси. Правильно, дети, и мои каникулы подходят к концу.

Дети. А сколько дней у тебя каникулы?

Саньяси. Совсем немного. Мой учитель уже догоняет меня, он почти рядом.

Дети. И у тебя есть учитель?!

Первый мальчик. Святой отец, возьми нас. Мы пойдем с тобой, куда хочешь!

P. Tarop
1912

Старик. Я тоже последую за тобой, святой отец, возьми и меня.

Саньяси. А кто вон тот мальчик под деревом, что сидит с книгой в такой день?

Мальчики. Упонондо!

Первый мальчик. Эй, Упонондо, иди сюда! Мы играем в учеников саньяси. Иди к нам! Ты будешь главным учеником.

Упонондо. Нет, брат, у меня — работа.

Дети. Какая там работа? Идем!

Упонондо. Я должен переписывать; мне еще много осталось.

Дети. Какая же это работа! Разве это работа! Дедушка, скажите ему! Он нас не слушает. Ведь без Упонондо играть совсем неинтересно!

Саньяси (*опускаясь рядом*). Дитя мое, почему ты работаешь? Сегодня ведь праздник.

Упонондо (*некоторое время молча смотрит на саньяси, потом кланяется и берет прах от его ног*). Ты прав, святой отец, сегодня никто не работает. Но у меня долг, который я должен выплатить.

Старик. Упонондо, дорогой мой, какой у тебя может быть долг?

Упонондо. Мой господин умер, но он задолжал Локхешпору. Я переписываю книги, чтобы выплатить этот долг.

Старик. Увы! Даже такому птенцу, как ты, приходится выплачивать долг! И в такой день! Смотри, святой отец, на том берегу от свежего северного ветра в высокой траве ходят волны, а здесь взор тонет в зелени рисовых полей, плакучий жасмин наполняет воздух молитвенным благоуханием своих цветов, а этот мальчик думает о долге! Разве можно оставаться спокойным, видя все это?

Саньяси. Но на свете нет ничего прекраснее! Посмотри на него! Он, словно любимец Шарады — богини осени, наполняет сиянием ее объятия. Золотым светом своего неба она прижимает его к груди. Нет цветка чище и прекрасней, чем этот мальчик, думающий об искуплении. Пиши, пиши, дитя мое. С каждой новой строкой ты приближаешь свое освобождение! Мы не можем помешать

тебе. Дай мне, друг мой, книгу, я тоже буду писать. И пусть этот день станет благословенным для нас!

Старик. Очки у меня, кажется, здесь, за поясом. Присяду и я.

Первый мальчик. Дедушка, мы тоже будем писать. Это очень весело!

Второй мальчик. Да, да, это будет очень весело!

Упонондо. Зачем, святой отец? Зачем вам так затруднять себя?

Саньяси. А мы именно этого и хотим, мы хотим затруднить себя веселым занятием. Что вы на это скажете, мои дорогие друзья? Без трудностей не узнаешь радости! Не так ли?

Все (*хлопая в ладоши*). Правильно! Какое же веселье без работы!

Первый мальчик. Дай и мне книгу.

Второй мальчик. И мне одну.

Упонондо. А вы умеете?

Первый мальчик. Конечно!

Упонондо. А не устанете?

Второй мальчик. Ни-ко-гда!

Упонондо. Писать нужно очень аккуратно.

Первый мальчик. Думаешь, я не смогу? Вот посмотри!

Упонондо. Не должно быть ни одной ошибки.

Второй мальчик. Ни одной ошибки не будет.

Первый мальчик. Как интересно! Давайте перепишем все до конца.

Второй мальчик. И не встанем, пока не кончим.

Третий мальчик. Правда, дедушка, кончим все переписывать, а потом вместе с Упонондо устроим гонки на лодках. Вот будет здорово!

Песня старика

К нам море жизни принесло ликующий прибой...

Друзья! За весла поскорей, гребите все со мной!

Ладье ли скорби не поднять

Любую тягостную кладь?

Пускай придется жизнь отдать —

Не страшен вал морской!

Кто там вдогонку нам кричит отплытия запрет?
Кто поминает нам про страх? Иль мы не знаем бед?
Меня ль светил извечный ход
На безмятежный брег прибьет?
Нет! Парус подниму — и в путь,
Напев не смолкнет мой!

С а н ь я с и. Дедушка!

С т а р и к (*внезапно умолкнув*). И ты, господин, смеешься надо мной?

С а н ь я с и. Смеюсь? Нисколько! Если в этом рождении ты оказался дедушкой, то по велению бога ты ко всем должен относиться ласково, с улыбкой. И этого не скроешь! Даже маленькие дети чувствуют твою доброту. А меня ты хочешь провести?

С т а р и к. Да, святой отец, мне и впрямь на роду написано развлекать детей. Что ж, коли ты не отделяешь себя от них, — делать нечего!

С а н ь я с и. Ты знаешь, дедушка, песня, которую ты пел, не очень-то подходит к сегодняшнему дню. Эти тревожные слова о скорби, они как-то не нравятся мне; скорбь, действительно, тенью легла на весь мир, но взгляни вокруг: ничего тревожного нигде нет. Видно, мне придется спеть еще одну песню, чтобы прославить это осеннее утро.

С т а р и к. Вот почему нам так дороги встречи с саньяси. Благодаря вам даже заблуждения обретают смысл.

Песня саньяси

Слезами мы украсим кувшин твой золотой, —

О да, мы скорбь узнали!

Тебе, о мать-земля, в печали

Мы жемчуга низали.

Луна и солнце заплели венок,

Простершись у твоих бессмертных ног.

Скорей бы у тебя на шее засверкали

Алмазы яркие моей печали!

Весь этот клад тебе принадлежит.

Что хочешь, то твори:

Иль надели,

Иль разори.

Давно в мой дом явилась жить беда.
Ты истинный алмаз узнаешь без труда,
И потому купи — добра ты, не горда! —
Алмазы яркие моей печали.

Саньяси. Упонондо, друг мой, как звали твоего господина?

Упонондо. Шурсен.

Саньяси. Шурсен?! Мастер игры на вине?

Упонондо. Да, святой отец; ты слышал о нем?

Саньяси. Я затем и пришел сюда, чтобы послушать его.

Упонондо. Неужели он был так известен?

Старик. Неужели он так искусно играл, что ты пришел сюда только затем, чтобы услышать его вину? Почему же мы не знали об этом?

Саньяси. А здешний раджа?

Старик. Наш раджа никогда не приглашал его к себе. А где ты слышал его игру?

Саньяси. Может быть, вы и не знаете, но есть такой правитель, его зовут Биджойадитто...

Старик. Что ты говоришь, святой отец! Мы хоть и темные люди — в глуши живем, а своего правителя знаем!

Саньяси. Возможно. Так вот, однажды при дворе Биджойадитто я слышал, как Шурсен играл на вине. Правитель хотел оставить его в столице, но ничего не вышло...

Старик. И такого большого человека мы даже не заметили... Отнесли к нему без всякого уважения!

Саньяси. Не уважая Шурсена, вы не умалили его достоинств, напротив, вы возвеличили человека. Бог призвал его в свою обитель. Друг мой, Упонондо, а какое отношение имеешь к нему ты?

Упонондо. Мой отец умер, когда я был совсем маленьким. В поисках приюта я пришел сюда. В тот день, ранним утром в конце лета, лил дождь. Я вошел в храм Локанатха, надеясь переждать где-нибудь в уголке. Но служитель выгнал меня, догадавшись наверное, что я из низшей касты. Мой господин был в это время в храме и играл на вине. Он вышел вслед за мной и, обняв меня, сказал: «Пойдем, друг, пойдем ко мне». С того дня мы жили вместе, как сын и отец. Сколько ни смеялись над ним люди,

он не обращал никакого внимания. Не раз говорил я ему: «Господин, научите меня играть на вине, тогда и я смогу кое-что зарабатывать». — «Нет, дорогой, — отвечал он, — этой наукой сыт не будешь; я знаю другую науку, ей-то и научу тебя». И он научил меня красиво переписывать книги, рисовать красками картинки. Когда нам становилось совсем трудно, он отправлялся в дальние края, играл на вине и возвращался с деньгами. Здесь все считали его сумасшедшим.

Саньяси. Не удалось мне послушать вину Шурсена, но, дорогой Упонондо, благодаря тебе я услышал другую вину, ее мелодии я никогда не забуду... Пиши, друг, пиши.

Дети. Ой, вон, ой, идет! Локха идет, Локхи-сова! (Убегают.)

Локхешшор. О проклятье! Упонондо уселся как раз на том самом месте, где я закопал шкатулку! Я думал, парень-то с придурью, оттого и взялся выплатить чужой долг! Да, видно, не тут-то было — он скорее другому ломает шею! Узнал все-таки о моем жемчуге. Да еще и саньяси где-то раздобыл. Стоит саньяси шевельнуть ружьей, и место обнаружится... Упонондо!

Упонондо. Что?

Локхешшор. Уходи, уходи с того места! Что ты здесь делаешь?

Упонондо. Чего ты рассвирепел? Разве это твое место?

Локхешшор. Послушай, дорогой, какое тебе дело, мое это место или не мое? Ты, я вижу, очень хитер! Притворился хорошим человеком и явился ко мне! Я думал, и впрямь, парень пришел ко мне выплатить долг своего господина... Ведь и в законах раджи говорится...

Упонондо. Именно поэтому я и пришел сюда переписывать книги.

Локхешшор. Ну, конечно, затем ты и пришел! Ты догадываешься, сколько мне лет, дорогой? Я не ребенок!

Саньяси. Что такое, что за подозрения, Локха?

Локхешшор. Что за подозрения! Не тебе знать об этом! Великий святой!.. Откуда взялся этот плут-саньяси!

Старик. Эй, как ты смеешь, Локха, оскорблять святого отца!

Упонондо. Не запустить ли тебе в лицо ступку с краской! Думаешь, если у тебя есть деньги, ты можешь делать, что хочешь? Ты и с людьми-то не умеешь разговаривать!

Локхешшор прячется за спину саньяси.

Саньяси. О, успокойся, отец. Успокойся и ты, Упонондо! Локхешшор гораздо лучше вас знает людей. Он сразу видит человека насквозь — оттого и назвал меня плутом. Друг Локхешшор, я обманул столько людей, а тебя вот не сумел провести!

Локхешшор. Что-то я не могу ничего понять. Может, и в самом деле я сплеховал. Не дай бог, проклянет он меня или подстроит что-нибудь! Три корабля ведь в море! *(Берет прах от ног саньяси.)* Прими мой поклон, святой отец! Не узнал тебя. В храме Бирупакхо есть саньяси по имени Бикотанондо, так вот тот — плут, это точно. Послушай-ка, старик, заходи ко мне вместе с саньяси — я подам ему милостыню. Ну, мне пора. Приходите!

Старик. Велика твоя милость! Неужели святой отец переплыл семь морей из-за твоей горсти риса?

Саньяси. Что ты, дедушка! Не следует отказываться даже от горсти риса, там, где ее трудно получить. Ладно, Локхешшор, пошли!

Локхешшор. Я сейчас, вы идите пока. Упонондо, вставай скорее! Вставай, говорят тебе! Забирай свои книги!

Упонондо. Хорошо, я встану, но больше я не слуга тебе!

Локхешшор. Ну и ладно, и без тебя обойдусь! Не умер же я до сих пор!

Упонондо. Твои оскорбления освобождают меня от долга, который я принял на себя. Все! Кончено! *(Уходит.)*

Локхешшор. Ох! Откуда эти всадники? Неужели раджа узнал о моих сокровищах? Уж лучше бы здесь остался Упонондо! Что делать? *(Схватив саньяси.)* Святой отец, умоляю тебя, посиди здесь — вот, вот тут. Нет, немного влево подвинься. Вот так! Сиди и ни с места. Раджа ли появится, правитель ли, не вставай — и все!.. Я отблагодарю тебя.

Старик. Что это с ним? Вот разошелся!

Локхешшор. Святой отец, я отойду в сторонку. А то раджа увидит меня и сразу вспомнит о деньгах... Всякие недруги донесли ему, что я их закопал. Вот раджа и роет всюду колодцы. Где только не рыл! Говорит, дарует жителям воду. Когда-нибудь он подкопается и под мой дом, чтобы даровать людям воду. Я уже и сна лишился от страха. *(Уходит.)*

Входит гонец раджи.

Гонец. Поклон, святой отец! Вы Апурвананда?

Саньяси. Некоторые действительно называют меня так.

Гонец. Весть о ваших удивительных достоинствах распространилась повсюду. Наш махарадж Шомпал изъявил желание видеть вас.

Саньяси. Стоит ему обратить взор в мою сторону, и он увидит меня.

Гонец. Но если вы...

Саньяси. Я связан обещанием с одним человеком и не могу оставить это место. Если твой раджа очень нуждается в таком ничтожном, как я, ему придется пожаловать ко мне.

Гонец. Сад раджи очень близко, вот там он ожидает...

Саньяси. Тем более ему совсем нетрудно будет прийти сюда.

Гонец. Как прикажете... Я сообщу радже волю святого отца. *(Уходит.)*

Старик. Сюда, я слышу, может прийти раджа со всей свитой. Мне лучше уйти, святой отец.

Саньяси. Хорошо, иди и собери моих маленьких друзей, займись пока с ними. Я долго не задержусь.

Старик. Что мне раджа? Пусть бы он вообще исчез и воцарилось полное смятение, — тебя, господин, я никогда не покину.

Входит Локхешшор.

Локхешшор. Святой отец, ты — Апурвананда! Я очень виноват перед тобой... Прости меня!

Саньяси. Если твоя вина в том, что ты назвал меня плутом, то я простил тебя.

Локхешшор. Друг, святой отец, простить может каждый, да проку-то в этом немного. Ты должен сделать для меня кое-что поважнее... Уж раз я увидел тебя, не уходить же с пустыми руками?

Саньяси. Чего ты хочешь?

Локхешшор. Видишь ли, не столько, сколько думают люди, однако кое-что я накопил... совсем немного, мне этого, конечно, мало... Осень наступает, не могу я теперь сидеть дома; пора отправляться по торговым делам. Не скажешь ли ты, куда выгоднее податься, чтобы зря не болтаться по свету?

Саньяси. Вот и я за тем же пришел сюда.

Локхешшор. Что ты говоришь, святой отец!

Саньяси. Правду говорю.

Локхешшор. Ну-ка расскажи об этом поподробнее. Ведь вы все куда смекалистей нас.

Саньяси. Вряд ли.

Локхешшор (*подсев поближе, медовым голосом*). Нашел что-нибудь?

Саньяси. Найти-то я нашел кое-что... Иначе чего бы я бродил столько по свету?

Локхешшор (*прикоснувшись к ногам саньяси*). Говори яснее, святой отец, припадаю к твоим стопам, клянусь: я не останусь в долгу у тебя. Скажи, что ты ищешь? Я уж не проговорюсь.

Саньяси. Ладно, слушай... Я ищу золотой лотос, на котором покоятся ноги Лакшми, богини богатства и процветания.

Локхешшор. Здорово ты придумал! Ради этого стоит потрудиться! Достанешь золотой лотос, и не надо искать Лакшми, — она сама будет тут как тут! Только так и можно покорить нашу изменчивую богиню. Главное — схватить ее за ноги! Но ведь ты — саньяси, справишься ли один с таким делом? Потребуется, конечно, расходы. Одному тебе будет трудно, друг. Давай-ка вместе возьмемся!

Саньяси. В таком случае и тебе придется стать саньяси и не прикасаться к золоту.

Локхешшор. Тяжело!..

Саньяси. Иначе нельзя. Пока не оставишь все торговые дела, из этой затеи ничего не выйдет.

Локхешшор. Не окажусь ли я между двух стульев в конце концов? Только бы не прогадать, а так-то я готов следовать за тобой, как верный пес. Честное слово, святой отец, меня нелегко провести. Но тебе я верю. Хорошо! Хорошо! Согласен! Последую за тобой. Вот и раджа идет! Лучше уж я отойду в сторонку, спрячусь.

Песня придворных поэтов

Да сопутствуют вечно победы величайшему из раджей!
Да склонится весь мир, потрясенный небывалой мощью
твоей!

Перед карой твоей справедливой подлецы в испуге
дрожат,

Лезвия твоего страшится горделивый твой супостат,
Ты даруешь скорбей избавление тем, что дни в нищете
влачат...

Да не ведает ввек омраченья череда твоих славных дней!

Раджа. Прими поклон, святой отец!

Саньяси. Да будет победа с тобой! Чего ты хочешь?

Раджа. Об этом не трудно догадаться. Хочу быть владыкой единой империи.

Саньяси. Тогда начинай с начала. Оставь поделенную империю.

Раджа. Не шути, святой отец! Слава Биджойадитто не дает мне покоя. Надоело быть его вассалом.

Саньяси. Что ж, и я открою тебе правду, раджа. Я тоже терпеть не могу его.

Раджа. Что ты говоришь, святой отец?

Саньяси. Чистую правду. Чтобы покорить Биджойадитто, я учу священные заклинания.

Раджа. Потому ты и стал саньяси?

Саньяси. Ты угадал.

Раджа. И священные заклинания помогут?

Саньяси. Возможно.

Раджа. В таком случае, святой отец, не забудь обо мне. Я дам тебе все, чего ты пожелаешь. Если он покорится и ко мне...

Саньяси. Ладно, я приведу императора Чоккроборти к тебе во дворец.

Раджа. Не хочется терять время, отец. Осень наступает, пора дождей прошла. Теперь по утрам лучи солнца скользят по водной глади Бетошини... Можно собирать войско и — в поход! Если благословишь...

Саньяси. Не торопись. Осенью я доставлю его тебе, это самое подходящее время... А что ты сделаешь с ним?

Раджа. Заставлю его потрудиться — это собьет с него спесь!

Саньяси. Прекрасно! Если тебе удастся сбить с него спесь, я буду очень доволен.

Раджа. Не пожалуешь ли ко мне в гости, святой отец?

Саньяси. Не могу. Я жду своих людей. Ты ступай, друг. Не беспокойся обо мне. Я очень рад, что ты поделился со мной сокровенным желанием. Не знал я, что у Биджойадитто столько врагов.

Раджа. Прощай, отец. Прими поклон! *(Уходит. Возвращаясь.)* Послушай, святой отец, ты знаешь Биджойадитто; скажи откровенно, правда ли все то, что говорят о нем люди?

Саньяси. Нет, неправда. Люди считают его великим раджой, но он совсем простой человек. Это его одежды вводят людей в заблуждение.

Раджа. Что ты говоришь, святой отец! Ха-ха-ха-ха! Я тоже так думал... Хм! Совсем простой человек...

Саньяси. Мне хочется растолковать ему это, чтобы он понял. Ведь он ошибается, полагая, что царские одежды делают его великим, непохожим на других людей. Я должен открыть ему глаза.

Раджа. Сделай это, святой отец, сделай.

Саньяси. Я-то давно разгадал, в чем тут дело. Поздней весной после первых дождей, перед самым посевом, крестьяне в его владениях устраивают большой праздник. Они отправляются в лес, поклониться покровительнице борозды — Сите и повеселиться на лоне природы. Душа Биджойадитто обливается слезами, мечтая разделить с пахарями их скромную трапезу на пальмовых листьях. Ведь на самом-то деле он — такой же крестьянин, как они, даром, что раджа! Биджойадитто не раз порывался пойти посидеть с ними, забыв о своем царственном величии. Но его министры и слуги пекутся о его царственности

гораздо больше, чем он. И они держат его за руки и за ноги, уверяя, что он не должен идти туда. Значит, они боятся, что без маски величия Биджойадитто будет другим человеком. Вот почему они всегда так опасаются за него: их тревожит мысль, что когда-нибудь все откроется.

Раджа. Ты должен открыть это всем, святой отец. Пусть все знают, что он самозванец и плут. Уж очень он возгордился!

Саньяси. Это я и собираюсь сделать. Будь спокоен, я не отступлю до тех пор, пока не осуществлю своего намерения.

Раджа. Прощай!

Входит Упонондо.

Упонондо. Святой отец, на душе у меня тяжело.

Саньяси. Что случилось, дитя?

Упонондо. Когда Локхешшор оскорбил меня, я решил не выплачивать ему долга. Собрал книги и ушел домой. Дома я взял віну своего господина и хотел стереть с нее пыль, но вдруг струны ее запели! Я почувствовал в душе такое — не передать словами! Я упал на пол, и жгучие слезы полились из моих глаз. Я понял, что виноват перед своим господином: он остался должником Локхешшора, а я спокоен!.. Святой отец, это невыносимо! Сейчас я готов совершить невозможное. Поверь мне, если бы я мог теперь отдать жизнь, чтобы выплатить его долг, это доставило бы мне великую радость, а нынешний чудесный день всю мою жизнь наполнил бы смыслом!

Саньяси. Ты хорошо говоришь, друг мой.

Упонондо. Святой отец, тебе все известно. Скажи, есть ли на свете такой великодушный человек, который купил бы меня, никчемного, за тысячу серебряных монет? Тогда долг моего господина был бы выплачен. Здесь, в этом городе, за меня — мальчика из низшей касты — дадут очень мало.

Саньяси. Ты прав, дорогой, здесь никто не оценит тебя. Вот что я думаю: не пойти ли тебе к радже Биджойадитто? Он очень уважал твоего господина.

Упонондо. Биджойадитто?! Да ведь он — наш правитель!

Саньяси. Неужели?

Упонондо. Ты, наверное, не знаешь об этом?

Саньяси. Возможно. А возможно, и знаю.

Упонондо. Сколько он даст за такого, как я?

Саньяси. Друг мой, если он сможет взять тебя бесплатно, он так и сделает. Но если у него не хватит денег, чтобы выплатить твой долг, то его царская честь будет посрамлена.

Упонондо. Святой отец, разве есть такие люди на свете?

Саньяси. Неужели ты думаешь, дитя мое, что на свете есть только Локхешшор и подобные ему?

Упонондо. Хорошо, если это так. А пока я буду переписывать книги и понемногу выплачивать долг. Иначе душа моя не будет спокойна.

Саньяси. Правильно, друг. Неси свое бремя сам, не теряй времени в ожидании помощи.

Упонондо. Прощай, святой отец, я ухожу. Ты не представляешь себе, какую силу дали мне твои слова.

Саньяси. И я счастлив, что встретил тебя. Эта встреча взволновала меня. Прошу тебя, Упонондо, собери детей. Они хотели поиграть со мной, но почему-то разбежались.

Упонондо. Сейчас приведу. Но, святой отец, не нужно давать им переписывать книги. Они только мешают мне, по так стараются, что я не могу им отказать. *(Уходит.)*

Входит Локхешшор.

Локхешшор. Я много думал, святой отец, и понял — не смогу. Не мое это дело — идти за тобой. Все, что у меня есть, досталось мне нелегко; бросить все по одному твоему слову и уйти — нет, это не для меня: я буду мучиться и в конце концов не выдержу... Не стоит мне желать большего.

Саньяси. Хорошо, что ты понял это.

Локхешшор. Теперь встань, святой отец.

Саньяси *(поднимаясь)*. Значит, ты освобождаешь меня?

Локхешшор *(разгребая землю и сухие листья, извлекает шкатулку)*. Вот, святой отец, из-за этой штуки я с самого утра сегодня забросил свои конторские книги и брожу вокруг этого места, как привидение. Вот они — жемчужины! Никто их еще не видал, тебе первому пока-

зывают. Показал тебе, и на душе как будто легче стало. *(Протягивает шкатулку саньяси и быстро отдергивает руку.)* Нет, не стало! Я тебе верю, и все-таки ни на минуту не могу расстаться с ней. Держу ее на свету, а в душе все трепещет... Скажи мне, святой отец, что за человек Биджойадитто? Если предложить ему шкатулку, отдаст он деньги, не отберет силой?.. Вот ведь беда! Не могу ни продать, ни хранить, все ночи из-за нее не сплю. Ты веришь Биджойадитто?

Саньяси. Разве можно верить ему во всем?

Локхешшор. В том-то и дело! Выходит: должен я ее закопать в землю. Умру, придет время, — никто и не найдет.

Саньяси. Земля всех перехитрит — и раджу и правителя, и всех возьмет к себе — и тебя и меня.

Локхешшор. Пусть берет! Одно меня тревожит: вдруг после моей смерти кто-нибудь забредет сюда и откапает ее? А знаешь, святой отец, твоя затея с золотым лотосом мне очень понравилась. Мне почему-то кажется, что ты сумеешь его отыскать. А я все-таки не смогу пойти с тобой... Прощай! *(Уходит.)*

Входит старик.

Саньяси. Слушай, друг, сегодня я наконец понял то, что давно не давало мне покоя — не могу удержаться, чтобы не поделиться с тобой.

Старик. Святой отец очень милостив ко мне.

Саньяси. Я долго думал, почему так удивительно красив мир. И не понимал. Теперь ясно, воочию вижу: мир выплачивает долг радости! Ему не легко, он отдает все свои силы, жертвует всем. Вот отчего поля риса полны такой свежести, чистые, прозрачные воды до краев переполнили Бетошины. И эти усилия нигде не прекращаются ни на миг. Вот отчего кругом такая красота!

Старик. Мир так устроен, что его несметные сокровища одновременно тают и в муках создаются вновь. Ты уже говорил мне о радости и красоте этих страданий. Только они уравнивают чаши весов, на одной из которых покоится «получать», а на другой «давать»; так достигается гармония.

Саньяси. Где праздность и безделье, где скупость и неблагодарность, там всюду мерзость и хаос.

Старик. Если одна чаша весов легче, она не может уравновесить другую.

Саньяси. Когда богиня Лакшми приходит в мир смертных, она принимает облик мученицы. Ее готовность к самопожертвованию восхищает всевышнего. И тогда золотой лотос Лакшми расцветает среди страданий и горя. Это доказал нам сегодня Упонондо.

Входит Локхешшор.

Локхешшор. О чем вы шепчетесь здесь вдвоем?

Саньяси. О нашем золотом лотосе.

Локхешшор. Ай-ай! Ты уже успел рассказать обо всем старкку? Неужто, почтенный, с такой деловой смекалкой ты собираешься достать лотос? Как бы не так! Не успел ты еще убедиться, что я выхожу из игры, а уже начал искать другого компаньона! Но разве под стать старику такие дела? Да какой у него капитал?

Саньяси. Ты не знаешь. А старик, кстати, не совсем без капитала. Кое-что припрятано у него.

Локхешшор (*хлопая старика по спине*). Это правда, почтенный? Вот здорово ты меня провел! Мне люди не верят, а в тебе не сомневается даже сам раджа: иначе давно бы обыскали. Я ведь, друг, так боюсь доносчиков и шпионов, что не держу даже слуг в доме.

Старик. Так почему же сегодня утром, гоняясь за детьми, ты во все горло звал Чобе, Теоари и Гиридрилала?

Локхешшор. Я-то знаю, что, как ни зови, никто не выйдет. Вот и приходится на горло нажимать, когда надо сделать вид, что слуги есть. Впрочем, зачем это я вам рассказал? Говори после этого с людьми. Долго ли до беды! Оттого я и не имею ни с кем дела. Смотри, дед, не проговорись.

Старик. Можешь не опасаться.

Локхешшор. Да разве страх исчезает, если опасности нет?.. Так вот, святой отец, с одним стариком тебе не поднять такого большого дела. Будем уж втроем компаньонами. Не удастся деду провести меня. Так и быть, святой отец, я согласен следовать за тобой... Вон, толпа какая валит! Вон, видите впереди? Ишь пыль подняли! Видно, пронюхали, что пришел мудрейший Апурвананда. Сейчас

начнут кланяться тебе в самые ноги, покалечат их от ступней до колен. Ты уж попридержи свой язычок, не раскрывайся перед всеми. Хватит с тебя компаньонов... А ты, дед, имей в виду, и тебе придется расплачиваться, раз ты компаньон. Подумай обо всем хорошенько. (*Уходит.*)

Саньяси. Здесь больше нельзя задерживаться, отец. Люди начали собираться. Сейчас будут кричать: «Дай сына!», «Ниспошли богатство!» Зови-ка детей. Им не надо ни сыновей, ни богатства. Затею-ка я с ними игру, и жаждущие сыновей и богатства отстанут от меня.

Снова входит Локхешшор.

Локхешшор. Нет, уважаемый, я не смогу! Неясно все как-то... Нет, это дело не для меня: хватит и того, что есть. Однако ты словно околдовал меня! Надо бежать отсюда — другого спасенья нет. Оставайся со своим стариком. Я пошел. (*Быстро уходит.*)

Входят мальчики.

Мальчики. Святой отец, саньяси! Святой отец!

Саньяси. Что, друзья?

Мальчики. Поиграй с нами.

Саньяси. Да что же это, дети? Разве я могу? Поиграйте вы со мной.

Мальчики. Во что мы будем играть?

Саньяси. Давайте поиграем сегодня в осенний праздник.

Первый мальчик. Вот хорошо!

Второй мальчик. Вот будет весело!

Третий мальчик. А что это за игра, святой отец?

Четвертый мальчик. Как в нее играть?

Саньяси. А вот как: принесите травы вон из тех зарослей. Наберите в подол метелочек риса. Несите и те гирлянды из жасмина, которые вы сплели и бросили вон там.

Первый мальчик. А что мы будем делать, святой отец?

Саньяси. Вы украсите меня — я буду жрецом осеннего праздника.

Все (*хлопая в ладоши*). Ха-ха-ха! Вот будет весело.

Дети украшают травами и цветами саньяси.

Входит группа людей.

Первый человек. Эй, ребята, куда ушел саньяси?

Второй человек. Где он, где саньяси?

Мальчики. Вот он, наш саньяси.

Первый человек. Это переодетый саньяси! Настоящий-то куда девался?

Саньяси. А разве легко встретить настоящего саньяси? Вот я и играю с детьми в саньяси.

Первый человек. Нашел чем шутить!

Второй человек. Так и до греха недалеко.

Третий человек. Распусти, распуст пучок — волосы-то собрал в пучок, как настоящий саньяси! Нас не проведешь!

Четвертый человек. Смотрите, и оранжевую накидку надел!

Саньяси. И волосы распушу, и накидку сниму — все сделаю, вот только кончим играть.

Первый человек. А кто-то сказал, что пришел мудрец!

Саньяси. Пусть пришел, вам-то от него какой прок?

Второй человек. А что? Он разве не настоящий саньяси, мошенник какой-нибудь?

Саньяси. Возможно.

Третий человек. У тебя, почтенный, между прочим, приятное лицо. Не изучал ли ты священные писания-марания?

Саньяси. Я бы изучал, да обучать некому.

Третий человек. Есть один человек, живет в Бхойробпури. Он подчинил себе злых духов... Дело было так: у одного крестьянина умирал сын; что же, ты думаешь, сделал этот колдун, когда к нему обратился отец? Он переселил душу этого парня в волка. Поверишь ли? Парень, действительно, умер, а волк-то и сейчас превосходно живет! Правда. Чего смеешься? Один мой родственник своими глазами видел. Только соберутся убить его, а отец — тут как тут, бежит с палкой. Кормит его козлятиной до отвала — совсем разорился бедняга. Если хочешь учиться, ступай к тому саньяси.

Первый человек. Эй, пошли, уже поздно. Все эти отшельники-затейники — чепуха, обман. Я же говорил. Разве в наше время могут быть такие чудеса?

Второй человек. Что правда, то правда. Но мне рассказывала мать Калу, ее племянник сам видел. Один саньяси сделал затяжку гашиша, и только повернул трубку вниз, как оттуда выпали кружка с вином и человеческий череп.

Третий человек. Что ты говоришь?! Видел своими глазами?

Второй человек. Ну конечно, собственными глазами.

Третий человек. Есть, есть чудотворцы. Придет наш час — и мы увидим. Пошли, братцы, посмотрим, куда делся этот саньяси.

Уходят.

Саньяси (*к мальчикам*). Друзья, сегодня вы должны одеться в платья золотого цвета.

Мальчики. Почему, святой отец?

Саньяси. Сегодня все вокруг струит золотое сияние. Мы должны слиться с ним, иначе какой же это праздник осени? Мы должны стать такими же, как этот свет и это небо...

Мальчики. А где мы достанем такие платья, святой отец?

Саньяси. Идите вдоль берега Бетошини. Под высоким баньяном вы увидите заброшенный храм, там все уже приготовлено. Ступай с ними, дедушка, одень их и приведи обратно.

Старик. Пошли, дети. (*Уходит.*)

Саньяси
(*поет*)

Ты прохладна, точно кундо, мы тебе наш гимн поем,
Как чиста ты и прозрачна, как сияешь ты челом!
Ты недвижно восседаешь на престоле золотом!
Забавляйся же улыбкой, что с зарей Аруна шлет!
Заиграй нам песню утра, если диск луны зайдет!
О богиня Лакшми! Мир ты счастьем даришь и добром!

Входит Локхешшор.

Локхешшор. Смотри, святой отец, если ты не отворишь свои чары, беды не миновать! Подумай только, что ты со мной делаешь! Конторские книги я совсем

забросил. То рвусь за этим золотым лотосом, то говорю себе: остановись, все это чепуха, глупость! То злюсь, что старик перехитрил меня, то посылаю его к черту. Ну куда это годится? Ты, видно, только и занят тем, что ловишь доверчивых простаков. Но со мной это не выйдет, нет! Чему ты улыбаешься? Клянусь тебе, что со мной это не выйдет! У меня крепкие кости! Локхешпор не станет твоим прихвостнем! (*Уходит.*)

Входят мальчики с цветами.

Саньяси. Теперь соорудим алтарь из цветов. Вот эрватамия — восковой цвет, а вот и жасмины: королевский, плакучий... О, какие чудесные цветы! Друзья, а сейчас все встаньте, прочитаем ведический гимн.

В е д и ч е с к и й г и м н

О ты, в чьих очах — сострадание к скорби и горю,
О ты, у которой нет равных среди богов,
О ты, облаченная днесь в златоблещущих ризах,
О ты, преблагая, дарящая хлеб нам и жизнь,—
Вот речи, которыми должно приветствовать Осень!

Теперь все вместе запевайте праздничную песню и пойдем в лес. Запевай, дедушка. Ваша праздничная песня должна пробудить лесных волшебниц.

П е с н я

Мы гирлянды сплели из жасминов,
В пучки увязали мы каш
И украсили щедро колосьями риса
Края наших жертвенных чаш.
Явись, о Шарада-Лакшми,
По горам и лесам зеленым,
По небесному, по голубому пути
На облачной колеснице кати
В сиянье слепящем.
Белоснежного лотоса лепестки
В корону свою помести.
Твой престол из цветов благовонных
На берегу полноводной Ганги встает
В тихой роще вдали от дорог.

Лебединые стаи к тебе устремляют полет,
Чтоб у стоп твоих распластать крыла.

Пусть, подобно пчелиному гулу, для нас запоет
Снова вина твоя золотая.

Пусть в мелодии — той, что мягка и нежна
И восторга полна, —

Вдруг негаданно слезы прольются.

Волос твоих темных волна

Чудотворный алмаз прикрыла,

Но порой он заискрится весь в многоцветном сиянье —
Так же ярко да будет сиять нам души твоей свет.

Коль в душе у тебя оживет состраданье,
Станут золотом помыслы; тьма просветлеет,
Если нам свет души ты отдашь.

С а н ь я с и. Смотрите, дети! Ваша песня дошла сегодня до самого неба, открыла его двери! Видите, вышла сама Шарада, богиня осени? Неужели не видите? Далеко-далеко, очень далеко! Там, куда не проникает взор: у истоков вселенной, на самой высокой вершине гор, где восходит солнце! Там, где каждый день делает первый шаг утренняя заря, когда свет ее еще не ярок, но предрасветную мглу уже прорезывают его лучи — там, далеко-далеко! Туда обратите свое сердце, растворитесь в тишине и замрите. И тогда вы начнете медленно различать ее... А я буду петь приветственную песню.

(Поет.)

Спокойное дыханье ветерка
Надуло белизну ветрил.
Не видел я, не видел никогда,
Чтобы корабль подобный плыл!
С каких берегов далеких он несет
Неведомый донныне клад?
Дух жажды странствия объят
И жаждой выбросить на этот брег
Все, что желал и получил!

Бурлит вода, клокочет за кормой,
Прерывисто грохочет гром,

Взор ослеплен, лицо озарено
Пробившимся из туч лучом.
Эй, кормчий, ты откуда? Чей везешь
И горести и счастья клад?
Мой дух волнением объят:
Каким сегодня будет вины строй.
Хор песнь какую затаил?

Теперь вы все должны видеть ее.

Первый мальчик. Где, святой отец? Покажи!

Саньяси. А вон плывет белое облако.

Второй мальчик. Да, да плывет.

Третий мальчик. И я его вижу.

Саньяси. Вот и небо наполнилось.

Первый мальчик. Чем?

Саньяси. Чем? Неужели не видишь — светом, радостью! Чувствуешь, как влажно прикосновение ветра?

Второй мальчик. Да, чувствую.

Саньяси. Ну так вот! Смотришь, очищаешься и за-
тихаешь... Пришла, пришла, она явилась к нам! Видите,
какой стала река Бетошини! Как встрепенулось рисовое
поле! Пой, пой, друг, пой песню привета!

Старик
(поет)

О, что на наважденье!

Ужель покинуло меня сегодня разуменье?

Саньяси. Идите, друзья, идите в леса, на берега
рек; идите и пойте.

Дети уходят, слышна их песня.

Старик. У меня такое ощущение, святой отец, слов-
но в какой-то неизведанной глубине я коснулся твоих ног
и не могу от них оторваться.

Входит Локхешшор.

Что такое? Локха в накидке саньяси!

Локхешшор. Святой отец, на сей раз решено. Я иду
за тобой. Вот моя шкатулка с драгоценностями, возьми;
вот мешок с деньгами. Смотри, святой отец, не потеряй.

Саньяси. Почему ты так решил, Локхешшор?

Локхешшор. Все не так просто, господин! Идет войско Биджойадитто. Они перевернут в моем доме все вверх дном. А ты — святой человек. Никто не посмеет тебя и пальцем тронуть. Вот я и отдал тебе свои сокровища. Ты уже защити, почтенный, своего верного слугу. Без тебя мне несдобровать.

Входит раджа.

Раджа. Святой отец!

Саньяси. Садись, садись, ишь как запыхался! Отдохни немного.

Раджа. Не время отдыхать. Святой отец, лазутчики сообщили, что видели знамена Биджойадитто; приближается его войско!

Саньяси. Что ты говоришь? Наверное, наступление осени вселило в государя такую радость, что он не мог усидеть дома и решил прогуляться по чужой территории.

Раджа. Какой ужас!

Саньяси. Что же тебя так огорчает, дружище? Ведь и ты готовился в поход с той же целью.

Раджа. Я — другое дело! Мое государство совсем маленькое... Впрочем, что об этом говорить! Спаси меня, святой отец, защити от этой беды! Наверное, какой-то мерзавец донес, что я хотел напасть на государя! Скажи ему, что это неправда, что это все от начала и до конца ложь! Я еще не выжил из ума! Зачем мне его владения! Я не настолько силен!

Саньяси. Отец!

Старик. Что, господин?

Саньяси. Ты видел, моя смиренная одежда и общество нескольких ребятишек не помешали нам как следует встретить осенний праздник, а этот император Чоккроборти со своим огромным войском может только испортить наше торжество! Теперь ты понимаешь, какой он дурной человек?

Раджа. Тише, тише, святой отец! Вдруг кто-нибудь услышит?

Саньяси. Я на этого Биджойадитто...

Раджа. Ох! Тише, тише! Того и гляди, попадешься с тобой! Думай про себя что хочешь, и молчи.

Саньяси. Мы ведь уже говорили с тобой раньше...

Раджа. Вот впутался в историю! Ну, что ты мелешь, святой отец! Оставь это... Эй, Локхешшор, ты что здесь делаешь?.. Убирайся отсюда!

Локхешшор. О повелитель, могу ли я уйти? Я словно окаменел. Только сама смерть в образе бога Ямы сдвинет меня с места. Если бы не это, разве я позволил себе сидеть в присутствии самого махараджи?

Входит несколько человек из свиты Биджойадитто.

Министр. Слава махарадже Чоккроборти Биджойадитто! (*Простирается ниц.*)

Раджа. Эй, что делаете! Что вы делаете! Смеетесь надо мной! Я не Биджойадитто. Я Шомпал, вассал императора, обретший приют у его стоп.

Министр (*к саньяси*). Махарадж, пора возвращаться в столицу.

Саньяси. Ты помнишь, отец, я говорил тебе, что убежал из школы, а учитель следует за мной?

Старик. Что это, господин? Уж не сон ли я вижу?

Саньяси. Кто может с уверенностью сказать: где сон, а где явь?

Старик. Значит... эти люди...

Саньяси. Да, они зовут меня Биджойадитто.

Старик. Значит, я победил, господин? Даже вот они не признали тебя так быстро, как я. Однако, святой отец, ты поставил меня в очень затруднительное положение!

Локхешшор. И я попал в большую беду, махарадж! Отдал себя в руки саньяси, чтобы спастись от императора, а теперь понять не могу, в чьих же я руках?

Раджа. Повелитель, вы хотели испытать своего раба?

Саньяси. Нет, Шомпал, я хотел испытать самого себя.

Раджа (*сложив ладони*). Махарадж, я — виновен. Наказывайте меня.

Саньяси. Зачем?.. Я дал тебе несколько обещаний и выполняю их.

Раджа. Вы давали обещания мне?!

Саньяси. Одно из них я уже выполнил. Теперь всем ясно, что Биджойадитто такой же простой человек, как

и другие люди. Чтобы доказать это, я оставил трон, переоделся саньяси и пришел к вам. Исполнение второго обещания зависит от тебя. Сегодня я приведу во дворец Биджойадитто; скажи, какое дело ты хотел поручить ему?

Раджа (*поклонившись*). С его помощью я хочу вымолить себе прощение.

Саньяси. Прекрасно! Если ты признаешь меня императором, то твоя вина в неуменье пользоваться властью. Я останусь на несколько дней в твоих владениях и сам наведу здесь порядок.

Раджа. Этот осенний праздник стал для вас шествием Победителя. Я с радостью признаю свое поражение; никакая война не заставила бы меня это сделать. Гордость за то, что я ваш подданный, затмевает все мои военные победы. Вразумите, владыка, как стать достойным царственного сана?

Саньяси. Мой совет краток в изложении, но труден в исполнении. Если хочешь быть настоящим раджей, нужно стать саньяси.

Раджа. Запомню совет, но вряд ли смогу воспользоваться им.

Локхешшор. И мне, святой отец... Простите, махарадж... и мне никогда не придется послушаться вашего совета... Я его и не запомню, наверно.

Саньяси. Кажется, ты в советах не особенно нуждаешься.

Локхешшор. Вы правы, махарадж.

Входит Упонондо.

Упонондо. Святой отец! Что это? Раджа! Кто они? (*Хочет бежать.*)

Саньяси. Иди, иди сюда, дитя, говори, что ты хотел.

Упонондо молчит.

Стесняешься? Кого же? Их?.. Ступай, Шомпал. Да и вы...

Упонондо. Как ты смеешь?! Это ведь наш раджа, грех-то какой! Я пришел сказать тебе, что сегодня получил три серебряных монеты за свою работу. Вот, смотри!

Саньяси. Дай их мне, друг! Ты думаешь, я отдам эти три драгоценные монеты Локхешшору в уплату долга?

Я их возьму себе. Сегодня я устроил осенний праздник. Пусть эти монеты будут моим вознаграждением. Что скажешь, дорогой?

Упононд о. Ты возьмешь их, святой отец?

Саньяси. Конечно, возьму. Ты думаешь, что саньяси ничего не нужно? Нет, эти монеты мне пригодятся.

Локхешшор. Все погибло! Конец! Правду говорят: кто по доброй воле расстается с сыном, тот и остается ни с чем.

Саньяси. Эй, Стрештхи!

Стрештхи. Слушаю, господин!

Саньяси. Отсчитай этому человеку тысячу серебряных монет.

Стрештхи. Будет исполнено.

Упононд о. Значит, он купил меня?

Саньяси. Нет. Ты — мой.

Упононд о (*обнимая ноги саньяси*). Чем я заслужил такое счастье!

Саньяси. Эй, Шубхути!

Министр. Слушаю, повелитель!

Саньяси. Вы всегда высказывали недовольство тем, что у меня нет сына. Теперь, став саньяси, я получил его.

Локхешшор. Ох, ох! Какой выгодный случай упустил я по старости лет!

Министр. Вы обрадовали нас, государь! Из какого царского дома этот юноша?

Саньяси. Его дом дал миру многих великих героев... Я просмотрю древние книги и расскажу тебе об этом после... Локхешшор!

Локхешшор. Что прикажете?

Саньяси. Я защитил твои драгоценности от Биджойадитто. Вот, возвращаю их тебе.

Локхешшор. Если бы вы возвратили мне их тайно от всех — это была бы, действительно, защита. А так что?

Саньяси. Теперь тебя защитит сам Биджойадитто, не бойся. Но ты остался моим должником.

Локхешшор. Разорил!..

Саньяси. Старик — свидетель.

Локхешшор. Теперь каждый даст ложное показание...

Саньяси. Ты хотел подать мне милостыню, не так ли? Ты должен мне горсть риса. Сможешь наполнить руку раджи?

Локхешшор. Передо мной была рука саньяси, повелитель.

Саньяси. Что ж, ступай...

Локхешшор. Махарадж, если хотите, можете теперь дать мне какой-нибудь совет.

Саньяси. Сейчас еще не время.

Локхешшор. Тогда прощайте... Все вокруг так и смотрят на шкатулку. *(Уходит.)*

Саньяси. Раджа Шомпал, у меня к тебе просьба.

Раджа. Слушаю, повелитель! Все, что прикажете...

Саньяси. Я хочу забрать у тебя одного поэта.

Раджа. Назовите имя его, я пошлю слуг. Или пойду сам.

Саньяси. Далеко посылать не придется. *(Показывая на старика.)* Уступи мне вот этого подданного.

Раджа. Только и всего! Если хотите, махарадж, возьмите к себе во дворец знаменитого Тонкослуха Всеведа.

Саньяси. Нет, с такой знаменитостью мне будет неловко, отпусти лучше ко мне этого старца. Много всего у меня во дворце, а друга нет.

Старик. Я стар и недостоин, владыка, но, быть может, преданность и любовь возместят мои недостатки.

Саньяси. Смотри, отец, все друзья мои разбежались. Наверное, почувствовали что-то недоброе. Где же они? Неужели раджа их так напугал?

Старик. Разве ты запрещал кому-либо уйти? А детей ты сам отпустил. Да вот они, идут сюда.

Входят дети.

Все. Святой отец! Святой отец, саньяси!

Саньяси *(вставая)*. Идите, друзья, все идите сюда.

Все. Что это?! Да ведь это раджа! Ой, бежим, бежим! *(Хотят убежать.)*

Старик. Куда же вы? Остановитесь!

Саньяси. Не бойтесь его, он уйдет. Иди, Шомпал, готовь дворец к празднику, я скоро буду.

Раджа. Слушаюсь. *(Уходит.)*

М а л ь ч и к и. Мы ходили с песнями по лесам и дорогам, теперь будем петь здесь.

С т а р и к. Да, дети, братья мои, пляшите вокруг святого отца и пойте.

В с е п о ю т

О, что за наважденье!
Ужель покинуло меня сегодня разуменье?
Я взор отвести не в силах мой:
Ступает алою стопой
В траве, увлажненной росой,
 В сени шиули дивное виденье...
О, что за наважденье!
Покровы света и теней
 Простерты над лесами.
Цветы повернуты ко мне —
 Что шепчут лепестками?
Наш хор тебя почтить готов!
Открой нам лик, сними покров
И с неба клочья облаков
 Сорви без сожаленья!
 О, что за наважденье!

Священной раковины гул
 У врат лесной богини,
Звучит явлению твоему
 Гимн на небесной вине!
Где золотых запястий звон?
В моей душе, наверно, он —
И дух амритой напоен,
 В ней злобы исцеленье!
 О, что за наважденье!

РАДЖА

I

ТЕМНАЯ КОМНАТА.

Царица Шудоршона и ее служанка Шуронгома.

Шудоршона. Света! Света! Почему здесь нет света? Неужели никогда не будет светло в этой комнате?

Шуронгома. Владычица, в ваших покоях повсюду пылают светильники. Пусть хоть одна комната останется темной.

Шудоршона. А зачем нужна темнота?

Шуронгома. Чтобы знать, что такое свет.

Шудоршона. Речи твои темны и таинственны, как эта темная комната, в которой ты служишь радже. Скажи, где мы? Каждый день я пытаюсь запомнить дорогу сюда, но безуспешно.

Шуронгома. Эта комната — в самой груди земной. Ее устроили для вас глубоко под землей по особому приказу раджи.

Шудоршона. Неужели его дворец так мал, что понадобилась еще одна комната?

Шуронгома. В светлые покои разрешено входить всем, а здесь в темноте он встречается только с вами.

Шудоршона. Нет, нет! Я хочу света, я жажду света! Я отдам тебе свое ожерелье, если ты принесешь сюда свет.

Шуронгома. О госпожа, я никогда не осмелюсь. Как я могу принести сюда свет, если раджа хочет, чтобы здесь была темнота?

Ш уд ор ш о н а. Ты так предана ему? А я слышала, что раджа жестоко наказал твоего отца. Это правда?

Ш у р о н г о м а. Правда. Мой отец играл в кости. У нас в доме собирались юноши со всех концов царства! Они пили, играли...

Ш уд ор ш о н а. А ты?..

Ш у р о н г о м а. Госпожа, вы ведь все знаете... Я была на краю пропасти. Матери я не знала, а мой отец сам толкал меня к гибели.

Ш уд ор ш о н а. Когда раджа изгнал твоего отца, ты была возмущена. Не так ли?

Ш у р о н г о м а. О да! Как мне хотелось, чтобы раджа заплатил за это жизнью!

Ш уд ор ш о н а. Что же стало с тобой после того, как раджа разлучил тебя с отцом?

Ш у р о н г о м а. Что стало? Я страдала невыносимо. Меня словно жгли огнем и кололи иглами.

Ш уд ор ш о н а. Что же заставило тебя так страдать?

Ш у р о н г о м а. Я стояла на краю гибели, и смерть мне казалась единственным спасением. Но когда я увидела, что спасения нет, я заметалась, как дикий зверь, попавший в клетку, и в ярости готова была всех растерзать.

Ш уд ор ш о н а. Что ты думала тогда о радже?

Ш у р о н г о м а. О, каким злодеем, каким безжалостным злодеем представлялся он мне!

Ш уд ор ш о н а. Но потом ты прониклась чувством глубокой любви и преданности к радже. Почему?

Ш у р о н г о м а. Не знаю, госпожа. Раджа непреклонен и суров, это правда. Но он милостив и добр. Иначе он не стал бы покровительствовать таким несчастным, как я.

Ш уд ор ш о н а. Когда же переменились твои чувства?

Ш у р о н г о м а. Сама не знаю. Все мое возмущение улеглось, развеялось. И тогда я увидела, что он так же прекрасен, как и страшен. Я была спасена, спасена навсегда!

Ш уд ор ш о н а. Шуронгома, заклинаю тебя, расскажи, каков собою мой раджа? Ведь я не видела его ни разу. Он приходит ко мне в темноте и в темноте уходит. Кого я ни спрашиваю, никто не отвечает. Мне кажется, все что-то скрывают от меня.

Шуронгома. Сказать по правде, царица, толком я не сумею тебе объяснить. Красив ли он? Нет, он не из тех, кого называют красивыми.

Шудоршона. Что ты сказала? Он некрасив?!

Шуронгома. Нет, владычица. Сказать, что он красив, значит — принизить его.

Шудоршона. Ты говоришь так странно. Я не понимаю тебя.

Шуронгома. Что делать, госпожа? Трудно рассказать так, чтобы все было понятно. Многих мужчин видела я в юности в доме отца и считала их красивыми. Они превратили мою жизнь, мои радости и печали в какую-то дикую пляску. Этого нельзя забыть! Разве похож на них мой раджа? Красив ли он?.. О нет!

Шудоршона. Так он некрасив?

Шуронгома. Да, некрасив! Но он такой необыкновенный, такой удивительный! Когда меня разлучили с отцом и привели к нему, он показался мне ужасным. Моя душа содрогнулась, и я не в силах была поднять глаз. А теперь, когда я поутру падаю ниц перед ним и вижу только прах под его ногами, мне кажется: вот оно счастье, и моим глазам ничего другого не надо...

Шудоршона. Мне очень нравится слушать тебя, хоть я и не все понимаю в твоих речах. Но я хочу видеть того, о ком ты говоришь. Я не помню, когда меня обручили с ним, я была тогда совсем неразумной. От матери я слышала, какую судьбу предсказал мне астролог: «Тот, кто получит в жены вашу дочь, — сказал он, — не имеет равного себе в целом свете». Сколько раз я потом расспрашивала мать, как выглядит мой супруг! А она отвечала уклончиво, говорила, что сама не могла хорошенько рассмотреть его из-под своего покрывала. Как же мне не желать увидеть того, кто лучше всех на свете?

Шуронгома. Постойте! Вы чувствуете дуновение ветерка?

Шудоршона. Дуновение ветерка? Откуда?

Шуронгома. Ощущаете аромат?

Шудоршона. Нет, я ничего не чувствую.

Шуронгома. Это открылась наружная дверь — он идет, он приближается сюда.

Шудоршона. Откуда у тебя эта способность чувствовать?

Шуронгома. Сама не знаю, госпожа. Но мне кажется, будто звук его шагов отдается у меня в груди. Я прислуживаю ему в этой темной комнате и так привыкла, что мне ничего не нужно видеть, чтобы знать.

Шудоршона. Как бы мне хотелось чувствовать так, как ты!

Шуронгома. Ваше желание исполнится, царица. Сейчас вас волнует только одно: как бы увидеть его. Ни о чем другом вы не можете и думать. Когда это желание покинет вас, все станет простым и доступным.

Шудоршона. Почему это оказалось простым для тебя, служанки, и так трудно для меня, царицы?

Шуронгома. Потому и просто, что я служанка. В тот день, когда он поручил мне эту темную комнату и сказал: «Шуронгома, твоя обязанность — смотреть, чтобы здесь всегда был порядок», — я послушно подчинилась. Мне даже и в голову не пришло просить, чтобы он назначил меня вместе с другими служанками присматривать за освещенными комнатами. И как только я взялась за эту работу, какая-то магическая сила пробудилась во мне и овладела мною... О, вот он идет! Он остановился там, за дверью. Господин!

За дверью слышится песня.

Открой же, открой скорей, меня не томи у дверей,

Открой, прошу о немногом!..

Сюда хоть на миг взгляни, руки ко мне протяни, —

Мне долго ль ждать за порогом?

Дневная стихла страда,

Вечерняя встала звезда,

Уже и света паром — на берегу другом,

Где закат лучезарного бога.

К тебе я пришел, я жду,пусти же,пусти раджу,

Мне долго ль ждать за порогом?

Наполнив кувшин, следы оставила ль ты у воды,

Спускалась ли в водоем в прекрасном сари своем,

Успела ль пряди собрать, успела ль цветов нарвать,

Убрать плетеницами дом?

Собравшиеся поздравляют Р. Тагора с получением Нобелевской премии
(Ноябрь 1913)

Коровы вернулись в хлев,
Замолк пернатых напев.

Как много в мире путей, а спутались хуже сетей,
И где в темноте дорога?

Пришел я с закатом дня, открой же,пусти меня,
Мне долго ль ждать у порога? ¹

Шуронгома. О раджа, можно ли держать перед
вами закрытой дверь в ваши собственные покои? Она не
заперта и откроется — стоит вам только коснуться ее...
Вы не открываете? Значит, вы не хотите войти, пока вам
не откроют?

(Поет.)

Вот и тайна моя.. Иль скрываюсь я?

Мою тайну в одно мгновенье

Устранить бы мог твой единый вздох,

И это — воля твоя.

Пожелай, повели —

Буду лежать в пыли,

Целовать ее — исполню я все,

Чего ты захочешь?

На гром колесницы его отзовитесь!

Проснитесь, проснитесь!

Входи, повелитель, в свою обитель!

Входи, о доблестный витязь!

О, кто бы мог

Не пустить хозяина на порог?

Отворю тебе, как должно рабе, —

Смотри, у твоих я ног...

Царица, откройте дверь, иначе он не войдет.

Шуронгома. Я ничего не вижу в этой темноте.
Как мне найти дверь? Ты здесь знаешь все — открой сама.

Шуронгома открывает дверь, простирается ниц, затем уходит.

Почему ты не показываешься мне при свете? ²

¹ Здесь и далее песни в переводе С. Шервинского.

² В продолжение всей пьесы раджа на сцене не виден.
(Прим. автора.)

Раджа. Ты хочешь видеть меня при свете, среди многих тысяч предметов и лиц? Но почему бы мне не быть единственным для тебя в глубоком мраке?

Шудоршона. Все могут тебя видеть. Неужели мне, царице, это запрещено?

Раджа. Кто говорит, что видит меня? Только глупец утверждает: «Я вижу!»

Шудоршона. Пусть так, но я должна тебя видеть.

Раджа. Ты не сможешь вынести моего вида. Он причинит тебе боль.

Шудоршона. Не смогу вынести твоего вида? Что ты говоришь! Даже в этой темной комнате я чувствую, как ты прекрасен, как удивителен! Когда до моего слуха доносятся звуки твоей вины, мне начинает казаться, что я сама становлюсь ее мелодией. Когда твой благоуханный шарф касается моего тела, мне кажется, будто порыв ветра соединяет мою плоть с великой радостью. Почему же ты думаешь, что мне будет больно?

Раджа. Ты, наверное, часто думаешь, каков я?

Шудоршона. Да. Разве я могу не думать о тебе?

Раджа. Каков же я, по-твоему?

Шудоршона. Ты являешься мне в разных видах. Когда наступает пора дождей, надвигаются тяжелые тучи и на краю неба исчезает линия леса, мне представляется, что мой раджа чем-то похож на эти тучи: так же неотвратно он приближается, так же властно простирает свою десницу, так же дарует душе радость, заставляет сердце трепетать ожиданием счастья, так же сулит отдых усталым глазам и в своей величавости прячет улыбку. А осенью, когда небо освобождается от облачного покрова, я будто воочию вижу, как ты после омовения идешь по дорожке среди кустов шефали: на шее у тебя гирлянда из цветов жасмина, на груди — узоры, нанесенные белой сандаловой пастой, на голове — тюрбан из тончайшего светлого шелка, а взор твой устремлен вдаль... И тогда я думаю, что мне суждено быть твоей спутницей. Если я буду бесстрашно следовать за тобой, то где-то там, далеко-далеко впереди, откроются громадные золотые ворота, и я вступлю в сверкающий дворец. А если идти не хватит сил, то я, сидя у окна, стану тяжело вздыхать о чем-то бесконечно далеком, день за днем и за ночью ночь душа моя будет лить

слезы по таинственным лесным тропам, по ароматам неведомых цветов, и наконец тоска и горе высушат меня. А сейчас, весной, когда все деревья и кусты оделись яркими цветами, я представляю тебя с серьгами в ушах, с браслетами на руках, с цветущей веткой ашоки, в накидке, забрызганной красной весенней краской. Я слышу, как золотые струны твоей вины разносят чарующую песню.

Раджа. Видишь, как многолик я в твоём воображении. Зачем же ты хочешь видеть меня только в одном облике? Вдруг я окажусь не таким, каким ты меня представляешь? Что тогда?

Шудоршона. Нет, нет, я знаю, ты — тот!

Раджа. Я буду «тем» лишь тогда, когда душа твоя будет готова принять меня. Сейчас ещё рано.

Шудоршона. Как тяжело — быть рядом с тобой и не видеть тебя. Признаюсь, иногда сердце мое начинает трепетать от страха...

Раджа. Что за беда? Любовь без страха неполноценна.

Шудоршона. Скажи, ты видишь меня сейчас?

Раджа. Да, конечно.

Шудоршона. Но как ты можешь видеть меня? И что ты видишь?

Раджа. Я вижу, будто тьма бездонного неба, взвихренная моим восторгом, увлекла в свой водоворот свет бесчисленных звезд и приняла человеческий облик. В нём воплотились мысли многих поколений, бурные страсти небесных стихий, несметные дары времен года!

Шудоршона. Неужели я так прекрасна? Мое сердце наполняется радостью, когда я слушаю тебя. Только не верится — ведь я не вижу себя такой.

Раджа. Ты не видишь потому, что зеркало уменьшает тебя. Если бы ты могла увидеть свое отражение в моей душе, то поняла бы, как ты величественна. В моем сердце ты — мое второе я, настоящая Шудоршона, а не такая, какой ты себя считаешь.

Шудоршона. Говори же, говори, я слушаю. Твои слова звучат для меня как музыка, и кажется, что это — музыка вечности, что я уже слышала ее давным-давно, и она сопровождает меня из рождения в рождение. Не от тебя ли я слышала ее? Нет, та, которой ты ее предназна-

чаешь, достойней и прекрасней меня. Твои слова рисуют передо мной лучезарную красоту! Но во мне ли она, не видишь ли ты ее только в своем воображении? О, если б я могла хоть на мгновение увидеть себя твоими глазами! Неужели для тебя не существует тьмы? Это меня пугает. Неужели для тебя не существует этого тяжелого, беспросветного, словно железная стена, мрака, который охватывает меня, как сон, как удушье, как смерть? Я не могу встречаться с тобой в этой комнате! Я даже не хочу сюда приходиться!.. Нет, нет! Я хочу видеть тебя там, где деревья и кусты, птицы и звери, камни и земля!

Раджа. Хорошо. Но ты сама должна будешь узнать меня. Никто не укажет тебе, где я, а если и скажет — как поверишь ли?

Шудоршона. Я узнаю тебя, узнаю! Я смогу узнать тебя среди сотен тысяч людей.

Раджа. Тогда сегодня вечером, в праздник весеннего полнолуния, поднимись на дворцовую башню и внимательно взглядишь в окружающих. Попытайся узнать меня среди праздничной толпы, которая будет веселиться в моих садах.

Шудоршона. Ты будешь в толпе?

Раджа. Я буду везде... Шуронгома!

Входит Шуронгома.

Шуронгома. Слушаю, господин.

Раджа. Сегодня праздник весеннего полнолуния.

Шуронгома. Что прикажет господин?

Раджа. Сегодня ты должна наряжаться, а не работать. Веселись вместе со всеми в моих цветущих садах.

Шуронгома. Повинуюсь, мой господин.

Раджа. Царица хочет видеть меня сегодня на празднике.

Шуронгома. Где же она увидит вас?

Раджа. В южных рощах, там, где будут петь флейты, где воздух окрасится яркой цветочной пылью, где лунный свет обнимет ночную тьму.

Шуронгома. Что можно увидеть ночью, когда свет и тьма играют в прятки, а все кругом — движется и пляшет? Тут никого не разглядишь.

Раджа. Царица сгорает от любопытства.

Шуронгома. На свете немало любопытного. По неужели следует потакать каждой прихоти? Это не в ваших правилах. А вам, госпожа, следует быть менее любопытной сейчас, чтобы потом не пожалеть об этом.

(Поет.)

Нынче далеко-далеко, как будто в страны иные,
В лес убегают глаза твои быстрые — птицы лесные.
Флейта любви в душе заиграла, и в эти минуты
Сами собой исчезают унылые цепи и путы.
В вихре весеннем врозь рассыпаются муки дневные, —
В лес убегают сегодня глаза твои — птицы лесные.
Или не видите, кто подошел к вам, сердцем недужный?
Или не слышите, что напевает ветер вам южный?
Это она, в одеянье цветочном, с песней беспечной...
В душу проникла весна со своею улыбкою вечной, —
Вот и мечусь я в постели, и вижу безумные сны я, —
В лес убегают глаза твои... Где же вы, птицы лесные?

II

ДОРОГА.

Первый путник. Эй, почтенный!

Стражник. Что вам?

Второй путник. Покажи нам дорогу! Мы нездешние.

Стражник. А куда вам надо?

Третий путник. Туда, где сегодня праздник. По какой дороге нам лучше идти?

Стражник. Да по любой. В какую сторону ни пойдете, все равно не ошибетесь. Идите прямо. (Уходит.)

Первый путник. Послушайте только, что он говорит! По любой! Зачем же тогда столько дорог?

Второй путник. Опять ты недоволен? В каждой стране свои порядки. Вот у нас, можно сказать, дорог и вовсе нет — какие-то глухие тропы, крутые повороты. Наш раджа считает, что лучше совсем не иметь хороших дорог, не то, чего доброго, весь народ разбежится. А здесь совсем по-другому. Захочешь уйти — никто тебя не задержит, надумаешь прийти — пожалуйста. Потому и

пароду здесь много. Если бы нам дали такую свободу, все наше царство вмиг опустело бы!

Первый путник. Эй, Джонардон, ты опять за свое?

Джонардон. А что тебе не нравится?

Первый путник. Ты слишком сурово осуждаешь нашу страну. По-твоему, широкие дороги — это хорошо? Послушай-ка, Коундилло, разве хорошо, когда в стране широкие дороги?

Коундилло. Да что ты, Бхободотто! Неужели тебе неизвестно, что Джонардон всегда и все осуждает? Дождется он, — коли речи его дойдут до ушей раджи, — что после его безвременной смерти никто не возьмется отнести его тело на погребальный костер.

Бхободотто. В этой стране с широкими дорогами, по которым ходят все, кому не лень, только и смотри, как бы не оскверниться. Никогда не знаешь точно, кто мимо тебя проходит. Ни поесть, ни поспать спокойно. О Рам, Рам!

Коундилло. А ведь это по совету Джонардона пришли мы сюда. В нашем роду еще не бывало такого, как он. Ты, конечно, знал моего отца. Какой это был благочестивый человек! Настоящий святой! Следуя священным заветам, он очертил вокруг себя круг ровно в сорок девять локтей и прожил внутри него всю свою жизнь, ни разу не преступив черту. После смерти его тело нужно было предать огню в том же самом круге. Это оказалось не таким простым делом. В конце концов ученые брахманы пришли к такому решению: чтобы не нарушить волю покойного и не пренебречь двумя цифрами, которые составляют число сорок девять, и, вместе с тем, сохранить в целостности дом, надо цифры четыре и девять поменять местами — получится девяносто четыре, и тогда можно будет сжечь тело поодаль от дома. Вот что значит соблюдение обетов! Такое не в каждой стране встретишь.

Бхободотто. Ну и ну! Задал-таки напоследок задачу!.. Какие люди были!

Коундилло. Не понимаю, ведь Джонардон вырос вместе с нами, а говорит, что дороги должны быть широкими.

Уходят.

Входит старик с группой мальчиков.

Старик. Друзья мои, нам придется сегодня состязаться с южным ветром. Плохо будет, если он нас осилит. Сегодня наши песни должны зазвучать повсюду.

Поют

Распахнута южная дверь — спеши,
О Вáсант-Весна, приходи!
Полелею тебя в колыбели души —
Приходи, приходи, приходи!
Пред людьми прогреми в колеснице зеленой
По дороге, цветочным дождем убеленной,
С чаровницей-свирелью меж тонких перстов,
Запорошен, осыпан пыльюю цветов.
О Васант-Весна, приходи!
Приходи с побегими мощными,
Приходи, приходи, приходи!
Осененный жасминными рощами,
Приходи, приходи, приходи! —
С нежной улыбкой, с лицом опьяняющим,
С ветром безумным, покоя не знающим;
Край накидки своей
В поднебесье взвей!
О Васант-Весна, приходи!

Уходят.

Входят горожане.

Первый. Что ни говори, брат, а нынче нашему радже следовало бы показаться перед народом. Не обидно разве: жить в его царстве и ни разу его не видеть?

Второй. Да вы, я вижу, не знаете, в чем тут секрет. Я мог бы рассказать вам кое-что, если пообещаете не болтать.

Первый. Мы живем с тобой рядом. Было ли когда-нибудь, чтобы я выдал чью-нибудь тайну? А что до того случая, когда твой брат копал колодец и нашел клад, так разве я нарочно его подвел? Ты ведь хорошо это знаешь.

Второй. Знаю, конечно. Потому-то и говорю: если согласны держать язык за зубами, слушайте. А проболтаетесь — беды не миновать.

Третий. Ты тоже хорош, Бирупакхо! Если беды не миновать, чего ты так рвешься к ней? Кто может поручиться, что будет хранить твою тайну всю жизнь?

Бирупакхо. Это просто к слову пришлось — случайно обмолвился. Я не такой человек, чтобы зря болтать. Вы сами завели речь о том, что раджа не показывается. А я вам говорю, что он нарочно прячется.

Первый. Нет, нет, Бирупакхо, раз уж начал, говори все до конца.

Бирупакхо. Ну, да ладно, рассказать об этом — греха не будет. Вы ведь друзья мне!.. (Вполголоса.) Раджа у нас — урод, потому он и решил никогда никому не показываться.

Первый. Так вот оно что! Хорошенькое дело! В других странах от одного вида раджи люди дрожат, как тростинки, а на нашего и взглянуть-то нельзя! Пусть бы он хоть разок разгневался да приказал снести кому-нибудь голову. Тогда бы мы точно знали, что у нас есть раджа. Пожалуй, Бирупакхо говорит правду.

Третий. Чепуха! Я не верю ни одному его слову.

Бирупакхо. Ты хочешь сказать, Бишу, что я вру?

Бишобошу. Этого я не хочу сказать, а все-таки сердись не сердись, но я ни за что не поверю.

Бирупакхо. Конечно, как ты можешь верить мне, если не веришь родному отцу и дяде. Нашелся умник! Если бы наш раджа был таким, как все другие, разве он терпел бы тебя здесь? Ведь ты настоящий безбожник!

Бишобошу. Подумаешь, какой праведник! При другом радже твой язык давно бы вырвали и бросили собакам. Ну как ты посмел сказать, что наш раджа урод?

Бирупакхо. Смотри, Бишу, попридержи-ка ты свой язык!

Бишобошу. Что мне смотреть? И так видно, кому следует попридержать язык.

Первый. Да тише вы! Замолчите! Что вы тут завели? Так еще и на меня беду накличете. А ну вас!

Уходят.

Входит несколько горожан. С ними старик.

Первый. Почтенный старец, кто тебя так нарядил?
Чьи искусные руки сплели этот венок?

Старик. О, неразумные! Неужели обо всем надо говорить прямо? И ничего нельзя скрыть?

Второй. А зачем скрывать, отец? Все равно все твои хитрости известны. Разве ты не слышал песни, что сочинил про тебя наш знаменитый поэт? Ведь ее знают в каждом доме.

Старик. Хватит мне и своего дома. Есть у меня время ходить по чужим домам да слушать!

Третий. Будет тебе попусту хвастать. Знаем, что твоей почтенной супруге приходится привязывать тебя к подолу. Куда ни пойдешь, везде тебя встретишь. Разве ты бываешь когда-нибудь дома?

Старик. Зато у ваших жен подол такой длинный, что куда ни пойдешь, везде тянется... Так что же там такое поэт сочинил про меня?

Третий. Слушай.

(Поет.)

Где волшебные красоты расточают нам щедроты,

Кто, как ты, забыть умеет все на свете, дед?

Где в беседе остроумной ярко блещет свет разумный,

Кто, как ты, веселье шуток рассыпает, дед?

Старик. Замолчи! Замолчи! Ну, что это за песня?
Да еще в праздничный день весны...

Первый. А ты знаешь, почему мы запели?

(Поет.)

Для тебя, где люди — братья, где сердечные объятья,

Есть и купля, и продажа, на вопрос — ответ.

А туда и путь неведом, где с придирчивым соседом

На базаре суетливом ссорится сосед.

Там же, где самозабвенность, простодушие, откровенность,

Ты, наверно, всех открытей и добрее, дед!

Старик. Если вы хоть чему-нибудь научились у своего поэта, то должны понять, что нынче, в последний день последнего зимнего месяца, лучше вовсе не говорить о стариках и прочем старье. Я не стою того, чтобы мне

расточали божественную музыку. Чего доброго, у богини Сарасвати заржавеют струны на вине.

Второй. Отец, ты чего собрал всех на дороге? А на праздник когда отправишься? Пойдемте в южную рошу!

Старик. Видно, мне на роду так написано, братец: я еще в дороге начинаю закусывать, а потом и к общему угощению подсаживаюсь. Ничего не упусти.

Второй. Знаешь, старина, я все думаю и думаю об одном деле.

Старик. О чем же?

Второй. Вот пришли сюда люди со всего царства, среди них немало чужестранцев. «Всё, говорят, хорошо у вас, только почему царя не видно?» Что на это ответишь? Ведь верно, без царя у нас как-то пусто.

Старик. Пусто? Нет! Правда, наш раджа нам не показывается, но зато в нашей стране полным-полно царей. А ты говоришь — пусто! Да ведь он всех нас сделал настоящими царями! Возьми других правителей; как выведут они в праздник на слонах, на конях, со свитой, с телохранителями — так и прощай веселье. Только и гляди, как бы тебя не раздавили. Где уж тут почувствовать прохладу южного ветра? Похоже на то, что самой весне тогда дышать нечем. А вот наш раджа — он не то чтобы себе место расчищать — всем простор дает. Ты же знаешь, что сочинил наш поэт!

(Поэт.)

В царстве этого раджи мы и сами все раджи, —
А не то — какое право с ним равняться нам, скажи!

Мы и сами все раджи!

Мы творим, что хотим,

Но в согласии мы с ним.

Он раджа не над рабами, нам не страшен лик раджи, —
А не то — какое право нам равняться с ним, скажи!

Мы и сами все раджи!

Он почтенья полон к нам,

Почитаем он и сам.

Нас никто не обижает, ни к чему нам мятежи, —
А не то — какое право с ним равняться нам, скажи!

Мы и сами все раджи!

Мы путем своим пойдем,
Свяжем путь с его путем,
Не умрем в водовороте бесполезности и лжи,—
А не то — какое право с ним равняться нам, скажи!
Мы и сами все раджи!

Третий. Все-таки, брат, что ни говори, а, не видя его, люди болтают о нем что вздумается. Слышать не хочется!

Первый. Подумать только! Случись, кто-нибудь оскорбит меня, так управа сразу найдется. А раджу ругай сколько хочешь, и никто даже пальцем не шевельнет, чтобы заткнуть рот болтуну.

Старик. Тут мерят другой мерой. К злословию чувствителен правитель, который всегда окружен подобострастными придворными. А такого раджу, как наш, ничто не может задеть. Пламя светильника можно загасить одним дуновением. Но пусть люди, даже если их много, попробуют погасить солнце — оно все равно не померкнет.

Входят Бишобошу и Бирупакхо.

Бишобошу. А, вот кто здесь! Послушай, отец, этот человек пустил слух, будто бы наш раджа — урод и потому не показывается народу.

Старик. Зачем же так горячиться, Бишу? Конечно, для Бирупакхо раджа — урод. Иначе откуда бы взяться в его царстве такой образине? Даже родители не называли его Картиком. Он видит себя в зеркале и думает, что и раджа такой же.

Бирупакхо. Я не скажу, от кого услышал новость, но уж поверьте, это был человек надежный.

Старик. А кому ты поверишь больше, чем самому себе?

Бирупакхо. Не смейся, я могу доказать.

Первый. Хватает же бесстыдства у человека! Наговорил бог знает чего, да еще хочет доказывать.

Второй. А ну, может, повалием его в пыли? Пусть он сначала докажет, крепка ли у него шкура?

Старик. Не горячись, не горячись, брат. Бедняга решил отметить праздник по-своему. Он будет ходить и

говорить, что его царь — урод. Иди, Бирупакхо, ты найдешь много людей, которые тебе поверят. Собери их и веселись вместе с ними.

Уходят.

Снова появляется группа чужестранцев.

Коундилло. Правду тебе говорю, брат, — мы так привыкли подчиняться царю, что здесь, не видя его, чувствуем себя как-то неловко. Кажется, словно земли под ногами нет!

Бхободотто. Знаешь, Коундилло, у них совсем нет царя. Это точно. Но все они сговорились и пустили слух, что царь есть.

Коундилло. Я тоже так думаю. Нас не проведешь. Первое, что бросается в глаза в любой стране, — это царь. Он, конечно, не упускает случая показаться во всем своем великолепии.

Джонардон. Однако здесь всюду порядок! Не будь царя, этого бы не было.

Бхободотто. Вот каким умником ты стал, прожив столько лет под властью царя! Неужели, по-твоему, без царя не может быть порядка?

Джонардон. Да ты посмотри, как много народу собралось нынче повеселиться! Если бы не было царя, они не смогли бы собраться.

Бхободотто. Джонардон, ты хочешь увильнуть! Порядок есть — это я сам видел. Что люди веселятся — тоже правильно. Но где же царь? Ты его видел? Где он? Отвечай!

Джонардон. Я вот что хочу сказать. Вы ничего на свете не видели, кроме своей страны. Там царь хоть и показывается народу, да никто о нем ничего не знает. Только и славы, что он есть. А здесь...

Коундилло. Опять ты виляешь. Почему прямо не ответишь Бхободотто: да или нет? Видел ты царя или не видел?

Бхободотто. Оставь его, Коундилло. Зачем попусту спорить? Он уж и доказывать стал совсем по-здешнему. Разве можно его слушать, когда он из-за своего упрямства и видеть ничего не хочет? Надо помо-

рить его голодом денька два. Может, тогда он станет нормальным человеком.

Уходят.

С пением проходит группа бродячих певцов-вишнунитов.

Души избранник — в душе моей,
Вижу его повсюду,
В зрачках у меня и в сиянии дня
Вижу и видеть буду.
Чтоб услышать его,
Я бежал от всего.
Но там — одна тишина...
Под родимую крышу
Я вернулся — и слышу
В песне своей — его.
Вы, что в искренней вере
Бьете, нищие, в двери,
Упованье на встречу храня,
Приходите сюда
И смотрите сюда:
В глаза мои, в сердце, в меня!

Уходят.

Входит отряд воинов.

Первый воин. Расступись, расступись! Прочь с дороги!

Первый прохожий. Ишь какой бравый! Вон как вышагивает! Эй, любезный! Ты чего это всех разгоняешь? Бездомные собаки мы, что ли?

Второй воин. Раджа идет.

Второй прохожий. Раджа? Что за раджа?

Первый воин. Наш раджа. Раджа этой страны.

Первый прохожий. Ты с ума сошел! Где это видно, чтобы наш раджа разъезжал по улицам, да еще с таким треском?

Второй воин. Наш владыка решил показаться народу. Он сам будет сегодня веселиться на празднике.

Второй прохожий. Неужели правда, брат?

Второй воин. А вон, смотри, видишь знамя?

Второй прохожий. Да, да! И верно — знамя!

Второй воин. Видишь, на знамени нарисован красный цветок киншука?

Второй прохожий. В самом деле — цветок киншука! Ей-богу, не вру! Прямо пылает!

Второй воин. То-то же! А сначала не верил!

Второй прохожий. Нет, почтенный! Нет! Разве я говорил, что не верю? Это вон Кумбхо Горшок поднял шум. А я ни слова не говорил.

Первый воин. Этот парень и впрямь похож на пустой горшок — потому и шума от него много. Ха-ха!

Второй воин. А откуда он? Родня тебе?

Второй прохожий. Да нет! Какая родня? Он тесть дяди нашего деревенского старосты. И живет совсем на другом конце деревни.

Второй воин. Обличье у него вполне подходящее для такой важной особы. Да и ума, видно, у этого тестя с избытком.

Кумбхо. Будет с избытком, когда такого понатерпиться! Тут недавно появился один правитель. Титулов у него было не меньше трехсот сорока пяти. По городу разъезжал под барабанный бой. Чего я не делал, чтобы угодить ему! Подносил дорогие угощения, прислуживал как только мог. Пришлось даже распродать всю землю, что досталась мне в наследство от отца. А знаете ли, какова оказалась в конце концов его милость? Когда у него просили наград, земель, он открывал свой календарь, и всегда оказывалось, что день неблагоприятный. Однако собирать с нас налоги ему ничто не мешало в любой день!

Второй воин. Эй, эй, Кумбхо! Уж не хочешь ли ты сказать, что наш раджа похож на того недостойного правителя?

Первый воин. Эй, ты, дядин тесть! Я вижу, пришла пора попроситься тебе с дядиной тещей. Пойдем-ка, да поживей!

Кумбхо. Пошадите меня, не гневайтесь! Я повинуюсь. Вы приказываете освободить дорогу — хорошо, я сейчас же уйду с этого места, куда вам угодно.

Второй воин. Ну, ладно, ладно. Отойди в сторону и стой спокойно, как все. Раджа сейчас будет здесь. Нам надо идти дальше и расчищать для него путь.

Воины уходят.

Второй прохожий. Погубит когда-нибудь тебя твой язык, Кумбхо.

Кумбхо. Нет, брат Мадхоб, не язык тут виноват, а моя судьба. В прошлый раз, когда объявился этот самозванец, я ни о чем не спрашивал, поступал как добропорядочный человек — и разорился дотла. Сейчас, кажется, появился настоящий царь — так опять, видишь, со мной беда: наговорил глупостей... Вот она, судьба-то!

Мадхоб. А я так думаю: настоящий раджа или самозванец — какая разница? Лучше сразу ему повиноваться. Много ли мы понимаем, чтобы разбираться в раджах? Ведь вот, когда в темноте бросаешь камнями, знай только — кидай больше, каким-нибудь да попадешь. Я, брат, одинаково всем кланяюсь. Настоящий раджа — хорошо, а нет — какой мне убыток?

Кумбхо. Если бы то были простые камни, так и заботы не было бы. Но ведь они бывают и драгоценными, побросаешь — ни с чем и останешься.

Мадхоб. Смотри, смотри, вон раджа идет! Ого, да у него настоящий царский вид! А лицо-то какое! Как свежее масло! Ну что, Кумбхо? Что ты теперь скажешь?

Кумбхо. Да, с виду-то он хорош, а так... Откуда мне знать?

Мадхоб. Он, кажется, прямо родился для того, чтобы быть раджой. Даже страшно, как бы он не растаял на солнце!

Входит человек, одетый раджой.

Крики толпы. Слава великому радже! Мы с утра стоим, чтобы увидеть вас! Не оставьте нас своими милостями!

Кумбхо. Ничего не могу понять... Пойду, позову старика. (*Уходит.*)

Появляется еще группа прохожих.

Первый. Вот, вот раджа! Здесь он!

Второй. Не забудь меня, государь! Я Бирадждотто, внук Удойдотто из Кушолибосту. Только узнал, что вы здесь, сразу же прибежал. Я не слушал, что болтают в народе. Я самый первый признал вас своим владыкой.

Третий. Постой, постой! Я пришел сюда до зари, когда и вороны еще не кричали. Где ты был тогда? Я Бходрошен из Бикромостхоли, о владыка. Не забудьте вашего смиренного слугу!

Одетый раджой. Я ценю вашу преданность.

Бирадждотто. Великий государь! Нашим нуждам нет числа! Сколько времени мы не видели вас! Кого могли мы просить о милости?

Одетый раджой. Все ваши просьбы будут исполнены. *(Уходит.)*

Первый прохожий. Эй, эй, не отставайте! Если затрут в толпе, раджа нас не заметит.

Второй прохожий. Смотри, смотри, что делает Нороттом! Раздобыл где-то пальмовый лист, протолкался вперед и теперь старательно обмахивает раджу этим листом.

Мадхоб. Хватает наглости у человека!

Второй прохожий. Надо отгашить этого молодца прочь. Разве он достоин стоять рядом с раджой?

Мадхоб. Смотрите, как усердствует! Неужели раджа не видит сам? Это ведь просто льстец!

Первый прохожий. Конечно, не видит. Цари в этом ничего не смыслят. Пожалуй, надует его этот пройдоха с пальмовым листом.

Все уходят.

Появляется Кумбхо и старик.

Кумбхо. Он только что прошел здесь, по этой дороге!

Старик. Мало ли кто мог пройти здесь. Почему же непременно раджа?

Кумбхо. Нет, отец, его нельзя было не узнать. И видели его не один, не двое, а все, кто стояли вдоль дороги.

Старик. Это-то и непонятно. Видано ли, чтобы мой раджа расхаживал по улицам и ослеплял зевак своим великолепием? Поднять такой шум! Нет, это на него непохоже.

Кумбхо. Ну, а если ему нынче так захотелось? Откуда нам знать?

Старик. Откуда? Как будто мой раджа ежечасно меняет свои решения. Нет, он человек твердых правил.

Кумбхо. А ты знаешь, отец, какой он из себя? Настоящая куколка из масла! Мне так и хотелось своим телом прикрыть его от солнца.

Старик. Да ты совсем лишился ума! Мой раджа — куколка? И ты будешь прикрывать его от солнца? Ну и выдумал!

Кумбхо. Что ни говори, отец, а он хорош. Сколько нынче народу здесь собралось, а такого, как он, я не видал.

Старик. Если бы мой раджа появился здесь, вы и не заметили бы его. Его не отличишь от других. Он такой же, как все.

Кумбхо. Но я видел его знамя!

Старик. А что было на знамени?

Кумбхо. Цветок киншука. Взглянешь — так и слепит глаза!

Старик. А у моего раджи на знамени цветок лотоса и в середине молния.

Кумбхо. Но все говорят, что раджа здесь, на празднике!

Старик. Здесь, конечно. Но при нем нет ни свиты, ни музыки, ни слуг с факелами.

Кумбхо. Тогда, пожалуй, его и узнать никто не сможет?

Старик. Я думаю, кое-кто сможет!

Кумбхо. Наверное, тот, кто узнает его, получит все, что захочет?

Старик. А ему ничего и не надо. К чему нищему знать, кто у него раджа? Ведь нищий готов считать раджей каждого удачливого собрата. Все вы ослепли от жадности. Стоило кому-то разукрасить себя драгоценностями и пройтись перед вами, как вы сразу приняли его за раджу. А он сам небось ждал милостыни... Ага, вот идет и мой дурачок. Идемте же, друзья! Довольно пустых разговоров! Надо и повеселиться немного!

Входит юродивый.

(Поет.)

Что бы вы ни твердили мне ночь и день, —

Золотой мне нужен олень!

Мой олень круторогий, мой олень быстроногий,

Золотой мне нужен олень!

Он не то, что олени, он воздушнее тени,
Мы связать его не вольны.
Лишь на миг увидали, — но унесся он в дали;
Вы стоите, поражены.
Но бежим за прекрасным с упованием страстным! —
О, настигнем его иль нет?
Мчусь умом торопливым по дубравам и нивам
Золотому оленю вослед.
Вы толику товара понесете с базара
И храните, домой привезя.
Я же, ветром гонимый, все ищу, одержимый,
Того, что купить нельзя.
Все за эту тревогу отдал я понемногу —
Ради пустой мечты.
Над своим пепелищем, став бездомным и нищим,
Я погибну, думаешь ты?
Судишь ты, ошибаясь: я живу улыбаясь,
Ни печали, ни скорби нет.
Мчусь умом торопливым по дубравам и нивам
Золотому оленю вослед!

III

У ВХОДА В ЦАРСКИЕ САДЫ.

Старик и веселая толпа мальчиков.

Старик. Ну вот, мы и у ворот. А теперь стучите хорошенько.

П о ю т

Лотоса чаша, едва светало,
Затрепетала, затрепетала...
Вечная радость существованья
Омут сознанья заволновала.
Ветер притихший рад,
Воздух весь — аромат.
Возле своих палат
Пчелы кружат и жужжат.

Вселенная душу околдовала,
Околдовала — Ах! —
Околдовала...

Уходят.

Входят цари царств Аванти, Кошалы и Канчи.

Царь Аванти. Неужели здешний раджа даже нам не покажется?

Царь Канчи. Что за порядки в этой стране? Никто не запрещает простонародью веселиться в дворцовых садах!

Царь Кошалы. Для нас следовало бы заранее приготовить особые места.

Царь Канчи. Мы сами заставим приготовить для нас все, что нужно.

Царь Кошалы. Я подозреваю, что здесь вообще нет раджи, а все это — просто обман.

Царь Аванти. Да, это возможно. Но ведь здешняя царица Шудоршона — не обман?

Царь Кошалы. Только ради нее я и прибыл сюда. Я не горю желанием искать того, кто не хочет нам показаться, но было бы глупо уйти, не увидев ту, что создана для любования.

Царь Канчи. Не придумать ли нам какую-нибудь хитрость?

Царь Аванти. Хитрость — вещь хорошая, когда нет опасности самому пострадать от нее.

Царь Канчи. Что там такое? Кто идет сюда с развевающимся знаменем? Откуда этот царь?

Появляется отряд воинов.

Из каких краев ваш царь?

Первый воин. Он — раджа этой страны. Нынче он веселится на празднике.

Воины уходят.

Царь Кошалы. Что я слышу! Здешний раджа появился!

Царь Аванти. Тогда нам придется удовольствоваться встречей с ним и не мечтать о достойнейшей...

Царь Канчи. Но можно ли им верить? Здесь раджи нет. Поэтому любой с легкостью может выдать себя за раджу. Видите, сюда идет какой-то человек? Не слишком ли пышно он разодет?

Царь Аванти. Но он хорош собой и своим видом вполне может ввести в заблуждение.

Царь Канчи. Стоит, однако, хорошенько взглядеться — и все станет ясно. Вот посмотрите, я сейчас выведу его на чистую воду!

Входит Одетый раджой.

Одетый раджой. Милости просим, государи! Надеюсь, вы не можете пожаловаться, что вас приняли здесь с недостаточным почетом?

Цари (*с притворной почитательностью отдавая поклон*). О нет! Нет!

Царь Канчи. Честь видеть великого раджу вполне возместила все, чего нам недоставало.

Одетый раджой. Я не показываюсь всем, но вы преданы мне, и я решил на этот раз изменить своему обычаю.

Царь Канчи. Нам нелегко выдержать столь великое время благосклонности.

Одетый раджой. Я задержусь здесь ненадолго.

Царь Канчи. Об этом нетрудно догадаться — по одному вашему виду.

Одетый раджой. А пока, если у вас есть какие-нибудь просьбы...

Царь Канчи. Конечно, есть! Только неудобно говорить в присутствии ваших людей.

Одетый раджой (*к свите*). Оставьте нас. (*К царям*). Прошу вас, не стесняйтесь.

Царь Канчи. Мы не будем стесняться. Просим и вас не чувствовать ни малейшего стеснения!

Одетый раджой. Прекрасно! Об этом не беспокойтесь.

Царь Канчи. Тогда подойдите к каждому из нас и поклонитесь до земли.

Одетый раджой. Кажется, мои слуги слишком щедро угощали всех вином?

Царь Канчи. Самозванец, это на твою долю досталось слишком много напитка, о котором ты говоришь! Потому-то тебе и пришло время валяться в пыли!

Одетый раджой. Государи, не подобает так шутить с раджой.

Царь Канчи. Те, кто могут пошутить с тобой как следует, находятся недалеко от нас. Эй, начальник стражи!

Одетый раджой. Погодите, не надо! Я теперь ясно вижу, что должен вам поклониться. Голова сама опускается книзу, без особенных усилий. Ведь и я вас сразу узнал. Прошу, примите мой низжайший поклон. Если вы сжалитесь и позволите мне уйти — я тотчас это сделаю.

Царь Канчи. Нет, зачем же? Мы сделаем тебя раджой этой страны. Надо довести игру до конца. Есть у тебя свита?

Одетый раджой. Есть. Каждый, кто видит меня на улице, бежит за мной. Сначала моя свита была совсем небольшая и все смотрели на меня с подозрением. Но чем больше людей приходило ко мне, тем быстрее рассеивались сомнения. А теперь эта толпа так восхищена своей многочисленностью, что мне не о чем волноваться.

Царь Канчи. Прекрасно! С этой минуты мы будем тебе помогать. Однако и ты должен нам услужить.

Одетый раджой. Я почтительно принимаю от вас и корону, и ваши приказания.

Царь Канчи. В настоящую минуту мы хотим только одного — видеть царицу Шудоршону. Ты должен устроить это.

Одетый раджой. Я сделаю все, что в моих силах.

Царь Канчи. На твои силы полагаться не слишком надежно. Ты будешь действовать по нашим указаниям. А теперь ступай в сад и веселись по-царски.

Цари и Одетый раджой уходят.

Входят старик и Кумбхо.

Кумбхо. Отец, я верю тебе, хоть и не все понимаю. До раджи мне нет никакого дела. Мне ты нужен. Да только не ошибся ли я?

Старик. Если доверишься мне целиком и будешь следовать за мной, не ошибешься. А если отступишься и захочешь чего-нибудь иного — пропадешь.

Кумбхо. Отец, праздник уже начался, пойдем в сад.

Старик. Нет, сначала я закончу свои дела здесь, а уж потом пойдем в сад. Надо повидать всех, кто приходит. А, вот и моя нищая братия!

Толпа нищих. Долго же мы искали тебя, отец!

Старик. Сегодня я здесь, у ворот. Чего же искать?

Первый. Ведь на празднике ты — наш распорядитель.

Старик. Вот я и стою у ворот.

Второй. Я вижу, ты нынче водишь компанию со всякими нечестивцами, вроде Кумбхо. Цари всех стран собрались сюда, а ты и взглянуть на них не хочешь?

Старик. Братец, моя компания — простые люди. Можно рядом с ними стоять и молчать, и они сочтут это великой милостью. А перед теми гордецами хоть лоб расшиби — они все будут думать: с чего это он из кожи лезет?

Первый. Пойдем, отец!

Старик. Нет, брат. Дай уж мне здесь постоять. Все пройдут — тогда у меня на душе будет спокойно. А чего вы ждете? Давайте начинать!

Все поют

Нищие мы, голые... Войдем ли в дом,

Бродим ли по улице, весело поем:

Нищие мы, неимущие мы!

Значит, мы счастливые, коль день за днем

Все-то об одном мы поем да поем:

Нищие мы, неимущие мы!

Люди на песке, не простом — золотом,

Строят себе плотный, добротный дом,

А мы перед такими поем да поем:

Нищие мы, неимущие мы!

Если ненароком пропащий вор
К нам в пустую сумку закинет взор,
Нам одна потеха! Знай себе поем:

Нищие мы, неимущие мы!

Постучит ли в двери к нам Смерть-старуха,
Ей двумя пальцами щелкнем в ухо,
Щелкнем, братец, и вновь запоем:

Нищие мы, неимущие мы!

Нынче воцаряется Васант-Весна,
Васантовым улица убранством пышна.

Пенье, упоенье — и мы о своем:

Нищие мы, неимущие мы!

В праздник разоряющий, все дотла съедающий,
Чаши иссушающий, мы не устаем —

Мы в ладоши хлопаем и весело поем:

Нищие мы, неимущие мы!

Уходят.

Входит несколько женщин.

Первая. Отец!

Старик. Что, милая?

Первая. Когда я нынче выходила из дому, то поклялась, что в эту ночь весеннего полнолуния обменяюсь гирляндами с луной.

Старик. Эту клятву тебе будет трудно выполнить!

Вторая. Почему?

Старик. Да потому, что моя супруга надела мне на шею только одну гирлянду.

Третья. Вы только посмотрите, какой скромник наш старик!

Вторая. Ой-ой, неужели это луна с небес сошла?

Старик. В ваши сети нельзя не попасться.

Первая. Значит, хорошие у нас сети?

Старик. Луна тоже хороша: чуть завидит подходящую ловушку, так и норовит попасть в нее...

Третья. Вот здорово! Только о чем же думает твоя супруга? Ведь сегодня, в праздник, она могла бы дать тебе и не одну гирлянду!

Старик. Она знает: сколько ни дашь — все равно не хватит. Потому и дала только одну. Ничего не поде-
лаешь...

Вторая. Уж не собираешься ли ты все время стоять у ворот?

Старик. Нет, милая. Вот дождусь, когда все пройдут, и пойду следом.

Женщины уходят.

Входят танцоры.

Эй, сюда! Сюда!

Первый. А мы тебя ищем. Ведь ты наш царь танца!

Старик. Я стою здесь у ворот, смотрю, как проходят люди. Только увидел вас, и сандалии сами стали приплясывать. Спляшите-ка разок здесь да идите!

Танцуют и поют.

Кружение в сердце моем, — о, чья это пляска хмельная?

Та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой!
Как будто звучит мриданг, грохочут на барабанах.

Та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой!
И смех и слезы. На лбу — блеск лала и изумруда.

Сменяется в ритме пляски, что хорошо и что худо.

Пляшет Рождение, пляшет и Смерть, его догоняя.

Та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой!

О радость, о радость! Кружусь, кружусь!

Пляска свободы и пляска уз.

Бегу по волнам я, тревоги не зная...

Та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой, та-та, тхой-тхой!

Старик. Идите же, идите! Танцуйте без усталости.

Танцоры уходят.

Появляется несколько горожан.

Первый. Отец, у нас нет раджи! Я готов повторить это хоть двести раз!

Старик. Всего только двести? Зачем такое суровое воздержание? Ты можешь сказать это и пятьсот раз!

Второй. До каких пор вы будете обманывать людей?

Старик. Братец, я и сам, видно, попал впросак!

Третий. Мы разнесем по всему свету, что у нас нет раджи!

Старик. С кем вы собираетесь спорить? Ведь ваш раджа никого не схватит за уши и не скажет: «Вот я —

ваш раджа! Смотрите на меня!» Он говорит вам: «Смотрите сами на себя!» И потому все, что у него есть, предназначено вам.

Первый. Мы будем везде ходить и хором кричать, что раджи нет. Пусть он делает, что хочет, если он на самом деле есть.

Старик. А он ничего не сделает.

Второй. Мой сын в семь дней умер от лихорадки! А было ему всего двадцать пять лет. Разве унесла бы его смерть так рано, если бы страной правил достойный раджа?

Старик. Но у тебя есть еще два сына. А вот у меня один за другим умерло пять сыновей. Ни одного не осталось.

Третий. Ну, а дальше что?

Старик. Что — дальше? Не затевать же мне скандал. Сыновей лишился да еще и раджу потерять? Я не такой дурак!

Первый. Что толку от раджи тем, кому есть нечего?

Старик. Верно, братец! Самый лучший раджа для них — рис. Пойди-ка поищи его. Нечего сидеть дома да причитать. Сам он к тебе не придет.

Второй. Посмотри-ка, какой заботливый у нас раджа! Вон наш Бхрошен: как начнет о радже говорить, так прямо и тает. А сам до того обнищал, что даже летучим мышам в его доме есть нечего.

Старик. А ты не видишь, как я живу? Целые дни прислуживаю у царских дверей, а до сих пор не получил в награду и двух пайс.

Третий. Так что же ты хочешь сказать?

Старик. Что хочу сказать? Слишком много мы о себе думаем! Разве кто-нибудь награждает своих братьев? Идите, друзья, веселитесь и, если хотите, говорите, что раджи нет. Сегодня у нас праздник песен. Пусть это будет настоящая симфония!

(Поет.)

Нет, весна не только время распускания цветов, —
Иль сухих не видишь листьев и опавших лепестков?

О, откуда подымается волна?

А над морем что за песня нам слышна?

Песня волн, которым никнуть суждено у берегов...
И весной следите игры падших листьев и цветов!
 Под ногами властелина
 Не одни огни рубина, —
И земли крупины стонут на сто тысяч голосов.
 Хоть Учитель сделал честь
 Лишь разумным рядом сесть, —
Принят им и неразумный, — я идти за ним готов!
Праздник-царь глядит на игры опадающих цветов.

IV

БАШНЯ ВО ДВОРЦЕ.

Шудоршона и ее приближенная Рохини.

Шудоршона. Рохини, ты когда-нибудь видела моего раджу?

Рохини. Я слышала, что его видели все, но узнали только немногие. И если при встрече с незнакомцем мое сердце вздрагивает, я всякий раз думаю, что это раджа. Но потом оказывается, что я ошиблась.

Шудоршона. Все вы можете допустить ошибку, но мне ошибиться нельзя. Ведь я рани, жена раджи. А вот, вот! Вот это, наверно, раджа!

Рохини. Господин боготворит вас. Разве может он так долго не показываться перед вами?

Шудоршона. Когда я увидела этого человека, мое сердце затрепетало, как птица в клетке. Ты все как следует разузнала о нем?

Рохини. Да, конечно. Кого я ни спрашивала, все говорят, что это раджа.

Шудоршона. Раджа какой страны?

Рохини. Да наш раджа!

Шудоршона. Ты говоришь о том, у кого над головой слуга держит зонт из цветов?

Рохини. Да, про того самого. У него на знамени нарисован цветок киншука.

Шудоршона. Я узнала его с первого взгляда, а ты сомневалась!

Рохини. Мы люди робкие, оттого и боимся. Известное дело: стоит чуть ошибиться — и сразу же скажут, что ты виновата.

Шудоршона. Ах, если бы Шуронгома была здесь! Я бы чувствовала себя уверенной.

Рохини. Видно, Шуронгома умнее всех нас?

Шудоршона. Она сразу бы узнала его!

Рохини. Ни за что я этому не поверю. Это она все выдумывает. Ей отлично известно, что скажи она: «Вот он!» — все равно никто не сможет проверить. Будь мы такие бесстыжие, как она, может быть, и мы не постеснялись бы говорить такие вещи.

Шудоршона. Нет, нет! Она никогда ничего такого не говорит...

Рохини. Ну, не словами, конечно, а всем своим видом показывает. А это еще хуже, чем говорить. Ох, и хитрая же она! Вот за это никто у нас терпеть ее не может.

Шудоршона. Как бы там ни было, но если бы она оказалась здесь, я расспросила бы ее о радже.

Рохини. Она никогда никуда не выходит, а нынче, смотрю, разоделась и пошла на праздник. Вид у нее был такой, что я не могла удержаться от смеха.

Шудоршона. Сегодня она нарядилась по приказу своего господина.

Рохини. Хорошо, махарани, что толку в моих речах? Если вам угодно, я позову ее. Пусть она рассеет ваши сомнения. Ее счастье, если именно она поможет рани узнать раджу.

Шудоршона. Нет! Нет! Никто не должен показывать мне, где раджа. Мне просто хочется говорить о нем.

Рохини. Да и так уже все говорят о радже. Не слышите разве, как его приветствуют? Даже сюда доносятся возгласы!

Шудоршона. Тогда вот что: положи эти цветы на лист лотоса и отдай их ему прямо в руки.

Рохини. А если он спросит: кто послал?

Шудоршона. Не нужно отвечать — он сам все поймет. Он думал, я не узнаю его. А я не могу удержаться и не показать ему, что его тайна раскрыта.

Рохини с цветами уходит.

Никогда мое сердце не трепетало так, как сейчас. Кажется, будто свет этой полной луны заливает все вокруг винной пеной. Он пьянит меня! О весна! Глубокой ночью ты раскрываешь лепестки робких цветов, стыдливо прячущихся во тьме под тенью листьев. Неслышно подхватывая и разнося их сладостный аромат, ты вдруг увлекла куда-то и мою душу, наполнила ее неизъяснимым чувством и несешь, не давая коснуться земли... Слуга!

Входит слуга.

Слуга. Что угодно махарани?

Шудоршона. Видишь, на аллеях в манговой роще резвятся и поют мальчики? Приведи их сюда. Я хочу послушать их песни.

Слуга уходит.

О мать-луна! Ты, кажется, смеешься над моим волнением? Похоже, будто твоя веселая улыбка заливает все небо. Мне стыдно! И негде укрыться! Сердце мое трепещет... Я вся дрожу: меня охватывают то страх и стыд, то радость и грусть и увлекают, словно в вихре стремительного танца... Бурно мчится кровь по жилам, все кружится, темнеет в глазах!

Входят мальчики.

Входите! Входите! Каждый из вас — живое воплощение юной весны. Запевайте же, запевайте свои песни! Моя душа и тело поют мелодию, но мой голос не может передать ее. Спойте вы за меня!

Песня мальчиков

Этой ночью, слаще меда, в вешней нежности чарующей
Нам милей тоска влюбленных и разлуки долгий срок.
Зов души, напев волнующий
От печали изнемог.
Полнолунье, колдованье...
Пыл незримого желанья,
Ты какой мираж сладчайший
На глаза мои навлек?

Наплывая и не тая, льются струи аромата
С ветром, радостью сердец,
И в душе моей заблудшей, без исхода и возврата,
Бьются, чья свой конец.
Чьи летят в тени дубравной
Звуки струн и голос плавный? —
Вторит им мое волнение
И браслеты легких ног.

Ш уд ор ш о н а. Довольно, довольно, больше не надо!
От вашей песни хочется плакать. Мне начинает казаться,
что желаемого обрести нельзя... да и не нужно. Вот та-
кая, наверное, беспредельная радость охватывает душу,
когда находишь то, что долго искал. Какой чудесный на-
ставник научил вас этой песне? Слушаешь ее, и хочется
печально бродить по неведомым тропам в тенистых чашах
сердца. О юные отшельники! Скажите, чем я могу воз-
наградить вас? У меня есть только это ожерелье из дра-
гоценных камней. Но оно так тяжело, что, если вы наде-
нете, вам будет больно. У меня нет ничего, похожего на
ваши прекрасные гирлянды из цветов...

Мальчики, поклонившись, уходят.

Входит Р о х и н и.

Я поступила нехорошо. Рохини, очень нехорошо. Мне
стыдно расспрашивать тебя. Я только сейчас вдруг по-
няла, что самое желанное — неосвязаемо, его нельзя ка-
саться руками. Но говори, говори, как это было?

Р о х и н и. Я отдала цветы прямо в руки радже,
однако он, кажется, ничего не понял.

Ш уд ор ш о н а. Что ты говоришь?! Он не понял?

Р о х и н и. Нет. Он сидел, не говоря ни слова,
как мертвая кукла, и смотрел на цветы. Я думаю, он
не хотел показать, что ничего не понимает, и потому
молчал.

Ш уд ор ш о н а. О, горе мне! Мое бесстыдство на-
казано по заслугам! Почему ты не принесла цветы
обратно?

Р о х и н и. Как я могла? Рядом с ним был царь Кан-
чи. А он очень хитер и сразу все понял. Ухмыльнулся и

сказал: «Махарадж, царица Шудоршона шлет вам эти цветы — как дар богу весны и любви». Тогда раджа очнулся и проговорил: «Наша царская милость довольны». Я так смутилась, что готова была убежать, но вдруг царь Канчи своими руками снял с него вот это жемчужное ожерелье и сказал мне: «Дорогая, счастье, которое возвестил твой приход, нанесло поражение царскому ожерелью. Оно признало себя побежденным и отдается в твои руки».

Шудоршона. Как? Царь Канчи должен был все это объяснить ему? Какого позора я удостоилась в этот праздник полнолуния! О, горе мне! Уйди! Я хочу немного побыть одна.

Рохини уходит.

Итак, сегодня мое тщеславие сокрушено! И все-таки я не могу удержать свою душу, — она стремится к этому пленительному образу... Во мне нет больше гордости. Я разбита, опозорена. У меня нет даже сил отвернуться от него. О, как мне хочется взять это ожерелье у Рохини! Но что она подумает?.. Рохини!

Рохини (*появляясь*). Что угодно махарани?

Шудоршона. Какой награды заслуживаешь ты за свое усердие?

Рохини. От вас — никакой. С меня достаточно того, что я получила от раджи.

Шудоршона. Нет, нет! Ведь он не сам дал тебе подарок, у него взяли силой.

Рохини. Пусть так, но разве я осмелилась бы пренебречь ожерельем с царской шеи?

Шудоршона. Мне неприятно видеть это ожерелье. Тебе дали его с таким презрением. Сними его! Вместо него я дарю тебе свой браслет. Возьми и ступай!

Рохини уходит.

Поражение! Еще одно поражение! Это ожерелье надо бросить, а я не могу! Оно колет мне пальцы, словно утыкано шипами, но отказаться от него я не в силах. Из рук божества праздника я получила это ожерелье бесчестья!

У ВХОДА В САД.

Старик и несколько его спутников.

Старик. Ну что, братцы, хватит с вас?

Первый. Хватит, хватит, отец! Смотри, я весь вымазан красной краской. Мы никого не пропустили.

Старик. Неужели и царей закидали красным порошком?

Второй. Да, как бы не так! Разве к ним подступиться? Они все стояли за оградой.

Старик. Жаль, жаль! Оплошали вы. Значит, так и не подкрасили их хоть немножко? Надо было силой пробиться к ним.

Третий. Э, отец, на них и без того вдоволь красной краски, только не такой, как наша. В глазах у них багровый огонь, тюрбаны на воинах красные! К тому же и мечи их, я видел, всегда наготове и отточены до блеска. Так что если сунуться к ним поближе — красного сразу будет чересчур много.

Старик. Ну и ладно. Хорошо, что не пошли к ним. На земле они осуждены на изгнание, вот им и приходится держаться от всех в стороне. Вы куда теперь? По домам?

Второй. Да, отец. Уже за полночь. А ты еще не был там?

Старик. Пока не позвали, я жду у дверей.

Третий. А куда девались твои любимцы?

Старик. Ушли, спать захотели.

Первый. Ну конечно, они ведь не могут стоять, как ты, и не валиться с ног от усталости.

Уходят.

Появляется несколько бродячих певцов-вишнунитов.

Песня

Что знали мы черным и белым, бывало,
От красок твоих становится ало.
Подобно алым твоим ступням,
Вокруг все румяным стало.

Алы браслеты, одежды красны, красными стали и ложе,
и сны.

О, посмотри, сколь пламенно-нежной
Стала душа моя — пылкой, мятежной...

Старик. Прекрасно, друзья, прекрасно! Хорошо повеселились?

Вишнуниты. Хорошо! Хорошо! Все было красное. Одна луна на небе ухитрилась остаться светлой.

Старик. Это она только снаружи выглядит такой благопристойной. Если бы с нее сдернули светлое покрывало, сразу узнали бы, какова она на самом деле. Я, пока здесь стоял, видел, как она под шумок сама рассыпала красную краску. Однако неужели она так и останется светлой?

Песня вишнунитов

С тобой играет душа моя.
Побудь же со мной, побудь!
Волнуюсь: кто победит в игре?
Одолею тебя как-нибудь!
Иль, красной краской меня облив,
Сбежишь, хоть ты не труслив?
Нет, господин мой, поддайся сам,
Позволь опылить тебе грудь...
Не медли пылью, о лотос-душа,
На чадор ему плеснуть!

Уходят.

Входят женщины.

Первая. Смотрите, смотрите! Он так и стоит на том месте, где стоял!

Вторая. О, наша полная луна! Уже так поздно, а ты ничуть не сдвинулась к западу.

Первая. Подружка, для кого так ярко светит наша беспокойная луна?

Старик. Для того, кто выведет ее на верную дорогу.

Третья. Неужели ты променял мирный кров на бродячую жизнь?

Старик. Да, милая. Истосковался я по тревожной жизни.

(Поет.)

Все взял я свое. Но тревога
Дано уж в сердце моем.
Сижу. Змеится дорога.
Гляжу, кто идет за окном...

Вторая. Мы не можем вывести на дорогу. Лучше уж идти без дороги. Что пользы дарить тому, кто не берет подарка?

Старик. А ты подари и тогда поймешь, что терять и обретать — одно и то же.

(Поет.)

Кто б ни явился случайно,
Он смотрит и любит тайно.
Ликует душа. О, тайна
Глубокой, немой любви!

Женщины уходят.

Входят танцоры.

Старик. Эй, друзья! Время перевалило за полночь, а душа все никак не успокоится. Вы расходитесь по домам — спляшите же напоследок.

Песня танцоров

Хочу я кружиться — тадхин, тадхин! —
С тобой, за тобой...

Носиться, кружиться — тадхин, тадхин!

Ритму послушен я твоему.

Что говорят там? Кто и кому?

Тадхин, тадхин!

Проснулся безумный, вышел из мглы

Души, где тайно живет.

И пути стыда, и одежд узлы

Упали под звуки хвалы.

О пляска дурманная... Качаюсь, как пьяный я,

И мысли плывут вразброд...

Тадхин, тадхин!

Танцоры уходят.

Входит Шуронгома.

Шуронгома. Что ты делал здесь так долго, отец?

Старик. Стоял у ворот.

Шуронгома. Кого ты теперь ждешь? Уже нет ни души — все разошлись.

Старик. Сейчас и я пойду в сад.

Шуронгома. Где-то на флейте играют. Слышишь — ветер доносит музыку?

Старик. А когда все гудели в свои рожки из пальмовых листьев, вот шуму-то было!

Шуронгома. Это он велел играть в такие рожки.

Старик. Его флейта не заглушает других звуков. Не то все устыдились бы, и веселье давно бы кончилось.

Шуронгома. Знаешь, отец, сегодня, на этом празднике меня не оставляет предчувствие беды. Раджа что-то замышляет против меня.

Старик. Раджа?

Шуронгома. Да, отец! отошлет он меня куда-нибудь далеко... Давно я при нем, а это ему не по душе.

Старик. Так, значит, он пошлет тебя в далекие дремучие леса за райским деревом париджат, чтобы и мы узнали, что это за диковинка.

Шуронгома. Разве и для тебя есть еще что-то диковинное? Куда только не посылал тебя раджа! Вот и мой день настанет — придется и мне искать свою дорогу.

(Поет.)

Цветы расцветают все ярче и слаще
В пустыне дальней, в глубокой чаше.
Благоуханья земные пьют
Южный ветер, ветер пьянящий,
В пустыне дальней, в глубокой чаше.
Никнет устало весенняя ночь
К плечу вселенной, подруги неспящей.
Где же торжественный праздник-раджа?
Кто же в тот мир поведет меня, бдящий, —
К пустыне дальней, глубокой чаше?

Уходит.

Входят царь Канчи и Одетый раджой.

Царь Канчи. Делай все так, как я тебе приказал. Смотри не перепутай чего-нибудь!

Одетый раджой. Не беспокойтесь, господин.

Царь Канчи. Покои рани — в середине сада.

Одетый раджой. Да, махарадж, я запомнил.

Царь Канчи. Около них ты и подожжешь кусты.

А тогда среди суматохи мы и начнем действовать.

Одетый раджой. Все будет исполнено в точности.

Царь Канчи. Знаешь что, самозванец? Мне кажется, напрасно мы так опасаемся. В этой стране раджи все-таки нет.

Одетый раджой. Вот я и стараюсь восполнить этот пробел. Простому человеку нужен хоть какой-нибудь правитель, настоящий или подставной. Иначе не миновать беды.

Царь Канчи. О благочестивый мудрец! Твое удивительное самоотречение во имя блага народа — пример для всех нас! Но я думаю и сам совершить такое же доброе дело. *(Внезапно увидев старика.)* Эй, ты кто такой? Прятался здесь?

Старик. Я не прятался. Я так ничтожен, что вы меня просто не заметили.

Одетый раджой. Старик выдает себя за друга здешнего раджи. А дураки верят!

Старик. Умных не убедить, вот я и связался с дураками.

Царь Канчи. Ты слышал, о чем мы говорили?

Старик. Вы приказывали поджечь...

Царь Канчи. Ты мой пленник, ступай в лагерь!

Старик. Эге, видно, они и впрямь решили выполнить то, что задумали.

Царь Канчи. Что ты там бормочешь?

Старик. Я говорю, что тащился через всю страну и больше двигаться не могу. Видно, мой господин прислал слугу, чтобы втащить меня во дворец.

Царь Канчи. Что он — сумасшедший?

Одетый раджой. Мелет какой-то вздор. Ничего не поймешь.

Царь Канчи. Глупцы чтут то, что непонятно. Но со мной хитрить нечего. Я — человек прямой.

Старик. Как будет угодно вашему величеству. Я молчу.

В САДУ, ВЕЛИЗИ ПОКОЕВ РАНИ.

Рохини. В чем дело? Ничего не могу понять.
(К садовникам). Куда вы все так торопитесь?

Первый садовник. Мы уходим из сада.

Рохини. Куда?

Второй садовник. Не знаю. Нас позвал раджа.

Рохини. Но ведь наш раджа в саду. Какой же раджа вас позвал?

Первый садовник. Откуда нам знать?

Второй садовник. Да тот самый раджа, которому мы всегда служим.

Рохини. Вы все уйдете?

Первый садовник. Да, все. Надо спешить, не то нам несдобровать.

Садовники уходят.

Рохини. Что они говорят? Ничего не могу понять... Чего они боятся? Бегут словно звери, покидающие берег реки, который вот-вот рухнет в воду.

Входит царь Кошалы.

Царь Кошалы. Рохини, ты не знаешь, куда ушли твой раджа и царь Канчи?

Рохини. Они где-то здесь в саду.

Царь Кошалы. Что они тут затеяли? Напрасно я доверился царю Канчи. (Уходит.)

Рохини. Что такое происходит с царями? Как бы не случилось чего... Не попасть бы и мне ненароком в беду.

Входит царь Аванти.

Царь Аванти. Рохини, куда ушли все цари?

Рохини. Откуда мне знать? Вот царь Кошалы только что был здесь.

Царь Аванти. Он мне не нужен. Где твой раджа и царь Канчи?

Рохини. Я их давно не видала.

Царь Аванти. Царь Канчи всячески избегает нас. Наверно, задумал что-то. Оставаться здесь опасно. Не знаешь ли, милая, где выход из этого сада?

Рохини. Нет, не знаю.

Царь Аванти. А нельзя ли найти кого-нибудь, кто знает?

Рохини. Садовники все ушли из сада.

Царь Аванти. Почему?

Рохини. Я, право, не поняла их толком. Раджа будто бы велел всем немедленно покинуть сад.

Царь Аванти. Раджа? Какой раджа?

Рохини. Они и сами не знали.

Царь Аванти. Да, дело плохо. Во что бы то ни стало надо найти выход отсюда. Оставаться здесь больше нельзя ни минуты. *(Поспешно уходит.)*

Рохини. Давно я знаю этот сад, но сегодня мне что-то не по себе. Кажется, будто меня связали веревками по рукам и ногам. Надо бежать отсюда, иначе спасения нет. Ах, если бы раджа был здесь! Когда я передавала ему цветы от царицы, он был как-то рассеян... Но с тех пор он без конца осыпает меня подарками. Эта беспричинная щедрость пугает меня все больше!.. Куда в такой поздний час летят стаи птиц? Чего они так испугались? И что случилось с любимицей царицы — ручной антилопой? Куда она помчалась?.. Чопола! Чопола! Ах, она даже не слышит, что я зову ее! Такого еще никогда не бывало!.. Небо вдруг покраснело, как глаза у пьяного. Можно подумать, что в этот неурочный час все вокруг охвачено пламенем вечерней зари. Что за безумие нашло сегодня на создателя?.. Как страшно!.. Где мне найти раджу?

VII

У ВХОДА ВО ДВОРЕЦ РАНИ.

Одетый раджой. Что вы наделали, владыка Канчи?

Царь Канчи. Я хотел, чтобы пожар разгорелся только около дворца. Разве можно было предполагать, что огонь так быстро распространится? Как выйти из этого сада? Говори скорее!

Одетый раджой. Не знаю. Я не вижу никого из тех, кто привел нас сюда.

Царь Канчи. Ведь ты здешний, ты должен знать дорогу.

Одетый раджой. Я никогда не подходил к покоем махарани.

Царь Канчи. Мне нет до этого никакого дела! Ты должен показать дорогу, не то я рассеку тебя надвое.

Одетый раджой. Вы лишите меня жизни, но это не поможет вам найти выход.

Царь Канчи. Тогда зачем тебе нужно было твердить всем, что ты — здешний раджа?

Одетый раджой. Я не раджа, не раджа! *(Бросается на колени и умоляюще складывает руки.)* Где ты, мой раджа? Спаси меня! Я грешен, спаси меня! Я изменник! Накажи меня, только не дай погибнуть!

Царь Канчи. Что толку взывать к пустоте? Лучше употребить эти минуты на поиски выхода.

Одетый раджой. Нет, я останусь лежать здесь. Пусть будет то, что суждено.

Царь Канчи. Этому не бывать! Если я сгорю, то сгорю не один. Ты пойдешь со мной.

Крик за сценой: «Спаси меня, раджа, спаси! Кругом огонь!»

Эй ты, глупец! Поднимись, медлить нельзя!

Входит Шудоршона.

Шудоршона. Раджа, спаси меня! Кругом пламя!

Одетый раджой. Где раджа? Я не раджа.

Шудоршона. Ты не раджа?!

Одетый раджой. Я обманщик, я злодей. *(Швыряет корону на землю.)* Пусть весь мой обман рассыплется прахом!

Уходит вместе с царем Канчи.

Шудоршона. Он не раджа? Так это не раджа?! Тогда ты, о бог огня, поглоти меня! Я отдаю себя в твои руки. О ты, всеочищающий, испепели мой позор, мою страсть!

Рохини *(появляясь)*. Госпожа, куда вы идете? В ваших покоях все охвачено пламенем. Остановитесь!

Шудоршона. Я пойду туда. Пусть в этом огне я найду свою смерть. *(Направляется во дворец.)*

Раджа. Не бойся. Тебе нечего бояться. Огонь не дойдет до этой комнаты.

Шудоршона. Мне не страшно, мне стыдно! Этот стыд точно огонь. Он следует за мной по пятам. Он обжигает мне лицо, глаза, душу.

Раджа. Время потушит его.

Шудоршона. Нет, он никогда не утихнет! Никогда!

Раджа. Не отчаивайся, царица!

Шудоршона. Не буду лгать тебе, раджа. У меня на шее ожерелье другого.

Раджа. Это ожерелье тоже мое. Он украл его из моей комнаты.

Шудоршона. Но ведь он дал его мне. И я не смогла отвергнуть этого дара! Когда со всех сторон ко мне подступил огонь, я вдруг захотела бросить в него ожерелье. Но не смогла... Мое грешное сердце говорило мне: «Погибни с этим ожерельем на шее...» О, в какое пламя я устремилась, как бабочка, чтобы увидеть тебя, мой раджа! Но видишь, мне нет смерти! Открой мне тайну этого пламени!

Раджа. Твое желание исполнилось, ты видела меня сегодня!

Шудоршона. Разве среди этих ужасов хотела я видеть тебя? Что я видела, я не знаю, но только и сейчас у меня содрогается сердце.

Раджа. Каким же ты увидела меня, царица?

Шудоршона. Страшно! О, как страшно! Я боюсь даже вспоминать об этом... Черный!.. Ты совсем черный!.. Я видела тебя только один миг. На твое лицо упал отблеск пламени, и мне показалось, что ты черен, как небо, на котором мелькнула комета... Я тотчас закрыла глаза, не в силах более смотреть на тебя. Ты черен, как грозная туча, черен, как безбрежное море с багрянцем зари на бурных волнах!

Раджа. Я предупреждал тебя. Ни один человек не может вынести моего вида, если заранее не подготовлен к этому. Ему кажется, что перед ним какое-то страшное

чудовище, и он бежит не помня себя. Сколько раз приходилось мне убеждаться в этом! Потому-то я и хотел постепенно подготовить тебя, чтобы ты не испугалась...

Шудоршона. Но беда пришла, и все кончено... Теперь мне трудно представить себе, что я останусь с тобой.

Раджа. Ты успокойся, царица. Червота, так напугавшая тебя сегодня, когда-нибудь будет мила твоему сердцу. Иначе любовь моя была бы напрасной.

(Поет.)

Буду любовью тебя чаровать,
Не красотою.
Дверь я открою не робкой рукою, —
Песней открою.
Я украшений тебе не даю,
Я плетеницы тебе не совью, —
Как ожерельем, шею твою
Украшу любовью одною.
Кто же узнает, какая волна
Пляшет во мне и откуда она! —
Так притяженьем незримым луна
Прилив влечет за собою.

Шудоршона. Нет, это невозможно! Одна твоя любовь ничего не может сделать. А моя любовь... Она теперь отвернулась от тебя. Я опьянена красотой, и это опьянение меня не оставит! Оно словно огнем опалило мне глаза и теперь разжигает мое воображение... Я все рассказала тебе, теперь ты волен наказывать меня.

Раджа. Ты уже наказана.

Шудоршона. Если ты не прогонишь меня, я сама уйду.

Раджа. Попытайся взглянуть на меня.

Шудоршона. Нет, нет! Твой вид ужасен! Моя душа полна злобы к тебе... Что ты со мной сделал?.. Почему ты такой? Зачем мне говорили, что ты прекрасен? Ты черен, черен! И никогда, никогда я не полюблю тебя. Я видела того, которого люблю. Он нежен, как свежее масло, чист, как цветок акации, красив, как творец мира!

Раджа. Он ложен, как мираж, и пуст, как пузырь.

Шудоршона. Пусть так! Но я не могу, я не могу дольше оставаться с тобой. Мне надо уйти отсюда. Я не в силах быть вместе с тобой... Остаться — значит лгать. Душа моя все равно будет стремиться прочь!

Раджа. Ты даже не хочешь попытаться?

Шудоршона. Я делаю все, что в моих силах. Но чем больше я принуждаю себя, тем упорнее сопротивляется мое сердце. Если я останусь с тобой, меня будет терзать сознание того, что я нечиста и неверна. Я хочу уйти подальше отсюда... Уйти так далеко, чтобы тебе не удалось снова настичь меня.

Раджа. Хорошо. Иди куда хочешь.

Шудоршона. Моя решимость слабеет. Почему ты не останавливаешь меня? Почему ты не схватишь меня за волосы? Почему не бьешь? Бей, бей меня!.. Ты ничего не говоришь, и от этого мне еще тяжелее...

Раджа. Ничего не говорю? Кто же тогда говорит с тобой?

Шудоршона. Нет, не так! Не так! Кричи, угрожай! Пусть твой голос грохочет, как раскаты грома! Пусть он заглушит в моих ушах все звуки! Не отпускай меня так легко! Не позволяй мне уйти!

Раджа. Я оставляю тебя. Зачем тебе уходить самой?

Шудоршона. Ах, ты не отпускаешь меня? Тогда я ухожу!

Раджа. Хорошо, иди.

Шудоршона. Тогда знай: я не виновата. Ты мог бы удержать меня силой. Но ты не захотел. Ты не задержал меня. Я ухожу! Прикажи своей страже, пусть меня не останавливают.

Раджа. Тебя никто не задержит. Нельзя остановить гонимое ураганом облако. Не то ли происходит и с тобой?

Шудоршона. Могучая сила влечет меня прочь! Якорь сорван! Быть может, мне суждено погибнуть, но сюда я уже не вернусь. *(Быстро убегает.)*

Входит Шуронгома.

Песня

Грозный, о грозный, ударом срази,
Всели мне в сердце смятенье!
Бедную душу повергни к ногам,
Повергни и жди поклоненья!
В делах вседневных, без перемен,
Тисками я сжата безмолвных стен.
Мне навязал ты, как тяжкий плен,
Наряды и украшенья.
Желанный, скорее приди, приди,
Душу плененную освободи,
Вольный мне путь открой впереди,
Мне улететь — мгновенье!
И добрым окажется твой приговор,
Великодушным ласковый взор,
О чуждый боязни, покоя исполненный! —
Я жду, я жду в нетерпенье.

Шудоршона (*возвращаясь*). Раджа, раджа!

Шуронгома. Он ушел.

Шудоршона. Ушел?.. Хорошо... Значит, он всегда покинул меня? Я вернулась, а его нет! Ну что ж! Прекрасно! Тогда я свободна... Шуронгома, велел он тебе удерживать меня?

Шуронгома. Нет, он ничего не сказал.

Шудоршона. Да и зачем было говорить? Говорить не о чем!.. Значит, я свободна... Шуронгома, я собиралась спросить кое о чем у раджи, но не осмелилась. Скажи, он казнил пленных?

Шуронгома. Казнил? Да наш раджа никогда никого не казнит.

Шудоршона. Что же с ними стало?

Шуронгома. Он отпустил их. Царь Канчи признал себя побежденным и вернулся домой.

Шудоршона. О, я спасена!

Шуронгома. Госпожа, у меня есть просьба к тебе.

Шудоршона. Неужели ты думаешь, я не понимаю, чего ты хочешь. Я отдам тебе все драгоценности,

полученные от раджи. Меня больше не радуют эти украшения.

Шуронгома. Госпожа! Я ничтожная рабыня, зато добрый мой господин наделил меня тем, что дороже любых драгоценностей. Его подарок не такой, какими люди хвастают друг перед другом, а иных украшений мне не надо.

Шудоршона. Чего же тогда ты хочешь?

Шуронгома. Позволь мне пойти с тобой.

Шудоршона. Что ты говоришь? Ты хочешь уйти от своего господина? Опомнись!

Шуронгома. Я не буду от него далеко! Ты попала в беду, значит, он будет рядом.

Шудоршона. Ты говоришь, как безумная. Я хотела взять Рохини, но она не пошла. Ты хочешь идти со мной? Откуда в тебе такая храбрость?

Шуронгома. Во мне нет ни хрибрости, ни мужества. Но все-таки я пойду. И храбрость и мужество придут сами собой.

Шудоршона. Нет, я не могу взять тебя. Твое присутствие будет для меня постоянным укором. Этого мне не вынести.

Шуронгома. Госпожа, я решилась делить с тобой все — и хорошее и плохое. Ты не должна считать меня чужой. Я иду с тобой!

(Поет.)

Тяжесть любви твоей, всех ее зол

Приму без тревог.

Чтобы ты не ранила ног,

Все шипы уберу с дорог.

Где бы по пыли твой гнев ни шел,

Расстелю я одежды подол,

И будет поклон мой глубок.

За тобой понесу твой ашон, —

О, что мне закон!

В какую б ты грязь ни вступила, —

к груди

Прижму я той грязи комок.

Отец Шудоршоны — царь страны Каньякубджа и его министр.

Царь Каньякубджи. Я все узнал еще до ее прихода.

Министр. Царевна ждет за городом, на берегу реки. Прикажете послать людей, чтобы встретить ее с почестями?

Царь Каньякубджи. Эту несчастную?! Она покинула своего супруга, а ты будешь торжественно возвещать о ее позоре? Вот когда стемнеет и на улицах станет тихо, пусть приходит, чтобы никто не видел.

Министр. Прикажете приготовить покои во дворце?

Царь Каньякубджи. Не надо! Она из-за своей прихоти не захотела быть полновластной царицей. Здесь, в моем царском дворце, ее надо заставить работать, как служанку.

Министр. Она будет очень страдать.

Царь Каньякубджи. Я был бы недостоин называться отцом, если бы пытался уберечь ее от страданий.

Министр. Все будет сделано, как прикажете.

Царь Каньякубджи. Пусть никто не знает, что она моя дочь, иначе случится страшное несчастье.

Министр. Какого несчастья вы опасаетесь, махарадж?

Царь Каньякубджи. Когда женщина сбивается с истинного пути, она приносит в семью ужасные беды. Ты даже не представляешь себе, как я боюсь теперь своей дочери! Несчастье следует за ней по пятам.

ЖЕНСКАЯ ПОЛОВИНА ДВОРЦА.

Шудоршона. Уходи, уходи прочь, Шуронгома! Во мне пылает гнев: я никого не могу видеть спокойно. А ты всегда такая сдержанная. Это только раздражает меня.

Шуронгома. На кого ты сердишься, госпожа?

Шудоршона. Я и сама не знаю. Но я жажду гибели. Пусть все погибнет. Я без колебаний оставила дворец, где была полновластной царицей. Неужели только

затем, чтобы подметать здесь комнаты и прятаться по углам? Неужели не вспыхнут факелы? Неужели не задрожит земля? Неужели мое падение прошло так же незаметно, как опадает увядший цветок жасмина? Неужели я даже не падающая звезда, что рассекает небо огненной полосой?

Шуронгома. Лес глеет и дымится, пока его не охватит пламя.

Шудоршона. Я отказалась от славы царицы и ушла. Так неужели здесь нет ни одного человека, которому я была бы нужна... Одна! Совсем одна!.. Неужели никто не оценит моей жертвы и не сделает ни шага мне навстречу?

Шуронгома. Ты не одна.

Шудоршона. Шуронгома, скажу тебе правду: я не могу сердиться на него за то, что он поджег дворец, чтобы увезти меня. В глубине души я трепетала от счастья. Какое необыкновенное преступление! Какая удивительная смелость! Она пробудила решимость во мне! Радость, охватившая меня, помогла мне бросить всё и уйти. Неужели это было только игрой моего воображения? Почему теперь он не дает о себе знать?

Шуронгома. Тот, о ком ты думаешь, не поджигал дворца. Это дело рук царя Канчи.

Шудоршона. Трус! Трус! Так красив и так ничтожен! Зачем я обманывала себя ради него, недостойного? О стыд! О позор!.. Скажи, Шуронгома, разве не следовало твоему радже взять меня отсюда?.. Ты думаешь, мне захотелось вернуться?.. Нет, никогда! Если б раджа и пришел, я все равно не вернулась бы. Ведь в тот день он и не подумал меня удержать. Все двери были раскрыты настежь... А пыльная дорога, по которой я шла, не ведала, что по ней идет царица!.. Она такая же бесчувственная, как твой раджа!.. Для нее все одинаковы: и жалкий нищий, и я, царица! Ты молчишь? Скажи, хорошо ли поступил твой раджа?

Шуронгома. Все знают, что мой раджа суров и беспощаден. Никто никогда не мог поколебать его решимости.

Шудоршона. Зачем же ты призываешь его и ночью и днем?

Шуронгома. Пусть он останется навек непреклонным, как скала! Пусть его никогда не тронут мои моль-

бы и слезы! Пусть мое горе останется только моим!
Да будет славен он, грозный повелитель!

Шудоршона. Смотри, Шуронгома, вон там, на востоке, за полями, поднялось облако пыли?

Шуронгома. Да, вижу.

Шудоршона. Смотри, смотри, как будто знамя развевается над колесницей. Правда?

Шуронгома. Да, я тоже вижу знамя!

Шудоршона. Это он, это он приехал!

Шуронгома. Кто — он?

Шудоршона. Неужели ты не догадываешься? Твой раджа, конечно! Разве он может жить без меня? Удивительно еще, почему он так долго медлил!

Шуронгома. Нет, это не мой раджа.

Шудоршона. Конечно, что ты можешь сказать? Послушать тебя, так ты все знаешь! Ты говоришь, что твой раджа очень жесток? И ничто не трогает его? Посмотрим! Я знала, что он придет. Запомни, Шуронгома: я не звала его! И ты увидишь, как твой раджа будет просить, чтобы я простила его! А теперь иди, разузнай все и возвращайся обратно.

Шуронгома уходит.

Идти ли мне с ним, если он попросит меня вернуться?.. Нет! Конечно, нет! Я не пойду! Никогда!

Входит Шуронгома.

Шуронгома. Госпожа, это не мой повелитель.

Шудоршона. Не раджа? Это правда?.. Так он не приехал за мной!

Шуронгома. Мой раджа не появляется в клубах пыли. Его приближения никто не заметит.

Шудоршона. Тогда это...

Шуронгома. Да, это тот самый... И царь Канчи с ним.

Шудоршона. Как его зовут, ты знаешь?

Шуронгома. Шуборно.

Шудоршона. Так это он!.. Мне казалось, я здесь никому не нужна. Меня выбросили, словно мусор. Но все-таки мой герой идет, чтобы спасти меня! А ты знаешь Шуборно?

Шуронгома. Когда я жила в доме отца, то среди игроков в кости он...

Шудоршона. Нет, нет! Я ничего не хочу слышать о нем от тебя. Он мой герой, мой спаситель! Я сама узнаю все о нем... Ну, а что ты скажешь, Шуронгома, о своем радже? Даже от такого унижения он не пришел избавить меня! Ты больше не смеешь меня осуждать. Я не могу ждать его здесь всю жизнь и быть рабыней! Я никогда не буду покорной, как ты. Признайся: ты очень любишь своего раджу?

Шуронгома
(поет)

Я только твоя раба.

О любви не скажу... я слаба...

Если б достоинства

меня отличали,

Верно, и люди бы

меня примечали...

У ног твоих рабствовать

за деньги не купленной — моя судьба...

XI

ЛАГЕРЬ.

Царь Канчи (к посланцу царя Каньякубджи). Иди к своему радже и скажи, что мы пришли к нему не в гости. Мы держим путь к себе домой и задержались здесь только затем, чтобы освободить Шудоршону из неволи.

Посланец. Не забывайте, махарадж, — дочь царя находится в доме своего отца.

Царь Канчи. Отчий дом — убежище для девушки лишь до тех пор, пока она не выдана замуж.

Посланец. Но она пользуется покровительством супруга.

Царь Канчи. Она порвала узы брака.

Посланец. От этих уз нельзя освободиться до самой смерти. Они слабеют порой, но совсем разорваться не могут.

Царь Канчи. Ну что ж, тогда мы будем говорить по-иному. Да будет тебе известно, что ее супруг сам пришел за ней. (К Шуборно). Ваше величество!

Шуборно. Что случилось, махарадж?

Царь Канчи. Вы согласны с тем, чтобы ваша царственная супруга была рабыней в отцовском доме?

Шуборно. Я не такой подлец, чтобы допустить это!

Посланец. Но почему вы не хотите воспользоваться гостеприимством в царском дворце?

Царь Канчи. Ваше величество!

Шуборно. Что, махарадж?

Царь Канчи. Согласны вы получить царицу в дар, как милостыню?

Шуборно. Могу ли я когда-нибудь унизиться до этого?

Посланец. Чего же вы тогда хотите?

Царь Канчи. Сказать ему?

Шуборно. Да, конечно! И чтобы он понял!

Царь Канчи. Если царь не отдаст свою дочь по доброй воле, то мы уведем ее силой, как повелевает долг кшатрия! Вот мое последнее слово!

Посланец. Махарадж, наш царь тоже следует этому долгу. Одни лишь дерзкие речи не заставят его добровольно отдать дочь.

Царь Канчи. Иди к своему царю и скажи, что я был готов к такому ответу.

Посланец уходит.

Шуборно. Это уж слишком смело, царь Канчи!

Царь Канчи. Ну, а тогда лучше и вовсе не браться за дело.

Шуборно. Конечно, царя Каньякубджи можно и не бояться, но...

Царь Канчи. Если бояться всяких «но», то вряд ли найдешь в целом свете хоть одно безопасное место.

Шуборно. Поверьте мне, ваше величество, это «но» пока не дает себя знать, но нам не уйти от него подобра-порядку.

Царь Канчи. Ты трусишь, вот тебе и мерещатся всякие «но».

Шуборно. Да вы вспомните, что случилось в саду! Действовали вы тогда, кажется, со всеми предосторожностями, а все-таки откуда-то взялось это «но». Ведь он тоже царь! Мы думали, что можно с ним не считаться, да не вышло.

Царь Канчи. Ты от страха совсем потерял рассудок, вот и приходит тебе в голову невесть что. Ведь тогда все произошло случайно.

Шуборно. Вы говорите — случайно, а я думаю — это как раз то самое «но». Хорошо еще, что мы избежали ббльшей беды.

Входит воин.

Воин. Ваше величество, сюда подходят царь Кошалы, царь Аванти и царь Калинги со своими войсками. *(Уходит.)*

Царь Канчи. Вот этого я и опасался! Слух о бегстве Шудоршоны разнесся повсюду. Как соберутся все, начнется драка, и каждый останется ни с чем.

Шуборно. Ничего не поделаешь, ваше величество. Но уж конечно, тут что-то неладно. Я уверен, что не кто иной, как сам раджа, велел разгласить это известие.

Царь Канчи. Зачем? Какая ему от этого польза?

Шуборно. Алчные перебьют друг друга в общей свалке, а он тем временем возьмет и увезет свое сокровище.

Царь Канчи. Теперь я понимаю, почему ваш раджа не показывается. Он хитрит, рассчитывая нагнать на всех страх! Но я все-таки и сейчас заявляю, что ваш раджа — это один обман.

Шуборно. Ваше величество, отпустите меня!

Царь Канчи. Отпустить я тебя не могу. Ты еще понадобишься мне в этом деле.

Входит воин.

Воин. Ваше величество! Прибыли цари Вираты, Панчалы и Видарбхи. Они стали лагерем по ту сторону реки. *(Уходит.)*

Царь Канчи. Будем действовать поначалу все вместе. Прежде всего надо разбить царя Каньякубджи, а потом посмотрим.

Шуборно. Не впутывайте меня в ваши замыслы! Я жалкое, ничтожное существо... Чего вы от меня...

Царь Канчи. Послушай ты, плут! Средства к достижению цели всегда ничтожны. Ведь и лестницу и дорогу — мы попираем ногами. Когда средства слишком благородные, применять их приходится осмотрительно. Использовать подобных тебе удобнее, по крайней мере не надо хитрить. А вот если бы я стал советоваться со своим министром, мне пришлось бы назвать грабеж благодеянием.

Шуборно. Но ведь министр все равно понял бы, о чем идет речь?

Царь Канчи. Ну, если бы он этого не понял, то был бы у меня не министром, а пастухом... Итак, теперь я начинаю двигать царями, как пешками на шахматной доске. Ведь если все будут ходить как короли, игра не состоится.

ХП

ЖЕНСКАЯ ПОЛОВИНА ДВОРЦА.

Шудоршона. Сражение все еще продолжается?

Шуронгома. Да.

Шудоршона. Перед тем, как отправиться в бой, отец сказал мне: «Ты ушла от одного, а привела за собой семерых. Тебя стоило бы разрубить на семь кусков и поделить между ними!» Пусть бы он так и сделал! Это был бы самый лучший выход... Шуронгома!

Шуронгома. Что, царица?

Шудоршона. Если бы твой раджа мог защитить меня, он не был бы теперь так безучастен. Правда?

Шуронгома. Зачем ты, госпожа, говоришь мне об этом? Разве я должна отвечать за поступки раджи? Если он захочет ответить, то сделает это сам и достаточно ясно. А если не ответит, то нечего и говорить об этом. Я знаю, что я бестолкова. Потому и не решаюсь никогда судить о нем.

Шудоршона. А кто участвует в сражении?

Шуронгома. Все семь царей.

Шудоршона. А еще кто?

Шуронгома. Шуборно хотел тайком убежать до начала боя, но царь Канчи схватил его и как пленника держит в своем лагере.

Шудоршона. Лучше бы мне умереть! О раджа, раджа! Если бы ты пришел помочь моему отцу, твоя слава стала бы во сто крат больше! Почему он должен нести наказание за мой поступок?

Шуронгома. Никто не одинок в этом мире, госпожа. Все доброе и злое людям приходится делить между собой. Чего же тебе бояться?

Шудоршона. Знаешь, Шуронгома, с тех пор, как мы здесь, мне часто казалось, будто под моим окном кто-то играет на вине.

Шуронгома. Что ж такого? Может быть, и вправду кто-нибудь играет.

Шудоршона. Там внизу темная чаша. Сколько я ни вглядывалась в нее, как ни пыталась что-нибудь разглядеть, так ничего и не могла увидеть.

Шуронгома. Наверно, какой-нибудь прохожий отдыхает в тени и играет.

Шудоршона. Возможно. Но я вспоминаю свое окно во дворце. По вечерам, надев на себя наряды, я подходила к окну и стояла там, а из непроницаемого мрака нашей уединенной опочивальни неслись ко мне все новые и новые мелодии и песни. Они взмывали вверх, подобно струям фонтана, сплетались, вели меж собой причудливую игру и, рассыпаясь, замирали... Откуда, из какой тьмы исходили эти песни? В какую тьму звали они меня за собой?

Шуронгома. О царица, я помню этот мрак! Не я ли так верно служила ему?

Шудоршона. Почему же ты ушла оттуда и пошла со мной?

Шуронгома. Мой раджа придет и возьмет нас обратно, чтобы я снова служила ему.

Шудоршона. Нет, нет! Он не придет! Он оставил нас навсегда. И он прав. Разве мало я провинилась перед ним?

Шуронгома. Если он способен оставить нас, он нам не нужен. Тогда я поверю, что его нет, что наша

темная комната пуста, что в ней никогда не звучали струны вины и никто не звал никого, что все это был обман.

Входит привратник.

Шудоршона. Кто ты такой?

Привратник. Я здешний привратник.

Шудоршона. Что случилось? Говори скорее!

Привратник. Наш махарадж взят в плен.

Шудоршона. В плен?.. О мать-земля!.. *(Падает без чувств.)*

хш

Плененный царь Каньякубджи, другие цари и Шуборно.

Царь Канчи. Итак, с боевыми делами теперь покончено, не правда ли?

Царь Калинги. Покончено? Нет! Прежде чем удостоиться награды за геройство, его придется еще раз доказать на деле.

Царь Канчи. Мы пришли сюда добывать свадебную гирлянду, махарадж, а не гирлянду воинской славы.

Царь Видарбхи. Эту гирлянду предстоит получить из рук богини победы? Не так ли?

Царь Канчи. Нет, махарадж. Ее плетет на женской половине дворца бог любви из своих благоуханных стрел. Если этой гирлянды коснуться окровавленными руками, все цветы рассыплются в прах.

Царь Калинги. Однако, махарадж, каким образом владыка пяти стрел сумеет удовлетворить наши требования? Ведь нас здесь семеро!

Царь Канчи. Ну, так ведь требования семерых не сможет удовлетворить даже Дурга, богиня войны.

Царь Кошалы. Что ты предлагаешь, царь Канчи? Говори прямо.

Царь Канчи. А вот что. Кому на шею царская дочь наденет гирлянду, когда мы соберемся на сваямвару, тому и достанется этот плод весны.

Царь Видарбхи. Превосходно. Я согласен.

Все. И мы тоже.

Царь Каньякубджи. Цари, убейте меня! Или дайте мне оружие и выходите вперед: я вызываю каждого из вас на поединок. Лучше умереть, чем быть свидетелем такого позора!

Царь Канчи. Ваша дочь покинула дом мужа. Опозорить вас больше, чем она, мы не можем. В нашем решении она увидит уважение к себе.

Царь Кошалы. Нужно определить благоприятный день и час для сваямвары.

Царь Канчи. Правильно.

Царь Видарбхи. Необходимо поскорее заняться приготовлениями.

Царь Канчи. Царь Калинги, не забудьте, охрана пленника поручается вам.

Все цари, кроме царя Канчи, уходят.

Царь Канчи. Эй, самозванец!

Шуборно. Что прикажете?

Царь Канчи. Теперь великие герои пусть удалятся. Настало время пускать в ход павлина.

Шуборно. Я не совсем понимаю, что хочет сказать махарадж.

Царь Канчи. Ты сядешь возле меня и будешь держать надо мною зонт.

Шуборно. Слуга ваш готов на все. Но зачем это нужно его величеству?

Царь Канчи. Я вижу, Шуборно, у тебя совсем мало ума, а потому недостает и уверенности. Ты до сих пор не понял, какие взоры бросала на тебя царица Шудоршона. Правда, в присутствии царей она ни за что не решится надеть гирлянду на шею слуге, держащему зонт. Однако и отойти у нее не хватит духу. Так что, судя по всему, свадебная гирлянда окажется под сенью моего царского зонта.

Шуборно. Ваше величество! Это очень опасно! Зачем вы хотите использовать меня в своих ужасных замыслах? Умоляю вас, не впутывайте меня в эти сети обмана и горя! Отпустите меня!

Царь Канчи. Как только дело будет сделано, я сразу же отпущу тебя, не задержу ни минуты. Достигнув цели, люди ведь не вспоминают о средствах.

Шудоршона и Шуронгома.

Шудоршона. Итак, я должна идти в собрание царей? Неужели нельзя как-нибудь иначе спасти моего отца?

Шуронгома. Нет, так сказал царь Канчи.

Шудоршона. Разве такие слова достойны царя? Он сам это сказал?

Шуронгома. Нет, их передал его посланец Шуборно.

Шудоршона. О! Позор, позор мне!

Шуронгома. Он дал мне несколько засохших цветов и сказал: «Передай своей госпоже, что чем печальнее становятся эти увядшие цветы — память о празднике весны, тем пышнее расцветают надежды в моем сердце».

Шудоршона. Замолчи, замолчи! Не мучь меня больше!

Шуронгома. Смотри, все цари уже собрались. Тот, у которого нет никаких украшений, кроме гирлянды из цветов, надетой на корону, — это царь Канчи. Шуборно стоит за ним и держит зонт.

Шудоршона. Это Шуборно? Ты уверена?

Шуронгома. Да, госпожа. Я не ошиблась.

Шудоршона. Неужели это его я видела в тот самый день? Нет, нет! Я видела кого-то другого, слитого из света и тьмы, ветра и благоухания. Это не он, не он!

Шуронгома. Однако все говорят, что он очень красив.

Шудоршона. Неужели его красота заставила меня забыть обо всем? Чем мне омыть свои грешные глаза, чтобы они перестали видеть недостойное?

Шуронгома. Тебе нужно омыть их в черном мраке, где царит красота моего раджи, затмевающая красоту всех других. Тогда с глаз твоих спадет пелена.

Шудоршона. Но скажи, Шуронгома, почему люди так заблуждаются?

Шуронгома. Чтобы потом яснее увидеть свои ошибки.

Привратник *(появляясь)*. Цари собрались на сваямвару. *(Уходит.)*

Ш у д о р ш о н а. Шуронгома, принеси мне покрывало.

Шуронгома уходит.

Раджа, о мой раджа! Ты покинул меня и ты был прав! Но неужели ты не узнаешь, как страдает моя душа? *(Вынимает кинжал, спрятанный на груди.)* Тело мое опозорено — и сегодня на глазах у всех я уничтожу его. Но сердце мое не запятнано! И неужели я не смогу доказать тебе это, раскрыв грудь ударом кинжала? В моем сердце теперь опустела та темная комната, где ты встречался со мной. Больше никто не открывал в ней дверь, о мой владыка! Неужели ты не придешь открыть ее вновь? Неужели у дверей ее больше не зазвучит твоя вина?.. Тогда пусть приходит смерть! Она черна и прекрасна, как ты. Она, как и ты, может овладевать душой.

(Поет.)

Во тьме бездонной своей вечную тьму утопи!

О тьмы властелин!

Беспросветный, на наше побережье вступи,

Мне в душу спустись до глубин!

Пусть плоть и душа растворятся, как тени,

О тьмы властелин!

Ты поток колебаний, стремлений, мучений

Остановишь один.

Бури сердца к опале меня привязали,

О тьмы властелин!

Ты к себе привяжи мою утлую лодку,

Что не знает пучин.

О любимый, бесценный, о ни с кем не сравненный,

О тьмы властелин!

В высший миг разрешенья, отрешась, да не сгину

Среди пучин.

xv

Цари, собравшиеся на сваямвару.

Царь В и д а р б х и. Эй, царь Канчи, где твои украшения?

Царь К а н ч и. Зачем они, если у меня нет никакой надежды? Неудача постыднее, когда блистают нарядами.

Царь Калинги. Зато, я вижу, твой слуга с зонтом усыпан драгоценностями.

Царь Вираты. Царь Канчи хочет показать, как ничтожно внешнее великолепие: в нем столько пышности, что любые украшения совершенно излишни.

Царь Кошалы. А я разгадал его хитрость. Ему хочется доказать, что он благороднее всех нас, и потому он делает вид, что отвергает украшения.

Царь Панчалы. Вы думаете, он поступает мудро? Ведь всем известно, что женские глаза — это мотыльки. Они стремглав летят на блеск драгоценностей.

Царь Калинги. Долго ли нам еще ждать?

Царь Канчи. Не торопись, царь Калинги. Плод всегда бывает слаще, если ему дать время созреть.

Царь Калинги. Если б я точно знал, что плод достанется мне, то мог бы и подождать. Однако я не надеюсь отведать его, поэтому мне и не терпится хотя бы взглянуть.

Царь Канчи. Ты еще очень молод. В твоем возрасте утраченная надежда возвращается вновь, словно бесстыдная женщина. У нас эти дни далеко позади.

Царь Калинги. Однако благоприятный момент проходит...

Царь Канчи. Не беспокойся. Благоприятствующие светила не прочь увидеть редкое зрелище. Если бы неблагоприятствующие светила были поумнее, они бы тоже не отказались посмотреть на красивую женщину.

Царь Видарбхи. Царь Вираты, когда вы тронулись в путь?

Царь Вираты. Я дождался благоприятного часа. Мой астролог предсказывал, что путешествие будет удачным.

Царь Панчалы. Да, нам всем сопутствовали благоприятные предзнаменования. Но ведь вероломная судьба не может наградить всех одинаково.

Царь Кошалы. А может, это и к лучшему, если награда не достанется мне?

Царь Канчи. Что ты говоришь, царь Кошалы? Зачем падать духом? Нужно ли было так стараться, чтобы теперь отказываться от награды?

Царь Кошалы. А почему бы и нет? Нужно сна-

чала пожелать, чтобы потом отказаться. Царь Канчи! Все кругом задрожало!! Уж не землетрясение ли?!

Царь Канчи. Землетрясение?.. Возможно.

Царь Видарбхи. А может, это подходит еще какой-нибудь царь с войском?

Царь Калинги. Возможно. Но тогда явился бы раньше гонец.

Царь Видарбхи. Мне думается — это дурное предзнаменование.

Царь Канчи. От страха все предзнаменования начинают казаться дурными.

Царь Видарбхи. Я боюсь невидимок. Тут и геройство не поможет.

Царь Панчалы. Царь Видарбхи, не омрачай своими страхами радостные события сегодняшнего дня.

Царь Канчи. Когда невидимое становится видимым, его можно понять.

Царь Видарбхи. Но тогда может быть уже поздно... Мне кажется, будто кто-то...

Царь Канчи. Довольно этих «будто» и «кто-то»! Мы сами их создаем, и они губят нас.

Царь Калинги. Не музыка ли звучит там вдали?

Царь Панчалы. Да, кажется, музыка...

Царь Канчи. Тогда это, конечно, царица Шудоршона. Наконец-то судьба вознаграждает нас. Это ее шаги!.. *(Вполголоса.)* Да не трусь ты, Шуборно, и не прячься за меня! Смотри, мой царский зонт дрожит у тебя в руках!

Входит старик, одетый воином.

Царь Калинги. Кто это?.. Ты кто такой?

Царь Панчалы. Кто осмеливается войти самовольно?

Царь Вираты. Какая дерзость! Царь Калинги, останови его!

Царь Калинги. Вы старше меня. Мне не подобает опережать вас.

Царь Видарбхи. Послушаем, что он скажет!

Старик. Раджа прибыл.

Царь Видарбхи *(испуганно)*. Раджа?

Царь Панчалы. Что за раджа?

Царь Калинги. Откуда он?

Старик. Мой раджа.

Царь Вираты. Твой раджа?

Царь Калинги. Кто?

Царь Кошалы. Кто он такой?

Старик. Вы все хорошо знаете, кто он. Он пришел.

Царь Видарбхи. Пришел?

Царь Кошалы. Что он хочет?

Старик. Он зовет вас.

Царь Канчи. Он зовет нас! Неужели? Куда же он нас зовет?

Старик. Вы можете воспользоваться его приглашением, как вам угодно — он готов принять любого из вас.

Царь Вираты. А сам-то ты кто?

Старик. Я один из его военачальников.

Царь Канчи. Военачальник? Лжешь! Ты пришел запугать нас. Думаешь, я не узнал тебя в этом наряде? Я прекрасно знаю тебя! Какой же ты военачальник?!

Старик. Вы признали меня? Есть ли на свете более недостойный человек, чем я, не так ли? И все-таки он выбрал сегодня меня, одел полководцем и послал сюда — к великим и славным героям.

Царь Канчи. Хорошо. Мы с подобающим почетом ответим на приглашение. Однако сейчас у нас важное дело. Твоему радже придется подождать, пока мы не освободимся.

Старик. Когда он зовет, то ждать не любит.

Царь Кошалы. Я принимаю его приглашение. Я иду сейчас же.

Царь Видарбхи. Царь Канчи, мне кажется, не следует заставлять его ждать. Я тоже иду.

Царь Калинги. Вы старше меня, я следую за вами.

Царь Панчалы. Оглянись назад, царь Канчи! Твой царский зонт валяется в пыли. Ты даже не заметил, как убежал твой слуга!

Царь Канчи. Прекрасно. Я тоже иду, но только не беседовать с ним, а сражаться!

Старик. Вы встретитесь с моим господином на поле битвы. Это тоже достойное место для встречи.

Царь Вираты. Подождите! Может быть, мы все бежим от воображаемой опасности? Пожалуй, в конце концов единственным победителем окажется царь Канчи!

Царь Панчалы. Возможно. Когда награда так близка, глупо пугаться и отказываться от нее.

Царь Калинги. Лучше следовать за царем Канчи! Раз он так смел, то уж, конечно, все обдумал как следует.

XVI

Шудоршона и Шуронгома.

Шудоршона. Битва кончилась. Когда же придет мой раджа?

Шуронгома. Не знаю. Я тоже жду его.

Шудоршона. Шуронгома, мое сердце так трепещет от радости, что мне даже больно. Но я сгораю от стыда... Как я покажусь ему на глаза?

Шуронгома. Иди к нему и скажи, что ты права, — тогда и стыд пропадет.

Шудоршона. Да, конечно, я должна согласиться, что навеки потерпела поражение. Но ведь я столько времени гордилась и требовала самого почтительного отношения к себе! Мне трудно отказаться от этого сразу. Все говорили о моей необычайной красоте, о моих достоинствах, о том, что раджа безгранично предан мне. Как я теперь склонюсь перед ним? Какой стыд!

Шуронгома. Чувство стыда не исчезнет, пока душой твоей владеет гордость.

Шудоршона. Но я не в силах лишить себя радости видеть его преданность мне.

Шуронгома. Все это пройдет, мать-царица! Останется только одно желание: покориться ему.

Шудоршона. О, я так хочу вернуться в ту темную комнату! Погрузить себя всю в глубину ее мрака, где ничего не видно, не слышно, где душу покидают желания! Шуронгома, благослови меня, чтобы...

Шуронгома. Подумай, что ты говоришь! Как я могу благословить?..

Шудоршона. Тогда я поклонюсь людям и попрошу благословения у них. Все говорили, что ни к кому мой раджа не был так милостив, как ко мне. Я знала это и все-таки осмелилась жестоко обидеть его. А теперь мне стыдно признать свою вину. Мое сердце словно окаменело! Мне

нужно пересилить этот стыд. Настал день, когда я должна смиренно склониться перед целым светом. Но где же раджа? Почему он не идет за мной? Чего он еще ждет?

Шуронгома. Ведь я говорила, что мой раджа суров. Очень суров!

Шудоршона. Иди, Шуронгома, узнай, где он.

Шуронгома. Я не знаю, куда идти. Я послала за стариком. Может быть, мы узнаем что-нибудь от него.

Входит старик.

Шудоршона. Я слышала, ты друг моего раджи. Прими мой поклон и благослови меня.

Старик. Что ты делаешь, царица! Не привык я, чтобы мне кланялись. А дружен я со всеми, потому что всегда весел.

Шудоршона. Тогда улыбнись мне и поделись хорошими вестями. Скажи, когда мой раджа придет за мной?

Старик. Ты задала трудный вопрос. Не мне судить о делах моего друга. Что я еще могу ответить на это? Сражение кончилось, а куда он ушел — не знаю.

Шудоршона. Он ушел?

Старик. Да.

Шудоршона. Ушел?.. Вот каковы у тебя друзья!

Старик. Все осуждают и порицают его. Но мой раджа не обращает на это внимание.

Шудоршона. Так он ушел? Жестокий! Какой жестокий! Он тверд, как камень, как алмаз! Его прикосновение ранит и разрывает мне грудь, а ему все равно! Отец, как ты можешь называть его своим другом?

Старик. Я познал его в горе и в радости. Теперь он не может заставить меня страдать.

Шудоршона. А мне он позволит узнать себя?

Старик. Да, конечно. Иначе зачем бы ему причинять тебе столько страданий. Он не простой человек. Он не оставит тебя в покое, пока ты не узнаешь его как следует.

Шудоршона. Хорошо, хорошо. Посмотрим, как далеко простирается его жестокость. Я сяду здесь у окна. Буду молчать и не сдвинусь с места. Посмотрим, придет он или нет!

Старик. Сестра, пока ты молода, ты еще можешь поупрямиться. А для меня каждый миг — большая

потеря. Я пойду искать его, хоть и не уверен, что найду.
(Уходит.)

Шуронгома. Мне он не нужен, совсем не нужен. Слышишь, Шуронгома, мне твой раджа не нужен! Ради чего он приходил и сражался? Значит, совсем не из-за меня? Только чтоб показать свою отвагу?

Шуронгома. Если бы он хотел показать лишь свою отвагу, то сделал бы это так, что ни у кого не осталось бы никаких сомнений. Но этого не случилось.

Шуронгома. Уходи отсюда, уходи! Я не могу больше слушать тебя! Он меня так унизил, и ему все еще мало?.. Бросил меня здесь одну, а сам ушел!

хvii

Толпа горожан.

Первый. Эх, жаль! Думали, будет на что посмотреть: столько царей собралось, битву затеяли... А вот на тебе: даже и понять нельзя, что случилось!

Второй. Не видел разве, какая перебранка между ними разгорелась? Никто никому не уступал.

Третий. Да, никакого согласия меж ними не было. Один говорил, что надо наступать, другому казалось, что лучше отступать, и каждый шел, куда хотел. Разве это сражение?

Первый. Они вовсе и не думали о сражении. Они выслеживали друг друга.

Второй. У каждого на уме было одно: «Если я погибну, то награда достанется другому».

Третий. Но все-таки надо признать, что царь Канчи сражался храбро.

Первый. Даже побежденный, он не хотел сдаваться.

Второй. В конце концов его сразили копьем в грудь.

Третий. Он и не замечал, что отступает.

Первый. Другие цари бросили его одного и разбежались кто куда.

Второй. А я слышал, что царь Канчи все-таки не убит.

Третий. Это верно. Он выжил. Но рубец на груди до конца жизни будет напоминать ему о поражении.

Первый. Никто из раджей не сумел удрать — все попали в плен! Что теперь с ними будет?

Второй. Я слышал, что наказали их всех, кроме царя Канчи. Судья посадил его по правую руку от себя и сам возложил ему на голову царскую корону.

Третий. Это уж совсем непонятно!

Второй. Какое-то странное правосудие!

Первый. Верно! Ведь во всем виноват этот царь Канчи. Не то что другие цари. Теми владели только жадность и страх, вот они и кидались то вперед, то назад.

Третий. Как же так? Отрубили тигру хвост и выпустили на волю!

Второй. Будь я на месте судьи, царю Канчи не удалось бы отделаться так легко. Уж поверьте мне: от него и мокрого места не осталось бы!

Третий. Где нам понять таких важных судей? Они и думают-то не так, как мы!

Первый. Да полно тебе! Думают ли они вообще? Они везде чинят произвол. А мы и пикнуть не смеем.

Второй. Да, брат, вот если бы власть была у нас в руках, мы бы правили страной куда лучше!

Третий. Что и говорить!

ХVIII

ДОРОГА.

Старик и царь Канчи.

Старик. Царь Канчи, ты здесь?

Царь Канчи. Твой царь послал меня на дорогу.

Старик. Такой уж у него обычай.

Царь Канчи. А теперь его больше нигде не видно.

Старик. Это тоже одна из его шуток.

Царь Канчи. Но долго ли еще он будет избегать меня? Когда я не хотел признавать его царем, он откуда-то налетел на меня, как ураганный вихрь, и в один миг порвал и разметал в прах мои знамена. Теперь я брожу по дорогам и ищу его, чтобы признать свое поражение, а его нигде нет.

Старик. Каким бы великим царем он ни был, он

сам склонится перед тем, кто просит о милости. А почему ты вышел ночью, царь?

Царь Канчи. Я еще не могу побороть стыд. Ведь люди будут смеяться, если увидят, как царь Канчи, обратив корону в чашу нищего, ходит по дорогам и разыскивает храм твоего царя.

Старик. Да, люди таковы. Обезьяны смеются даже над тем, над чем следует плакать.

Царь Канчи. А что случилось с тобой, почтенный старец? Тогда, в праздник, ты веселился вместе с юношами. Но теперь я не вижу тех, кто ходил за тобой следом.

Старик. Моих веселых друзей? Они все погибли в сражении.

Царь Канчи. Погибли?

Старик. Да. Они сказали мне: «Отец, мы ничего не понимаем из того, что говорят ученые люди. Мы не умеем даже подпевать твоим песням. Единственное, что мы можем — это умереть. Возьми нас в сражение, пусть и наша жизнь обретет смысл». И как сказали, так и сделали! Они встали впереди всех и первыми расстались с жизнью.

Царь Канчи. Они избрали прямой путь и опередили всех мудрецов. Это так. Только будут ли снова собираться дети на веселые игры?

Старик. Нынешний праздник весны праздновали всюду. И мне пришлось побывать везде. Сады сделались совершенно красными, да и на поле битвы было немало красного. Но все это прошло. Нам опять надо пускаться в дальний путь. Я вышел нынче с большой свитой, как южный ветер, чтобы вытащить на улицу домоседов. Запоем же, брат! Запоем песню, пусть она стучится в их двери!

(Поет.)

Проснулась весна, у двери весна,—
Жизнью своей, с ее страхом гнетущим,
Весны не волнуй, пуглива она.
Лотос души раскрой, о, раскрой!
«Свое» и «чужое» забудь весной!
В воздухе, нежно поющем,
Благоуханья разлей волной,
На мир видений, мир заблуждений
Любви да расстелется пелена!

Боль иступленья, тоски без сна,
В купах древесных слышна.
Земля заждалась. Она в лучшее рядится,
В небо глядит, заботы полна.
В душу струится мне ветер южный,
Рукою стучится, как нищий недужный.
Ночь, благовоньями изумлена,—
У чьих-то ног, под сенью жемчужной.
К кому же, любимая, необычайная,
Мольба твоя тайная обращена?

ХІХ

ДОРОГА.

Шудоршона и Шуронгома.

Шудоршона. Я спасена, Шуронгома, я спасена! Стоило мне признать свою неправоту — и вот я чувствую, что спасена! Увы, как упряма гордость! Ничто не могло сломить ее. Почему он должен был первым прийти ко мне? Ты помнишь, ведь я и не думала о том, чтобы самой пойти к нему! Всю ночь я лежала в пыли у окна и плакала. Завывания южного ветра перекликались со стонами моего сердца, и крошечная тьма без усталости зывала ко мне — казалось, это рыдала сама темнота!

Шуронгома. Да, вчерашняя ночь тянулась без конца. Словно ей не хотелось уходить.

Шудоршона. И в то же время — ты не поверишь, Шуронгома, — мне то и дело казалось, что откуда-то доносится мелодия его вѣны. Как может он, жестокий, извлекать своей тяжелой рукой такие нежные звуки? О моем позоре известно всему свету, но только одно мое сердце той ночью слышало эту мелодию! А ты, Шуронгома, слышала, как звучала вина?.. Нет? Значит, мне это пригрезилось?

Шуронгома. Я не отходила ни на шаг от тебя, чтобы услышать ее! Я ждала — не зазвучит ли та мелодия, которая унесет твою гордость.

Шудоршона. Он остался верен себе: вывел меня на дорогу и оставил одну. Я скажу, когда встречу с ним: «Вот я пришла, я не ждала твоего прихода». Скажу:

«Я шла, заливаясь слезами. Я прошла трудный путь и горжусь этим!»

Шуронгома. Гордость твоя тоже будет недолгой. Он пришел к тебе раньше, чем ты к нему, иначе кто бы вывел тебя на дорогу?

Шудоршона. Ты права. Я чувствовала, что это так, но поверить не могла. Пока я кичилась собой, он не приходил ко мне. А когда, подавив гордость, я вышла на дорогу и отправилась в путь, мне показалось, что и он идет рядом со мной. С этой минуты я начала ощущать его присутствие. Теперь в моем сердце больше нет никаких тревог. Но все страдания, какие я испытала, теперь соединяют меня с ним. А дорога принятых мною мук сладкой музыкой откликается на каждый мой шаг. Это моя вина! Вина моих страданий! Он сам пришел ко мне по этой пыли, по этой трудной каменистой дороге, под скорбный напев вины... Он взял меня за руку — точно так же, как делал это в нашей темной комнате. Тогда я вздрагивала, точно от укола. Так и сейчас! Кто скажет, что его здесь нет? Шуронгома, неужели ты не чувствуешь, что он незаметно пришел сюда?

Шуронгома
(поет)

Когда ты во мраке объятьем опутал меня,
Придя неприметно, браслетами ног не звеня,
Тебя лишь навечно любя,

Подумала я, что теряю тебя.

Но в ночь, когда погасила я свет,
Луч кормчей звезды ты затеплил в ответ.

Теряла твой путь, но со мной, —

Я вижу дорогой одной

Ты шествуешь молча, тайну храня.

Шудоршона. Кто там? Смотри, Шуронгома! В этот ночной час по темной дороге идет еще один путник!

Шуронгома. Госпожа, да ведь это царь Канчи!

Шудоршона. Царь Канчи?

Шуронгома. Не бойся, госпожа!

Шудоршона. Бояться? Чего мне бояться? Прошли те времена, когда я испытывала страх.

Царь Канчи (*приблизившись*). Мать, я вижу — и ты идешь. Не бойся меня... Я такой же странник!..

Шудоршона. Это хорошо, царь Канчи, что мы идем к нему вместе. Так и должно быть. Я встретила с тобой перед тем, как уйти из дома. Такая же встреча — нынче, на пути домой! Кто мог подумать раньше, что она будет такой счастливой?

Царь Канчи. Однако, мать, тебе не приличествует ходить пешком. Если позволишь, я могу найти для тебя колесницу.

Шудоршона. Нет, нет! Не говори так! По этой дороге я ушла от него. По ней же и вернусь обратно. Нужно своими ногами пройти всю эту пыль, лишь тогда мои скитания будут иметь смысл. Ехать в колеснице — значит обманывать себя.

Шуронгома. Махарадж, вы тоже нынче идете по пыльной дороге. Я не вижу здесь ни слонов, ни коней, ни колесниц.

Шудоршона. Когда я была царицей, мои ноги ступали только по золоту и серебру. Теперь, бредя по его дороге, я искупаю вину своего рождения. Кто бы мог знать, какое это счастье — идти по дорожной пыли и на каждом шагу ощущать свое слияние с владыкой этой пыльной земли.

Шуронгома. Царица-мать, смотри! Видишь, на востоке занимается заря! Теперь недалеко. Вон уж видны золотые шпили его дворца!

(Поет.)

Путь завершен, розовеют просторы земли.

Люди проснулись и песни свои завели.

Благословенно путника бденье,

Полночной усталости — благословенье!

Благословенна душа в дорожной серой пыли!

К лону лесному склонен,

Ветер стряхнул свой сон.

Пчелы, за рядом ряд,

В свежие рощи летят.

Закончен путь.

Слезы утри, забудь:

И стыд, и страх, и обиды — ушли, прошли.

Входит старик.

Старик. Светает сестрица, светает!

Шудоршона. Твое благословение помогло. Я пришла.

Старик. Теперь ты видишь, каков наш раджа? Ни колесниц, ни музыкантов, никакого великолепия!

Шудоршона. Никакого великолепия, говоришь? А посмотри: небо залито багрянцем, цветы в знак приветия напоили воздух ароматом!

Старик. Да, правда! Мы не можем быть такими жестокими, как наш раджа. Мне жаль тебя. Легко ли видеть, что ты идешь в царский дворец в нищенском рубище? Подожди, я принесу тебе царские одежды!

Шудоршона. Нет, нет! Не надо! Он навсегда лишил меня царского одеяния, на глазах у всего света дал мне одежду рабыни. И я спасена, спасена! Теперь я его рабыня. Из тех, кто принадлежит ему, я самая ничтожная!

Старик. Враги увидят, что случилось с тобой, и станут смеяться. Мне будет больно видеть твой позор.

Шудоршона. Пусть! Пусть смеются, пусть бросают в меня грязью. Теперь эта грязь, вместо благовонных масел, будет покрывать мое тело при любовных свиданиях.

Старик. Мне нечего на это сказать. Сыграем теперь в последнюю игру нашего весеннего праздника. Цветочная пыльца больше не нужна. Пусть южный ветер поднимает земную пыль! Мы придем к владыке, покрытые ею. Мы увидим, что и он весь в пыли. Каждый бросает в него целые пригоршни земли! А он даже не стряхивает ее.

Царь Канчи. Отец, не забудь и обо мне в вашей игре. Пусть и моя царская одежда будет осыпана пылью, чтобы ее нельзя было узнать.

Старик. Это будет скоро, брат мой. Ты уже не так высокомерен, как прежде, и вся твоя показная гордость пропала. Теперь ты незаметно обретешь свой истинный цвет. Посмотри на нашу царицу. Она рассердилась на себя и сбросила все украшения, чтобы умалить свою чарующую красоту. А красота расцвела еще больше, наперекор поруганию: теперь ее ничто не скрывает. Нашему радже, пожалуй, далековато до того, чтобы называться красивым. Потому он так и любит эту удивительную

красоту. Она — как украшение у него на груди. И вот эта красота скинула с себя покров гордости. Как бы мне хотелось послушать чудесные мелодии вины, которые звучат сегодня в царских покоях!

Шуронгома. Смотрите! Солнце взошло!

XX

ТЕМНАЯ КОМНАТА.

Шудоршона. Господин мой, ты лишил меня любви, не возвращай ее мне обратно. Я — твоя недостойная рабыня, позволь мне только служить тебе.

Раджа. Ты сможешь вынести мой вид?

Шудоршона. Да, да, смогу! Ты показался мне таким ужасным потому, что я хотела видеть тебя в роскошных садах, в моих царских покоях. Там даже самый последний из твоих слуг выглядел красивее тебя. Желание это навсегда покинуло меня. О господин мой, ты не красив, ты прекрасен и несравненен!

Раджа. То, с чем можно сравнить меня, в тебе.

Шудоршона. Во мне — твоя любовь, ты отражен в ней, ты можешь видеть в ней самого себя. Отныне во мне нет ничего моего, все — твое!

Раджа. Сегодня я открываю настежь двери этой темной комнаты! Игра окончена. Идем со мною, выйдем отсюда на свет!

Шудоршона. Подожди, позволь мне сначала склониться к ногам моего владыки тьмы, к ногам моего жестокого, моего страшного господина!

КРЕПОСТЬ КОНСЕРВАТИЗМА

*Посвящаю
достопочтенному профессору
господину*

*ДЖАДУНАТХУ САРКАРУ
в знак глубокого уважения.*

Рабиндранат Тагор.

Шилайдохо.

июнь — июль 1911 г.

I

МОНАСТЫРЬ «НЕЗЫБЛЕМЫЙ».

Пончок

(поет)

В какое утро меня зовешь?
Об этом никто не знает.
Душа оплакивает себя,
Об этом никто не знает.
Брожу с рассвета до темноты,
Ищу я в каждом твои черты.
Но нет похожих. Но... так, как ты,
Меня никто не привлекает...¹

Входит Большой Пончок.

Большой Пончок. Поешь! Опять поешь!

Пончок. Но, дорогой брат, тебе ведь известно, что я не знаю все ваши заговоры-наговоры, обычаи-приличия, обеты-запреты.

Большой Пончок. Конечно, известно. Только радоваться тут нечему. Дело ли по этому поводу надрывать глотку?

Пончок. Но это единственное, что я умею.

Большой Пончок. Единственное, что он умеет! Нашел чем хвастать! Петь и птица умеет. А заклинание

¹ Здесь и далее песни в переводе Д. Голубкова.

против грома-молнии ты за целую неделю не смог вызубрить. Вот сегодня, например, сколько ты выучил?

Пончок. Да почти столько же, что и за прошлую неделю. Даже меньше.

Большой Пончок. Меньше?! Что ты хочешь этим сказать?!

Пончок. Чем мантра дряхлей, тем меньше она мне по душе, и я больше делаю ошибок; а чем больше ошибаюсь, тем трудней мне ее заучить. Вот и выходит, что начну одной мантрой, а кончу другой. И между ними большая разница.

Большой Пончок. Эту разницу нужно уничтожить, глупый ты человек.

Пончок. Да это просто! Только тогда вам придется стать такими, как я. Ничего другого не придумаешь.

Большой Пончок. Как не придумаешь? Должен придумать!

Пончок. Ну что ж, попробую еще раз начать все сначала. Прочти-ка мне эту мантру.

Большой Пончок. Хорошо. Повторяй за мной: «Ом, тот, тот, тотойо, тотойо, спфот, спфотой, спфотойо...» Ну что ж ты замолчал?

Пончок. «Ом, тот, тот, тотойо, тотойо...» Послушайка, брат.

Большой Пончок. Что еще? Читай до конца, тебе говорят!

Пончок. Хочу спросить, какая от этого заклинания польза?

Большой Пончок. Если повторять его по шестьдесят девять раз на восходе и на закате, можно прожить девяносто лет.

Пончок. Ох, не губи меня, брат! Стоит мне эту мантру хоть один раз прочитать, я чувствую, что мне уже все девяносто. Ну, а коли повторю, так, наверное, тут же и ноги протяну.

Большой Пончок. И это говорит мой брат! Ты думаешь, мне не стыдно за тебя перед всеми в нашем «Незыблемом»?

Пончок. Тебе нечего стыдиться.

Большой Пончок. Нечего стыдиться?! ..

Пончок. Все дивятся твоей учености, но еще больше дивятся тому, что ты мой брат.

Большой Пончок. Ох, на этого обезьяныша и сердиться-то трудно. Послушай, Пончок, ведь ты уж не мальчик. В твои годы нужно уметь рассуждать разумно.

Пончок. В том-то и беда моя, что я рассуждаю, да не так, как вы, я — так, а вы — этак. А вот расплачиваться приходится мне одному.

Большой Пончок. Вспомни, какими мы были нищими, какими жалкими, когда пришли сюда после смерти отца. Поддержки никакой, ниоткуда, сам преодолел я всеобщее презрение. А теперь? Смотри, как высоко поднялся! Неужели мой пример не воодушевляет тебя хоть немного?

Пончок. Воодушевляет? Ты о чем? О своих достоинствах, о том, что ты стал примером для всех? Никакой нужды в этих достоинствах у меня нет, — что мне твой пример?

Большой Пончок. Слышишь? Раковины трубят. Мне пора читать заклинание от «Сна и Засыпания». Не теряй же времени даром. *(Уходит.)*

Пончок
(поет)

Громовый клич звучит,
И старый дом дрожит...
Кто в дверь мою стучит?
Сюда, под мрачный кров,
Лишь ветер забегает —
Он стонет и зовет,
В нем чьей-то страсти взлет...
Но нет — никто нейдет.
Жизнь мимо пролетает...
Куда зовешь меня ты?
Никто, никто не знает.

Входят ученики.

Первый юноша. Эй, Пончок!

Пончок. Не мешай.

Второй юноша. Что с тобой?

Пончок. «Ом, тот, тот, тотойо, тотойо!..»

Третий юноша. Ох, все еще «тот, тот, тотойо»! Я уж и забыл, когда мы это учили.

Первый юноша. Оставь его, друг. Пусть хоть немного позубрит. Иначе что его в жизни ждет? Бедняга, все убивается над «тот, тот, тотойо», — а мы уже дошли до символов.

Второй юноша. Пончок, ты еще не учил мантру о «Колеси на святой оси»?

Пончок. Нет.

Третий юноша. А о «Сиянии»?

Пончок. Нет.

Первый юноша. А о «Превеликом пресиянии»?

Пончок. Нет.

Второй юноша. А об «Охотницах-травосборщицах»?

Пончок. Нет.

Второй юноша. Ну-ка, скажи, если ту пыль, что умещается на когте у птицы хорет...

Пончок. Что ты, брат! Я и птицу такую никогда не видал, не то что пыль с ее когтя.

Первый юноша. Никто из нас не видал. Говорят, она живет у моря молочного, среди острова цветочного. Но все равно надо знать. Не годится прозябать в темноте невежества.

Второй юноша. Ну, Пончок, не теряй времени! На тебя, конечно, надежда небольшая. Однако праздник «Раковин-барабаковин», испытание «Вороньем клювороньем», обряд «Козья шерсть очищает персть», как не страшиться «Двадцати двух чертей, чертовых детей» — все это знать просто необходимо. Иначе ты опозоришь имя монастырского ученика, — ведь ты — в «Незыблемом»!

Пончок. Эй, Бишшомбхор, постой-ка! «Тот, тот, тотойо, тотойо...»

Бишшомбхор. Ну, что тебе? Зачем зовешь?

Пончок. Шонджиб, Джойоттом! «Тот, тот, тотойо, тотойо...»

Шонджиб. Что случилось? Почему не учишь?

Пончок. Умоляю вас, не уходите все сразу! Когда вот так зубришь, а рядом видишь лицо разумного существа, веришь, что не бредил творец, когда мир создавал.

Д ж о й о т т о м. Э, нет, Большой Пончок, пожалуй, разгневаешься. Решит, что у тебя из-за нас ничего не получается.

П о н ч о к. Обиднее всего, что брат не хочет поверить даже в мою способность быть неспособным, если мне в этом никто не потворствует. Ну ладно, друзья, отойдите в сторонку и там разговаривайте. Как только увидите, что я отвлекаюсь, браните меня вовсю. «Спфот, спфот, спфотойо, спфотойо...»

Д ж о й о т т о м. Будь по-твоему. Сядем вот здесь.

Ш о н д ж и б. Бишшомбхор, от кого ты слышал, будто нашу обитель скоро посетит сам Великий Наставник?

Б и ш ш о м б х о р. Да все говорят. Ходят слухи, что Великий Наставник прибудет в день Прибывания Луны.

П о н ч о к. Что ты, Бишшомбхор! Неужели придет Великий Наставник?

Ш о н д ж и б. Пончок, опять? Запимайся своим делом.

П о н ч о к. «Гхун, гхун, гхунапойо, гхунапойо...»

Д ж о й о т т о м. А кто-нибудь из наставников говорил об этом? Что сказал Большой Пончок?

Б и ш ш о м б х о р. Его бесполезно спрашивать. Большой Пончок не разбазаривает время на ответы. Он теперь изучает сто восемь высокорожденных имен Кришны, — кто осмелится ему мешать?

П о н ч о к. Пойдемте лучше к нашему наставнику. Когда его спрашиваешь...

Д ж о й о т т о м. Опять! Отвернись!

П о н ч о к. «Гхун, гхун, гхунапойо, гхунапойо...»

Д ж о й о т т о м. Мне уже девятнадцать лет. И за все это время Великий Наставник не приходил сюда ни разу. Неужели он вдруг посетит нас!

Ш о н д ж и б. Что ты говоришь, Джойоттом?! Почему же он не может прийти на двадцатом году? Только оттого, что девятнадцать лет не был?

Б и ш ш о м б х о р. Но это противоречит шастре о цифрах. Ведь до девятнадцати нет числа двадцать; следовательно, и после девятнадцати его быть не может.

Ш о н д ж и б. Что там цифры! Это угрожает существованию самой вселенной! Каким образом то, чего не случилось в данное мгновение, может произойти в следующее?

Д ж о й о т т о м. Так ведь и я думаю о том же. Кто говорит, что непременно должно что-то произойти? То, чего не было раньше, не может произойти и позже. А ну-ка, попробуй, докажи, что это не так!

П о н ч о к. Вам нужны доказательства? *(Ударяет Д ж о й о т т о м а по плечу.)* Вот, пожалуйста! «Гхун, гхун, гхунапойо...»

Д ж о й о т т о м. Ой, Пончок! Что ты делаешь? Ну, докажи, докажи!

П о н ч о к. Я же ударил тебя по плечу, — вот и доказал, а коли не доказал, так замолкаю. «Гхун, гхун...»

Входит Большой Пончок.

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Чего это ты расшумелся, Пончок?

П о н ч о к. Это они подняли шум, брат. Я как раз собирался остановить их. «Тот, тот, тотойо...»

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Раз уж ты нашел способ увильнуть от дела, тебя не удержат.

Б и ш ш о м б х о р. Послушайте, говорят, что в начале сезона дождей сюда придет Великий Наставник.

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Придет ли, нет ли — незачем из-за этого поднимать шум. Лучше готовиться к встрече.

П о н ч о к. Если он собирается, пусть он и готовится. А то мы начнем готовиться, и окажется, что зря.

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Разумные слова, ничего не скажешь.

П о н ч о к. Когда ко рту подносят что-нибудь съедобное, рот сам собой раскрывается, — тут все ясно, а у нас другое дело: придет наставник, и окажется, что мы готовились совсем не так, как надо. Лучше я ничего и не буду делать.

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Пончок, опять ты пустился в свои рассуждения?

П о н ч о к. То ты сердисься, когда я не рассуждаю; а начну рассуждать — тоже плохо.

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Пойди прочь.

П о н ч о к. Изволь, только скажи, правда, что Великий Наставник придет сюда?

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Придет, когда настанет его час. *(Уходит.)*

Шонджиб. Ни разу не слышал, чтобы Большой Пончок дал определенный ответ.

Джойоттом. Это потому, что определенного ответа и не может быть. Глупые спрашивают, невежды отвечают. А умные знают, что ответа дать невозможно.

Пончок. По этому самому, когда наш наставник задает вопросы по священным текстам, вы отвечаете, а я молчу.

Джойоттом. Зато когда тебя не спрашивают, ты говоришь без умолку, и судя по твоим словам...

Пончок. Этим-то я и прославился. Иначе меня бы никто не знал.

Бишшомбор. Послушай, Пончок, если Великий Наставник действительно прибудет, нам всем придется краснеть за тебя.

Шонджиб. Из пятидесяти восьми способов предмолитвенного омовения он знает от силы пять.

Пончок. О Шонджиб, не терзай мне сердце! Ты преувеличил!

Шонджиб. Преувеличил?!

Пончок. Ну да. Ты говоришь, что я знаю пять, а я выучил не больше двух, что же касается третьего способа, то я, правда, усвоил, какую часть указательного пальца сколько раз и насколько следует погрузить в воду, но зато забыл начисто, куда девать остальные пальцы. Как следует я привык пользоваться только большим пальцем. Что вы смеетесь? Не верите?

Джойоттом. Действительно, нелегко поверить.

Пончок. Когда наставник пришел нас экзаменовать, я хотел удивить его своим большим пальцем. Но он выпучил глаза и с таким многозначительным видом поднял свой указательный, что я не осмелился продолжать.

Бишшомбор. Смотри, Пончок, тебе надо серьезно готовиться к прибытию Великого Наставника.

Пончок. Не готовясь, явился Пончок в этот мир, не готовясь, и уйдет. Постоянство — моя самая большая добродетель.

Шонджиб. Не думаю, чтобы это могло особенно порадовать нашего наставника.

Пончок. Сколько раз я пытался ему объяснить, что в отношении наук я абсолютно неподвижен, — своего рода

Полярная звезда. По мне можно определить, далеко ли продвинулся по стезе знаний тот или иной ученик.

Д ж о й о т т о м. Ну, наверное, твои блестящие доводы подействовали на господина наставника.

П о н ч о к. Нисколько! Я ничуть его не убедил. Наоборот, заметил, что он еще более утвердился в своем прежнем мнении.

Ш о н д ж и б. Если бы мы посмели вот так говорить господину наставнику все, что вздумается, нам бы не поздоровилось. А Пончок...

П о н ч о к. Это вполне объяснимо: глупости стали для меня так естественны и привычны, что звучат в моих устах как музыка. Кругом все довольны, говорят: «Здорово, только Пончок мог так сказать!» Ведь вам, несчастным, обязательно нужно, чтобы человек как-нибудь доказал могущество своего разума — иначе вы его ни во что не ставите.

Д ж о й о т т о м. Довольно, Пончок, перестань болтать. Мы уходим, а ты попробуй сосредоточиться.

Все трое уходят.

П о н ч о к. Ничего не выйдет. Ничего у меня не выйдет. Все эти заклинания не для меня.

(Поет.)

Где-то там, за дальнею гранью,
Заплутались мои мечтанья.
Где-то плачет бездомный ветер,
Струны флейты печальной рая.
И в напеве флейты чудесной,
Незнакомой тропой небесной
Обездоленная душа
Хочет в город прийти неизвестный...

Но что это? Кто-то плачет? Это, верно, Шубхродро. У него глаза не сохнут с тех пор, как он попал к нам в «Незыблемый». Не могу слышать его плач. (Уходит.)

Возвращается с мальчиком Шубхродро.

П о н ч о к. Не бойся ничего, дружок, прошу тебя, не бойся. Расскажи мне, что случилось.

Ш у б х о д р о. Я согрешил.

П о н ч о к. Согрешил? Как?

Шубхродро. Не смею сказать. Но это страшный грех. Что теперь со мной будет!

Пончок. Все твои грехи я беру на себя. Говори же скорей, в чем дело.

Шубхродро. С северной стороны монастыря я..

Пончок. С северной стороны?

Шубхродро. Да, с северной стороны... я открыл окно...

Пончок. Ну, открыл окно и что сделал?

Шубхродро. Выглянул наружу.

Пончок. Выглянул? Даже слушать завидно!

Шубхродро. Да, брат Пончок. Всего на одну минутку выглянул — и тут же захлопнул... Каким покаянием искупить этот грех?

Пончок. Я уж забыл, мой милый. Покаяний существует тысяча, если не тысяча и одно. Не попади я в монастырь, все они так и остались бы на бумаге. Но здесь я все эти покаяния испытал на своей шкуре. И все-таки не помню.

Входят мальчики — воспитанники обители.

Первый мальчик. А, Шубхродро! Ты здесь!

Второй мальчик. Знаете, брат Пончок, какой страшный грех совершил Шубхродро?

Пончок. Молчите, молчите все. Не бойся, Шубхродро. Ну, чего ты плачешь? Ты сможешь искупить свой грех. Здесь все дни так похожи один на другой! Если бы не покаяния, здесь можно было бы умереть со скуки.

Первый мальчик (*шепотом*). Брат Пончок, вы знаете, Шубхродро открыл окно в северной стене...

Пончок. Ладно, ладно. Интересно, хватило бы у кого-нибудь из вас на это смелости?

Второй мальчик. Ведь наша северная стена под покровительством богини Однокосицы.

Третий мальчик. Если хоть струйка воздуха попадет с этой стороны в нашу обитель, тогда...

Пончок. Что тогда?

Третий мальчик. Это будет ужасно.

Пончок. Почему? Расскажи-ка, сделай милость.

Третий мальчик. Не знаю почему, но будет ужасно.

Шубхродро. Брат Пончок, я больше никогда, никогда не буду. — а, брат Пончок? Что со мной теперь сделают?

Пончок. Слушай внимательно, что я скажу, Шубхродро: я не знаю, какое за это полагается наказание, но ни чуточки его не боюсь.

Шубхродро. Не боишься?

Все мальчики. Не боишься?!

Пончок. Нисколько. Посмотрим еще, как дело обернется.

Все (*тесно окружая его*). Скажи, брат, ты, наверное, много всего перевидал?

Пончок. Еще бы! В прошлом месяце в субботу был праздник Павлиней богини. Так вот, я насыпал на медный поднос земли из крысиной норы, положил когти шакала и немного чечевицы, потом дунул восемнадцать раз.

Все. Ой! Страсть какая! Восемнадцать раз!

Шубхродро. И что тебе было за это, брат Пончок?

Пончок. Мне было сказано: не пройдет и трех дней, как меня укусит змея. Но до сих пор она так и не укусила.

Первый мальчик. Ты совершил очень большой грех.

Второй мальчик. Богиня, наверное, страшно разгневалась.

Пончок. Так ведь я все это только для того и затеял, чтобы посмотреть, как она разгневается.

Шубхродро. А вдруг тебя и правда укусит змея?

Пончок. По крайней мере узнаю истину и перестану сомневаться.

Первый мальчик. А в окно на северной стороне...

Пончок. Я обязательно выгляну в него, — я уже решил.

Шубхродро. И ты тоже?

Пончок. Обязательно, дорогой. Тогда ты станешь не одинок в своем прегрешении.

Первый мальчик. О нет, умоляю тебя, брат Пончок! Ты...

Пончок. Да что вы, чего вы так испугались?

Второй мальчик. Это ведь очень опасно!

Пончок. Зато любопытно.

Третий мальчик. Это же грех, грех!

Первый мальчик. Большой Пончок сказал нам, что это такой же грех, как матереубийство. Ведь покровительница северной стены нашей обители — сама богиня Однокошица!

Пончок. Хотел бы я знать, как это можно совершить грех матереубийства, не убив матери?

Первый мальчик. И ты не побоишься?

Пончок. Конечно, нет. Расскажи-ка лучше, Шубхродро, что ты увидел там, за окном?

Второй мальчик. Нет, лучше молчи!

Третий мальчик. Мы не осмелимся тебя слушать! Нам страшно!

Первый мальчик. Ну, хорошо, расскажи, только так, чуть-чуть... Ладно?

Шубхродро. Я видел... я видел холмы... Там пасутся стада.

Мальчики (*затыкая пальцами уши*). Ой, не надо, не надо! Мы не хотим больше слушать! Перестань, Шубхродро. Вон идет господин наставник. Идем, идем скорей отсюда, не нужно тут оставаться.

Пончок. Почему? Что с вами?

Первый мальчик. Ах, да ведь ты, наверное, не знаешь? Сегодня день Предвесенней Звезды.

Пончок. И что же?

Второй мальчик. Сегодня в юго-западном углу Вороньего Пруда нужно искать змеиную кожу.

Пончок. Зачем?

Первый ученик. Ничего-то ты не знаешь, брат Пончок! Эту кожу надо обвязать семью волосками из хвоста вороной лошади и потом сжечь.

Пончок. Зачем?

Второй мальчик. Сегодня явятся наши предки, — они будут дышать этим дымом.

Пончок. А им не станет плохо?

Первый мальчик. Что ты, это святое дело!

Ученики уходят.

Входит наставник.

Наставник. Я вижу, Пончок всегда среди ребят.

Пончок. Здесь в монастыре только с ними я и нахожу общий язык. Были б они только чуть постарше...

Наставник. Но ты плохо на них влияешь: они совсем распустились. Недавно Потубормо пожаловался мне, что в пятницу утром Употиишо зевнул над ним, а ведь это сокращает человеку жизнь.

Пончок. Да, я сам при этом присутствовал.

Наставник. Я так и думал. Иначе такой поступок был бы просто невозможен. Еще мне передавали, что ты хотел подзадорить остальных, для этого подозвал Потубормо и попросил его сто раз зевнуть над тобой.

Пончок. Вам солгали.

Наставник. Солгали?!

Пончок. Не только Потубормо, но и всем, кто был там, я предлагал зевать надо мной, и не меньше, чем по десять раз.

Наставник. И ты предлагал это каждому?

Пончок. Ну да. Всем пятнадцати. Лучше расспросите их самих. Правда, никто из них не осмелился. Они хоть и подсчитали, что от ста пятидесяти зевков моя жизнь несколько сократится, но все же решили, что жить мне останется еще порядочно, только никак сообразить не могли, что будет с этим остатком, и пошли спрашивать у брата моего, у Большого Пончока. Вот тут-то я и попался.

Наставник. Послушай, из уважения к твоему брату я долго терпел тебя, но теперь довольно. Ты слышал, что скоро нас посетит Великий Наставник?

Пончок. Наставник придет к нам? Это верно?

Наставник. Да. Только тебе нечего радоваться.

Пончок. Как раз мне-то Великий Наставник и нужен больше всех. Я ведь совсем ничему не обучен!

Входит Шубхродро.

Шубхродро. Отец наставник!

Пончок. Беги, беги отсюда. Господин наставник учит меня священным истинам... Не приставай сейчас к нему, беги скорей прочь.

Наставник. Ну что такое, Шубхродро? Говори быстрее, в чем дело?

Шубхродро. Я совершил страшный грех.

Пончок. Скажите, какой праведник выискался! «Я, мол, согрешил!» — видали? Беги отсюда, говорю тебе!

Н а с т а в н и к *(оживляясь)*. Зачем ты его гонишь? Говори, Шубхродро.

П о н ч о к. Ну, все пропало. Чуть только запахло грехом, летит, как муха на сладкое.

Н а с т а в н и к. Так что ты сказал?

Ш у б х о д р о. Я согрешил.

Н а с т а в н и к. Согрешил? Ну что ж, отлично. Садись, послушаем.

Ш у б х о д р о. На северной стене нашей обители я...

Н а с т а в н и к. Ну, ну, говори. Ты что, нацарапал что-нибудь на святой стене?

Ш у б х о д р о. Нет, там... окно на северной стене... так я...

Н а с т а в н и к. Понимаю, стукнулся об окно локтем... Что ж, придется выбросить все священные сосуды, которые там стоят поблизости. И нужно, чтобы все окна вылизал теленок, семимесячный, иначе этого греха не искупить.

П о н ч о к. Тут, по-моему, вы ошибаетесь. В сборнике обрядов говорится, что если стебель тыквы...

Н а с т а в н и к. Ты, я вижу, не больно скромен. Хотел бы я знать, раскрыл ли ты хоть раз восемнадцатую главу «Обрядов» почтенного Куладатты?

П о н ч о к *(тихо Шубхродро)*. Шубхродро, уходи, милый! *(Обращаясь к наставнику)*. Знаете, Куладатту я что-то не очень...

Н а с т а в н и к. Ах, не признаешь? В таком случае ты должен согласиться с тем, что сказано в книге Бхарадваджа Мисры «О применении». Там...

Ш у б х о д р о. Господин наставник, я совершил страшный грех.

П о н ч о к. Он все свое. Мы об этом и говорим. Помолчи пока.

Н а с т а в н и к. Итак, Шубхродро, что же ты начертил на стене,— квадрат или круг?

Ш у б х о д р о. Я не чертил. Я открыл окно и выглянул наружу.

Н а с т а в н и к *(опускаясь на циновку)*. Все погибло! Что ты наделал! Это окно не открывали уже триста сорок пять лет, ты это понимаешь?!

Ш у б х о д р о. Что же мне будет?

П о н ч о к *(обнимая его)*. Тебя прославят, Шубхродро. Ты уничтожил трехсотсорокапятилетний запрет. Господин наставник так ошеломлен твоей смелостью, что у него язык отнялся. *(Уводит Шубхродро.)*

Н а с т а в н и к *(один)*. Не могу даже охватить разумом размеров несчастья. Ведь покровительница северной стороны сама богиня Однокосица. Не постигаю, как же мальчишка в тот же миг не ослеп! Пойду извещу достопочтенного Одинпунно. *(Уходит.)*

Входят глава обители Одинпунно и его помощник Сутошом.

О д и н п у н н о. Скоро нас посетит Великий Наставник. Наконец-то!

С у т о ш о м. Значит, он очень нами доволен.

О д и н п у н н о. Доволен? Может быть. Кто знает?

С у т о ш о м. Иначе он не собирался бы к нам.

О д и н п у н н о. Временами меня охватывает страх: не потому ли Великий Наставник решил нас посетить, что чаша нашей греховности переполнилась?

С у т о ш о м. Что вы, святой отец, зачем так говорить? Мы со всей точностью следуем наистрожайшим правилам, у нас никаких упущений не случается.

О д и н п у н н о. Следуем правилам? Пожалуй, они в самом деле выполняются...

С у т о ш о м. Обет очищения громом-молнией выполнили семьдесят семь раз. Разве в других обителях такое возможно?

О д и н п у н н о. Да, такое вряд ли где-нибудь возможно.

С у т о ш о м. Но почему же тогда вас все-таки одолевают сомнения?

О д и н п у н н о. Сомнения? Признаюсь, есть у меня сомнения. *(Немного помолчав.)* Слушай, Сутошом: сердце мое давно сжимается от мучительной боли, но я не решался об этом говорить. Ведь я главный настоятель монастыря. Бремя своих сомнений должен нести я один. До сих пор я и нес его терпеливо. Но как узнал о прибытии Великого Наставника, не могу больше заставить свое сердце молчать. Что бы я ни делал, оно знает твердит: напрасно, напрасно, все напрасно!

Сутошом. Не нужно так говорить, святой отец!

Одинпунно. Помнишь ли ты, как давно мы живем здесь, Сутошом? Сколько лет?

Сутошом. Ну, точно сказать очень трудно. Для созревания души годы значения не имеют. У меня, например, такое чувство, будто я попал сюда задолго до своего рождения.

Одинпунно. Знаешь, Сутошом, когда мы приступили к постижению истины, мы были молоды и надеялись, что в конце концов наши труды вознаградятся. И чем труднее нам давалась истина, тем ревностней становилась наша вера. Колесо ежедневных богослужений совсем завертело нас, и мы забыли об истине. И вот сегодня, когда я услышал о прибытии Великого Наставника, сердце у меня вдруг остановилось и я спросил себя: «О пандит, тобой прочтены все священные книги, исполнены все обеты, но что приобрел ты, глупец?» Ничего, Сутошом, ровно ничего. Теперь я вижу: все это бесконечное служение ради постижения — просто кружение на одном месте. И загромождение памяти.

Сутошом. Не говорите, не говорите так, отец! Отчего сегодня вы в таком смятении?

Одинпунно. А ты? Разве душа твоя спокойна, Сутошом?

Сутошом. Спокойна. Тревоги никогда не посещают меня.

Одинпунно. Неужели тебя ничто не тревожит?

Сутошом. Ничто, никогда. И днем и ночью меня ограждают правила. Это узы тысячелетней давности. Мало-помалу они приобрели силу грома и прочность камня. Мне просто некогда думать. Что же это, как не покой?

Одинпунно. Да, да, значит, я ошибся, Сутошом, ошибся! Все так и должно быть, как оно есть, так и должно быть... И что бы мы ни делали, от всего мы должны получать удовлетворение.

Сутошом. Потому нам и запрещено выходить из обители. Там, за ее стенами, теряется душевное равновесие, исчезает покой.

Одинпунно. Верно, верно! Ты говоришь верно. Блуждая среди неизвестности, никогда не знаешь, где ее предел. А здесь все известно, все привычно, на любой

вопрос в шастрах найдется ответ, — для этого не надо делать и полшага за стену обители. Здесь прочный, ничем не нарушимый покой. Когда придешь к нам, о Великий Святой, ничего не меняй здесь, ничего не разрушай! Здесь во всем царит покой, подумай об этом прежде, чем переступишь порог нашей обители. О пощади, пощади нас! Ноги наши затекли, у нас нет больше сил двигаться... Прошли годы и века, — и все здесь стало древним. Древним и дряхлым. О, не говори только, что мы должны стремиться к чему-то новому, — нет у нас времени куда-либо стремиться!

Сутошом. Я никогда не видел тебя таким взволнованным.

Одинпунно. Мне почему-то кажется, что не только я, но и все вокруг беспокойно. Мне чудится, будто каждый камень в стенах нашей обители шатается. Ты не замечаешь этого, Сутошом?

Сутошом. Нет. Я не замечаю ни малейшего изъяна в наших стенах, стоят они недвижно, неколебимо. Что нам волноваться? Давным-давно мы все собрали, прочли и постигли.

Одинпунно. Я, кажется, начинаю припоминать, откуда почерпнул я первые знания. Это было давно, очень давно, в предрассветный час, когда все вокруг тонуло еще в сумраке ночи. То была не священная рукопись, не древний текст и не пространный комментарий. То был сам Великий Наставник. Я начал с того, что преподал мне он, и до сих пор я был в твердой уверенности, что все идет, как он указал. Что все идет правильно... но...

Сутошом. О конечно, все идет совершенно правильно, у вас нет причин волноваться. Мы тысячи лет не давали рассеяться здесь этой предрассветной мгле. В этом священном полумраке живем спокойно — наставники, ученики, старые, молодые. Что ты хочешь сказать? Что кто-то придет и развеет этот сумрак? Вот будет несчастье! Такой благодатный сумрак!

Одинпунно. Действительно, будет несчастье.

Сутошом. Что тогда с нами станется? Все, кто столько времени сидел неподвижно, должны лишиться покоя?

Одинпунно. Я так ясно представляю себе, что будет... Или мне все это когда-то снилось? А может быть, все, что я вижу перед собой сейчас, тоже сон, — и эта каменная ограда, и эти наглухо запертые двери, и запретные круги, и груды книг, и это, не смолкающее ни днем ни ночью, вечно стоящее в воздухе жужжание от чтения мантр, — не сон ли все это?

Сутошом. Вон Пончок идет. И как только такая травинка выросла на камне нашей обители — просто невероятно! С самого детства в нем сидит дух противоречия, не признает никаких ограничений. Нам так и не удалось с ним справиться. Я боюсь этого юноши. Накличет он на нас беду. Во всем «Незыблемом» он считается только с тобой. Пожурил бы ты его хорошенько.

Одинпунно. Хорошо, ступай. Мне нужно поговорить с ним.

Сутошом уходит.

Входит Пончок.

Одинпунно (*касаясь рукой Пончка*). Пончок, мальчик мой.

Пончок. Ой, что ты сделал! Ты до меня дотронулся!

Одинпунно. Разве это запрещено?

Пончок. Но ведь я не соблюдаю положенных обрядов.

Одинпунно. Почему не соблюдаешь, сын мой?

Пончок. Я не сумею объяснить тебе, господин. Просто не могу заставить себя — и все.

Одинпунно. Но ты ведь знаешь, милый, в соблюдении обрядов тысячи людей в течение десятков веков находят успокоение. Разве мы имеем право нарушать обряды только потому, что нам так хочется?

Пончок. Но ведь пока не нарушишь, не узнаешь, в чем его сила?

Одинпунно. Мне страшно не за обычай, а за человека: кто решится нарушить обычай — погубит душу.

Пончок. Не буду спорить, господин. Если ты сам прикажешь мне исполнять все обряды, я подчинюсь беспрекословно. Я не уважаю здешних порядков, но тебя уважаю.

Одинпунно. Приказывать — тебе? Нет, я не могу так поступать с тобой.

Пончок. Отчего же?

Одинпунно. Ты хочешь знать отчего? Когда я смотрю на тебя, мне кажется, будто передо мной сама свобода. Душу твою не сломили даже эти жестокие тиски. Теперь я верю, что истина в сердце человека, а не в мантрах и дряхлых тысячелетних обрядах. Иди, сын мой, иди своей дорогой! И не спрашивай меня ни о чем.

Пончок. Но разве ты не понимаешь, о святейший, что именно ты вытащил меня из-под колес обычаев?

Одинпунно. О чем ты?

Пончок. Не могу объяснить, — только ты мне дал нечто такое, что намного важнее обычаев и обрядов.

Одинпунно. Друг мой, как бы ты ни поступал, я никогда ни о чем тебя не спрашивал. Но сейчас я хочу задать один вопрос: ты действительно выходил из обители и общался с людьми из племени шонопаншу?

Пончок. Я должен отвечать?

Одинпунно. Нет, нет, молчи, не надо. Но имей в виду: шонопаншу — нечистые. Неужели общение с ними...

Пончок. Вы хотите дать мне на их счет какое-нибудь особое указание?

Одинпунно. Нет, никаких указаний. Если тебе суждено ошибаться, ошибайся и не слушай нас. Скоро сюда придет Великий Наставник. О, если бы я был сейчас таким мальчиком, как ты, и мог бы сидеть возле него! Если б он разбил на мне оковы старости и сделал меня свободным! Если б он вселил отвагу в мое сердце, подарил бы мне право познавать истину через заблуждения! Если бы снял с души моей бремя тысячелетий!

Пончок. Вот идет наш наставник. Кажется, у него какое-то важное дело, я лучше уйду. (*Уходит.*)

Входят наставник и Сутошом.

Наставник (*обращаясь к Сутошому*). Все-таки придется сказать об этом настоятелю. Правда... это очень взволнует его, но ведь именно он отвечает за все, что случается в монастыре.

Одинпунно. У вас, кажется, есть какие-то новости?

Наставник. Очень дурные новости.

Одинпунно. Тем быстрее их следует сообщить.
Сутошом. Ну, говори скорее! А то проходят те короткие мгновенья, когда еще можно предотвратить беду. Наш астролог говорит, что времени остается совсем мало. От третьей стражи до половины четвертой, без шести минут. Если его пропустить, будет поздно, начнется полоса перемены судеб. Только на одну четверть судьба будет благоприятствовать брахманам, на другую четверть — вайшьям, а в остальном она будет на стороне шудр.

Наставник. Святой отец! Шубхродро раскрыл выходящее на север окно и выглянул в него!

Одинпунно. Но ведь северной стене покровительствует богиня Однокосица?

Наставник. В том-то и горе. Ведь неизвестно, как далеко ветер из внешнего мира вторгся в нашу освященную мантрами, наглухо замкнутую обитель.

Сутошом. Сейчас речь идет о том, каким покаянием искупить подобный грех.

Одинпунно. Я не помню. Может быть, господин наставник...

Наставник. Нет, я тоже не могу припомнить. Никто не совершал такого греха целых триста лет — все давно забыли, каким должно быть и покаяние. Вот идет Большой Пончок — если уж кто знает, что делать, так это он.

Входит Большой Пончок.

Ты, вероятно, уже обо всем слышал?

Большой Пончок. Потому и пришел. Теперь мы все осквернены — в нашу обитель проник воздух внешнего мира.

Сутошом. Никто из нас не может вспомнить, какое искупление следует за подобный грех. Может быть, ты скажешь?

Большой Пончок. В книге «Древо Исполнения желаний» об этом вовсе не упоминается: только в «Своде наказаний» досточтимого Джваланананты написано, что виновного полагается на шесть месяцев подвергнуть испытанию Великой Тьмой.

Наставник. Великой Тьмой?!

Большой Пончок. Да. Чтоб не видел он луча света. Ибо грех, совершенный ради света, должен быть искуплен посредством тьмы.

Сутошом. Ну тогда, Большой Пончок, за выполнение этого обряда отвечать будешь ты.

Наставник. Я тоже иду с тобой. Пока хоть окуну Шубхродро в пруд с камедью, это подготовит его к покаянию.

Все хотят разойтись.

Одинпунно. Послушайте, это не обязательно!

Наставник. Что не обязательно?

Одинпунно. Покаяние.

Большой Пончок. Ты говоришь, не обязательно? А я могу хоть сейчас раскрыть «Свод наказаний» и показать...

Одинпунно. Незачем. Не надо требовать от Шубхродро никакого покаяния. Своим благословением я его грех...

Большой Пончок. Это невозможно! В шастрах не сказано об этом ни слова, а ты...

Одинпунно. Нет, я не допущу. Если кто и совершил преступление, то один лишь я. И вам не о чем беспокоиться.

Наставник. Мы никогда не замечали за тобой подобного малодушия. Помнишь, как однажды, на третью ночь «Поста Очищения», наш ученик Кушолшил умер от жажды? Ему не дали ни капли воды, и ты тогда молчал. Что значит жизнь ничтожного человека? Сегодня она есть, а завтра — ее нет. А древний Обычай и древний Закон вечны.

Входит Пончок с Шубхродро.

Пончок. Не бойся, Шубхродро, тебе нечего бояться. Успокой его, господин.

Одинпунно. Ты ни в чем не виноват, мой мальчик. Виноваты те, кто в течение веков запугивал таких, как ты. *(Взяв на руки ребенка, уходит вместе с Пончком.)*

Наставник. Да что же это происходит здесь, в самом деле!

Большой Пончок. Мы теперь осквернены; все наши священные обеты и посты утратили смысл. Этого не стерпеть!

Н а с т а в н и к. И нечего терпеть. Что ж это, в конце концов? Может быть, отец настоятель хочет, чтобы мы стали дикарями?

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Вступаясь за Шубхродро, он готов нарушить древний Закон. Это похоже на помрачение рассудка. Пока он в таком состоянии, его нельзя считать главой обители.

С у т о ш о м. Как же так? Разве мы по своему желанию имеем право поставить... нового...

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Ты должен нас поддержать.

С у т о ш о м. Я слишком стар, чтобы предпринимать новые шаги.

Н а с т а в н и к. Время ли в минуту опасности думать о возрасте!

С у т о ш о м. Можете делать все, что сочтете нужным, для спасения нашей веры. А мое место возле настоятеля Одинпунно. Вместе мы пришли сюда, вместе и уйдем, когда пробьет наш час.

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Не торопись! Подумай, что вместо Одинпунно ты сам имеешь право стать во главе обители.

С у т о ш о м. Чтобы я соблазнился и пошел против настоятеля?! Да будет тебе известно, Большой Пончок, что вымолвить такие слова — не меньший грех, чем раскрыть северное окно! (*Уходит.*)

Б о л ь ш о й П о н ч о к. Пойдем, наставник. Нельзя терять ни минуты. Покуда отец настоятель находится в стенах обители, наши обряды не имеют силы, и все мы осквернены.

II

ХОЛМИСТАЯ МЕСТНОСТЬ.

П о н ч о к

(поет)

Где этот путь пропадает,
Кто знает, кто знает?

За морем каким, за каким холмом

Дорога эта плутает?

Кто знает, кто знает...

Кто ходит этой дорогой?

Кто знает, кто знает...

Чего этот путник ищет

И как себя называет?

Кто знает, кто знает...

На заднем плане появляется группа людей племени шонопаншу. Они приплясывают.

Пончок. Ой, что это? Едва успели подойти — и уже танцуете?

Первый шонопаншу. Был бы случай, а танцевать мы всегда рады. Ноги сами так и ходят.

Второй шонопаншу. Эй ты, положи-ка руку ему на плечо, пусть пляшет с нами.

Пончок. Нет... Нет... Но, но, не прикасайся ко мне! Не прикасайся, говорят тебе!

Третий шонопаншу. Ах, вот оно что! Им тоже завладели монастырские духи. Он не может касаться шонопаншу.

Пончок. Вы знаете, что к нам скоро прибудет Великий Наставник?

Первый шонопаншу. Правда? Интересно, что он за человек. Понимает ли он новое?

Пончок. Наверное, понимает и новое и старое.

Второй шонопаншу. Ладно, когда он прибудет, скажи нам. Мы хоть поглядим на него.

Пончок. Зачем это вам? Вот тоже придумали! Он ведь не ваш Великий Наставник. Да знаете ли вы, что ни одно его слово не должно достигнуть ваших ушей и для этого раджа выстроит у ограды с вашей стороны в семь рядов стражу. Ведь у вас есть свой Наставник, пусть он...

Третий шонопаншу. Наставник? Какой там Наставник! У нас есть просто Учитель. Мы никогда не признавали никаких Наставников.

Первый шонопаншу. Потому нам и хочется посмотреть, что это за штука.

Второй шонопаншу. У нас есть один парень — Чондок его зовут. Так вот, его одолело искушение. Вбил себе в голову, что добьется чуда, стоит ему только

услышать мантру от ваших наставников. И он ушел от нас.

Третий шонопаншу. Только никто не хочет учить его мантрам — ведь он шонопаншу. Но и Чондок не из тех, кто опускает сразу руки — он стоит на своем. Чем больше вы упорствуете, не желая открыть ему мантры, тем упрямее он добивается своего.

Первый шонопаншу. Послушай, брат Пончок, неужели Великий Наставник рассердится, если ты коснешься кого-нибудь из нас?

Пончок. Не могу сказать. Кто знает, может быть, и простит. Вот вы занимаетесь всякой работой — это большое преступление. Землю вы пашете?

Первый шонопаншу. Конечно, пашем, да еще как! На земле мы родились, землю и вознаграждаем за это хорошей пахотой.

(Поэт.)

Какая радость и восторг какой —

Распахивать поля, работать день-деньской!

Сияет солнце, дождь бежит, —

И лист бамбуковый дрожит,

И ветер пахнет вспаханной землей,

И строки песни, вечной и зеленой,

Встают над почвой разрыхленной.

Какой поэт так вдохновлен поюще и

пляшущей весной?

Танцуют колоски, усами шевеля,

Улыбкой расцветает вся земля

Под юным солнцем и седой луной.

Пончок. Хорошо. То, что вы сеете зерно, еще куда ни шло. Но мне говорили, что вы сажаете огурцы!

Первый шонопаншу. А почему бы и нет?

Пончок. Огурцы! Фу, какой позор! И чечевицу тоже?!

Третий шонопаншу. Ну конечно! А откуда же к вам попадают и огурцы и чечевица?

Пончок. Это верно, — но знаете ли вы, что мы не должны впускать к себе тех, кто выращивает огурцы и чечевицу?

Первый шонопаншу. Почему же?

Пончок. Почему, почему! Запрещено.

Первый шонопаншу. Почему запрещено?

Пончок. Вы только послушайте их! Почему запрещено? Даже смотреть на вас — грех! Неужели вы не понимаете такой простой вещи, что сажать огурцы и чечевицу — страшный грех?

Второй шонопаншу. Но почему? Ведь вы тоже едите огурцы и чечевицу?

Пончок. Да, едим, — и даже с большим удовольствием. Но должны избегать даже тени тех, кто их выращивает.

Второй шонопаншу. Но почему?

Пончок. Опять «почему»? Вот уж не думал, что вы такие тупицы. Вы, должно быть, не знаете, что в огурце родился наш пращур Вишкамбхи.

Второй шонопаншу. Но почему же именно в огурце?

Пончок. Снова «почему» — вы меня с ума сведете!

Второй шонопаншу. Ну, ладно. А при чем тут чечевица?

Пончок. Однажды, давным-давно, во время поста, зернышко чечевицы залетело прямо в бороду одного почтенного старца. Это уменьшило на одну шестидесятитысячную святые плоды его поста. Тогда он, не сходя с места, проклял все чечевичные посевы на земле, — вот до чего разгневался! А что бы вы сделали на его месте?

Первый шонопаншу. Ну, что говорить о нас? Если бы, например, во время поста чечевица попала мне в усы, я подтолкнул бы ее чуть-чуть да и переправил бы в рот.

Пончок. Ладно. Теперь я задам еще один вопрос, только отвечать честно: вы имеете дело с железом?

Первый шонопаншу. Конечно, и очень часто.

Пончок. Рам, Рам! С незапамятных времен мы имеем дело только с медью и латунию. Плавить железо разрешается, но только в определенное время. Если шестой день светлой половины месяца приходится на вторник, после омовения дозволено прикасаться к горну, но ковать нам не разрешают ни в коем случае!

Третий шонопаншу. А мы куем железо, и железо закаляет нас!

Поют

Тяжелое железо в тяжелом сне лежало
В глубокой тьме земли.

Нарушили мы сон могучего металла,

Железо мы спасли!

Его мы подчинили,

Работать научили

И другом нарекли.

Металл, немой и темный,

Стал силою огромной —

Мы дивный клад нашли!

Пончок. Недавно господин наставник собрал учеников и объявил им, что шонопаншу презренное племя, потому что оно не гнушается ковать железо. Тогда я сказал ему: «Мне известно, что эти бедняки круглые невежды, они даже не знают, что наша земля сделана из пучка волос, срезанных с одной из трех голов демоницы. Попробуйте им это объяснить — так они набросятся на вас с кулаками. Но неужели у них совсем нет никакого понятия ни о хорошем, ни о дурном, раз они решаются сами ковать железо?» Теперь-то я вижу: дело не в знаниях, а в происхождении.

Первый шонопаншу. Но чем провинилось железо?

Пончок. Как чем? Уж одним тем, что оно железо!

Первый шонопаншу. Ну ладно, предположим.

Пончок. Тогда что же вам еще нужно? Неужели так и не поняли?

Второй шонопаншу. Но ведь есть же какая-нибудь причина?

Пончок. Разумеется, в очень старых книгах все объяснено. Поэтому, кроме моего брата Большого Пончока, наверное, очень немногим известна настоящая причина запрета. Недаром брата так почитают все ученики в обители. Но как бы там ни было, друзья, вы меня просто поразили. И чечевицу сеете, и железо куете, и все-таки умудряетесь не навлекать на себя гнев всяких там пятиглазых и семиголовых страшилищ?!

Первый шонопаншу. Ну, если они разгневаются, так у нас есть железо, — оно тоже горячее.

Пончок. Неужели никто из вас не знает ни одной мантры?

Второй шонопаншу. Мантры? А зачем нам?

Пончок. Ну вот, например, мантра против грома-молнии: «Тот, тот, тотойо, тотойо...»

Третий шонопаншу. А что это значит?

Пончок. Опять «что значит»! Я вижу, скромностью ты не страдаешь! Смысл каждого слова ему подавай!

Мантру о «Предплечных Браслетах» знаете?

Первый шонопаншу. Нет.

Пончок. О «Туманах-Дурманах»?

Первый шонопаншу. Нет.

Пончок. Ну, а о «Могучей-Хладонесучей»?

Первый шонопаншу. Нет.

Пончок. А о «Тюрбане-Барабане»?

Первый шонопаншу. Нет.

Пончок. Ну, а если цирюльник во время бритья порежет кому-нибудь из вас левую щеку, что вы тогда сделаете?

Третий шонопаншу. Хорошенько отхлещем его и по левой, и по правой.

Пончок. Нет, я не то хотел спросить, сядете ли вы в тот день в лодку, если вам нужно будет перебраться на другой берег?

Третий шонопаншу. Ну конечно.

Пончок. Вы меня окончательно ошеломили. Я больше не могу. Мне страшно расспрашивать вас дальше. Ведь если я услышу еще один такой ответ, я, наверное, забуду про касты — про все на свете и пойду плясать с вами в обнимку, как сумасшедший. Неужели вам все дозволено делать, друзья?! И ваш Учитель вас ничуть не осуждает?

Все шонопаншу поют

Мы не брезгуем никаким трудом,

Нет запретов нам никаких!

Смотрим, слушаем, понимаем,

Отвергаем, перенимаем —

Нас ты встретишь в краю любом.

Не умеем или умеем —
Мы всегда держаем и смеем!
Побежденные ль, победители ль —
мы упорно к цели идем.
Руль не выпустим никогда —
Иль тотчас умрем от стыда.
Мы своими руками строим свой большой и
свободный дом!

Пончок. Погубили! Вы меня погубили! Во мне не осталось ни капли серьезности. Под ритм этой песни мои ноги сами пускаются в пляс. Приворожили меня эти шонопаншу, да и только! О, придет ли тот день, когда и я тоже буду ковать железо? Ковать железо! Но чечевица, горох... Нет, нет, оставьте меня, друзья, оставьте! Вы же видите, я должен читать. Вон какая книжища!

Второй шонопаншу. Что это за книга, брат? О чем она?

Пончок. Это календарь всех сторон света. Тут есть много полезных вещей.

Первый шонопаншу. Например?

Пончок. Подробно описано, какой вкус и запах имеет каждое из десяти различных направлений. Юг, скажем. Считается, что юг по цвету напоминает брюхо рыбы руи, пахнет кислым молоком и имеет сладковатый привкус. Восток — зеленого цвета, пахнет взбесившимся слоном и по вкусу терпкий, как плод дерева бокул; юго-запад...

Второй шонопаншу. Скажи-ка, брат, почему же мы не замечаем, какие цвета и запахи у всех этих направлений?

Пончок. Если бы и вы заметили, значит, всем все было бы ясно. Каждый дурак бы понял. А пока об этом можно только прочитать в книгах — на деле такого не увидишь.

Первый шонопаншу. Ладно, брат, ты читай, а мы пойдем.

Второй шонопаншу. Довелось бы нам сидеть так, как они, закрыв глаза и уши, и не переставая думать, мы бы все, наверно, с ума посходили бы.

Третий шонопаншу. Пошли, друзья. Я знаю, где тут можно поохотиться. У реки я видел следы носорога.

Уходят.

Пончок. Да, эти шонопаншу действительно живут в другом мире. Но они все время так суетятся, что даже не замечают своей свободы. Всюду, где бы они ни находились, они своим беспокойным нравом будоражат все и вся. Стоит им хоть на миг остановиться, и тотчас в воздухе слышна песня. С тех пор как я увидел этих шонопаншу, я уже научился слышать что-либо, кроме их болтовни. Они все время слушают свой собственный гомон и потому так любят шуметь. А ведь это голубое небо, полное света, звучит в моей крови, и плоть моя поет!

(Поет.)

В комнату пчела, жужжа, влетела —
Что мне передать она хотела?
Рощ высоких солнца луч коснулся,
Мадхоби-цветок в лесу проснулся, —
Вот о чем весь день пчела звенела,
Вот о чем она сегодня пела...
Мне теперь невмочь остаться дома —
Сердце полно грусти и истомы,
Дни полны жужжанья до предела —
Песня бедным сердцем овладела.
Дни несутся и плетут умело
Сеть из песен для души несмелой...
Что мне рассказать пчела хотела?

Шонопаншу возвращаются.

Первый шонопаншу. Эй, брат Пончок, пришел наш Учитель.

Второй шонопаншу. Оставь свою книгу. Учитель пришел.

Первый шонопаншу. Учитель!

Учитель. Я слушаю тебя.

Второй шонопаншу. Учитель!

Учитель. В чем дело?

Третий шонопаншу. Ни в чем — просто так, позвали тебя.

Пончок. Учитель!

Учитель. Я слушаю тебя, Пончок.

Пончок. Они все зовут тебя — и мне тоже захотелось. Чем больше я твержу себе, что не стану лепестком в этом цветке шонопаншу, тем сильнее к нему привязываюсь.

Первый шонопаншу. Какие там еще лепестки? Учитель и мы — один столепестковый лотос.

(Поет.)

У нас единственный такой

Учитель.

Дарит нам радость и покой

Учитель.

Он в каждом деле — с нами,

В труде, в веселье — с нами,

В страде любой, в беде любой,

Учитель.

Он добр, он так велик душой,

Учитель!

Он плачущих утешит,

Смеющихся — потешит,

Он всюду нужен, всюду свой,

Учитель!

Его с любовью ждем мы,

Он в каждом доме — дома,

Для всех желанный и родной,

Учитель.

Он самый мудрый и простой,

Учитель...

Пончок. О друзья мои, вы ведь день и ночь славите своего Учителя. Оставьте хоть на минуту меня в покое, я хочу поговорить с ним наедине. Не бойтесь, я его не украду и не запру в нашем «Незыблемом».

Первый шонопаншу. Пожалуйста, можешь красть. Только лучше будет. Но нет такого засова, чтоб мог запереть от него дверь. Попади он к вам,

сами камни монастырские запляшут, а среди пыльных книг запоет флейта...

Второй шонопаншу. Пойдемте, друзья, ведь мы оставили свои дела. Пусть брат Пончок посидит с Учителем.

Уходят.

Пончок. Теперь, когда ушли эти шонопаншу, разреши мне взять прах от ног твоих, Учитель. При них я воздержался, — они стали бы смеяться.

Учитель. Зачем тебе эта пыль, друг мой?

Пончок. Разреши. Когда сердце переполнено, голова сама склоняется низко, — я не могу жить без веры, без почитания.

Учитель. Я тоже не мог бы существовать без веры. А вера моя — любовь к людям.

Пончок. В монастыре у меня шея заболела от бесконечных поклонов. Эти поклоны лишь унижают. Из-за них мы ничего истинно великого не видим.

Учитель. Когда я оказываюсь перед лицом Великого, все, что я делаю, — лишь поклон Великому. Вот сейчас, стою под открытым небом, гляжу на Тебя — Великое — и всем сердцем Тебя благословляю — это и есть мой поклон Тебе.

Пончок. Знаешь, Учитель, когда ты созерцаешь Великое, мне кажется, что через тебя и я его постигаю. Тогда для меня все становится значительным — и животные и растения. Я даже не прочь сам участвовать в безумствах этих шонопаншу.

Учитель. Я тоже играю с ними, и эта игра кажется мне великой, словно я играю с горным потоком или с океанской волной.

Пончок. Рядом с тобой все стало таким значительным...

Учитель. Не значительным, друг мой, а истинным; истина всегда значительна, только ложь бывает ничтожна.

Пончок. Для тебя не существует никаких оков, — они разбиты тобою. Кто другой может так смеяться, так веселиться, так просто сходиться с людьми, так радостно трудиться! Смотрю на тебя — и сердце мое теряет покой. Есть в тебе что-то такое, — исключительность или совер-

пенство, не знаю, как это назвать; знаю только, что именно к этому и тянулась моя душа всю жизнь. Порою меня охватывает радость, — мне кажется, что я наконец понял, наконец достиг... Учитель, говорят, скоро к нам придет Великий Наставник.

Учитель. Великий Наставник? Вот напасть! Уж он поднимет у вас шум!

Пончок. Если бы в обители стало шумно, я бы вздохнул свободнее. Тишина-то и душит меня.

Учитель. А ты не боишься, что не приобрел достаточных знаний?

Пончок. Этого я боюсь меньше всего. Увидишь, я не сделаю ни одной ошибки.

Учитель. Неужели?

Пончок. Я ровно ничего не знаю — мне просто не в чем ошибаться. Я буду спокойно молчать.

Учитель. Что ж, когда появится Великий Наставник, надо будет взглянуть на него. Ну, а теперь расскажи, как ты живешь.

Пончок. В моей душе какая-то ужасная неудовлетворенность. Я все молюсь, чтобы пришел Великий Наставник и определил, как мне жить: либо благословил на вольную жизнь, на свободу, либо уж навалил на меня побольше книг, чтобы стал я плоским, как доска.

Учитель. Ну, сколько бы древних томов ни навалил на тебя твой наставник, я всегда сумею как-нибудь тебя из-под них вытащить.

Пончок. Ты можешь, я знаю. Но выслушай меня. Двери нашей обители заперты, заперты наглухо. Люди, как вступят туда, так перестают рассуждать. Поэтому все там на редкость спокойны. Никто ни в чем не сомневается. Если вдруг у кого-нибудь и возникнет вопрос, зачем ему, например, во время лунного затмения три раза проводить по стене в спальне бородой белой козы и повторять при этом бессмысленный набор слов, так он возьмет немного супури, чуточку золота и пойдет к Большому Пончку. Тот даст ему такой ответ, что больше и спрашивать будет не о чем: либо удовлетворишься таким ответом, либо убирайся с позором из обители, — третьего пути нет. Поэтому все у нас удивительно просто. Но здесь, куда ты меня привел, разве найдешь такого Большого

Пончока? Кто даст здесь исчерпывающий ответ? Все вопросы останутся без ответа. Ты взбудоражил мне душу, но что дальше?

Учитель. Дальше?

(Поет.)

Будет так, как суждено судьбой.

То, что горевать меня заставит,
может ли уйти само собой?

Тот, кто хочет сбить меня с дороги,
должен знать, куда ведет дорога,

Тот, кто заставляет дом покинуть,
сам потом вернет меня домой.

Пончок. О, сколько надежд ты умеешь вселить в душу! Как легко прогоняешь все тревоги и сомнения! А там с самого рождения нас преследуют страхи. Страх смерти заставляет читать мантру о продлении жизни; страх перед врагами — мантру о сокрушении тысяч жизней; страх потерять собственное жилье — мантру о сохранении домашнего очага; мы боимся всего, что нас окружает, и бормочем заклинания, — они должны внушить нам бесстрашие — заклинания от змей, от грома, от духов, от воров... Эх, да всего и не перечтешь!

Учитель. А мой друг научил меня такой мантре, что у меня навсегда сломался ядовитый зуб страха.

Пончок. По тебе это сразу видно. Но скажи, откуда ты достал такого мудрого друга?

Учитель. Да ниоткуда. Просто всей душой верил, что непременно встречу его, и встретил.

Пончок. Неужели это возможно?

Учитель. Робкий ребенок, не видя в темноте матери, сразу начинает плакать, а храбрый протянет руку и тут же ощутит ее близость. Страшная темнота покажется ему даже приятной. И если мать спросит, не зажечь ли свет, малыш ответит, что ему все равно, раз она рядом.

Пончок. Я собрал все свое мужество, чтобы оставить обитель и прийти к тебе, однако добраться до твоего друга я не отважусь.

Учитель. Но почему? Чего бояться?

Пончок. Птица, родившаяся в клетке, больше всего на свете боится неба. За решеткой она тоскует, но стоит отворить дверцу, и сердце ее колотится от страха, — она не может представить себе жизнь на воле. Так и мы не умеем жить на свободе. Мы к ней не привыкли.

Учитель. Многие из вас считают, что самое главное — держать сундук за семью замками, а что в сундуке — неважно.

Пончок. Мой брат говорит, что истину можно познать только, отогнав от себя все земное. Дни и ночи мы только и заняты тем, что гоним. Далеко ли отогнали — неизвестно, но конца не видно.

Учитель. Так говорит твой брат, а мой утверждает, что, лишь познав все, можно познать истину. Я не запираю двери своего дома, они у меня раскрыты настежь день и ночь. Послушай, Пончок, знает ли кто-нибудь, что ты иногда выходишь из обители?

Пончок. Нашему настоятелю это известно. Мы с ним никогда об этом не говорим — он не спрашивает, я молчу. Но когда я возвращаюсь отсюда, он сразу обо всем догадывается по моему лицу. Подзовет меня, сядет рядом и жадно глядит мне в лицо, будто в нем отразился весь мир, по которому он так изголодался. В тот день, когда я смогу познакомить его с тобой, исчезнет все, что гнетет меня в нашем «Незыблемом».

Учитель. И для меня это будет счастливый день.

Пончок. Ты взволновал мою душу. Боюсь, что теперь я уж никогда не буду знать покоя.

Учитель. Ты думаешь, я спокоен, друг мой? У меня в душе бушует буря — она-то и вздымает волны в твоей душе.

Пончок. А вот шнопаншу говорят, что ты им несешь покой. Где же он? Я что-то не вижу.

Учитель. Да, покой им действительно нужен. От непрерывного трения суетных дел может вспыхнуть такое пламя, что никто не сможет стоять рядом.

Пончок. А при тебе они успокаиваются?

Учитель. Кто может принести бурю, может и успокоить. Одних он возбуждает, других сдерживает. Полная луна одним и тем же заклинанием вздымает море и погружает в сон землю.

Пончок. Так подними же волны, Учитель! Подними волны, затопи берега! Клянусь тебе — все во мне кипит, мне недостает только сил. Молю тебя: дай мне силы, о, дай мне силы, не допусти, чтобы я остановился!

(Поет.)

Ты, кого я зову, —
Освободи от тенет!
Руки я простираю —
Разрушь ненавистный гнет!
Учишь ты сильным быть,
Стыд и страх позабыть,
Чтобы все я отринул
И помчался вперед.
Но связал меня сон,
Тьмою я ослеплен —
В чаши глаз омраченных солнце
лучей не льет...
Дни летят без следа.
О, куда вы, куда?
Нет ответа. Лишь сердце
И рыдает и ждет...

Вот видишь, Учитель, тебе не о чем больше плакать. Тот, о ком ты мне рассказывал, осушил твои слезы.

Учитель. Да, осушил, но они не исчезли.

Пончок. Знаешь, я смотрю на этих шонопаншу, и мне кажется, что они не умеют плакать. Неужели им совсем не нужны слезы? Как ты думаешь?

Учитель. Там, где не выпадает дождь, приходится рыть колодцы. Когда шонопаншу нужна влага, они извлекают ее из глубин. Им не нужен ливень — ведь от ливня страдает их дело, а с этим они не могут примириться. Такой уж у них нрав.

Пончок. А я, наоборот, жажду ливня. Все, что могло высохнуть, уже высохло: не осталось ни одного зеленого побега! Пора! Мне кажется, я даже слышу издали глухие раскаты грома. Наверное, скоро густые темные тучи обнимут раскаленное небо и заполнят его от края до края.

Учитель

(поет)

Мне кажется, мне кажется — пришел, пришел черед.
Я слышу песню облака — то жизни дождь идет,
И вестью благодатною взволнованы поля,
И вздрагивает радостно воскресшая земля —
И внемлет ей задумчиво притихший небосвод...

Пончок. Не могу передать, какое радостное волнение охватывает меня! Так бы и обнял всю землю. Пой же, пой, и пусть твоя песня облетит небо!

(Поет.)

Как сегодня смотрит небо —
Так и ты смотри.
Как поет сегодня небо —
Пой в лучах зари!
Как встревожил чашу ветер
И слезами лес ответил, —
Ты заставь меня заплакать,
Сердце отвори!

Слышишь, брат, — загудел гонг!

Учитель. Слышу.

Пончок. Мне нужно уходить.

Учитель. Почему?

Пончок. У нас начинается служба в честь светильника.

Учитель. Что же вы будете делать?

Пончок. Возьмем немного земли из-под смоковницы, смешаем ее с пятью коровьими дарами и прочитаем мантру очищения. Потом из этой земли налипим маленьких храмиков и на каждый водрузим по светильнику. Таких храмиков нужно сделать тысячу и только после захода солнца можно будет притронуться к воде.

Учитель. Для чего все это?

Пончок. Так в загробном мире для душ умерших предков приготавливается жилье.

Учитель. А для тех, кто в этом мире...

Пончок. Э, для этих дома так легко не построишь. Мне пора, Учитель! Когда увидимся снова, не знаю.

Я уношу с собою прикосновение твоей руки. Оно ослабит петлю на моей шее. Вон возвращаются шонопаншу. Им не нравится, что мы сидим здесь вместе, это их тревожит. Они визжат от восторга, когда ты рядом с ними. Что же, пусть. Счастливые, ведь они всегда возле тебя.

Учитель. Разве можно визгом удержать человека возле себя? Дорога в сердце скрыта от тех, кто находится рядом.

Входит несколько шонопаншу.

Первый шонопаншу. Куда же ты, Пончок?

Пончок. Мне пора.

Второй шонопаншу. Нет, нет! Сегодня у нас в лесу пир, мы тебя не отпустим.

Пончок. Нет, друзья, невозможно. Слышите, бьют в гонг?

Третий шонопаншу. Что это значит?

Пончок. Вам не понять. Сегодня служба в честь светильника; сейчас не время резвиться. Я пошел. *(Немного отходит, но затем бегом возвращается.)*

(Поет.)

О-о! О-ре!

Пустите меня — устал я томиться в темной норе!

Хочу, как птица лесная,

Летать на воле, о-ре!

Хочу, как ливень осенний,

Не знать никаких стеснений,

Как ветер, в разбойной игре

Укравший лазурь на заре!

О-о! О-ре!

Кто сдержит меня, о-ре!

Я — племя, которое пляшет

В лесу, как в большом шатре!

Я — неукротимый гром,

Рвущийся напролом.

Сидящий верхом на туче, как на черной горе!

Первый шонопаншу. Ну, вот и хорошо, брат Пончок, пойдём с нами на лесной пир.

Пончок. Ладно, пошли. *(Останавливается в нерешительности.)* Но я только дойду до леса, а на пир не пойду.

Второй шонопаншу. Отчего же? Что за радость пировать, если не все в сборе?

Пончок. Ну нет! Никакой общей радости у меня с вами быть не может.

Второй шонопаншу. Почему не может? Захочешь — так будет!

Пончок. «Захочешь — так будет!» Да знаешь ли ты, что согласно нашим «Трем ограничениям» — это совершенно невозможно! Драться — нельзя, толкаться — нельзя, собрать вместе десяток слонов — нельзя.. А ты говоришь: захочешь — так будет!

Третий шонопаншу. Что же делать, брат? Ты можешь просто пойти в лес, а есть вместе с нами не обязательно.

Пончок. Нет, обязательно! Сегодня я сяду рядом с вами и буду есть, буду есть вместе со всеми. С восторгом сожгу ветвь за ветвью все священное Древо Исполнения Желаний, сожгу дотла. А ты, Учитель, разве не будешь есть вместе с нами?

Учитель. Я ем с ними каждый день.

Пончок. Тогда почему ты не прикажешь мне поступать так же?

Учитель. Я никому не приказываю, кроме самого себя.

Пончок. О, не будь равнодушен к моей судьбе, Учитель. Приказывай мне, так будет лучше. Иначе в бесконечных спорах с самим собой я погибну.

Учитель. Ты предлагаешь слишком простой путь к спасению. Я не хочу, чтобы ты избрал его. Ты поймешь меня, когда будешь готов к этому.

Входит еще несколько шонопаншу.

Учитель. Почему вы в таком волнении? Что случилось?

Первый шонопаншу. Чондока убили.

Учитель. Кто?

Второй шонопаншу. Правитель Страны Древних.

Попчок. Наш царь? За что?

Второй шонопаншу. Чондок захотел стать таким же, как все Древние, и удалился в разрушенный лесной храм. Там он постился. Об этом узнал царь Шитокрыто и велел убить его.

Третий шонопаншу. Раньше их ограда была высотой в тридцать пять ладоней. Теперь согнали людей, — поднимают ее до восьмидесяти. Наверное, боятся, как бы люди со всего света не перепрыгнули через их ограду и не захотели стать Древними.

Четвертый шонопаншу. Схватили десять человек наших и теперь, наверное, принесут их в жертву богине Чернокосице.

Учитель. Тогда идем.

Первый шонопаншу. Куда?

Учитель. В Страну Древних.

Первый шонопаншу. Сейчас?

Учитель. Да, сейчас.

Все. Пойдемте все, пойдемте!

Учитель. У нас есть приказ Повелителя: когда эта ограда, — символ их прегрешений, — начнет затмевать лунный свет, — сказал он, нужно разрушить ее до основания.

Первый шонопаншу. Разрушим!

Все. Разрушим!

Учитель. И на развалинах проложим большую дорогу.

Все. Проложим дорогу!

Учитель. По ней проедет победная колесница Повелителя.

Все. Да, да, проедет!

Попчок. Что это значит, Учитель?

Учитель. Это и будет наш лесной пир.

Первый шонопаншу. Идем с нами, Попчок!

Учитель. Нет, нет, только не он. Возвращайся поскорее в свой монастырь, друг мой. Увидимся, когда настанет срок.

Попчок. Как быть, Учитель? Хоть я ни на что и не гожусь, но мне так хочется пойти вместе с вами!

Учитель. Нет, Попчок, скоро прибудет ваш Великий Наставник, жди его!

Пончок. Хорошо, я вернусь. Но знаешь, чем чаще я бываю здесь, тем труднее мне возвращаться в обитель. Либо раздвинь стены, либо не позволяй мне больше расти.

Учитель. Идемте же, пора в путь.

Уходят.

III

МОНАСТЫРЬ.

Большой Пончок, наставник, Шонджиб, Бишшомбхор, Джойоттом.

Бишшомбхор. Конечно, отец настоятель волен оставаться главой обители, пока сам не пожелает сложить с себя свои обязанности. Но мы все равно не будем выполнять его распоряжений.

Джойоттом. Он говорит, что ждет Великого Наставника, пускай, мол, его сместит тот, кто поставил.

Входит один из учеников.

Большой Пончок. Что случилось, Тринанджон?

Тринанджон. Сегодня двенадцатый день светлой половины месяца, и я должен был бы в первый раз после поста принять пищу. Но настоятель осквернил себя, и теперь все наши деяния теряют смысл. Что же делать?

Большой Пончок. Не говорил ли я вам, что в нашей обители все святые подвиги становятся бесполезными?

Наставник. Мало того, наша греховность растет с каждой минутой.

Шонджиб. Ужасно!

Джойоттом. Но ведь очень скоро прибудет Великий Наставник. Вряд ли до его прихода успеет случиться какое-нибудь несчастье.

Шонджиб. Ах, оставь ты нас со своими успокоениями. Много ли нужно времени для несчастья? Чтоб умереть, довольно минуты.

Входит Оддхета.

Наставник. В чем дело, Оддхета?

Оддхета. Вы приказали заключить Шубхро в Великую Тьму, но мне это оказалось не под силу.

Большой Пончок. Почему? Что тебе помешало?

Оддхета. Помеха явилась в образе твоего брата.

Большой Пончок. Пончок?!

Оддхета. Да. Только я окунул Шубхро в пруд с камедью, пришел Пончок и увел его.

Большой Пончок. С этим нечестивцем никакого сладу нет. Долго я терпел. Но теперь решено: он будет изгнан. Послушай, Оддхета, как же ты это допустил?

Оддхета. Думаешь, я боюсь твоего Пончка? Он осмелился помешать мне только потому, что получил приказ от самого настоятеля Одинпунно.

Тринанджон. Самого настоятеля?

Шонджиб. Самого настоятеля!

Бишшомбхор. Видите, до чего дошло? Сколько лет я в обители, но не слыхал о таком безобразии, о таком святотатстве! Помешать выполнению обета, когда уже совершено омовение! И кто ж позволил себе такое? Сам глава нашей обители!

Джойоттом. Не лучше ли расспросить его самого?

Бишшомбхор. Нет! Мы его...

Большой Пончок. Ну, что бы ты с ним сделал, говори!

Бишшомбхор. Вот я и думаю, что бы с ним сделать? Может быть, его... Нет, лучше ты сам скажи.

Большой Пончок. Я считаю, что его нужно укротить.

Шонджиб. Но как?

Большой Пончок. Что значит «как»? Так же, как укрощают взбесившегося слона, — запереть.

Джойоттом. Все-таки, он глава обители...

Большой Пончок. Да, да, его необходимо запереть! Что ж вы молчите? Не посмеете?

Тринанджон. Почему не посмеет? Если ты прикажешь...

Джойоттом. А разве в шастрах...

Большой Пончок. В шастрах есть такое указание!

Тринанджон. Тогда, значит, все в порядке.

Наставник. Тебя ничто не остановит, брат Большой Пончок, но мне боязно.

Входит Одинпунно.

Одинпунно. Дети мои, вы долго подчинялись мне как своему пастырю, теперь настал день, когда я должен ответить за все перед вами. Признаю, моим преступлениям нет числа, и я должен их искупить.

Тринанджон. Тогда зачем же медлить? Промедление губит всех нас.

Джойоттом. А твою пасть, Тринанджон, следовало бы заткнуть мусором из помойной ямы. Помолчи немножко.

Одинпунно. Великий Наставник ушел, и мы заменили его грудой книг. Но их иссохшие страницы не могли утолить наш голод, и мы пожирали их все больше и больше. Чем менее питательна пища, тем больше мы ее поглощаем. Неужели вам так уж нравилось приходиться каждый день в хранилище, к этим пыльным книгам и обращаться ко мне за утешением свои молодые сердца? Хотелось услышать слово божье? Да у меня уже давно рот так одеревенел от повторения этого божьего слова, что даже слюны не осталось. Принеси же теперь, о Великий Наставник, это божье слово, слово из глубины сердца! Пробуди сердца силой своей души!

Пончок *(вбегая)*. Пусть твой влажный, свежий ветер унесет всю сухую листву. Вы, молодые побеги, выбегайте, спешите, распускайтесь! Джойоттом, друг, неужели не слышишь: зов свободы доносится к нам с потемневшего неба! Танцуй же, танцуй!

(Поет.)

О-о, о-ре! Я нынче пьян — не скрою!

Разрушен, разрушен постылый гнет!

Того, кто небо достал рукою,

Никто на землю теперь не вернет!..

Сначала Джойоттом, затем Бишшомбхор и Шонджиб присоединяются к танцу Пончока.

О-о! О-ре! Я нынче пьян — не скрою,

Разрушен проклятый гнет!..

Большой Пончок. Ну что, господин наставник, я же говорил тебе, что проклятие богини Однокосицы начало действовать. Ты видишь, она наслала помрачение на всех нас: скоро от нашего «Незыблемого» не останется камня на камне.

Пончок. Не останется, конечно, не останется! Все камни обезумеют. Они побегут-покатятся в разные стороны, они будут петь:

Братец, эй — пляши живей!
Ты свободен, не робей!
Стыд и страх в душе убей —
Нет ни гнета, ни цепей!

Большой Пончок. Ты что стоишь, разинув рот, наставник? Неужели не видишь — вот оно, началось! О-ре, разве сегодня ваш праздник, рехнувшиеся глупцы, дикари проклятые!

Пончок. Стоит загреметь музыке разрушения, мы тотчас пускаемся в пляс!

Большой Пончок. Молчи, несчастный! Опомнитесь, ученики! Надвигается страшная опасность!

Бишшомбхор. Припадаем к ногам твоим, отдай нам Шубхро, не лишай его великого искупления.

Одинпунно. Не проси меня об этом, сын мой.

Шонджиб. Подумай, какая удача выпала на его долю. Немногие достаивались такого покаяния — Великой Тьмы. Там, под землей, он наберется святости.

Одинпунно. Силой заставить человека стать святым? И ты хочешь запятнать меня подобным грехом? Он человек, он ребенок, — уже поэтому он любимец богов.

Тринанджон. Ты наш святой отец, и мы чтим тебя, но ты совершаешь преступление. Мы вынуждены силой удержать тебя.

Одинпунно. Применяйте силу, презирайте меня, бейте, — я заслужил унижение. В наказании, которое я должен претерпеть от вас, я чувствую приближение Великого Наставника. Оттого я и не хочу усугублять своей вины, — Шубхро я вам отдать не могу.

Тринанджон. Не можешь?

Одинпунно. Нет.

Большой Пончок. Тогда больше нечего ко-

лебаться. Тринанджон, возьми его и запри в келье. Ну что, трусы, неужели ни один не решится?! Наверное, придется мне самому?

Джойоттом. Берегись! Ты не смеешь касаться святого отца!

Бишшомбхор. Нет, Большой Пончок, мы не можем позволить, чтобы его оскорбляли.

Шонджиб. Мы все бросимся ему в ноги и уговорим. Неужели из жалости к Шубхродро он захочет навлечь несчастье на всех нас?

Тринанджон. Разве мало детей у нас в «Незыблемом» погибло во время поста — что в этом особенного?

Входит Шубхродро.

Шубхродро. Позволь мне выполнить обет Великой Тьмы!

Пончок. Что ты наделал? Ведь ты же заснул, — потому я и решился уйти! Когда только он успел проснуться!

Одинпунно. Шубхродро, мальчик мой, иди ко мне. Ты боишься своего греха, но это не твой грех, а мой, и я совершу покаяние.

Тринанджон. Нет, нет, пойдем, Шубхродро, ты не человек уже, ты — святой.

Шонджиб. Ты счастливец!

Бишшомбхор. Не многим выпало счастье в таком раннем возрасте пройти через обет Великой Тьмы. Счастлива мать, зачавшая тебя!

Наставник. Ты достойный воспитанник «Незыблемого»!

Большой Пончок. Неужели ты и теперь будешь удерживать мальчика от святого подвига?

Одинпунно. О горе, горе! У меня сердце разрывается! Если бы вы его плачущего оторвали от моей груди, мне и тогда было бы легче. Но я вижу, жестокая рука предрассудков так стиснула разум ребенка в своем каменном кулаке, что на нем остались отпечатки всех ее пяти пальцев. Когда же это успело произойти? Неужели еще во чреве матери?

Пончок. Пойдем, Шубхродро, пойдем. Я приму покаяние вместе с тобой.

Одинпунно. И я иду с вами.

Шубхродро. Нет, нет! Мне нужно остаться одному. Если со мной будет еще кто-нибудь, это грех.

Большой Пончок. О правдивый сын мой, ты дал хороший урок своему старому наставнику.

Одинпунно. Пока я еще ваш настоятель, и я не допущу, чтобы хоть один обет выполнялся помимо моей воли. Я запрещаю, Шубхродро, и ты не смеешь ослушаться. Пончок, возьми его с собой.

Одинпунно, наставник и Пончок с Шубхродро уходят.

Большой Пончок. Позор! Таких жалких трусов, как вы, нельзя спасти от падения. Погибнете сами и других погубите! Где же ваш наставник? Его уже и след простыл!

Входит скороход.

Скороход. Раджа прибыл сюда.

Большой Пончок. Что случилось?.. А вот и наш царь Шитокрито.

Входит раджа.

Раджа. Привет вам всем, святые люди.

Все. Слава радже!

Большой Пончок. Все ли у вас хорошо?

Раджа. Нет, я принес худые вести. Живущие на окраине государства донесли, что отряд Учителя принялся разрушать стены нашей крепости.

Большой Пончок. Что за люди в этом отряде?

Раджа. Шонопаншу.

Большой Пончок. Если шонопаншу ломают нашу ограду, они перевернут все вверх дном.

Раджа. Потому-то я и поспешил сюда. Теперь я вас спрашиваю, почему развалилась наша стена?

Большой Пончок. Ее ведь охраняет сам обладатель священной шикхи, великий Шива!

Раджа. Так, видимо, на этот раз он склонил свою шикху перед этими нечестивыми шонопаншу! Наверное, вы небрежно произносили мантры, лениво исполняли обряды, иначе такое не могло бы случиться!

Большой Пончок. Вы угадали истинную причину, государь.

Шонджиб. Проклятие богини Однокосицы не могло пройти бесследно.

Раджа. Проклятие? Но отчего она вас прокляла?

Большой Пончок. На северной стороне обители, которая под ее покровительством, было раскрыто окно.

Раджа (*тяжело опускаясь на землю*). Ну, тогда все пропало!

Большой Пончок. Настоятель Одинпунно препятствует искуплению этого греха.

Тринанджон. Он удерживает нас силой.

Раджа. Тогда бесполезно собирать войска. Скорее гоните его прочь!

Большой Пончок. В последний день темной половины месяца...

Раджа. Сейчас не время выбирать дни и числа. Опасность близка. В грозный час я могу воспользоваться и здесь властью раджи, — на это есть указание в ша-страх.

Большой Пончок. Вы правы. Но кто будет настоятелем?

Раджа. Ты, ты, — с этой минуты я назначаю тебя настоятелем. Боги-покровители всех сторон света и эти почтенные брахманы будут свидетелями.

Большой Пончок. Куда же вы предполагаете отослать Одинпунно?

Раджа. Только не за пределы монастыря, — с него станется, что он перейдет на сторону наших врагов. Я советую отправить его на некоторый срок к дорбхокам — племени, что живет на самом дальнем краю владений «Незыблемого».

Джойоттом. Настоятеля Одинпунно — к дорбхокам?! Они же низкорожденные!

Большой Пончок. Тому, кто преступил закон, полезно пожить среди нечистых. Может быть, тогда у него откроются глаза. Не думайте, что я помиую Пончока потому, что он мой брат. Он отправится туда же.

Раджа. Смотри, брат Большой Пончок, теперь вся ответственность за исход сражения лежит целиком на тебе. Мы должны одолеть врага! Иначе несмываемое пятно позора ляжет на ваш «Незыблемый»!

Большой Пончок. Будьте спокойны.

СЕЛЕНИЕ ДОРБХОКОВ.

Пончок. Изгнали, меня изгнали. Но я спасен, спасен! Почему же я до сих пор не могу извлечь свой разум из сковавшей его скорлупы?

(Поет.)

Скорей скажите мне, друзья,
Кто выгнал пчел из их жилья?
В поющей глубине цветов —
Неслышных флейт влекущий зов,
Им пленена душа моя!
О, кто, скажите мне, найдет
Внутри цветка таимый мед?
О, как им околдован я!

Входит несколько дорбхоков.

Первый дорбхок. Учитель!

Пончок. Что я слышу? Кого ты называешь Учителем? Разве на мне написано, что я Учитель?

Первый дорбхок. Чем вас накормить, святой отец?

Пончок. Тем же, что едите вы сами.

Второй дорбхок. Нашей пищей?! Она же осквернена, ведь к ней прикасались наши руки!

Пончок. Ну так что же? Пламя голода не разбивает, чьи руки прикасались к пище. Оно все очищает. А теперь расскажите, чем вы занимались сегодня с утра? Уж наверное, не совершали обряд «Очищения Кувшина»?

Третий дорбхок. Что ты, отец, мы же низкорожденные, дорбхоки, мы об этом и знать не знаем. Уж не одно поколение дорбхоков живет и умирает здесь, но еще ни разу в этих местах не оседала пыль от ваших ног. Утешь наших предков, облегчи их участь, прочти нам какую-нибудь мантру!

Пончок. Вот несчастье! И здесь изволь читать мантры! Стоило ли тогда отправляться в изгнание! Расскажи-те лучше, что вы делали сегодня утром.

Первый дорбхок. Мы не знаем священных ритуалов, зато поем разные песни про всякую всячину.

Пончок. Что за песни? Можно мне послушать?

Второй дорбхок. Ты будешь смеяться, господин.

Пончок. До сих пор я сам потешал людей. Теперь вы потешьте меня,— мне будет приятно послушать вас. Вы не знаете, что я за человек, и боитесь, что я буду смеяться? Не бойтесь, пойте смело.

Первый дорбхок. Ладно, брат. А ну, давайте-ка споем.

Поют

О, безбрежности берег, о, путь без дорог,
О, беззащитного щит, о, убогого бог,
О, очей наших солнце, о, сладость бесценная,
О, сердце ожерелье, о, душа несравненная,
О, краса небывалая, о, речей обаянье,
О, восторг совершенства, о, безмерность страданья,
О, язык бессловесного, о, голодного снеть,
О, рождения зыбка, о, цветения смерть!

Пончок. О братья, помогите мне забыть все мантры, отнимите все мои знания, только научите петь вашу песню!

Первый дорбхок. Нашу песню?

Пончок. Да, да, эту песню отверженных, этот плач обездоленных. Чтоб обрести знание непросвещенных и пропитание нищих, мне не надо было учиться — все мои труды пропали даром. Спойте же еще, друзья, — одной каплей не утолить давней жажды!

Дорбхоки поют

Мы знаем, знаем его, лучшего из друзей,

И днем и ночью мы водим его по земле своей,

Он с нами коров пасет,

Играет на флейте, поет,

Мы ложе ему устраиваем в тени зеленых ветвей.

Мы ставим его рулевым

И в море, хмелея, летим,

И в бурю мы с ним сильнее, и лодка наша прочней!

А вечером, кончив дела,

Когда подступает мгла,

Мы в доме огни зажигаем, чтоб стало ему светлей.

Входит настоятель Одиппунцо.

Одинпунно. Мое изгнание принесло пользу.

Первый дорбхок. Теперь мы все спасены, отец. Ведь до сих пор пыль с твоих ног ни разу не оседала на нашу землю.

Одинпунно. Тем хуже для меня, тем хуже для меня...

Второй дорбхок. Через кого передать тебе воду для омовения, отец? Ведь мы все...

Одинпунно. Пусть даст воду кто-нибудь из вас.

Первый дорбхок. Из нас?! Это невозможно!

Одинпунно. Вполне возможно, друг мой; водой из ваших рук вы освятите меня.

Второй дорбхок. Тогда, идемте скорее, братья. Принесем воды прямо из реки, из нашей Патолы.

Уходят.

Одинпунно. Знаешь, Пончок, вчера у меня было очень тяжело на сердце.

Пончок. А я всю ночь проспал на свежем воздухе, возле дома.

Одинпунно. И вот, когда я сидел так, погружившись в невеселые свои думы, и чувствовал, что весь с головы до ног запятнан грехом, я вдруг услышал, как пели они, все вместе, — они возвращались вечером с работы.

Эй, рулевой с того берега — разве близок причал?

Разве забыты заботы, разве груз полегчал?

Я слушал эту песню, и мне казалось, что мое окаменевшее тело вдруг словно смягчилось. Подумать только, какое бремя тащил я на своих плечах день за днем. Да, немногим удастся с легким сердцем и чистой совестью сесть в ту лодку, которую ведет рулевой к другому берегу.

Пончок. Я подметил у дорбхоков хорошее качество: в своих песнях они говорят обо всем просто и ясно. А я со всеми этими «тот, тот, тотойо, тотойо...» дошел до того, что мои губы отказываются произносить самые обыкновенные слова. Оттого, что я давно не мог позвать никого громко, у меня в груди все ссохлось. Иногда мне хочется закричать во все горло, но звука не получается — голос у меня пропал от бесконечного чтения священных книг. Даже плакать не могу.

Одинпунно. Потому я так и жду прибытия Великого Наставника. Он выкинет весь мусор, скопившийся в наших душах, он возьмет всех за руки и примирит враждующих.

Пончок. Я чувствую благоуханье влажной земли. Где-нибудь идет дождь...

Одинпунно. Пончок, ты ничего не слышишь?

Пончок. А что?

Одинпунно. Мне кажется, это плачет Шубхродро.

Пончок. Разве отсюда услышишь! Нет, это что-то другое.

Одинпунно. Значит, я принес его плач в своем сердце. А знаешь ли, почему меня так ранят эти звуки? Потому что мальчик не может сдержать слез и плачет, хоть и решил, что так нужно.

Пончок. Сейчас они уже посадили его в Великую Тьму, а сами собрались в приличном отдалении и поют ему хвалы, называя маленьким святым. Если бы я был раджей, то приказал бы всех их подвесить за уши, чтобы разом превратить в святых. И ни за что бы не отстал, пока не добился своего.

Одинпунно. Они довели до слез своего святого, Пончок. Его стоны возмутили небо. И все-таки гром еще не расколол их каменной ограда!

Пончок. Мы все часто заставляли нашего бога проливать слезы, но не смогли прогнать его. Мы погасили свет в отведенном ему покое, — не видим его, но он там.

(Поет.)

Во многих рожденьях своих я страдаю,

О мой любимый.

Я плачу и плакать тебя заставляю,

О мой любимый.

Живешь ты в сердце моем

С гнетущей болью вдвоем.

Ужели мил этот дом,

О мой любимый!

В обители этой темно,

Забыто солнце давно,

Но ты в ней гостишь все равно,

О мой любимый!

Я ложа тебе не слал.
Цветов для тебя не сплетал...

Ах, стыд меня обуял,
О мой любимый...

Входит Сутошом.

Одинпунно. Сутошом! Как я рад! Но почему ты пришел сюда?

Сутошом. Куда же мне идти? С тех пор, как ты покинул монастырь, наш «Незыблемый» стал таким суровым, таким неприветливым, словно там вымерло все живое. Дай же мне обнять тебя.

Одинпунно. Не прикасайся, — со вчерашнего дня я не совершаю очистительных обрядов.

Сутошом. Пусть так, пусть так... ничего... Коль и твои объятия нечисты, дозвожь и мне оскверниться.

Они обнимаются.

Пончок (*обращаясь к Сутошому*). Здесь, в селении дорбхоков, прости мне все, в чем я провинился перед тобой там, в монастыре.

Сутошом. Подойти ко мне, сын мой. (*Обнимает его.*)

Одинпунно. Но ведь скоро должен прибыть наш Великий Наставник; почему же ты ушел оттуда?

Сутошом. Именно потому и ушел. Наставник придет, а тебя нет. Его будет приветствовать Большой Пончок, и я должен на это смотреть! Да если бы самый святейший из всех святых мудрецов сказал мне, что этот книжный червь достоин встречать Великого Наставника, я бы все равно не поверил.

Пончок. Смотрите, как незаметно набежали тучи! Слышишь, отец настоятель? Удары грома... один за другим. Все небо полыхает от молний!

Одинпунно. А вот и дождь. Дождь, — его так заждалась земля! Сколько ночей подряд снился он лесам!

Пончок. Земля утолила наконец свою жажду. Наша черная земля, та земля, которую все мы топчем ногами. С музыкой входят дорбхоки, неся в вазах цветы кетаки и кадамбы.

Одинпунно. Почему такая торжественность, друзья? Что случилось?

Первый дорбхок. Все это для тебя, отец.
Ведь никогда раньше ты не приходил к нам.

Второй дорбхок. Мы не знаем шастр, — поэтому ваш бог не заглядывает в наши дома.

Третий дорбхок. А сегодня он пришел в гости к нам, недостойным.

Первый дорбхок. И потому мы не жалеем ничего, чтобы услужить вам.

Второй дорбхок. У нас нет мантр, поэтому мы поем песни.

Дорбхоки бьют в барабаны, пляшут и поют.

Песня

Хлещет буйный ливень, вспенен поток.

В доме одиноком я одинок.

Ветер тяжелый листья рвет,

Вздутая река безумно ревет.

Черной тучей покрыт небосвод,

Сумрак дрожащие рощи облек...

О желанный друг, — на исходе дня

Ты наконец посетил меня!

Я краем одежды лицо твое отру,

Отру волосами ступни твоих ног.

Будет непрогляден мрак ночной,

Но любви светильник справится с тьмой.

Я свою душу расстелю перед тобой...

Ты пришел ко мне — я не одинок!

Одинпунно. Нам тоже надо впустить — впустить того, кто, словно гром, стучится в наши двери, — пусть войдет, не заставляй его ждать.

(Поет.)

Позабыв о смерти, победив страх.

Мы тебя встречаем в наших домах.

Рядом с тобою нынче встанем мы,

Станем сражаться против лютой тьмы.

Справимся мы с препятствием любим,

И счастье и несчастье — все мы победим!

Выйдем в сумрак ночью ненастной,

Не устранившись бурь и тревог!

Все вместе

Хлещет буйный ливень, вспенен поток.
Ты вошел в мой дом — я не одинок!
Ясные молнии ослепляют взгляд.
Радостью великою я объят!
Я в твое лицо заглянуть бы рад —
Да от страха сладкого трепещу!..

Пончок. Снова молния!
Одинпунно. Дождь пошел сильнее...
Сутошом. Теперь это на всю ночь!

У

МОНАСТЫРЬ.

Большой Пончок, Тринанджон, Шонджиб, Бишомбхор, Джойоттом.

Большой Пончок. Почему вы все так встревожены? Никакой опасности нет.

Тринанджон. Ты говоришь — никакой опасности нет, а только что получено известие, будто вражеские отряды разбили стену монастыря.

Большой Пончок. Трудно поверить. Не может камень плыть по воде! Чтобы нечестивцы пробили стену «Незыблемого»! Ты с ума сошел!

Шонджиб. Кто-то говорил, что видел своими глазами.

Большой Пончок. Ему, верно, во сне привиделось.

Джойоттом. Ведь как раз сегодня должен прибыть Великий Наставник.

Большой Пончок. К встрече все готово. Вот только не удалось пока отыскать девятого сына в семье, у которого были бы живы все близкие родственники. Оттого я и не решил еще, кого поставить у входа для чтения молитвы о Великом Спасении.

Шонджиб. Кто же узнает Великого Наставника, когда он придет? Ведь его видел один только настоятель Одинпунно. Никто из нас никогда с ним не встречался.

Большой Пончок. Его знает старик, что играет на раковине, и человек, приносящий цветы для богослужений.

Бишшомбхор. Что это с нашим наставником? На нем лица нет. Верно, пришел сообщить о приходе Великого Наставника. Как же быть с молитвой о Великом Спасении? Ведь мальчика с нужными приметам так и не нашли.

Входит наставник.

Большой Пончок. Ну, как, далеко еще?

Наставник. Какое там далеко? Уже пришли.

Большой Пончок. Но у ворот еще не трубили раковины!

Наставник. Это не требуется, потому что и самих ворот нет — они разбиты.

Большой Пончок. Что ты говоришь? Ворота разбиты?!

Наставник. Да что там ворота! Стены сровняли с землей, теперь о них можно не беспокоиться.

Большой Пончок. Но наш астролог высчитал и указал совершенно ясно...

Наставник. Яркие шапки врагов говорят гораздо яснее астрологов.

Ученики. Какой ужас!

Шонджиб. К чему теперь все твои мантры, Большой Пончок?

Тринанджон. Я-то сразу сказал, что управление обителью не для этих зеленых выскочек, напичканных всякой премудростью.

Бишшомбхор. Что же теперь делать?

Тринанджон. Вернем как можно скорее нашего прежнего настоятеля. Если бы он был здесь, такого безобразия не случилось бы. Он по крайней мере человек опытный.

Шонджиб. Смотри, Большой Пончок, если с нашей обителью что-нибудь случится, мы разорвем тебя на куски.

Наставник. Можете об этом не беспокоиться: это сделают за вас другие, — они уже близко.

Большой Пончок. Не волнуйтесь понапрасну. Стену, пожалуй, можно разрушить, но железная дверь надежна. Если ее сломают, погаснут солнце и луна. Стой-

те твердо, не бойтесь, докажите, что верите в великое могущество бога — покровителя нашего «Незыблемого»!

Наставник. Лучше я пойду поищу ход, как бы отсюда выбраться!

Тринанджон. Мы тоже будем искать! Правда, я понятия не имею, где здесь может быть выход. Ведь нам и во сне не снилось, что когда-нибудь придется отсюда бежать.

Шонджиб. Слышите? Вот оно! Слышите? Все рушится!

Ученики. Что с нами будет? Наверное, дверь уже взломали!

Тринанджон. Хватайте Большого Пончока! Вяжите его! В жертву его богине Однокосице!

Большой Пончок. Хорошо. Принесите меня в жертву богине. Это успокоит ее, — где ей найти душу безгрешной моей?

Входят мальчики-ученики.

Наставник. Почему вы все пляшете?

Первый мальчик. Нам сегодня весело!

Наставник. Но что вас так радует?

Второй мальчик. Сегодня со всех сторон сюда льется свет, — словно раздвинулись все стены.

Третий мальчик. Здесь никогда еще не было так светло...

Первый мальчик. Доносятся голоса птиц...

Второй мальчик. Мы никогда не слышали таких голосов. Они совсем не похожи на голоса тех птиц, что живут у нас в клетках...

Первый мальчик. Сегодня нам хочется бегать и прыгать. Это грех, брат Большой Пончок?

Большой Пончок. Сам не могу понять, что творится. Похоже, что все перевернулось вверх дном.

Первый мальчик. Значит, сегодня занятий не будет?

Большой Пончок. Не будет.

Все. Ой, как хорошо!

Второй мальчик. И не нужно мыть комнаты для занятий?

Большой Пончок. Не нужно.

Все. Как хорошо! Как светло вокруг!

Джойоттом. Ты знаешь, Бишомбхор, у меня сердце так бьется, словно выпрыгнуть хочет. Только не понимаю от чего — от страха или от радости?

Бишомбхор. Да, Джойоттом, сегодня происходит что-то необыкновенное.

Шонджиб. Никак не могу понять, в чем дело. С чего вы так развеселились, дети?

Первый мальчик. Неужели ты не видишь? К нам сюда словно ворвалось все небо!

Второй мальчик. С самого утра мы распеваем песню Пончока.

Джойоттом. Какую?

Первый мальчик. А вот.

(Поет.)

О-о, мой свет, о-о, мой свет,
Свет, весь мир обнимающий!

О свет, полонивший сердце мое,
Свет, глаза омывающий!

О брат мой, танцует свет,
Танцует вокруг души моей!

О брат мой, ликует свет,
Поет на флейте души моей!

О-о — поет небосвод,
И ветер поет взмывающий!

О-о, смеющийся свет,
Мои глаза омывающий!

Купаются в свете бабочки,
Свои паруса подняв.

Пляшут соцветья моллики
И тонкие стебли трав.

Золоту небо под стать, о брат мой,
Яхонтов не сосчитать!

Листья от смеха звенят, о брат мой,
Сколько радости, брат!

Песен река залила берега,
Хлещет нектар вскипающий.

О-о, мой свет, о-о, мой свет,
Свет, весь мир обнимающий!

Мальчики уходят.

Джойоттом. Знаешь, брат Большой Пончок, мне кажется, нам нечего бояться. Иначе разве могли бы дети так беззаботно веселиться?

Большой Пончок. Так ведь я все время и твержу, что бояться нечего.

Входит старик, играющий на раковине, и садовник.

Говорят все вместе. Великий Наставник прибыл.

Все. Великий Наставник?!

Большой Пончок. Ну что, слышал? Я был уверен, что все твои страхи напрасны.

Все. Больше нечего бояться, нечего бояться!

Тринаджон. Конечно, пока Большой Пончок с нами, что может нам грозить?

Все. Слава настоятелю Большому Пончоку!

Входит Учитель в воинском облачении.

Музыкант и садовник (*кланяясь*). Слава нашему Великому Наставнику, слава!

Все ошеломлены.

Большой Пончок. Это — Великий Наставник?

Наставник. Мы все только что слышали...

Большой Пончок. Ты разве наш Великий Наставник?

Учитель. Да. Ты не узнаешь меня, но именно я ваш Великий Наставник, ваш Учитель.

Большой Пончок. Ты — Великий Наставник? Ты, который попрали все наши порядки и явился через пролом в стене? Кто признает тебя?

Учитель. Знаю, что ты меня не признаешь, — и все-таки я ваш Великий Наставник.

Большой Пончок. Если ты наш Великий Наставник, то почему на тебе одежда наших врагов?

Учитель. Таков мой наряд, наряд Великого Наставника. Ведь ты намерен со мной драться, — вот я и предстал перед тобой в боевом одеянии...

Большой Пончок. Почему ты разрушил наши стены?

Учитель. Но ты нигде не оставил прохода для Великого Наставника.

Большой Пончок. Думаешь, если у тебя оружие в руках, так я сразу же признаю себя побежденным?

Учитель. Не сразу. Но со временем придется признать.

Большой Пончок. Думаешь, если я безоружен, так не смогу ударить тебя?

Учитель. Ударить, но не ранить, — ведь я твой Великий Наставник.

Большой Пончок. Неужели все вы склоните перед ним головы?

Наставник. Конечно, если только он смилостивится и примет наши поклоны. Иначе ведь...

Большой Пончок. Ну нет, я-то тебе не стану кланяться!

Учитель. Твоего поклона я не приму, но заставлю тебя покориться.

Большой Пончок. Разве ты пришел не за тем, чтоб тебе поклонились?

Учитель. Нет. Я пришел, чтобы убедиться, как меня унизили.

Большой Пончок. Кто эти вооруженные, стоящие за тобой?

Учитель. Мои ученики и сторонники, — шонопаншу.

Все. Шонопаншу?!

Большой Пончок. Они — твои ученики?

Учитель. Да.

Большой Пончок. Эти не знающие мантр, низкорожденные бездельники?!

Учитель. Подойдите ближе, и пусть они послушают ваши мантры. А на что способны эти бездельники, вам тоже сейчас будет известно.

Шонопаншу поют

Тому, кто во всех ремеслах силен,

Помогаем мы неустанно.

Шутить, как никто, умеет он —

И шутки его нам желанны.

Он четкий и ясный ритм дает —

И радостно движемся мы вперед.

Мы превращаем в поющий пляс

Голос его барабана.

Мы встречаемся с ним в круговерти,
Где играют жизни и смерти.
Жизнь, что печалит и радует нас, —
Лишь часть игры его непрерывной.
Заслышав его громовый призыв,
Мы бежим, обо всем позабыв,
Сквозь тернии рвемся, спешим напрямик
Через горы и океаны.

Большой Пончок. Я — глава этой обители, я приказываю тебе убраться отсюда вон вместе с этими отщепенцами.

Учитель. Главой обители будет тот, кого я назначу. И приказом то, что скажу я.

Большой Пончок. Наставник, нам нельзя больше медлить. Скорее выгоним их отсюда и еще плотнее замкнем все входы и выходы!

Наставник. Похоже на то, что скорее они нас отсюда выгонят.

Первый шонопаншу. Ты говоришь про входы и выходы — а все двери взлетели на воздух!

Наставник. И прекрасно, друзья. Эти двери причиняли нам столько хлопот. Мы, бывало, день и ночь все думали о ключах да замках.

Большой Пончок. Вы можете разрушить каменные стены, можете распахнуть железные ворота, но я накрепко запер двери своих чувств. Я скорее задохнусь и умру, чем позволю вашему воздуху и вашему свету прикоснуться ко мне!

Первый шонопаншу. Откуда он взялся, этот безумец? Не проделать ли острием меча дырочку в его мешке, который именуется почему-то головой, и впустить туда малость свежего воздуха?

Большой Пончок. Нашел, чем меня испугать. Вы можете только убить меня, — ничего другого вы сделать не в силах.

Первый шонопаншу. Давайте возьмем его в плен и уведем с собой. Пусть наши потешатся.

Учитель. Вы хотите взять его в плен? Разве у вас есть такие узы, какими можно связать его?

Второй шонопаншу. Неужели же мы вовсе его не накажем?

Учитель. Накажете? Вы не сможете даже прикоснуться к нему. Туда, где он сейчас, не дотянется ваш меч.

Входят мальчики.

Все. Ты наш Великий Наставник?

Учитель. Да, я ваш Наставник.

Все. Приветствуем тебя.

Учитель. Вы обретаєте большую жизнь, дети мои.

Первый мальчик. Что ты с нами сделаешь, господин?

Учитель. Я буду с вами играть.

Все. Играть?!

Учитель. А иначе какая мне радость, что я ваш Наставник?

Все. Где же ты будешь с нами играть?

Учитель. А у меня есть большое поле.

Первый мальчик. Большое? Такое, как эта комната?

Учитель. Нет, еще больше.

Второй мальчик. Еще больше? Ух, как страшно!

Учитель. Гораздо больше.

Второй мальчик. Гораздо больше?! Как этот двор?

Учитель. Еще больше.

Первый мальчик. А разве играть там не грешно?

Учитель. Почему же?

Второй мальчик. Ведь играть на открытом месте — грех!

Учитель. Наоборот, дитя мое, как раз с открытого места и бегут все грехи.

Все. А когда ты возьмешь нас туда?

Учитель. Как только окончу свои дела здесь.

Джойоттом (*простираясь ниц*). Господин, дозвошь, и я пойду с вами.

Бишшомбхор. Знаешь, Шонджиб, медлить нельзя, а то упустишь время. Господин, возьми и меня вместе с мальчиками.

Шонджиб. Шел бы и ты с нами, Большой Пончок.

Большой Пончок. Я?! Ну нет, ни за что!

Пончок

(поет)

Я готов ко всему, все принять я рад,
Я встречу тебя за оградой, брат.
Мой парус ветром надут,
На том берегу меня ждут.

Но не находит лодки мой взгляд...
В минуты веселья, в часы невзгод,
В душе моей флейта поет, зовет —
И нет мне пути назад.

Внезапным безумьем крылья объаты —
Кто сдержит тебя, летун пернатый?
Зову — и зовы в ответ звучат...

Входит О д и н п у н н о .

Издаലെка ко мне доносятся странные звуки. Похоже, что в «Незыблемом» наступила пора приготовлений к приходу Великого Наставника.

О д и н п у н н о . Да, время пришло. Ведь Великий Наставник еще вчера должен был посетить обитель. Я места не нахожу от беспокойства. Пожалуй, пошлю туда Сутошомы.

П о н ч о к . Он готовится к обряду «Приношение воды» и отправился на поиски священной травы для дорбхоков.

Входят д о р б х о к и .

Что с вами, друзья? Вы чем-то взволнованы?

Первый д о р б х о к . Мы слышали, кто-то напал на «Незыблемый».

О д и н п у н н о . Что за нападение? Сегодня должен прийти Великий Наставник.

Второй д о р б х о к . Нет, нет, мы знаем точно. Сейчас там идет бой. Крепость разрушена.

Третий д о р б х о к . Только прикажите — мы пойдем туда и дадим им отпор.

О д и н п у н н о . Народу там довольно, так что не тревожьтесь, друзья.

Первый дорбхок. Что верно, то верно,— люди там есть, только разве они умеют сражаться!

Второй дорбхок. Я слышал, они спутывают себе руки шнурами, на которых нанизаны амулеты с заклинаниями, и не снимают их никогда, чтобы от работы их руки не утратили святости.

Пончок. Дорбхоки говорят правду, святой отец. Целую ночь стоял такой грохот, что мне казалось, будто рушится вся вселенная. Но я решил, что это мне снится.

Одинпунно. Значит, Великий Наставник еще не пришел?

Пончок. Похоже, что брат не узнал его и затеял с ним драку. Для него ведь нет ничего невозможного. Увидев его ночью, брат Большой Пончок, наверное, принял его за вестника Ямы — бога смерти.

Первый дорбхок. Кто-то говорил нам, что Великий Наставник уже пришел.

Одинпунно. Пришел? Неужели?

Пончок. Кто же тогда сражается там?

Первый дорбхок. От людей я слышал, что их называют отрядом Учителя.

Пончок. Отрядом Учителя? Слушай, это правда, что их так называют?

Второй дорбхок. Ну да.

Пончок. Вот радость! Вот радость!

Одинпунно. В чем дело, Пончок? Что привело тебя в такой неистовый восторг?

Пончок. Я давно мечтал свести нашего Учителя с Великим Наставником, чтобы посмотреть, кто из них победит. И теперь мечта сбылась!

Одинпунно. Я не совсем понимаю тебя, Пончок. Кого ты называешь Учителем?

Пончок. Это моя тайна. Много дней я храню ее в своем сердце. Я ничего не буду рассказывать сейчас. Вот когда он придет, я сведу вас.

Первый дорбхок. Господин, только прикажи — и мы тотчас же ринемся в бой. Смотри, как нас много.

Пончок. Идемте, друзья, я иду вместе с вами.

Второй дорбхок. Неужели ты тоже хочешь драться, отец?

Пончок. Да, непременно.

Один пунно. Что ты, Пончок! Разве кто-нибудь зовет тебя?

Пончок. Мое сердце зовет меня, господин. Меня словно зачаровали. Мне кажется, все происходит во сне. И как я ни силюсь сбросить с себя наваждение, не могу проснуться. Сидеть тут спокойно я больше не в силах. Быть может, в гуще битвы я избавлюсь от этого безумства.

(Поет.)

Нет его больше! Нет его, нет —
Я не напрасно ждал столько лет!
Страх позабыт, разбиты оковы.
Выполнен мой обет.
Если небо зовет меня,
Кто удержит в клетке меня?
Дверь отомкну я — и выйдем все мы,
И разрушим запрет!
Кто хочет — может сидеть взаперти,
Сети призрачные плести,
Что-то в углу своем вычисляя,—
Теперь мне с ними не по пути!
Вооружен я, готов я в бой,
Блещет на солнце доспех стальной,
Конь мой в битву помчится грозой,
Мы победим весь свет!

Входит садовник.

Садовник. Отец настоятель, Великий Наставник пришел.

Один пунно. Что ты говоришь! Великий Наставник? Он пришел сюда? Ему стоило лишь позвать, и я явился бы к нему сам.

Первый дорбхок. Куда же мы усадим вашего Великого Наставника?

Второй дорбхок. Господин, может быть, ты сам пригодишь ему место? А мы отойдем в сторону.

Входит четвертый дорбхок.

Первый дорбхок. Да это вовсе не ваш Великий Наставник. Зачем ему понадобилось приходить к нам сюда? Это наш святой человек.

Второй дорбхок. Наш святой человек?

Первый дорбхок. Ну конечно. Такого одеяния я больше ни на ком не видел. Просто глаза слепит.

Третий дорбхок. Братья, несите все, у кого что есть.

Второй дорбхок. У меня есть джам.

Четвертый дорбхок. А у меня финики.

Первый дорбхок. Принеси-ка скорее, друг, молока от нашей черной коровы.

Входит Учитель.

Одинпунно (*простираясь ниц*). Слава тебе, о Великий Наставник, слава!

Пончок. Что я вижу? Ведь это Учитель! А где же Великий Наставник?

Дорбхоки. Кланяемся тебе, святой человек. Почему ты заранее не известил нас о своем приходе? Угощение для тебя еще не готово.

Учитель. А разве в ваших домах сегодня ничего не готовили? Уж не принялись ли и вы поститься и читать заклинания?

Первый дорбхок. Мы сегодня варили только горох и рис,— ничего другого у нас нет.

Учитель. Другого мне и не надо.

Пончок. Ты не можешь себе представить, как я горжусь, Учитель, что в целой стране один я узнал тебя. Никто больше не подозревал, кто ты такой.

Первый дорбхок. А ведь наш святой человек не был у нас с первого дня полнолуния. Вы помните, он отведал тогда наших лепешек и ушел. Это было очень давно. Пойдемте, принесем ему все, что у нас есть.

Учитель. Что ж ты наделал, настоятель!

Одинпунно. Я не в силах ничего понять. Знаю одно: я все погубил.

Учитель. Ты пытался связать того, кто дал свободу тебе самому.

Одинпунно. Но я не смог, господин мой. Чем больше я старался, думая, что опутываю его, тем больше запутывался сам. Я сам скрутил себе руки, а мог бы ими ослабить узы.

Учитель. Того, кто живет всюду, ты пробовал приковать к одному месту и неминуемо должен был утратить его совсем.

Одинпунно. Я подозревал, что его нет, и пытался создать его облик в своем воображении. День и ночь я плел сети бесплодных усилий.

Учитель. Ты заключил его, не знающего цепей, в тюрьму, где тебе самому было тесно, а сам стал устраивать себе трон в его просторном храме.

Одинпунно. Приказывай, господин. Я знал, что ошибся и не сумел исправить своей ошибки. Я знал, что заблудился; знал и то, что чем дальше иду, тем больше удаляюсь от верной дороги, но страх мешал мне остановиться. Я полагал, что бесконечное кружение в этом колесе поможет мне найти выход.

Учитель. Есть колесо привычек. Оно никуда не катится, только вращается вокруг своей оси. Я выбрался из него на большую дорогу, чтобы идти вместе со всеми странниками вселенной.

Одинпунно. Ты совершил великое. Но почему ты не приходил так долго? Ведь бывал же ты здесь, у дорб-хоков, совсем рядом с обителью. А сколько лет ты не показывался у нас!

Учитель. К ним всегда дорога открыта. Вы же сделали нелегким для меня путь в ваш монастырь.

Пончок. И хорошо поступили. Это помогло нам проверить твое могущество. Наш путь ты сможешь облегчить, но твоя дорога нелегка. Я сейчас думаю, как мне теперь тебя называть, — Учитель или Наставник?

Учитель. Для того, кто идет и не знает, что я его веду, я — Учитель; для того, кто жаждет следовать только моим заветам, я — Наставник.

Пончок. Значит, для меня ты и Учитель и Наставник. Я хочу испытать оба пути сразу — чтобы я сам себя вел и чтобы ты мной руководил. Я не шонопаншу и не страшусь твоей опеки. Я сумею радостно принимать все, что прочту на твоём лице. А сейчас я хочу идти с тобой вместе и разделить твою ношу.

Учитель. Я уже решил, где тебе следует быть.

Пончок. Где же, господин?

Учитель. В «Незыблемом».

Пончок. Снова в обители?! Неужели не истек еще срок моего заключения?

Учитель. То, что было тюрьмой, я разрушил; теперь из того камня тебе предстоит создать храм.

Пончок. Умоляю тебя, господин, не заточай меня вновь в четырех стенах. Мне так нравится твое боевое одеяние, никогда еще ты не казался мне таким прекрасным!

Учитель. Не бойся, Пончок. Теперь в обители не будет покоя. Я распахнул ее двери и впустил туда порывистый ветер борьбы. Я навсегда уничтожил тот уклад жизни, когда все в обители проводили целые дни в неустанном созерцании кончика собственного носа.

Пончок. Но меня никто не станет признавать. Я ведь чужой для них.

Учитель. Я уверен, ты для обители ближе, чем кто-либо другой из живущих там.

Пончок. Господин, я буду одинок, совсем одинок, и они отвернутся от меня.

Учитель. Как раз потому, что они не хотят принимать тебя, твое присутствие там необходимо; именно потому, что они готовы оттолкнуть тебя, ты не можешь их бросить.

Пончок. Что же мне делать?

Учитель. Всех рассеянных по свету нужно призвать к себе.

Пончок. Но разве на всех достанет места?

Учитель. Что ж, если не достанет, значит, наступило время снова ломать стену. Обдумай это заранее, чтобы не прибавлять мне работы в будущем.

Пончок. А шонопаншу...

Учитель. Да, их тоже следует позвать,— пускай немного поучатся сидеть спокойно.

Пончок. Их усадить! Это же для них наказание! Если их взять и растолочь, как горох, и то им приятнее будет. Они только тогда и воображают себя свободными, когда всем мешают.

Учитель. Когда малышу дают спелый бел, он радуется, думая, что это мяч, и носится с ним повсюду. Так же и шонопаншу: они знают только внешнюю сторону свободы и не подозревают, что при усидчивости и терпении из нее извлечешь наибольшую пользу. Поручи их на некоторое

время Большому Пончоку. Это несколько успокоит их, и они смогут заняться духовным самоусовершенствованием.

Пончок. Значит, брат Большой Пончок будет тоже...

Учитель. Да, конечно. У него будет много дел. Он долго жил в темноте, полагая, что колеса движутся как следует, между тем как они крутились на одном месте. Теперь при ярком свете его глаза раскрылись, он стал другим человеком. Теперь его долг учить других самоотречению, умению в случае необходимости отрешаться от своих интересов и желаний. Он владеет тайной того, как всегда оставаться самим собой, презрев все, — голод и жажду, алчность и страх, жизнь и смерть.

Один пунно. А что уготовил ты мне, виновнику всех несчастий?

Учитель. Довольно ты потрудился, брат. Теперь ты пойдешь со мной.

Один пунно. Ты спас мне жизнь, владыка, ты спас меня. Все чувства мои и мысли иссохли и стали жесткими, как камень. Вырви же душу мою из этого каменного склепа. Мне не нужно ничего — подари мне лишь способность чувствовать.

Учитель. Не беспокойся, святой отец, не беспокойся ни о чем. Вот он, полил веселый дождь, — и стук его капель заставляет плясать мое сердце. Мы выйдем на простор, и сквозь дождь ты увидишь, что все плывет вокруг нас. Кто в такую погоду сидит дома, дрожа от страха? Радость всюду: она и в этих черных, густых дождевых тучах, и в блеске острых молний, и в громах ханье грома. И если сегодня тюрбан слетит с твоей головы — пускай; и если одежда твоя промокнет насквозь — пускай, об этом ли сегодня печалиться?! И пускай разбиты стены жилищ, — сегодня люди встречаются лишь на больших дорогах!

Входит Шубхро.

Шубхро. Великий наставник!

Учитель. Что, дружок?

Шубхро. Ведь я еще не искупил свой грех.

Учитель. От твоего греха ничего не осталось.

Шубхро. Как — не осталось?

Учитель. Да. Я его растоптал. Твой грех обратился в прах.

Шубходро. А как же богиня Однокосица, чья коса обладает такой удивительной силой?

Учитель. А, богиня Однокосица! Едва обрушилась северная стена, как мы с ней стали такими друзьями, что она теперь никого не станет пугать своей развевающейся косой. Теперь она похожа на яркий свет неба, — черные пряди ее волос вплелись в освежающие облака, что плывут по небу в душное лето.

Шубходро. Что же мне теперь делать?

Учитель. Теперь мы с тобою братья. Будем бродить вместе и распахивать все двери и окна.

Входит Сутошом.

Сутошом. Не нашел травы, нигде нет такой травы...

Одинпунно. Неужели ты все это время искал траву, Сутошом?

Сутошом. Ну да, священную траву. Только ее нигде нет. Вот горе! Что мне теперь делать? И в таком месте еще живут люди!

Одинпунно. Оставь в покое свою траву. Лучше взгляни сюда.

Сутошом. Что это? Наш Великий Наставник? Здесь, у дорбхоков? Как же теперь быть? Куда же его...

Входят дорбхоки с дарами.

Первый дорбхок. Это мы для тебя привесли, святой человек. Позавчера тетка нашего Кетона пекла лепешки — возьми, осталось немного.

Сутошом. Ой-ой! Что вы наделали! Все испортили! Ведь он же наш Великий Наставник!

Второй дорбхок. Совсем нет. Это наш святой человек.

Учитель. Ну, что еще вы принесли, друзья?

Второй дорбхок. Да вот джам.

Третий дорбхок. И молоко.

Учитель. Поставьте все сюда. Подойди поближе, друг Пончок, иди и ты, Одинпунно, — подойдите оба — старый настоятель и новый настоятель! Отведаем этих даров любви и возблагодарим сегодняшний день.

Входят мальчики.

Все. Учитель!

Учитель. Идите сюда, дети мои, подойдите все.

Первый мальчик. Когда мы выйдем отсюда?

Учитель. Теперь нас ничто не задерживает, можно двинуться в путь хоть сейчас.

Второй мальчик. А здесь что нам делать?

Учитель. Вот тут готова для вас еда.

Первый мальчик. Ой, джам,— вот хорошо!

Второй мальчик. И финики,— как вкусно!

Третий мальчик. А это есть не грешно?

Учитель. Ничуть,— наоборот, это святое занятие!

Первый мальчик. И нам можно есть здесь вместе со всеми?!

Учитель. Ну конечно!

Входит несколько шонопаншу.

Первый шонопаншу. Учитель!

Второй шонопаншу. Все сделали. Ни одной целой стены не оставили. А теперь что делать? Без дела мы сидеть не можем — у нас ноги затекают.

Учитель. Вам нечего беспокоиться. Дело найдется. Я подыщу вам занятие.

Все. Какое?

Учитель. Вместе с нашим Пончком на развалинах монастыря вы возведете новое здание.

Все. Прекрасно! Мы готовы!

Учитель. На этом месте в ночь вчерашней битвы кровь шонопаншу смешалась с кровью обитателей Страны Древних.

Все. Ты прав, Учитель!

Учитель. Но одного смешения мало. Кроваво-красное должно стать светлым! Сделайте стены монастыря такими светлыми, чтобы они сливались с небесным светом. Соберитесь все вместе и приступайте к делу.

Все. Хорошо, Учитель. Тогда тебе придется встать, брат Пончок, сейчас не время прохлаждаться. Поторопись. Нельзя терять ни минуты!

Пончок. Я готов. Прими мой прощальный поклон, Учитель, благослови и ты меня, отец настоятель.

КОММЕНТАРИИ

СТИХИ

ИЗ КНИГИ «КРУПИНКИ»

В книге «Крупинки», опубликованной в 1899 году, собраны главным образом стихи-афоризмы, в которых Р. Тагор сумел в предельно лаконичной форме отразить свое мироощущение, философски обобщить явления и процессы, происходящие в человеческом обществе. Сборник стихов «Крупинки» поэт посвятил своему другу, одному из самых известных поэтов того времени — Промотхнатху Чоудхури (1872—1949).

Стр. 8. Суждение червя. *Пандит* — почетный титул, присваивающийся индусам, получившим классическое индустское образование.

Стр. 10. Спор о власти. *Бокул*, или бакула (*Mimusops elengi*) — большое вечнозеленое дерево, широко распространенное в Индии; в период дождей цветет белыми, очень нежными и ароматными цветами.

Полаш, или палаша (*Butea frondosa*) — небольшое или средней высоты дерево с искривленным сучковатым стволом, покрытым толстой серой волокнистой корой; листья полаша большие, темно-зеленые, их часто используют вместо тарелок. В холодный сезон все листья с дерева опадают, а в феврале или марте его голые безлистные ветви сплошь покрываются яркими оранжево-красными цветами, похожими по форме на раздвинутые клешни рака, черенок цветка и чашечка покрыты

черно-коричневым ворсом, а ярко-красные лепестки — серебристым пушком.

Кочу — растение с сильно развитой корневой системой.

Стр. 16. Незлобие великого. *Нарада* — мифический божественный мудрец, по преданиям, сын бога Брахмы, творца вселенной. Согласно легендам, Нарада постоянно странствует по разным мирам и часто выступает посредником между миром богов и миром людей.

Стр. 22. Спесивый лентяй. *Пучок одинокий волос, примостившись на маковке бритой*. — Ортодоксальные брахманы бреют голову наголо, оставляя на макушке лишь пучок волос, который называется тики.

Стр. 24. Достойный поклонения. *Пред колесницей священной народу склоняется много*. — Во время религиозных праздников статуи богов возят по улицам на колесницах.

ИЗ КНИГИ «ПРЕДАНИЯ»

Сборник поэм «Предания» вышел в свет в начале 1900 года. Некоторые поэмы, включенные в сборник, были написаны еще в 1897 году, однако большинство их создано в 1899 году.

Впоследствии по сюжету поэм «Почитательница» и «Возмездие» (первая не вошла в настоящее собрание) Р. Тагор пишет драмы «Поклонение танцовщицы» (1926) и «Шьяма» (1939).

Основой для поэм сборника «Предания» послужили буддийские легенды, раджпутские предания, сказания о сикхах, а также вишнуитские легенды.

Конец XIX века, когда Р. Тагор работал над «Преданиями», характеризуется усилением национально-освободительного движения в Индии. Как отмечает биограф Рабиндраната Тагора Пробхаткумар Муххопадхай, поэмы сборника «Предания» сыграли огромную роль в пробуждении национального самосознания индийцев; они напоминали соотечественникам поэта о героическом прошлом народов Индии, будили в них благородные чувства — отвагу, готовность к самопожертвованию, любовь к истине и справедливости.

Стр. 44. Доверенный. *Сетара* (Сатара) — небольшое княжество и крепость в западной части Деканского полуострова, ныне город в штате Бомбей.

Шиваджи (1627—1680) — национальный герой маратхов, народности, населяющей западную часть полуострова Декан. Феодалные междоусобицы, резко обострившиеся в Индии в результате начавшегося в конце XVII — начале XVIII веков упадка Могольской империи и приведшие к еще большему разорению крестьянства и мелких индусских феодалов, вызвали в стране массовые антифеодалные движения, направленные на ликвидацию мусульманского владычества. Одним из наиболее организованных было движение маратхского крестьянства, возглавленное маратхским феодалом Шиваджи. Талантливый военачальник и искусный дипломат, Шиваджи использовал участие крестьян в борьбе за независимость и организовал из них необычайно сильную для тогдашней Индии армию, с помощью которой ему удалось освободить от Моголов значительную территорию, населенную преимущественно маратхами, и создать могущественное централизованное государство.

Рамдас (1608—1681) — выдающийся маратхский религиозный реформатор, философ и поэт, один из идеологов и вдохновителей маратхского движения за независимость; был духовным наставником Шиваджи.

Гуру — религиозный учитель, духовный наставник.

Аннапурна («дарующая пищу») — одно из имен богини-мстительницы, богини справедливости Дурги, супруги Шивы. По религиозным верованиям индусов, Аннапурна кормит весь мир.

Священный плащ — одеяние странствующего монаха-отшельника или священнослужителя, представляет собой кусок ткани оранжевого цвета.

Сандалии принес я, о владыка... — намек на эпизод из поэмы «Рамаяна»: после изгнания Рамы из Айодхьи его младший брат Бхарата, в знак сохранения царской власти за Рамой, ставит на трон его сандалии.

Стр. 48. Свидание. *Зарокотала раковина*. — Крупные морские раковины используются во время богослужений, свадебных обрядов и других торжественных церемоний как духовые музыкальные инструменты.

И смазал тело мазью из сандала. — Сандаловое дерево широко распространено в Южной Индии. Древесина его ароматна, из нее делают благовонные мази, порошок для нанесения знаков каст и сект, а также лекарства.

Стр. 51. Возмездие. *Купец-таксилец.* — Таксила (Такшашила — санскр.) — столица древнего государства Гандхара, которое находилось на крайнем севере современного Пакистана. Таксилой называли этот город древние греки.

Лакшми — по индуистским верованиям, богиня красоты, счастья и богатства, богиня-хранительница домашнего очага; супруга Вишну, бога-хранителя.

Стр. 58. Небольшая потеря. *Коруна* — букв. «милостивая», «нежная» — здесь ирония, подчеркивающая коварство и жестокость.

Стр. 62. Суд. *Брахман* — представитель высшей касты в индийской кастовой системе, обязанностью которого, согласно древним законам, являлось жречество и занятие наукой.

Стр. 63. Судья. *Рагхунатх Рао* — военачальник, затем регент при своем несовершеннолетнем племяннике Мадхао Рао I (1745—1772), пешве (правителе) могущественного Маратхского государства, подчинившего к тому времени всю центральную и северную часть полуострова Декан; в 1772 году после смерти Мадхао Рао I пешвой стал его брат Нараян Рао, однако спустя девять месяцев Нараян Рао был убит сторонниками Рагхунатха; прибегнув к подкупам и интригам, пешвой стал Рагхунатх Рао, царствовавший более года. Маратхское государство находилось в постоянной вражде с *Хайдаром Али* (1702—1782), владыкой сильного соседнего княжества Майсор, расположенного в южной части Деканского полуострова. Хайдар Али был одним из наиболее выдающихся военных и политических деятелей Индии XVIII века. Обладая большой, хорошо организованной армией, созданное Хайдаром Али независимое Майсорское государство являлось крупнейшей силой, противостоявшей английским завоевателям в Южной Индии.

Срабон — пятый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому июлю — августу; первый месяц сезона дождей, длящегося с середины июля до середины сентября.

Рам Шастри — духовный наставник при дворе пешвы, друг пешвы Мадхао Рао I; славился своей честностью и неподкупностью. После прихода к власти Рагхунатха Рао Рам Шастри, недовольный действиями нового пешвы, оставил двор и отправился на поклонение святым местам.

Яма — в древнеиндийской мифологии бог смерти и правосудия, владыка подземного царства.

Шастры («поучение», «совет») — так назывались древние наставления в самых различных областях знаний — астрономии, медицине, музыке, праве, военном деле, философии, этике и т. п. Книги эти считаются священными, и изложенные в них правила возведены в закон, которому обязаны следовать правверные индусы.

ИЗ КНИГИ «БАЛЛАДЫ»

Сборник «Баллады» вышел в июле 1900 года, через месяц после опубликования «Преданий». В книге собраны стихотворения и поэмы, написанные Р. Тагором в разные годы: «Пропавший дар» — 1888, «Гибель песни» — 1893, «Старый слуга» и «Жертва» — 1894, «Два бигха земли» — 1895, и лишь «Жалкий дар» был написан в год издания книги. Почти все стихи, составившие книгу «Баллады», ранее публиковались в других сборниках: «Гибель песни» — в «Золотой ладье»; «Старый слуга» и «Два бигха земли» — в книге «Пестрое»; «Пропавший дар» — в книге «Образ любимой». «Старый слуга» и «Два бигха земли» помещены в книге «Пестрое» и в настоящем издании.

«Предания» и «Баллады» неоднократно переиздавались, менялся при этом и их состав. В 1903 году в собрании поэтических произведений Р. Тагора вышла книга в двух частях: «Баллады» и «Предания»; затем стихи этих сборников были напечатаны отдельной книгой под общим названием «Предания и баллады».

Стр. 66. *Гибель песни. Весенний праздник Холи* — грандиозный праздник в честь наступления весны; отмечается накануне дня весеннего равноденствия.

«*Агомони*» — приветственная песня, которую исполняют обычно во время праздника, посвященного богине Дурге, самого популярного в Бенгалии божества. Согласно индийской

мифологии, Дурга считается дочерью царя гор Хималая; каждую осень, в светлую половину месяца *ашшин* (см. прим. к стр. 232) она на несколько дней приходит к нему в гости. Ее приход встречают песней «Агомони».

Праздник веселый Биджойа. — День Биджойа — последний день праздника Дурги, когда она, по преданию, уходит из дома родителей и возвращается к своему супругу, богу Шиве.

Остад-джи. — Остад (устад — *араб.*) — учитель, наставник; здесь — мастер, как обращение к виртуозу-музыканту; джи — почтенный (прибавляется к званию или имени в знак уважения).

Мелодия «имонколлян» — грустная протяжная мелодия.

Пан — особым образом приготовленная смесь из дробленых семян арековой пальмы, небольшого количества негашеной извести, экстракта из акации и различных специй; жевать пан — широко распространенный в Индии обычай.

Стр. 70. *Пропавший дар. Громады-шалы.* — Шал, или сал (*Shorea robusta*) — название дерева очень высокого и величественного; сал относится к ценным породам деревьев. Саловые леса в Индии занимают огромные площади, дерево это культивируется и охраняется законом.

Сикх — приверженец сикхизма, религии, основателем которой был гуру Нанак (1469—1538); сикхизм распространен преимущественно в штате Пенджаб (Северная Индия), где в XVIII веке было создано государство сикхов. Основной принцип сикхизма — учение о единстве мирового духа и индивидуальной души и как следствие этого — отрицание кастовой системы.

Стр. 72. *Жалкий дар. Махарадж, махараджа* — титул правителя индусского княжества.

Садху — аскет, подвижник, посвятивший себя служению божеству.

Лакх — сто тысяч.

Стр. 74. *Жертва. В прошлом рождение грешила вдова.* — Согласно религиозным представлениям индусов, все живые существа подвержены непрерывной смене форм существования; телесная оболочка, в которой возрождается душа умершего, зависит от характера совершенных ею «в предыдущей жизни»

поступков. «Те, кто вел себя добродетельно, — говорится в упанишадах, — быстро достигают высокого рождения — рождения брахманом, *кшатрием* или *вайшьем* (см. прим. к стр. 448 и 489). Но те, кто вел себя дурно, очень быстро возрождаются в виде свиньи, собаки или *шудры*» (см. прим. к стр. 489).

Саньяси — четвертая, последняя ступень жизни брахмана, когда, отрешившись от всего земного, он должен стать аскетом и направить свои помыслы на единение с богом и спасение души. Саньяси живет только милостыней и почитается земным богом, посещение которого освящает дом.

Век железный... век золотой. — В индийской мифологии различаются четыре мировых периода, или юги: золотой век, серебряный, медный и железный; последний продолжается и в настоящее время.

Карна — согласно индийским легендам, первый внебрачный сын Кунти (матери пандавов — героев «Махабхараты»), родившийся якобы от бога Солнца.

Шиби — по индийским легендам, сын Ушинары, царя древнего царства Ушинара. Шиби прославился щедростью и добротой. В древних сказаниях говорится, что однажды бог Индра в облике сокола преследовал Агни, бога огня, принявшего образ голубя. Шиби укрыл голубя, за что Индра потребовал, чтобы он отдал свою плоть, по весу равную весу голубя. Шиби отрезал часть бедра и положил на весы, на другой чаше которых лежал голубь, но голубь оказался тяжелее. Тогда Шиби отрезал еще часть и еще, однако голубь по-прежнему перевешивал. Наконец Шиби решил отрезать голову, но тут Вишну, пораженный его добродетелью, задержал руку Шиби и вознес его на небо. С той поры Шиби почитается идеалом щедрости и верности данному слову.

Чудесный дельфин — так условно переводится на русский язык санскритское название фантастического морского чудовища «ма́кара».

Бхагиратха. — Однажды сыновья легендарного царя Сагары, как гласят индийские предания, оскорбили риши (божественного мудреца) Капилу, и тот огнем своего гнева превратил их в пепел. Оживить сыновей Сагары можно было лишь водами Ганги, которая тогда протекала на небесах. Прошло много лет, и вот потомок царя Сагары — Бхагиратха своим суровым аскетизмом растрогал богов, и, чтобы оживить сыновей царя Са-

гары, они низвели Гангу на землю. С тех пор Ганга носит название «Бхагиратхи», то есть «дочь Бхагиратха».

Гхат — каменный ступенчатый спуск к реке, пруду или озеру; здесь индусы совершают омовения, берут питьевую воду, стирают белье; сюда же причаливают лодки.

ИЗ КНИГИ «ФАНТАЗИИ»

Над стихотворениями, вошедшими в книгу «Фантазии», Р. Тагор работает с апреля — мая 1897 года. Центральными произведениями первого периода работы над «Фантазиями» (апрель — июнь 1897 г.) являются стихи «До сожжения бога любви» и «После сожжения бога любви». В них образ бога любви, испепеленного Шивой, поэт использует как аллегория любви, развеянной по земле и существующей во всем.

Созданию стихотворения «Что толку просить подаянье?» предшествовала бенгальская провинциальная конференция, состоявшаяся в Наторе 11 июня 1897 года. На конференции обнаружилось противоречия между ее участниками и, в частности, разногласия по вопросу об отношении к родному языку. Непосредственной реакцией на эти противоречия и явилось названное стихотворение.

В сентябре — октябре 1897 года поэт путешествует по рекам Северной Бенгалии. В это время были написаны многие лирические стихи «Фантазий», в их числе — «Это правда?».

В 1898 году Тагор пишет стихотворения «Зов матери», «Песнь несчастного», «Бенгалия-Лакшми» и др., в которых создает образ прекрасной, добродетельной родины-матери.

Последние стихотворения сборника «Фантазии» относятся к 1899—1900 годам. В мае — июне 1900 года книга выходит в свет.

Стр. 78. Тяжкий час. *Аруна вкушает сон.* — В индийской мифологии Аруна — возница Солнца, олицетворяет собой зарю.

Ашон, или асан — небольшой коврик, на который обычно садятся совершающие молитвенный обряд.

Стр. 80. Сон. *Уджаини* (совр. Удджайн) — столица древнего царства Малвы, находившегося в горах Виндхья, один из древнейших городов Индии, наряду с другими семью городами Индии (Бенаресом, Аллахабадом и т. д.) почитается индусами

как священный. Индийские географы приняли Удджайн пунктом, через который проходит нулевой меридиан.

Лодхра (*Symplocos racemosa*) — дерево с желтыми ароматными цветами и зубчатыми листьями, кора его используется при крашении, а цветочная пыльца — как пудра.

Диск и раковина — по преданиям, атрибуты бога Вишну; условное изображение их часто используется как украшение на стенах домов.

Кадамба (*Nauclea cadamba*) — большое вечнозеленое дерево с очень твердой древесиной, в период дождей на нем распускаются крупные оранжевые цветы; плоды кадамбы сладкие, в прошлом из них делалось вино, носившее название «кадамбари». Цветы, плоды и листья кадамбы употребляются для приготовления многих лекарств; древесина идет на изготовление лодок.

Мальвианка — жительница древнего царства Малвы.

Взорам является Лакшми с вечерней звездой. — По индийским преданиям, богиня Лакшми сходит на землю с наступлением сумерек.

Стр. 82. Б о г л ю б в и. *Камадева* — в индийской мифологии бог любви, изображается прекрасным юношей, восседающим на попугае; он вооружен луком из сахарного тростника с тетивой из пчел и колчаном с пятью цветочными стрелами.

Мадхоби — вьющийся жасмин.

Мадана (букв. «опьяняющий») — одно из имен бога любви Камадевы.

Испепелив Камадеву, что ты соделал, о Шива? — Как рассказывается в индийских легендах, однажды веселый бог Камадева пустил свою стрелу в Шиву, когда тот был погружен в самосозерцание, и внушил ему вожделение к Парвати; разгневанный такой дерзостью бога любви, Шива взглядом своего третьего глаза, расположенного посреди лба, испепелил его.

Раги — супруга Камадевы.

Фалгун — двенадцатый месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому февралю — марту; последний месяц прохладного сезона, преддверие весны.

Стр. 88. Н о ч ь в м е с я ц е ч о й т р о. *Чойтро* — первый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому марту — апрелю; первый месяц весны.

Стр. 90. Это правда? *Небесный мандар* — мифическое коралловое дерево; одно из семи волшебных деревьев в небесном саду Индры, бога-громовержца, владыки рая.

Стр. 92. Бенгалия-Лакшми. — В этом стихотворении, так же как и в стихотворении «Индия-Лакшми» (стр. 95), Р. Тагор использует мифологический образ богини Лакшми (см. прим. к стр. 51) как символ добра и благоденствия, как олицетворение родины-матери.

Стр. 94. Что толку просить подаянье? *Рис и плоды ты кладешь на листок...* — В Индии вместо тарелок часто используют большие, широкие листья некоторых деревьев.

ИЗ КНИГИ «МГНОВЕНИЕ»

Первое стихотворение этого сборника было написано в апреле — мае 1900 года, а в июле книга уже вышла из печати.

В конце 90-х годов поэтическое творчество Тагора подвергалось особенно резкой критике в журнале «Шахитто» ревнителями классических форм в современной индийской поэзии. Непосредственным ответом на эту критику явилось стихотворение «Жду награды».

Вместе с тем «Мгновение» — своего рода итог пройденного поэтом творческого пути, Тагор осознает важность той задачи, которую он возложил на свои плечи как художник слова («Возраст поэта»), и утверждающе решает вопрос о необходимости писать по-новому.

Стр. 102. Пьяный й. *Идете в путь наперекор календарям...* — Имеется в виду астрологический календарь, по которому брахманы якобы могут предсказывать исход любого начинания и определять благоприятные сроки для его исполнения.

Стр. 104. Шастры. *В лес уходить предписывают шастры старцам седым.* — Согласно шастрам, правоверный индус, «вырастив своих детей и увидев внуков своих», обязан был стать отшельником (*vanaprastha*), то есть отрешиться от мирских дел и удалиться в уединенное место, где ему следовало предаться религиозным размышлениям и вести аскетический образ жизни,

Чампак (*Michelia champaka*) — дерево средней высоты, цветущее золотистыми благоухающими цветами.

Стр. 108. Преувеличение. *В лотосе сердца... ты остаешься единой богиней.* — По индуистским верованиям, тронем для многих божеств является лотос.

Есть еще триста миллионов других. — Обожествляя природу и все ее явления, древние индусы создали огромный пантеон богов, наделив их всеми человеческими чувствами и качествами; по одним подсчетам в индуистском пантеоне свыше 300 млн. богов, по другим — иное число, но всегда состоящее из различных комбинаций цифры 3.

Стр. 111. Возраст поэта. *А над ними — Семь Мудрецов блистают.* — В ведах говорится о том, что некогда существовали семь божественных мудрецов-подвижников (*saptarshi*): Готама, Бхарадваджа, Вишвамित्रа, Джамадагни, Васиштха, Кашьяпа и Атри; они якобы являются сыновьями Брахмы, и им приписывается авторство ведийских гимнов. Индуистские литературные памятники более позднего происхождения добавляют к их числу еще несколько имен. Согласно легендам, эти семь мудрецов живут на небе, являясь звездами Большой Медведицы.

Стр. 113. Жду награды. *Наваб* — титул мусульманского наместника, правителя в Бенгалии. Здесь в значении — владыка, господин.

Рани — госпожа; титул супруги раджи.

Стр. 118. Когда-то. *Была б десятой в ожерелье жемчужина моя.* — Период правления династии Гуптов (IV—V вв.), создавших на территории Центральной и Северной Индии сильное государство, называют «золотым веком» древнеиндийской культуры. По преданиям, двор Гуптов украшали «девять жемчужин», девять великих мыслителей и поэтов, включая Калидасу. В последний период правления Гуптов столицей их царства был город Уджаини.

Гора «Забав» — место, где устраиваются игры, спортивные состязания; здесь же происходят и состязания поэтов.

Шесть сезонов год встречает. — В отличие от европейского, индийский год делится на шесть сезонов: прохладный сезон, весна, лето, сезон дождей, осень, зима,

Ашарх — четвертый месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому июню — июлю; последний летний месяц, предшествует сезону дождей.

Ашок, или ашока (*Ironia asoka*) — большое красивое дерево, никогда не теряющее зелени, цветет мелкими белыми цветами. Дерево это издавна считается священным, во время различных празднеств из его ветвей делают гирлянды, которыми украшают здания. Согласно поверью, цветы ашоки распускаются лишь от прикосновения ноги молодой красивой женщины.

Сирис (*Albizia lebbek*, или *Mimosa sirisa*) — высокое дерево с раскидистой кроной; цветет летом и в начале сезона дождей; зеленовато-белые цветы сириса, похожие на маленькие метелочки, не отличаются особенной красотой, но приятно пахнут. В конце холодного сезона листва опадает и на ветвях остаются лишь большие желтые стручки.

Шалика (*Turdus salica*) — птица из семейства скворцов.

Шаурасени — один из среднеиндийских языков; в древнеиндийских драмах на шаурасени говорили обычно женщины.

Ачарья Диннага — известный буддийский философ и критик; современник Калидасы. Здесь Тагор намекает на современную ему критику, шутливо замечая, что он не хотел бы попадать под удары ее острых стрел.

Стр. 125. Р а с п л а т а. *Дхумралочан* — один из персонажей «Махабхараты», военачальник Шумбхи и Нишумбхи — братьев-асуров (асуры — древнейшие божества, братья богов, позднее ставшие их врагами), известный своей воинской доблестью.

Стр. 127. Мы живем в одной деревне. *Кодом* — кадамба (см. прим. к стр. 80).

Стр. 131. Снова дожди.. *Опять мое сердце павлином танцует.* — По народным приметам, павлины начинают танцевать к дождю. Индусы объясняют это тем, что павлины якобы постоянно томятся жаждой и потому появление туч, предвещающих дождь, приводит их в экстаз. Образ этот давно стал излюбленным в индийской поэзии при описании сезона дождей.

Кетоки, или кетаки (*Pandanus tectorius*) — небольшое дерево или группа деревьев с длинными саблеобразными листь-

ями и гладкими коричневатыми стволами, опирающимися на крепкую воздушную корневую систему; зацветает в июле, цветы распускаются гроздьями и издают сильный аромат. Кетакки растут рощами на песчаном морском побережье Индии и Бирмы.

Стр. 134. Кришноколи. *Деревьѣ тамаловой рощи.* — Тамал (*Xanthochymus pictorius*) — большое вечнозеленое дерево, растущее в горах и изредка по берегам реки Джамуны. Тамал бывает обыкновенный и темный, кора у последнего очень темная, цветы белые и совершенно черная древесина.

ИЗ КНИГИ «ДАРЫ»

В книге «Дары», опубликованной в 1901 году, нашли поэтическое выражение религиозно-философские взгляды и патристические устремления Р. Тагора в начале 900-х годов. Большая часть произведений этого сборника написана в форме, близкой к сонету, и потому многие индийские исследователи творчества Тагора считают их своеобразными сонетами.

В 1912 году часть стихотворений этого сборника в переводе на английский язык, выполненном самим Р. Тагором, была включена в сборник под названием «Гитанджали» (см. «Жертвенные песни»).

Стр. 169. *Но шарфа ты светлого не снимай.* — Белые чадор (шарф) и дхоти — национальная одежда бенгальцев; «светлый шарф» — здесь символ простой, лишенной роскоши, но независимой жизни.

ИЗ КНИГИ «ЕЕ ПАМЯТИ»

В ноябре 1902 года умирает жена поэта, в память о ней Р. Тагор пишет небольшой сборник стихотворений.

В декабре почти все стихи этого сборника публикуются в журнале «Бонгодоршон»; целиком они вошли в состав шестой книги собрания поэтических произведений Р. Тагора, вышедшего к 1903 году.

Стр. 179. *Сарасвати* — в индийской мифологии богиня красноречия, покровительница наук и искусств.

В 1903 году выходит сборник стихотворений, посвященных детям; почти половина включенных в него стихов была написана Р. Тагором значительно раньше, для журнала «Балок», издававшегося специально для детей многолюдной семьи Тагоров.

В 1913 году сборник «Дети» был издан в Лондоне на английском языке под названием «Crescent moon» и после этого выдержал несколько изданий. Эта книга неоднократно издавалась на русском языке: «Лунный серп» в переводе М. Ликиардопуло, 1915 г.; «Возрождающаяся луна» («Лунный серп») в переводе Б. Васина, 1916, 1925; «Пусть эта песня обовьет...» (Из книги «Лунный серп») в переводе А. Е. Грузинского, 1918, и др. В 1918 г. «Лунный серп» появляется в переводе на украинском языке.

Стр. 194. Рассказ о рождении. *На празднике Шивы из глины тугой лепила тебя. И потом разбивала.* — Во время религиозных праздников индусы лепят из глины изображения богов, а после обряда поклонения топят их в реке или разбивают.

Стр. 202. Сказка и явь. *Чампа* — чампак (см. прим. к стр. 104.)

Сказка о семи братьях — намек на народную легенду о семи братьях, которые были превращены в деревья *чампа*, цветущие золотистыми цветами, и их сестре, обращенной в дерево *парул*, покрывающееся во время цветения красными цветами. Эта легенда использована Р. Тагором и в стихотворении сборника «Дети» — «Семеро братьев чампа».

Девушка-нага. — Наги — мифические существа с головой человека и туловищем змеи; считаются полубогами; наги обитают в Патале, подземном царстве.

Стр. 205. В о п р о с. *Мадар* (*Calotropis gigantea*) — гигантский молочай, одно из самых распространенных растений в Бенгалии; высокий кустарник или небольшое дерево с желтоватой или пепельно-серой корой, бугристой, как у сосен; нижняя сторона листьев покрыта мягким белым ворсом; розовато-лило-

вые или белые цветы растут гроздьями по несколько штук на стрелках, которые дерево выбрасывает из оснований черенков листьев. Сок мадара применяется в крашении кож, придает им желтый цвет, из него можно также вырабатывать гуттаперчу. Из корней, коры, цветов и листьев изготовляют множество различных лекарств.

Стр. 207. М у д р о с т ь. *Дада* — старший брат, а также обращение к старшему.

Ганеша — в индийской мифологии бог мудрости и успеха, одно из наиболее популярных божеств индуистского пантеона, сын бога Шивы и Парвати; изображается с телом человека и головой слона. Согласно древним индийским обычаям, перед началом каждого доброго дела необходимо почтить Ганешу, который считается «устранителем препятствий». Поэтому с обращения к Ганеше, так же, как и к Сарасвати, начинались многие произведения древней и средневековой индийских литератур.

Стр. 220. Я у й д у. *Праздник Дурги* — см. прим. к стр. 66, «Агомони».

Стр. 222. Б у м а ж н ы й к о р а б л и к. *Шиули*, или шефали (*Nyctanthes Arbor-tristis*) — низкорослое дерево или кустарник, обильно цветущий мелкими ароматными цветами. Шиули называют «деревом печали», так как его цветы не выносят солнечного света, расцветают ночью и утром осыпаются.

Стр. 224. П р о щ а н и е с з и м о й. *Васант* — бог весны, постоянный спутник бога любви Камадевы.

Красные только мелькают ступни. — По индийским преданиям, ступни у богов и богинь окрашены в красный цвет.

ИЗ КНИГИ «ПОСВЯЩЕНИЯ»

В 1903 году выходит в свет второе собрание поэтических произведений Р. Тагора под редакцией Мохитчондро Шена (первое собрание поэтических произведений Р. Тагора вышло в 1896 г.). Собрание, в котором стихотворения были расположены не в хронологическом порядке, а по темам, было разбито на 28 частей. Каждой из этих частей Тагор предпослал стихотворное вступление, которые затем вместе с 24 другими

стихотворениями, написанными Тагором в связи с иными фактами и событиями, в 1914 году были объединены в сборник под названием «Посвящения». Биограф Р. Тагора Пробхаткумар Мукхопаддхай считает этот сборник самостоятельным произведением, отражающим путь развития поэзии Р. Тагора. В настоящем томе собрания сочинений помещены лишь некоторые стихотворения из книги «Посвящения».

Стр. 226. *...если б алый ашок не расцвел.* — Ашок — см. прим. к стр. 118; почки дерева ашок огненно-красного цвета и потому до цветения все дерево кажется ярко-алым.

Стр. 232. *Ашвин*, или ашвин — седьмой месяц нового бенгальского календаря, соответствует европейскому сентябрю — октябрю; первый осенний месяц; осень в Индии наступает после сезона дождей и считается самым чудесным временем года.

Стр. 235. *О мудрец Джогодиш!* — Это стихотворение посвящено Джогодишчондро Бошу (1858—1937), крупнейшему ученому-физику, с которым Р. Тагор был в дружбе с конца 90-х годов прошлого века.

«Самаведа» — одна из четырех вед — веда жертвенных гимнов и заклинаний.

Стр. 241. *Дай нам остатки жертв.* — Имеется в виду *прошад* — жертвоприношение богам.

Бхарат — одно из существующих в индийских языках названий Индии по имени ее легендарного правителя царя Бхараты, родоначальника рода Бхаратов, о войне между потомками которого повествует великая героическая поэма «Махабхарата».

Плащ молитвенный — см. прим. к стр. 44, «Священный плащ».

Таинственная амрита — в индуистской мифологии божественный напиток, эликсир бессмертия. Индийские легенды рассказывают, что, сражаясь с демонами и титанами, боги однажды почувствовали, что слабеют, и обратились к Вишну с просьбой даровать им бессмертие. Вишну велел им пахтать

океан до тех пор, пока из недр его не появится сосуд с эликсиром бессмертия — амритой. Боги выполнили повеление Вишну и, испив амриты, победили демонов.

ИЗ КНИГИ «ПАРОМ»

Книга выходит в июле 1906 года с посвящением Джогодишчондро Бошу (см. прим. к стр. 235). Р. Тагор работал над нею в течение года — с июля 1905 года.

Стр. 255. Светильник горит напрасно. Праздник проходит, — светильник свой рядом с сотней других я поставлю... — В Индии существует обычай зажигать огни во время праздника в честь какого-нибудь божества.

Стр. 257. Непотревоженная. *Бойшакх* — второй месяц нового бенгальского календаря, соответствует апрелю — маю; последний месяц весны, предшествующий жаркому индийскому лету. В месяце бойшакх часто бывают сильные песчаные бури.

Шакти — активная созидательная сила различных божеств; культ Шакти особенно развился в позднем шиваизме, где главной фигурой культа становится Деви, супруга Шивы, в различных ее воплощениях.

Стр. 278. В месяце бойшакх. *Амла* (*Emblica officinalis*) — одна из разновидностей мироболана. Небольшое или средней высоты дерево с мягкой корой и твердой темно-красной древесиной, веточки его покрыты множеством мелких игольчатых листочков, растущих в одной плоскости так, что веточка напоминает птичье перо. В середине лета у черенков молодых листьев распускаются мелкие зеленовато-желтые цветы, которые в холодный сезон дают желтые с небольшой краснотой плоды, похожие на крыжовник; плоды амлы, очень кислые и вяжущие, содержат в себе танин, используются как лекарство и для дубления кож.

Мохул, или мохуа (*Madhuka latifolia*) — большое вечнозеленое дерево с раскидистой кроной; в период цветения на нем распускается множество белых цветов со специфическим пряным ароматом.

Лес... саловый. — Дерево шал (см. прим. к стр. 70, «Громады-шалы»).

Стр. 280. П у т н и к. *Семь сияющих звезд* — *семь небесных святых* — см. прим. к стр. 111, «А над ними — Семь Мудрецов блистают».

ИЗ КНИГИ «ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ»

Первые стихи, вошедшие в книгу «Жертвенные песни», или «Гитанджали», написаны в июне — июле 1909 года. В сентябре 1910 года книга выходит в свет. В ней 157 стихотворений; часть из них ранее была написана для драмы «Осенний праздник» (1908).

Широкою известность во всем мире и популярность среди соотечественников эта книга приобрела после того, как в ноябре 1912 года «Индийское общество» в Англии, а затем, в марте 1913 года, издательство Макмиллана выпустили ее под названием «Гитанджали» в переводе на английский язык; за этот сборник Р. Тагор в конце 1913 года получил Нобелевскую премию. Переводы были сделаны самим поэтом. По составу эта книга отличалась от «Гитанджали» на бенгальском языке. Из оригинального «Гитанджали» было взято лишь 51 стихотворение, другую часть составили стихотворения из сборников: «Гирлянда песен», «Дары», «Паром», из книги «Дети», а также «Сбор урожая», «Ее памяти», «Фантазии» и «Посвящения».

В России первые переводы «Гитанджали» (в английском варианте) появились уже в 1913 году: в литературно-художественном сборнике «Слово» было опубликовано двадцать одно стихотворение из «Гитанджали». Это было первое знакомство русского читателя с поэзией Рабиндраната Тагора, затем последовал целый ряд изданий не только «Гитанджали» (свыше десяти изданий между 1914 и 1925 гг.), но и книг «Лунный серп» (см. выше), «Садовник. Лирика любви и жизни» (в которую вошли стихи из разных сборников), «Цветы моего сада».

Стр. 305. *Ситар* — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Семь миров. — В индийской космогонии существует четырнадцать миров: семь верхних, или небесных, и семь нижних, составляющих преисподнюю. Первые семь называются: Бху,

Бхувах, Свах, Махах, Джанах, Тапах и Сатъя. Семь миров преисподней носят названия: Атал, Сутал, Витал, Габхастимат, Махатал, Расатал и Патал.

Стр. 313. *Арийцы*, вернее арии — древний светлокожий народ, вторгшийся в Индию, как предполагают, 5—6 тысяч лет тому назад. Арии завоевали всю Северную и Центральную Индию. Считается, что они явились творцами вед и создателями кастовой системы. Впоследствии слово «арья» утратило всякое понятие народности и стало означать «благородный» в отличие от неариев, «низших», кочевых и диких племен.

Гуны — племена, которые в течение V—VI веков почти полностью захватили Северо-Западную и Центральную Индию.

Дравиды — группа народностей, населяющих главным образом Южную Индию. Предполагается, что до прихода ариев дравиды составляли основное население Индии и обладали очень высокой культурой.

Патаны — индийское название афганцев, в средние века много раз пытавшихся покорить Индию.

Саки. — Некоторые историки ассоциируют саков со скифскими племенами, вторгшимися в Индию приблизительно в середине II века до н. э. Саки правили Северо-Западной и Западной Индией в течение значительного периода времени и постепенно ассимилировались с коренным населением.

Моголы — индийское название монголов, неоднократно совершавших опустошительные набеги на Северо-Западную Индию. В 1526 году потомок Чингис-хана Бабур основал в Индии империю Великих Моголов, которая правила более двух веков.

Рудра — в ведической литературе бог грозы, впоследствии стал отождествляться с богом Шивой.

Звук священный «ом». — «Ом» — слово, выражающее торжественное обращение к богам, заклинание или благословение; употребляется в начале молитв и обычно ставится в начале книг. Слово «ом» по индийской фонетике состоит из трех звуков: а, и, т, символизирующих три веды; впервые появилось в упанишадах. В более поздний период стало мистическим обозначением индуистской триады: Вишну, Шивы и Брахмы.

Стр. 320. *Прошад* — см. прим. к стр. 241, «Дай нам остатки жертв».

ДРАМЫ

ОСЕННИЙ ПРАЗДНИК

Драма «Осенний праздник» была написана в 1908 году и предназначалась для постановки в школе Шантиникетона. Это первое произведение Р. Тагора из цикла танцевальных драм, посвященных празднованию различных времен года.

Стр. 364. *Кея* — кетоки (см. прим. к стр. 131).

Локхи-сова. — Буквальное значение имени «Локхешшор» — «Владыка богини Лакшми». Согласно индийской мифологии, богиня богатства Лакшми (*бенг. Локхи*) всегда является на землю в сопровождении совы, которая считается порождением тьмы, символом злобы и коварства. По этой аналогии, желая подчеркнуть духовное убожество Локхешшора, дети и наградили его прозвищем «Локхи-сова», то есть «Сова богини Лакшми».

Стр. 365. *Баньян* (*Ficus indica*, или *bengalesis*) — индийское фиговое дерево, смоковница; огромное раскидистое дерево, его горизонтально растущие ветви часто пускают воздушные корни, которые, врастая в землю, образуют новые стволы; так знаменитый баньян в штате Андхра имеет 300 стволов, и говорят, что под сенью его кроны могут одновременно встать до 20 тыс. человек. Листья баньяна широкие, на коротком черенке, у их основания растут парами фиги, обычно ярко-красные, напоминают вишни.

Парул, или *пароа* (*Ficus glomerata*) — небольшое вечно-зеленое дерево, цветет красными цветами. В районе Калькутты это дерево меняет листву в необычное для других деревьев время года — в ноябре; одетое молодой листвой, оно выглядит в эту пору очень красиво. В некоторых районах Индии парул считается священным, так как существует поверье, что под каждым деревом в земле обязательно бежит ручей. Именно поэтому его древесина, ветви, листья широко используются во время ритуальных церемоний.

Стр. 368. *Свами* — букв. «господин», «владыка» — почтительный титул религиозного наставника, аскета-проповедника.

Стр. 368. *...горсть праха от ваших ног...* — Взять прах от ног значит низко поклониться, коснувшись правой рукой ног приветствуемого, а затем своей головы (при встрече или расставании); выражая особое уважение или почитание, встают на колени или простираются ниц, вытянув вперед руки.

Стр. 369. *Шарада* — одно из имен богини Дурги, по другим источникам — богини Сарасвати.

Стр. 372. *Локанатх* (Локанатха) — букв. «Владыка мира», одно из имен бога Шивы.

Стр. 376. *Осень наступает... пора отправляться по торговым делам.* — В древности летом и в сезон дождей военная, торговая и прочая деятельность в Индии прекращалась. Первоначально это делалось по необходимости, так как в страшную летнюю жару и в период дождей передвижение в старой Индии было весьма затруднительным, затем вошло в обычай. С наступлением после сезона дождей осени, самого приятного в Индии времени года, цари обычно выступали в поход, нищие отправлялись просить милостыню, купцы пускались в путь по торговым делам, а отшельники уходили в леса, чтобы предаваться там религиозным размышлениям.

...золотой лотос, на котором покоятся ноги Лакшми. — Когда боги пахтали океан, чтобы добыть амриту, вместе с другими драгоценностями появилась на золотом лотосе богиня Лакшми. По преданиям, человек, владеющий этим лотосом, который хранится в саду Индры, может получать в любом количестве золото, серебро и другие драгоценности.

Стр. 382. *...волосы-то собрал в пучок, как настоящий саньяси...* — Саньяси скручивали волосы в жгут, который в виде пучка возвышался надо лбом.

Стр. 381. *Каш*, или кас (*Saccharum spontaneum*) — высокое травянистое растение, цветет в конце сезона дождей пушистыми белыми цветами.

РАДЖА

Драма «Раджа» написана и опубликована в 1910 году; впервые поставлена в Шантиникетоне в начале 1911 года. Ее сюжет писатель заимствовал из буддийской легенды, повествующей об истории мифического царя Куша.

В 1914 году драма «Раджа» была переведена самим Тагором на английский язык под названием «Король темного покоя». Как и многие другие переводы своих произведений, писатель и эту пьесу подверг значительной переработке, в частности исключил из нее большинство песен бенгальского оригинала. «Раджа», или «Король темного покоя», с успехом ставился в театрах Бенгалии, а позднее (1910—1920) — в России, Германии и Франции.

Стр. 403. ...*в накидке, забрызганной красной весенней краской.* — В Индии существует обычай во время праздника Холи (см. прим. к стр. 66) обрызгивать или мазать друг друга красной краской, обсыпать красным порошком. Красная краска — символ рождения новой жизни, любви.

Стр. 404. ...*праздник весеннего полнолуния* — праздник Холи,

Стр. 406. *О Рам, Рам!* — восклицание, выражающее удивление, страх, горе.

Стр. 407. ...*нам придется сегодня состязаться с южным ветром.* — Прохладный южный ветер дует с моря и, по поверьям, приносит с собой весну и любовь.

Стр. 411. *Даже родители не назвали его Картиком.* — Картика (Картикея) — в индийской мифологии бог войны, сын Шивы; изображается шестиликим юношей, восседающим на мифическом павлине.

Стр. 413. *Вишнуиты* — поклонники культа бога Вишну.
Киншук — то же, что *полаш* (см. прим. к стр. 10).

Стр. 424. *Мриданг* — вид барабана, ствол которого, расширяющийся к середине, сделан из обожженной глины. Мриданг обтянут кожей.

Стр. 425. *Пайса* — мелкая монета.

Стр. 434. *...за райским деревом париджат...* — Париджат — мифическое коралловое дерево, появившееся во время пахтания океана. Оно было украшением в небесном саду бога Индры. Однажды бог Кришна похитил у Индры это дерево, что привело к войне между двумя богами, в которой Индра был побежден. Кришна унес дерево париджат в столицу своего царства Двараку (по преданиям, она находилась на острове посреди океана, после смерти Кришны разрушенного морем). Только после смерти Кришны дерево париджат снова было возвращено на небеса.

Стр. 448. *...как повелевает долг кшатрия.* — Кшатрий (кшатрия) — представитель второй после брахманов древнейшей касты Индии, составлявшей воинское сословие. Долг кшатрия — управление страной и защита ее от врага.

Стр. 449. *Вирата, Панчала, Видарбха* — древние государства на территории Индии.

Владыка пяти стрел — бог любви Камадева.

Сзаямвара — одна из форм брака, бытовавших в древней Индии. Девушка сама выбирает себе жениха из множества приглашенных ее отцом претендентов, между которыми устраивается спортивное состязание.

Нужно определить благоприятный день и час... — Прежде чем приступать к какому-нибудь важному делу, приглашают брахмана, который по астрологическому календарю определяет время, якобы благоприятное для совершения этого дела.

КРЕПОСТЬ КОНСЕРВАТИЗМА

Летом 1911 года Тагор пишет драму «Крепость консерватизма», осенью того же года она публикуется в журнале «Пробаши».

Основой драмы Тагора послужила жизнь буддийских монахов в X—XI вв. Р. Тагор обличает тупость и ограниченность наставников обители, развенчивает ортодоксальную обрядность и кастовую исключительность.

Необычайной остроты сатирического изображения характеров и действительности в этом произведении Р. Тагор достигает различными средствами. В их числе — названия вы-

мысленных обрядов, которые своим звучанием напоминают действительно существующие, но используются в таких сочетаниях, что оказываются насмешливым отрицанием этих обрядов.

Опубликование пьесы «Крепость консерватизма» вызвало острую полемику в печати. Противники Р. Тагора увидели в ней, и не без основания, проецирование исторического прошлого на современность. Они обвиняли автора в попытке разложить общество, вызвать у молодежи непочтительное отношение к религиозной литературе и неуважение к представителям культа. В ответ на это Тагор писал, что драма его содержит не только разрушительные, но и созидательные идеи, что он показал не только несчастье своего народа, но и его будущее, его надежды. Наконец Тагор откровенно заявлял, что он считал бы свою цель не достигнутой, если бы «Крепость консерватизма» не заставила его соотечественников глубоко задуматься над судьбами Индии.

Стр. 475. *...сто восемь высокорожденных имен Кришны...* — У бога Кришны множество имен, которые, как гласят легенды, он получил за разные совершенные им деяния.

Стр. 489. *От третьей стражи до половины четвертой...* — то есть с трех часов дня до половины пятого. Прежде в Индии счет времени велся по стражам (нахарам); в сутках восемь страж по три часа каждая, счет страж начинается с рассвета, с шести часов утра.

Вайшья — представитель третьей по значению касты в индийской кастовой системе; в состав касты вайшьев входили торговцы, высшие группы ремесленников, земледельцы. Древние индийские законы возлагают на вайшьев обязанность кормить представителей двух высших каст — брахманов и кшатриев.

Шудра — представитель четвертой или низшей касты: в состав ее в основном входили ремесленники, домашняя прислуга и т. п. Их обязанность — обслуживать брахманов, кшатриев, вайшьев.

Стр. 497. *...каждое из десяти различных направлений.* — Согласно индийской мифологической космогонии, пространство существует в десяти измерениях: север, юг, восток, запад, северо-восток, северо-запад, юго-восток, юго-запад, зенит, надир.

Стр. 501. *Супури*, или супари (*Areca catechu*) — арековая пальма, семена ее, похожие по форме на небольшие куриные яйца, употребляются для приготовления *пана* (см. прим. к стр. 66); семена супари обычно входят в состав подношения богам или брахманам.

Стр. 505. ...с *плтью коровьими дарами*... — Корова с древнейших времен считается в Индии священным животным, и потому молоко, сыворотка, топленое масло, моча и помет коровы также священны.

Стр. 514. ...*обладатель священной шикхи, великий Шива*. — Шива, верховное божество индуистского пантеона (Махадева — то есть «Великий бог»), изображается с тремя глазами (третий глаз расположен посреди лба), лоб его увенчан полумесяцем, всклокоченные волосы собраны на макушке в пучок, называющийся *шикха*.

Стр. 525. *Моллика* — арабский жасмин.

Стр. 533. *Джам* (*Syzygium cumini*) — большое вечнозеленое дерево, ствол его, как правило, кривой, со множеством ветвей, образующих красивую шарообразную крону; листья небольшие, заостренные; цветет с марта по июнь мелкими ароматными цветами, сидящими гроздьями на длинной ножке; в начале сезона дождей поспевают почти совершенно черные, напоминающие сливу плоды.

Стр. 535. *Бел* (*Aegle marmelos*) — небольшое или средней высоты дерево с лапчатыми листьями, у основания которых растут колючки. Цветет крупными, благоухающими медовым ароматом зеленовато-белыми цветами; дает большие круглые плоды желтоватого цвета, с твердой крепкой кожурой, мякоть их желтая или оранжевая, приятна на вкус.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Тагор (1906?)
2. Рисунок Р. Тагора с текстом стихотворения «Где души бестрепетны...» (сб. «Дары»)
3. Жена Р. Тагора — Мриналини Деби
4. Дети Р. Тагора
5. Страница из рукописи сборника «Шаром»
6. Р. Тагор (1907)
7. Страница из рукописи сборника «Жертвенные песни»
8. Р. Тагор (1912)
9. Собравшиеся поздравляют Р. Тагора с получением Нобелевской премии (ноябрь 1913)

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

1899—1914

Из книги

«КРУПИНКИ»

(«Коники»)

1899

Перевод В. Микушевича

Каждому свое	7
Суждение червя	8
Муки зависти	9
Спор о власти	10
Желание хулителя	11
Ценитель	12
Щедрый даритель	13
Правдивый	14
Заработок и подачка	15
Незлобие великого	16
Суждение невежды	17
Корыстный родич	18
Вероломный	19
Преданность и лесть	20
Желание	21
Спесивый лентяй	22
Проза и поэзия	23
Достойный поклонения	24
Спесь ничтожного	25

Знакомство	26
Неблагодарный	27
Напрасные старания	28
Единственный вход	29
Различие	30
Осторожность	31
Враг солнца	32
Вечное и преходящее	33
Земной рай	34
Свобода	35
Заблуждение	36
Хвала и хула	37
Скрытая причина	38
Любовь и аскетизм	39
Работа и отдых	40
Жизнь	41
Начало и конец	42
Вечное обковление	43

И з к н и г и

«ПРЕДАНИЯ»

(«Котха»)

1900

Доверенный. Перевод Л. Пеньковского	44
Свидание. Перевод С. Липкина	48
Возмездие. Перевод С. Липкина	51
Небольшая потеря. Перевод С. Липкина	58
Суд. Перевод С. Липкина	62
Судья. Перевод С. Мар	63

И з к н и г и

«БАЛЛАДЫ»

(«Кахши»)

1900

Перевод Г. Ярославцева

Гибель песни	66
Пропаший дар	70
Жалкий дар	72
Жертва	74

Из книги

«ФАНТАЗИИ»

(«Колпона»)

1900

Тяжкий час. Перевод С. Шервинского	78
Сон. Перевод С. Микушевича	80
Бог любви.	
До сожжения. Перевод А. Ревича	82
После сожжения. Перевод А. Ревича	83
Прости. Перевод С. Северцева	85
Упущенный миг. Перевод Т. Спендиаровой	86
Ночь в месяце чойтро. Перевод Т. Спендиаровой	88
Гордость. Перевод Т. Спендиаровой	89
Это правда?.. Перевод Н. Подгоричани	90
Бенгалия-Лакшми. Перевод С. Мар	92
Что толку просить подаянье? Перевод А. Ревича	94
Индия-Лакшми. Перевод Н. Тихонова	95
Без конца. Перевод С. Северцева	96
Завершение. Перевод С. Северцева	99

Из книги

«МГНОВЕНИЕ»

(«Бхоника»)

1900

Пробуждение. Перевод В. Микушевича	100
Пьяный. Перевод А. Ревича	102
Шастры. Перевод В. Микушевича	104
Времени, времени нет. Перевод С. Северцева	106
Преувеличение. Перевод С. Мар	108
Возраст поэта. Перевод С. Северцева	111
Жду награды. Перевод С. Северцева	113
Только одна. Перевод С. Шервинского	116
Когда-то. Перевод Н. Подгоричани	118
Расплата. Перевод А. Ревича	125
Мы живем в одной деревне. Перевод Т. Спендиаровой	127
На двух берегах. Перевод В. Микушевича	129
Снова дожди... Перевод С. Северцева	131
Кришноколи. Перевод Д. Голубкова	134
Благословенная. Перевод С. Северцева	136

Из книги

«ДАРЫ»

(«Нойбеддо»)

1901

Перевод Н. Стефановича

«О жизни владыка, о царь вселенной!...»	138
«Лампады под кровлей своею...»	139
«В жизни нужно мне очень мало...»	140
«Если даешь нести свое знамя...»	141
«Природой завладевает сегодня покой осен- ний...»	143
«В плоти моей, в невидимых венах...»	144
«О всеединство разума, духа и брешной плоти!...»	145
«Свобода — в отречение, но это не для меня...»	146
«Не отвергай пришедших. Сердце тебе отдаю...»	147
«Того, кто не чтит твоих святых...»	148
«Алчущих слыша каждый призыв...»	149
«Бьют, угрожают, копыя нацеля...»	150
«Родину бедную, всеблагой...»	151
«Живет создание слепое в ущелье, в холодной мгле...»	152
«Тебя раздробившие пали в грязь...»	153
«С дороги трудной, где рвы и обвалы...»	154
«Кто до конца запуган, забит...»	155
«Мы на задворках далеких где-то...»	156
«Внезапно отбросить и смерть и страх...»	157
«Солнце горит в облаках кровавых...»	158
«Власть себялюбия оборвалась...»	159
«На небе багровый кровоподтек...»	160
«Ради грядущего утра, что счастья зажжет огни...»	161
«Лишь вольного утра взор светло-синий...»	162
«Жезл правосудья смертным вручен...»	163
«Где души бестрепетны, где чело...»	164
«Люблю, о всевышний, синие дали...»	166
«Там не звенит этих вод течение...»	167
«Скорби не делают нас бедней...»	168
«Индиец, ты гордость свою не продашь...»	169
«Учила ты, Индия, властелинов...»	170

«Твои сокровища и дары...»	171
«Мы драгоценности растеряли...»	172
«О щедрый, моих не осталось сил...»	173
«Просьбе последней внемли моей...»	174

Из книги

«ЕЕ ПАМЯТИ»

(«Шорон»)

1903

Перевод С. Шервинского

«Утро сегодня глядит устало...»	175
«Пришла — и ушла... Приоткрыта дверь...» . . .	176
«Ночью глубокой ушла ты из дома...»	177
«О, как ты столько дней, для всех неуловимо...»	178
«Подруга, нет тебя ни дома, ни на гхате...» . .	179
«Недосказала ты — и было ли возможно?...»	180
«Сегодня увидел я пачку писем старых...» . . .	181
«Когда-то, свадебным смущенная нарядом...»	182
«Безумный день весны, — он гостем долго- жданым...»	183
«Весна, весна! Распахнуты двери...»	184
«Как полноту своей бессмертной красоты...»	186
«Нисходит полумрак и синим краем сари...»	187
«Очнись, о сердце, очнись от сна!...»	188
«Ты мир любила зеленой земли...»	190

Из книги

«ДЕТИ»

(«Шипшу»)

1903

На берегу (<i>посвящение</i>). Перевод А. Сендыка	192
Рассказ о рождении. Перевод Ю. Александрова	194
Игра. Перевод А. Сендыка	196
Малыш. Перевод Т. Спендиаровой	198
Обиды. Перевод Ю. Александрова	200
Отчего так радостно... Перевод Ю. Александрова	201
Сказка и явь. Перевод Ю. Александрова	202

Вопрос. Перевод С. Мар	205
Сочувствующий. Перевод Т. Спендиаровой	206
Мудрость. Перевод Г. Ярославцева	207
Волнение. Перевод С. Мар	209
Маленький и большой. Перевод А. Эфрон	211
Храбрец. Перевод Т. Спендиаровой	213
Меня зовут. Перевод Т. Спендиаровой	216
Игра в прятки. Перевод Ю. Александрова	218
Я уйду... Перевод Ю. Александрова	220
Бумажный кораблик. Перевод С. Мар	222
Прощание с зимой. Перевод Т. Спендиаровой	224

И з к н и ж и

«ПОСВЯЩЕНИЯ»

(«Утторго»)

1903

«Твой лик, что во мраке мне просиял...» Перевод В. Марковой	226
«Во тьме кромешной плачет аромат...» Перевод В. Марковой	228
«Я, как безумный, по лесам кружу...» Перевод В. Марковой	230
«Тяжесть вязкой смолы в аромате мечтает излиться...» Перевод В. Марковой	231
«Сегодня мне чудится снова: тебя лишь люблю я...» Перевод В. Марковой	232
«Кто может вместить тебя? — небо одно!..» Перевод В. Марковой	234
«О мудрец Джогодиш! Юный образ былых мудрецов!..» Перевод В. Марковой	235
«Сегодня черный туман укрыл окоем...» Перевод В. Марковой	236
«Та женщина, что мне была мила...» Перевод Б. Пастернака	238
«Сегодня, в Новый год, несу к твоим ногам...» Перевод В. Марковой	240
«На Новый год клянемся: мы отныне...» Перевод В. Марковой	243

Из книги

«ПАРОМ»

(«Кхейя»)

1906

Счастли́вый ми́г. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i> . . .	245
Отрече́нье. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	247
Утром. <i>Перевод А. Ревича</i>	248
Дево́чка-супруга. <i>Перевод Г. Ярославцева</i> . . .	250
Паром. <i>Перевод А. Ревича</i>	253
Свети́льник го́рит напрасно. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	255
Непотрево́женная. <i>Перевод А. Ревича</i>	257
Приход. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	261
Дар. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	263
Скупец. <i>Перевод А. Ревича</i>	265
У коло́дца. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	267
Пробужде́ние. <i>Перевод А. Ревича</i>	269
Никто́ из вас не застави́т... <i>Перевод Д. Голубкова</i>	271
Про́щание. <i>Перевод А. Ревича</i>	273
Конец пу́ти. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	275
Ра́б. <i>Перевод А. Ревича</i>	277
В меся́це бойша́кх. <i>Перевод Д. Голубкова</i> . . .	278
Путник. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	280
В море. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	282
Конец. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	284

Из книги

«ЖЕРТВЕННЫЕ ПЕСНИ»

(«Гитанджали»)

1910

«Заставь меня головой коснуться...» <i>Перевод В. Тушновой</i>	286
«Не молю, чтобы ты...» <i>Перевод В. Тушновой</i> . .	288
«О, помоги расцвести душе моей...» <i>Перевод В. Рогова</i>	289
«Все в новых образах ты в душу мне входи...» <i>Перевод В. Рогова</i>	290

«Солнце в прятки стало с тенью играть...» <i>Перевод В. Рогова</i>	291
«К нам море жизни принесло...» <i>Перевод В. Рогова</i>	292
«Собираются тучи, темнеет день...» <i>Перевод В. Тушиновой</i>	293
«О, где же свет, где свет?...» <i>Перевод В. Рогова</i>	294
«Так вот прятаться где-то вдали, в стороне...» <i>Перевод В. Тушиновой</i>	296
«Нет больше дня, спускается на мир...» <i>Перевод В. Рогова</i>	297
«Я в мир явился песни петь...» <i>Перевод В. Рогова</i>	298
«Молю, мой страх гони, гони...» <i>Перевод В. Рогова</i>	299
«Давно ль идешь, стремясь достичь...» <i>Перевод В. Рогова</i>	300
«Был зван на радостный обряд...» <i>Перевод В. Рогова</i>	301
«Свет света пришел, и сразу...» <i>Перевод В. Тушиновой</i>	302
«Уединенья бог не спит...» <i>Перевод В. Рогова</i>	303
«Коль жизнь иссохшая пуста...» <i>Перевод В. Рогова</i>	304
«Ты струны старые сними...» <i>Перевод В. Рогова</i>	305
«По свету песню я несу...» <i>Перевод В. Рогова</i>	306
«Любовь к тебе душой поднять...» <i>Перевод В. Рогова</i>	307
«Сегодня душу у меня...» <i>Перевод В. Рогова</i>	309
«Что делать, вечно безгласный...» <i>Перевод В. Рогова</i>	310
«Хотел светильник я зажечь...» <i>Перевод В. Рогова</i>	311
«Мне в дух и плоть войдя...» <i>Перевод В. Рогова</i>	312
«О душа, не стынь...» <i>Перевод В. Рогова</i>	313
«О царь, стопы твои стоят внизу...» <i>Перевод В. Рогова</i>	316
«Страна несчастная моя!..» <i>Перевод В. Рогова</i>	317
«Поклоны, службы, чтение молитв...» <i>Перевод В. Рогова</i>	319
«Пускай беда и клевета...» <i>Перевод В. Рогова</i>	320

«Тебя ищущу я на земле всегда...» Перевод В. Рогова	321
«Пускай заглушал молитвы...» Перевод В. Рогова	322
«Когда я думаю: «Конец!..» Перевод В. Рогова	323

Из книги

«ГИРЛЯНДА ПЕСЕН»

(«Гитималло»)

1914

«Хорошо, что я потерял дорогу...» Перевод В. Тушиновой	324
«Над рекой, потерявшей имя свое...» Перевод А. Сендыка	327
«Кто ты, далёкий? Запела вдали...» Перевод З. Миркиной	329
«О путник, уж ночь близка...» Перевод Т. Спендиаровой	331
«Дверь открыта моя...» Перевод А. Сендыка	332
«Сколько дней я скитаюсь...» Перевод З. Миркиной	335
«На воду надо спустить ладью...» Перевод Т. Спендиаровой	336
«Все спишь, лежишь в оцепененье...» Перевод Л. Пеньковского	337
«Об уходе моем возвестите...» Перевод Л. Пеньковского	338
«Подошел отдачи первый срок...» Перевод Т. Спендиаровой	339
«О, я знаю, пройдут...» Перевод В. Тушиновой	340
«Если ты любви меня лишил...» Перевод Т. Спендиаровой	342
«Когда страданье приведет...» Перевод Т. Спендиаровой	343
«У тебя я не прошу покоя...» Перевод Т. Спендиаровой	344
«Кто он, тот мудрый, что полон щедрот...» Перевод Т. Спендиаровой	345
«В одеянье красивом пришел ты...» Перевод Л. Пеньковского	346

И з к н и ж и

«ПЕСНИ»

(«Гитали»)

1914

Перевод В. Микшевича

«В обличье срабона вернулся ты к нам...» . . .	347
«Камнем волшебным, камнем огня...»	348
«В одной руке держит он меч...»	350
«Облако молвило: «В путь мне пора...»	351
«О ты, живущий в сердце моем!...»	352
«Ладья моей песни...»	353
«Зажжен мой светильник...»	354
«Дорога — подруга моя...»	356
«Играл ты на вине своей и не спрашивал...»	357
«Дорога лежит предо мной...»	358

П Ь Б С Ы

1908—1911

Осенний праздник. Перевод В. Дьяконова . . .	361
Раджа. Перевод В. Балина	395
Крепость консерватизма. Перевод Е. Смирновой	469
Комментарии	541
Список иллюстраций	566

Рабиндранат Тагор

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 4

Редактор М. Кафитина. Художественный редактор Г. Клодт.
Технический редактор Ж. Примак.
Корректоры Р. Пунга и А. Юрьева.

*

Сдано в набор 14/VIII 1962 г. Подписано в печать 3/1 1963 г.
Бумага 84×108¹/₃₂, 18 печ. л.=29,52 усл. печ. л. 20,986 уч.-изд.+
6 вклеск=21,286 л. Зак. 642. Тираж 100 000. Цена 1 р. 10 к.
Гослитиздат, Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

12. 10 x.